

679³⁵
Д5 1579

чрв 48.

Т. 415

15. 2459 н.ч.п.

ИСТОРИЯ ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНИЙ

ВЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ.

А. Г. ТИМОФЕЕВА

Приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

2-ое изданіе, переработанное и дополненное.

1644
1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, д. № 45).

1904.

REPORT

TECHNICAL REPORT

1967

1974
1975

UNITED STATES
BUREAU OF RESEARCH
WASHINGTON, D.C.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

стр.

Определение тѣлесныхъ наказаній; ихъ исторія въ западно-европейскихъ государствахъ и теоретическая оцѣнка . . .	1— 58
I. Определение тѣлесныхъ наказаній.	3— 6
II. Возникновеніе тѣлесныхъ наказаній; тѣлесныя наказанія въ Греціи и Римѣ	6— 15
III. Тѣлесныя наказанія у германскихъ народовъ	15— 24
IV. Тѣлесныя наказанія во Франціи	25— 29
V. Тѣлесныя наказанія въ Германіи.	30— 47
VI. Теоретическая оцѣнка тѣлесныхъ наказаній.	47— 58

ОТДѢЛЪ II.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.	59—191
Глава I. <i>Періодъ развитія и господства тѣлесныхъ наказаній</i>	61— 98
I. Общія замѣчанія.	61— 63
II. Возникновеніе тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.	63— 70
III. Важнѣйшія условія, содѣйствовавшія развитію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи	70— 85
IV. Тѣлесныя наказанія въ Московскій періодъ	85— 88
V. Тѣлесныя наказанія въ эпоху Петра I и его преемниковъ до Екатерины II	88— 98
Глава II. <i>Періодъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній</i>	99—191
I. Важнѣйшія условія, имѣвшія значеніе въ исторіи тѣлесныхъ наказаній	99—105
II. Тѣлесныя наказанія въ царствованіе Екатерины II и Павла I	105—119
III. Тѣлесныя наказанія въ царствованіе Александра I	119—129
IV. Тѣлесныя наказанія въ царствованіе Николая I	129—156
V. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній по закону 1863 года	156—172
VI. Тѣлесныя наказанія въ періодъ отъ 1863 г. до настоящаго времени	172—185
VII. Общія выводы	185—191

ОТДѢЛЪ Ш.

СТР.

Виды тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ	193—320
Глава I. <i>Членовредительныя наказанія и клейменіе . . . . .</i>	<i>195—218</i>
I. Членовредительныя наказанія	195—204
II. Вырѣзаніе поздрей	204—209
III. Клейменіе	210—218
Глава II. <i>Бользненныя тѣлесныя наказанія. Кнутъ . . . . .</i>	<i>218—253</i>
I. Соотношеніе бользненныхъ тѣлесныхъ наказаній	218—220
II. Устройство кнута; кнутъ какъ самостоятельное и дополнительное наказаніе	220—223
III. Область примѣненія кнута	223—231
IV. Выполненіе наказанія кнутомъ	231—250
V. Палачи	250—253
Глава III. <i>Бользненныя тѣлесныя наказанія. Батоги, плети и штирнутены . . . . .</i>	<i>254—292</i>
I. Наказаніе батогами	254—262
II. Наказаніе плетью	262—268
III. Область примѣненія плетей	268—277
IV. Шелеса и кошки	277—279
V. Штирнутены; выполненіе и значеніе этого наказанія	280—287
VI. Область примѣненія штирнутеновъ	287—292
Глава IV. <i>Бользненныя тѣлесныя наказанія. Розги. Другія наказанія . . . . .</i>	<i>293—320</i>
I. Розги, какъ наказаніе по суду	293—302
II. Розги, какъ дисциплинарная мѣра	302—310
III. Другія тѣлесныя наказанія	311—320

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе распадается на три отдѣла, изъ нихъ русскимъ правомъ заняты второй и третій отдѣлы, а первый отдѣлъ (стр. 1—58) представляетъ собою введение, состоящее изъ теоретической оцѣнки тѣлесныхъ наказаній, выясненія условій ихъ возникновенія и краткаго очерка исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Германіи и Франціи, который составленъ частью по первоисточникамъ; цѣль этого очерка *въ сущихъ чертахъ* прослѣдить развитіе и вымираніе тѣлесныхъ наказаній въ названныхъ странахъ, чтобы имѣть матеріалъ для сравненія, насколько это возможно, исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи съ исторіей ихъ у другихъ народовъ. Я нашелъ полезнымъ сохранить этотъ очеркъ въ новомъ изданіи въ виду того, что и появившіяся въ послѣдніе годы монографіи о тѣлесныхъ наказаніяхъ, преимущественно посвященныя описанію отдѣльныхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній (Quanter, Wrede), или ихъ теоретической разработкѣ (Krausse), сравнительно мало удѣляютъ вниманія исторіи тѣлесныхъ наказаній.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи (II и III отдѣлы) составлена, главнымъ образомъ, на основаніи: 1) Полнаго Собранія Законовъ, 2) дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Государственнаго совѣта, 3) Сборника Императорскаго Русскаго историческаго общества и 4) статей и мемуаровъ, помѣщенныхъ въ русскихъ историческихъ журналахъ. Матеріалъ размѣщенъ въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ такимъ образомъ, что во 2-мъ отдѣлѣ (исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи) изла-

гается общій ходъ развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній, а въ 3-мъ отдѣлѣ (виды тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ), описываются виды тѣлесныхъ наказаній, способы и объемъ ихъ примѣненія въ различныя эпохи.

Вслѣдствіе принятаго мною размѣщенія матеріала теоретическая и критическая оцѣнка тѣлесныхъ наказаній сгруппирована въ 1 отдѣлѣ (преимущественно на стр. 47—58) и во 2 отдѣлѣ; третій отдѣлѣ, какъ сказано, заключаетъ въ себѣ лишь *описаніе* отдѣльныхъ наказаній и ихъ примѣненія.

Предѣлы настоящаго изслѣдованія—это область тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, установленныхъ закономъ или обычаемъ. Но въ виду широкаго значенія тѣлесныхъ наказаній, какъ дисциплинарной мѣры, я счелъ нужнымъ указывать въ соответствующихъ мѣстахъ и ихъ примѣненіе въ дисциплинарномъ порядкѣ, иногда представляющееся не менѣе важнымъ и характернымъ, чѣмъ примѣненіе по суду. Наконецъ, разсматривая исторію тѣлесныхъ наказаній, я счелъ необходимымъ коснуться важнѣйшихъ правовыхъ, соціальныхъ и политическихъ условий, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ для тѣлесныхъ наказаній; перечисленіе ихъ не имѣетъ исчерпывающаго значенія, такъ напр. на стр. 70—85 мною приведены только тѣ условія общественнаго и государственнаго быта, которыя, существуя на ряду съ другими, казались мнѣ имѣвшими наибольшее значеніе въ исторіи тѣлесныхъ наказаній; такой же системы изложенія я держался и въ другихъ мѣстахъ.

Объемъ книги въ настоящемъ изданіи значительно увеличился вслѣдствіе различныхъ измѣненій и дополненій, главнымъ образомъ, касающихся исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи въ XIX стол., сдѣланныхъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ.

А. Тимофеевъ.

Опредѣленіе тѣлесныхъ наказаній; ихъ исторія въ западно-европейскихъ государствахъ и теоретическая оцѣнка.

СП6ГУ

I.

Исторія тѣлесныхъ наказаній представляетъ интересъ прежде всего по тому значенію, которое они имѣли въ Россіи до 1863 г. и въ западной Европѣ еще въ началѣ XIX стол.; еще больше было ихъ значеніе въ предшествующія столѣтія, когда примѣнялись не только болѣзненные, но и членовредительныя наказанія, а при такомъ порядкѣ прожило не одно поколѣніе. Тѣлесныя наказанія стояли тогда на верху карательной лѣстницы, слѣдуя непосредственно за смертною казнью, отъ которой нерѣдко отличались очень немногимъ. Ихъ разнообразіе дѣлало изъ нихъ универсальное средство: они назначались и за тяжкія преступленія и за легкія провинности. Тѣлесныя наказанія прибавлялись и къ другимъ: ссылкѣ, тюрьмѣ, были ихъ неизмѣнными спутниками. Исторія тѣлесныхъ наказаній интересна также и потому, что она представляетъ полную картину ихъ развитія, господства и вымиранія.

Исторія тѣлесныхъ наказаній является необходимой и для всесторонняго выясненія вопроса объ ихъ примѣненіи въ настоящее время, представляющаго не только теоретическій, но живой практической интересъ, такъ какъ тѣлесныя наказанія все еще существуютъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ остатокъ прошлаго, и даже находятъ защитниковъ (правда, немногочисленныхъ), отстаивающихъ полезность не только сохраненія, но и расширенія области примѣненія тѣлесныхъ наказаній и возвращенія, въ извѣстной мѣрѣ, къ прошлому. Далѣе, хотя въ настоящее время тѣлесныя наказанія составляютъ второстепенное карательное средство, но въ виду связаннаго съ ними позорящаго элемента, значеніе ихъ ос-

тается весьма большимъ, и примѣненіе ихъ существенно затрогиваетъ какъ общество, такъ и государство. Самое легкое тѣлесное наказаніе, не представляющее никакой опасности не только для жизни, но и для здоровья наказуемаго, въ цивилизованной странѣ соединено съ такимъ позоромъ, является настолько унижительнымъ и тягостнымъ въ нравственномъ смыслѣ, что можетъ оказаться несоразмѣрнымъ даже, напр., съ продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что позорность тѣлесныхъ наказаній въ этомъ смыслѣ падаетъ не только на подлежащихъ имъ, но на всѣхъ вообще: для первыхъ — это непосредственное безчестіе, для другихъ — косвенное страданіе, вызываемое въ человѣкѣ совершаемой на его глазахъ несправедливостью, идущей въ разрѣзъ съ его понятіями объ общественныхъ и правовыхъ отношеніяхъ. Степень физической боли съ указанной точки зрѣнія безразлична.

Для Россіи вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ данное время является тѣмъ болѣе важнымъ, что отмѣна ихъ все еще не осуществилась окончательно, и продолжаетъ оставаться на очереди, какъ необходимое послѣдствіе признанія правового равенства всѣхъ русскихъ подданныхъ.

Понятію тѣлесныхъ наказаній придается иногда слишкомъ широкое значеніе, подъ это названіе подводятъ весьма различныя карательныя мѣры, включая сюда даже и лишеніе свободы. Въ настоящемъ изслѣдованіи подъ тѣлесными наказаніями¹⁾ понимаются исключительно карательныя мѣры, направляемыя непосредственно на причиненіе физическаго страданія. Посиль причиняемаго страданія тѣлесныя наказанія могутъ

---

¹⁾ *Кистяковскій, А. О.* Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Кіевъ, 1882, стр. 800.

Сергеевскій, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая, изд. 3. Спб. 1890 г., стр. 138—140.

Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. В. IV, Спб., 1892 г., стр. 1480.

Его-же. Русское уголовное право, Спб., 1902. т. II, стр. 1134.

Фойтцкій, И. Я. Ученіе о наказаніи. Спб. 1889. стр. 453.

близко подходит къ смертной казни, переходить въ нее, или, наоборотъ, ограничиваться причиненіемъ сравнительно легкаго физическаго страданія. Какъ этимъ, такъ и разнообразіемъ средствъ причиненія физическихъ страданій и объясняется разнообразіе тѣлесныхъ наказаній.

Тѣлесныя наказанія можно подраздѣлить на три вида: 1) членовредительныя, изувѣчивающія по опредѣленію г. Шишкина и проф. Н. Д. Сергѣевского, уродующія по опредѣленію проф. Кистяковского, состоящія въ лишеніи члѣвка какого либо органа или части тѣла, или въ поврежденіи ихъ. Сюда подойдутъ — отсѣченіе рукъ, ногъ, языка, носа, ушей, пальцевъ, губъ, кастрація и, наконецъ, рваніе ноздрей¹⁾.

2) Болѣзненныя тѣлесныя наказанія, причиняющія физическія страданія безъ поврежденія или лишенія органовъ тѣла, выражающіяся, главнымъ образомъ, въ побояхъ, чрезвычайно разнообразныя по орудіямъ и способамъ исполненія. Къ этому виду тѣлесныхъ наказаній принадлежатъ, употреблявшіяся въ Россіи битье кнутомъ, плетью, кошками, шелепами, батогами, шницрутенами, линьками, палками, и, наконецъ, розгами.

3) Осрамительныя тѣлесныя наказанія, цѣль которыхъ была не въ причиненіи боли, игравшей въ этомъ видѣ наказаній сравнительно неважную роль, а въ опозореніи, въ униженіи нравственной стороны наказываемаго, «боль побочная сторона въ нихъ, говоритъ г. Шишкинъ, цѣль ихъ

---

¹⁾ Сюда же Н. С. Таганцевъ относитъ и клейменіе, хотя по его же собственному опредѣленію членовредительныхъ наказаній, какъ отнятія какого либо органа тѣла, лишенія его способности дѣйствовать или причиненія неизгладимаго поврежденія, къ нимъ едва-ли можно присоединить клейменіе, такъ какъ оно составляетъ не поврежденіе, а неизгладимое обезображеніе (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, клейма заживляли), и его правильнѣе отнести къ тѣмъ тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя названный криминалистъ характеризуетъ какъ «разсчитанныя не столько на физическое страданіе, сколько на испытываемый преступникомъ позоръ и униженіе». Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву. В. IV, Спб., 1892, стр. 1480.

наложить вѣчный позоръ, обозначить преступленіе...¹⁾. Таково клейменіе, наложеніе оковъ и бритые головы; послѣднія три наказанія носили въ Россіи, главнымъ образомъ, характеръ предупредительной, полицейской мѣры.

Выдѣляя послѣдній видъ тѣлесныхъ наказаній, необходимо оговориться, что вообще всѣ виды тѣлесныхъ наказаній можно назвать позорящими, безчестящими, но что въ членовредительныхъ и болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ моментъ причиненія страданія имѣетъ существенное значеніе, въ осрамительныхъ же — второстепенное (на первомъ планѣ въ нихъ стоитъ опозореніе), словомъ этотъ видъ наказаній является какъ бы низшею ступенью тѣлесныхъ болѣзненныхъ наказаній.

Наконецъ, говоря о тѣлесныхъ наказаніяхъ не слѣдуетъ забывать, что они имѣютъ значеніе не только какъ наказанія, назначаемыя по судебнымъ приговорамъ, но и какъ распространенная дисциплинарная кара, для чего служили и служатъ, главнымъ образомъ, болѣзненные тѣлесныя наказанія.

II.

Какъ можно предположить, тѣлесныя наказанія возникли въ семьѣ, въ родѣ, съ того времени, когда одинъ человекъ оказался въ подчиненіи и власти другого. При грубости первобытныхъ нравовъ, естественно, эта власть главы семьи или рода, часто зависѣвшая отъ его силы, и высказывалась въ проявленіи физической силы — въ тѣлесныхъ наказаніяхъ²⁾. Такимъ образомъ съ самаго начала они были удѣломъ сла-

¹⁾ Шишквинъ. Тѣлесныя наказанія. Юридическій Вѣстникъ издав. Калачовымъ. 1860—61, в. X, стр. 52.

²⁾ Ковалевскій, М. Обычное право, II, стр. 170. *Post. Grundlagen des Rechts.* Oldenburg, 1884, стр. 34. *Loiseleur.* Les crimes et les peines. Paris, 1863, стр. 27. *Letourneau.* L'évolution politique 1890, стр. 256.

быхъ и беззащитныхъ, отсюда понятно, что самъ родоначальникъ или вообще сильный, самостоятельный человѣкъ считалъ для себя недостойнымъ и позорнымъ примѣненіе такого наказанія. Въ тѣсныхъ границахъ семьи или рода тѣлесное наказаніе не переходило предѣловъ дисциплинарной мѣры: способы и жестокость его зависѣли отъ усмотрѣнія наказавшаго. Но положеніе вещей рѣзко измѣнилось, когда родъ сталъ складываться въ тѣсно сплоченныя племена, начали образовываться государства, и надъ отдѣльными родоначальниками возвысилась государственная, верховная власть. Въ это время и тѣлесныя наказанія получаютъ постепенно значительное развитіе, степень котораго опредѣляется разнообразными условіями общественнаго и государственнаго быта; примѣненіе ихъ тѣсно связывается съ положеніемъ личности въ государствѣ, съ его общественной и сословной организаціей и съ религиозными воззрѣніями.

Появленіе и распространеніе членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній зависѣло также и отъ понятія о справедливости въ наказаніи, которая въ первобытныя времена совпала съ идеей таліона, т. е. воздаянія равнымъ за равное. Преступникъ долженъ былъ подвергнуться страданію въ той же мѣрѣ, въ которой онъ причинилъ его потерпѣвшему, «око за око, зубъ за зубъ» — вотъ ясная формула таліона. Идея таліона настолько близка человѣческому уму, что примѣненіе ея встрѣчается повсемѣстно, въ правѣ самыхъ различныхъ народовъ. Таліонъ исчезаетъ только тогда, когда въ наказаніи удовлетвореніе потерпѣвшаго и возмездіе отодвигаются иными стремленіями и задачами, явленіе замѣчаемое на сравнительно высокихъ ступеняхъ культуры. Но и здѣсь стремленіе ограничить наказаніе, охранить не только государство, но и виновнаго отъ всякаго излишняго нарушенія его правъ, или отвлеченныя метафизическія разсужденія о существѣ справедливости поддерживаютъ теоріи примѣненія наказанія по началамъ таліона, который, напр., считали необходимымъ знаменитые германскіе философы Кантъ и Гегель, имѣвшіе громадное вліяніе на уголовно правовую литературу.

Таліонъ былъ извѣстенъ всѣмъ европейскимъ народамъ, этотъ несомнѣнный фактъ истолковывается, однако, не всегда вѣрно. Авторъ спеціальной монографіи о значеніи таліона въ исторіи и философіи, Гюнтеръ, объясняетъ его влияніемъ Моисеева права, говоря, что указанія послѣдняго пали на плодородную почву ¹⁾; но заимствованіе идеи таліона было совершенно излишне: она появлялась у всякаго народа вполне естественно въ эпохи, когда месть ограничивалась и затѣмъ смѣнялась выкупами. Охрана общественнаго порядка побуждала государственную власть, лишь только она укрѣплялась, къ неустаннымъ усиліямъ, направленнымъ на прекращеніе мести, бывшей истребительной и беспощадной войной ²⁾; месть вводилась въ рамки, государство начинало вмѣшиваться въ частные споры, стремясь возстановить нарушенный миръ, сдерживать месть въ предѣлахъ разумнаго и терпимаго, результатомъ этого стремленія и являлось примѣненіе таліона, который справедливо называется Тониссономъ «сдержкой мести», «смягченной местью». Потерпѣвшій требовалъ удовлетворенія, государство и давало ему право причинить столько же вреда, сколько онъ понесъ самъ, такимъ образомъ обиженный долженъ былъ успокоиться, видя, что врагъ его ничего не выигралъ, а виновный, въ свою очередь, не могъ на что либо жаловаться, такъ какъ понесенный имъ ущербъ только возмѣщалъ за его прежнія дѣйствія ³⁾.

Наиболѣе вѣрнымъ выраженіемъ идеи таліона можетъ служить примѣненіе его за тѣлесныя поврежденія, извѣстное у германскихъ народовъ, въ греческомъ и римскомъ правѣ; въ послѣднемъ таліонъ сохранился и въ законахъ Юстиніана, по которымъ назначался за кастрацію и лишеніе зрѣнія, при

---

¹⁾ Günther, L. Die Idee d. Widervergeltung in. d. Geschichte u. Philosophie Abt. I, стр. 29, 30.

²⁾ Post. Bausteine I, стр. 142; Die Anfänge d. Staats u. Rechtslebens, стр. 174.

³⁾ Thonissen, Etudes sur l'histoire du droit criminel des peuples anciens. II, стр. 66—67. Post. Bausteine, стр. 159. Post. Afrikanische Jurisprudenz, стр. 27.

чемъ богатый могъ выкупить одинъ глазъ половиной своего имущества ¹⁾. Здѣсь таліонъ осуществляется наглядно: человекъ теряетъ то, чего лишился другого. Нетрудно также было примѣнять таліонъ въ тѣхъ случаяхъ, когда между опредѣленными органами тѣла и преступленіемъ можно было усмотрѣть извѣстное соотношеніе: кто поднималъ руку на убійство — лишался руки, бѣжалъ рабъ — ему отсѣкали ноги (такъ наказывалось бѣгство рабовъ еще въ эпоху Константина) ²⁾. Въ Индіи, по законамъ Ману, преступникъ долженъ былъ платиться тѣмъ членомъ тѣла, которымъ дѣйствовалъ при совершеніи преступления (Ману, VIII, 334).

Съ теченіемъ времени простая форма таліона дополняется другой — символическимъ таліономъ, при которомъ наказаніе обращается не непосредственно на органъ тѣла, послужившій для совершенія преступления (рука при нанесеніи раны), но на органъ, находящійся въ извѣстномъ отношеніи къ преступному дѣйствию, напр. отсѣченіе пальцевъ, поднимаемыхъ во время присяги, за клятвопреступленіе.

Выше было замѣчено, что тѣлесныя наказанія съ момента ихъ появленія были какъ бы признакомъ подчиненія и слабости; понятно, они должны были широко примѣняться въ позднѣйшій періодъ къ лицамъ, не имѣвшимъ гражданской правоспособности, къ рабамъ, входившимъ въ имущественный инвентарь, жизнь и смерть которыхъ зависѣла отъ хозяина. Стѣсняться съ рабами не было надобности, сдерживать ихъ должно было страхомъ и силой, поэтому нисколько не удивительно, что повсюду карательными мѣрами для рабовъ были самыя жестокия наказанія, преимущественно тѣлесныя.

Тѣлесныя наказанія примѣнялись и ко всѣмъ вообще подданнымъ въ деспотіяхъ, въ которыхъ властитель располагалъ по собственному усмотрѣнію жизнью и смертью всѣхъ подвластныхъ, одинаково безправныхъ передъ нимъ. Такое положеніе было уже въ древнѣйшихъ восточныхъ государствахъ,

---

¹⁾ Günther, о. с. стр. 38, 40, 93, 95, 97, 121 и слѣд.

²⁾ Günther, о. с. стр. 156.

и тѣлесныя наказанія въ нихъ имѣли обширное примѣненіе. Жестокія тѣлесныя наказанія мы находимъ въ древнемъ Индійскомъ кодексѣ Ману ¹⁾.

Въ Ассиріи и Египтѣ тѣлесныя наказанія также примѣнялись въ широкомъ объемѣ. По древнимъ китайскимъ законамъ 300 преступленій наказывалось кастрированіемъ, 500—отсѣченіемъ ногъ, 1000—отсѣченіемъ носа и клейменіемъ. Кромѣ того, уже издавна въ Китаѣ примѣнялись и другія членовредительныя тѣлесныя наказанія (напр. ослѣпленіе) и болѣзненные тѣлесныя наказанія, налагавшіяся въ очень многихъ случаяхъ ³⁾.

Наоборотъ, въ греческихъ государствахъ и въ римской республикѣ, въ эпоху ея процвѣтанія, въ которыхъ широко охранялась личная свобода гражданъ, тѣлесныя наказанія не распространялись на правящіе классы. Въ древней Греціи тѣлесныя наказанія не употреблялись для наказанія свободныхъ; къ рабамъ же они примѣнялись широко и въ качествѣ дисциплинарной мѣры. Въ Аѳинахъ рабы подвергались ослѣпленію, привязывались къ колесу ⁴⁾, для нихъ существовала особая четырехвостая плеть изъ воловьихъ жилъ, хвосты которой при ударѣ достигали груди. Наказываемыхъ привязывали къ низкому столбу, такъ что они находились въ наклонномъ положеніи, и били ихъ по обнаженной спинѣ ⁵⁾; для предупрежденія побѣговъ рабы клеймились. Еще хуже было положеніе рабовъ въ Спартѣ: тамъ илоты подвергались бичеванію нѣсколько разъ въ годъ, просто для напоминанія объ ихъ положеніи ⁶⁾.

---

¹⁾ Letourneau, о. с. стр. 125, 143, 246.

²⁾ Thonissen. Etudes sur l'histoire du droit criminel des peuples anciens. Paris, 1869, т. I, стр. 38.

³⁾ Wrede. Die Körperstrafen bei allen Völkern. Dresden, 1898. стр. 286 и слѣд.

⁴⁾ Duboys. Histoire du droit criminel des peuples anciens. Paris 1845. стр. 180.

⁵⁾ Saint-Edme. Dictionnaire de pénalité. T. V. le mot Tympanum.

⁶⁾ Loiseau. Les crimes et les peines. стр. 45.

Въ Римѣ тѣлесныя наказанія употреблялись въ царскій періодъ: даже смертная казнь совершалась засѣченіемъ до смерти преступника, котораго били розгами, привязавъ къ столбу ¹⁾). Послѣ изгнанія царей началась великая внутренняя борьба патриціевъ и плебеевъ, во время которой были изданы законы XII таблицъ, знающіе таліонъ для непримирившагося съ потерпѣвшимъ членовредителя, тѣлесныя болѣзненные наказанія и отдачу въ заработки; напр. тѣлесныя болѣзненные наказанія назначались составителю пасквиля ²⁾) и по неосторожности поджегшему зданіе. Словомъ, въ первые вѣка республики, когда вся власть принадлежала аристократіи, и большинство гражданъ было почти безправной массой, сохранялся прежній порядокъ наказаній. Но затѣмъ, по мѣрѣ развитія гражданской свободы измѣнялись и возрѣнія на наказанія: прежде всего послѣдовало ограниченіе въ правѣ высшихъ сановниковъ налагать наказанія, (кромѣ диктаторовъ и военачальниковъ во время похода). Первый шагъ былъ сдѣланъ изданіемъ закона П. Валерія, по которому ни одинъ римскій магистратъ не имѣлъ права исполнить своего приговора о смертной казни или тѣлесномъ наказаніи, не давъ осужденному провокаціи къ народу ³⁾). Въ 300 г. до Р. X., по свидѣтельству Тита Ливія, появился новый законъ, запрещающій казнить смертью и наказывать тѣлесно обратившагося съ провокаціей къ народу ⁴⁾). Наконецъ, во II вѣкѣ до Р. X., по закону Порція, запрещено подъ страхомъ тяжкаго наказанія казнить или тѣлесно наказывать римскихъ гражданъ: для нихъ съ этого времени остались только имущественныя наказанія и изгнаніе. Тѣлесное наказаніе въ мирное время сохранилось для рабовъ и

---

¹⁾ Zumpft. Das Criminalrecht d. römischen Republik. T. I. Abt. 1, стр. 123—125 Bln. 1865 г. Mommsen. Römisches Strafrecht. 1899. стр. 981—985.

²⁾ Rein. Das Criminalrecht der Römer. Göttingen. 1844, стр. 37. Talio est similitudo vindictae ut taliter quis patiatur, ut fecit. Hoc est et natura et lege institutum.

³⁾ Zumpft. o. c. I, стр. 156.

⁴⁾ Titus Livius. Lib. X, c. g. Zumpft. o. c. I, Abth. 2, стр. 44.

даже называлось *roena servilis*, рабское наказаніе; примѣненіе его, кромѣ рабовъ, допускалось и къ покореннымъ народностямъ ¹⁾. Тѣлесныя наказанія были и обычнымъ дисциплинарнымъ наказаніемъ для рабовъ, назначаемымъ по усмотрѣнію хозяевъ. На рабовъ надѣвались оковы или на шею и руки тяжелыя колодки. Плеть (*flagellum*) была специально рабскимъ орудіемъ наказанія: дѣлалась она изъ ремней съ узлами и свинцовыми шариками, существовали и особыя плети (*flagella talatia*), въ которыя ввязывались острыя бараньи кости, наказаніе ими могло быть смертельнымъ ²⁾.

Насколько велика была власть въ Римѣ надъ рабами, видно изъ позднѣйшаго указа императора Константина, въ которомъ подъ вліяніемъ новыхъ, христіанскихъ началъ дѣлается попытка установить предѣлы власти господина: «если, — говорится въ указѣ, — господинъ бьетъ раба розгами или ремнями, или заключаетъ въ оковы... онъ не отвѣчаетъ въ случаѣ его смерти, такъ какъ пользовался своимъ правомъ умѣренно; но онъ виновенъ въ убійствѣ, если намѣренно убиваетъ палкою или камнемъ, или наноситъ смертельную рану копьемъ, или предаетъ его пыткамъ... или отравляетъ или отдаетъ на растерзаніе звѣрямъ или мучитъ огнемъ» ³⁾. Римскіе граждане въ эпоху республики могли подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ только, когда находились въ рядахъ войска, здѣсь, по старому, права отдѣльнаго лица ступеньвались передъ строгой военной дисциплиной: военачальникъ имѣлъ право наказывать тѣлесно и казнить смертью безъ провокаціи; солдаты наказывались палками, своими же товарищами ⁴⁾.

Во времена имперіи картина измѣнилась: свободные римскіе граждане утратили всѣ политическія права и гарантіи;

¹⁾ Zumpft, o. c. I. Abt. 2, стр. 60.

²⁾ Loiseleur o. c. стр. 88—89. Duboys, o. c. стр. 450. Saint-Edme. Dictionnaire т. III. Flagellation.

³⁾ Codex, Liber IX, т. 14, 1. Гиббонъ. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, т. IV, стр. 463.

⁴⁾ Duboys o. c., стр. 449—450.

имперія стала вырождаться въ деспотію, императорское усмотрѣніе сдѣлалось закономъ, и скоро римскіе властители привыкли видѣть въ своихъ подданныхъ рабовъ, среди которыхъ выдѣлялась только аристократія, сохранившая кое-какія привилегіи, въ томъ числѣ и изытіе отъ тѣлесныхъ наказаній, которыя перешли на низшіе, бѣднѣйшіе классы населенія; потомки римскихъ гражданъ, выродившіеся въ толпы черни, жаждавшей хлѣба и зрѣлищъ, не протестовали; переходъ совершился незамѣтно. Раззорительныя войны, нашествія варваровъ, роскошь императорскаго двора требовали золота, налоги увеличивались, и гнетъ ихъ становился все тяжелѣе и тяжелѣе. Объединившіе свободные земледѣльцы вслѣдствіе упадка экономическаго благосостоянія легко переходили въ разрядъ крѣпостныхъ, которые вмѣстѣ съ рабами составляли большую часть населенія. При подобныхъ обстоятельствахъ увеличилась и область примѣненія тѣлесныхъ наказаній. Въ Дигестахъ система является уже законченной: тѣлесныя наказанія (*corporis coercitio*) заняли самостоятельное мѣсто ¹⁾. Калистратъ даетъ точное опредѣленіе видамъ тѣлесныхъ наказаній, онъ раздѣляетъ ихъ на: 1) наказаніе палками (*fustium admonitio*), 2) — плетьюми (*flagellarum castigatio*), 3) — заключеніе въ оковы ²⁾: Плети и оковы назначались для рабовъ, палки для свободныхъ, это наказаніе сопровождалось для нихъ ссылкой въ каторжныя работы (*opus metalli*); здѣсь тѣлесное наказаніе было позорящимъ, влекшимъ безчестье ³⁾. Высшіе классы (*honestiores*) освобождались отъ тѣлеснаго наказанія. Бичеваніе назначалось для лицъ низшаго состоянія ⁴⁾ за весьма разнообразныя преступленія, какъ самостоятельное или какъ дополнительное наказаніе ⁵⁾.

¹⁾ Digesta l. XLVIII, t. XIX, de poenis, 6.

²⁾ Dig l. XLVIII, t. 19, 7.

³⁾ Dig. XLVIII, t. 19, 10, 2.... *fustibus caesus, licet in actione famosa velut furti... infamem non esse, quin et solus fustium ictus gravior est quam pecuniaris damnatio*».

⁴⁾ Dig. ib. 28.

⁵⁾ Dig. XLVII t. IX, 9. XI, 7. XVIII, 2. X, 17, 4, 35. *Novellae CXXIV, 11, 12. XIV, § 1. XII, c. I.*

Размѣры бичеванія предоставлялись на усмотрѣнiе суда ¹⁾, точно такъ же какъ на волю суда совершенно предоставлялись и наказанiя за многiя преступленiя ²⁾. Употреблялись и жестокия членовредительныя наказанiя, какъ можно заключить изъ 134 новеллы Юстинiана, запрещающей отсѣченiе обѣихъ рукъ и ногъ ³⁾ изъ снисхожденiя къ человѣческой слабости; такое снисхожденiе наводитъ на мысль о томъ, что на практикѣ примѣненiе тѣлесныхъ членовредительныхъ наказанiй было весьма суровымъ; особенно часто упоминается отсѣченiе рукъ ⁴⁾. Часто употреблялось и клейменiе, бывшее не только позорнымъ тѣлеснымъ наказанiемъ, назначавшимся для преступниковъ, но также служившее иногда для отмѣтки лицъ, на которыхъ государство имѣло извѣстныя права, чтобы облегчить ихъ розыскъ (клеили солдатъ, на руки которыхъ ставились, въ предупрежденiе побѣговъ, императорскiе инциалы, что называлось *singulum militare* ⁵⁾). Константинъ Великiй значительно смягчилъ это наказанiе, запретивъ наложенiе клеймъ на лицо, представлявшее, по его мнѣнiю, «отблескъ божественной красоты» ⁶⁾.

Съ паденiемъ западной римской имперiи область примѣненiя римскаго права сузилась, и само оно въ Византийской имперiи, измѣнило свой характеръ, стало греко-римскимъ въ соответствiи съ государственнымъ и общественнымъ строемъ Византии, въ которой деспотизмъ не щадилъ никого ⁷⁾. Тѣлесныя наказанiя приобрѣли въ Византии важное значенiе: по замѣчанiю извѣстнаго историка римскаго права Цахарiэ фонъ Лингенталь, въ Византийскихъ кодексахъ даже смерт-

¹⁾ Dig. XLVII, X, 17, 5. «arbitratu iudicis utique quasi viri boni ut ille modum verberum imponat.

²⁾ Dig. XLVII, XI, g. XX, 3, 2.

³⁾ Novellae CXXXIV, CXXXIII.

⁴⁾ Codex repet. praeled. I. VII, t. 1, 3. Novellae CXLII praef. Rein Criminalrecht, 792. Padeletti Lehrbuch. Bl. 1879, стр. 404.

⁵⁾ Döpler. Theatrum poenarum supplicum et executionum criminalium 1693—7. I т., стр. 905.

⁶⁾ Codex IX t. 47, 17.

⁷⁾ Гиббонъ о. с. V стр. 313, 316, 319, 321, 360. VII, стр. 65.

ная казнь въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялась членовредительными тѣлесными наказаніями (въ IX вѣкѣ) ¹⁾. Въ Эклогѣ ²⁾ встрѣчаются отсѣченіе руки, языка, носа, ослѣпленіе, кастрація и бичеваніе. По прохирону отсѣченіе руки полагалось въ 10 случаевъ ³⁾. Отрѣзаніе носа назначалось за прелюбодѣяніе съ собственнымъ рабомъ ⁴⁾. Кастраціей каралось скотоложество ⁵⁾. Бичеваніе назначалось очень щедро, отдѣльно и въ связи съ ссылкой, имъ же замѣнялся для несостоятельныхъ штрафъ ⁶⁾. Невѣрные мужья, напр. наказывались тѣлесно за блудъ вдвойнѣ сравнительно съ холостыми, также наказывались оставлявшіе прелюбодѣяніе своихъ женъ, извѣстное имъ, безъ наказанія ⁷⁾. Последнія преступленія показываютъ, въ какой строгой опека находились подданные имперіи, насколько правительство позволяло себѣ вторгаться въ частную жизнь и устраивать ее, какъ считало необходимымъ. Такимъ образомъ, тѣлесное наказаніе находилось въ Римѣ и въ Византіи въ тѣсной зависимости отъ условій ихъ государственнаго и общественнаго строя, и можно сказать, что въ греко-римскомъ мірѣ распространеніе тѣлесныхъ наказаній было обратно пропорціонально развитію гражданской свободы.

III.

Въ періодъ паденія римской имперіи ея области одна за другой были заняты германскими племенами, основавшими въ нихъ свои государства, принесшими съ собой свои обычаи

¹⁾ Zachariä v. Lingenthal. Geschichte des griechisch — römischen Rechts. 2. Aufl. Blu. 1879, стр. 312.

²⁾ t. XIII, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 22—27, 30—35, 37, 38, 46, 47. Zacharia. o. c. стр. 308—310.

³⁾ Prochiron. t. XXXIX, 5, 14, 18, 22, 40, 53, 54, 56, 82, 83.

⁴⁾ Ib. 43, 45, 62, 64, 66—68—70.

⁵⁾ Ib. 74.

⁶⁾ Ib. 6, 7, 42—46, 58, 65, 53, 54, 60, 61.

⁷⁾ Ib. 55, 56, 59, 64, 71, 83, 84.

и законы, изъ которыхъ въ соединеніи съ римскимъ правомъ и складывались постепенно европейскія законодательства.

Первыя историческія извѣстія о германцахъ относятся къ тому времени, когда они жили племенами, въ которыхъ власть князей не была велика и имѣла значеніе, главнымъ образомъ, въ военное время. Въ эту эпоху, слѣдовательно, личность главы семьи и ея интересы не перевѣшивались государственными, и, по свидѣтельству Тацита, свободные германцы не знали тѣлесныхъ наказаній, они существовали у нихъ только для женщинъ и другихъ подчиненныхъ членовъ семьи и для рабовъ ¹⁾. О древнихъ германцахъ существуетъ также извѣстіе Тацита, что они мягко обходились съ рабами ²⁾ но въ этомъ слышится намѣренное ослабленіе красокъ въ упрекъ современному ему римскому обществу; трудно предположить, чтобы дикіе и грубые германцы слишкомъ мягко обращались съ людьми, вполне зависѣвшими отъ ихъ доброй воли. Рабы были вполне безправны: по Грагасу (исландскій сборникъ законовъ), господинъ не отвѣчаетъ за убійство раба, если оно не совершено въ праздникъ или въ великій постъ ³⁾.

Въ сборникахъ варварскихъ законовъ рабы наказываются съ особенной строгостью и, обычно, тѣлесно, что указываетъ какъ на ихъ безправіе, такъ и на невозможность примѣнять къ нимъ постановленія о выкупахъ и объ изгнаніи въ виду нарушенія интересовъ владѣльца. По Салическому закону за крупную кражу рабъ долженъ былъ уплатить 6 солидовъ, или кастрировался ⁴⁾. По Баварскимъ законамъ рабы за похищеніе свободныхъ ослѣплялись или лишались руки и при всякихъ преступленіяхъ подвергались клейменію ⁵⁾. За менѣе важныя преступленія рабовъ безпощадно наказывали плетью

¹⁾ Tacitus. De germania. Cap. XIX, XXV.

²⁾ Tacitus, o. c. Cap. XXV. Verberare servos ac vincula coercere rorum.

³⁾ Gragas, Codex Jslandorum. CVIII. hrgn. v. Schlegel, Hauniae, 1829.

⁴⁾ Lex. Salica. T. XII, 2.

⁵⁾ Lex. Baiuw. II, 3. Sine signo nunquam evadat.

или палками и розгами, весьма большим числом ударовъ, иногда опредѣленнымъ въ законѣ, иногда назначаемымъ по опредѣленію суда, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ господинъ могъ выкупить раба, заплативъ за 40 ударовъ по солиду ¹⁾). Въ Салическомъ законѣ указывается и способъ исполненія тѣлесныхъ наказаній: господинъ при обвиненіи кѣмъ либо раба долженъ имѣть наготовѣ скамейку, на которой растягивали виновнаго, и розги ²⁾); число ударовъ опредѣлялось въ 120—240. Въ Бургундскомъ законѣ число ударовъ плетью опредѣлялось въ 300, 200, 100—50 ³⁾). Бользненные тѣлесныя наказанія безъ опредѣленія числа ударовъ назначались въ Бургундскихъ, Фризскихъ, Алеманскихъ и Баварскихъ законахъ за весьма различныя провинности, говорилось просто: «да будетъ битъ» ⁴⁾).

Отсутствіе тѣлесныхъ наказаній для свободныхъ объясняется, какъ правильно замѣчаетъ Луазелеръ, не мягкостью нравовъ варваровъ, но глубокимъ чувствомъ равенства и свободы, которое дѣлало невозможнымъ ихъ примѣненіе ⁵⁾). По мѣрѣ возрастанія значенія верховной власти на нее переходили мало по малу права родоначальниковъ, власть которыхъ служила прототипомъ королевской; послѣдняя возростала по мѣрѣ ослабленія первой ⁶⁾). «Король, герцогъ, князь стали подвергать убійцъ... тѣмъ самымъ послѣдствіямъ, которыми до сихъ поръ имъ грозили родовыя сообщества но, казнь производилась отъ имени всего общества, или представляющаго его правительства» ⁷⁾. Тѣлесныя наказанія для

¹⁾ Lex. Salica. XII, 1. XXV, VIII, XL, 11.

²⁾ Lex. Salica XL, 16. XLII, 1. Super scamnum tensus.

³⁾ Lex. Burgund. T. IV, 2, 4. VI, g. XXV, 2. XXX, 1. XXXIII, 1. XXXV, 1. XXXIX, 3. LVIII, 2. LXXIII, 2. XCI, 2. CIII, 3, 5, 6. XCIV, 1. Lex. Burgund. VI, 9.

⁴⁾ Ib. IV, 7. XXVII, 4. XXXVIII, 9. LXX, 1. Lex. Frisionu. III, 7 «servus vapulet»; Lex. Alam. IX, T. 14, 1. XXXVIII. Lex. Baiuw. VIII, 18. IX. 6. XII, 2.

⁵⁾ Loiseleur, o. c., стр. 112.

⁶⁾ Post. Anfänge d. Staatsleben, стр. 172.

⁷⁾ Ковалевскій. Обычное право. II, стр. 174.

свободныхъ и появились только тогда, когда королевская власть настолько усилилась, что могла не стѣсняться старыми традиціями и не боялась протеста. Въ древнихъ сборникахъ германскихъ законовъ, тѣлесныя наказанія назначаются для свободныхъ по исключенію, и то членовредительныя, по закону таліона, за нѣкоторыя важныя преступленія на ряду съ выкупомъ, т. е. только для бѣдныхъ и незнатныхъ ¹⁾, напр. въ Баварскихъ законахъ прямо говорится, что наказаніе незнатныхъ зависитъ отъ усмотрѣнія герцога ²⁾.

Указаніемъ на то, что тѣлесныя наказанія примѣнялись издавна только къ низшимъ, невліятельнымъ классамъ населенія служить и тотъ фактъ, что даже въ эпоху выкуповъ, когда вообще тѣлесныя наказанія не примѣнялись къ свободнымъ, они равно, какъ и смертная казнь, назначались лицамъ, не могшимъ вносить выкупа. По Фризскимъ законамъ виновный въ кражѣ скота долженъ былъ выкупить свою жизнь, или подлежалъ смертной казни ³⁾. У Лангобардовъ свободный, не могшій уплатить выкупа, подвергался болѣзненнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ ⁴⁾. По капитуляріямъ IX вѣка третій разбой наказывался смертю, если преступникъ не выкупалъ своей жизни ⁵⁾. Отдача несостоятельныхъ воровъ въ заработки была запрещена капитуляріями, которыми приказывается судить ихъ, взамѣнъ отдачи, справедливымъ судомъ ⁶⁾; тѣлесное наказаніе для нихъ дѣлается, такимъ образомъ, неизбѣжнымъ.

Сильные короли не стѣснялись и со знатно, особенно съ государственными преступниками, наказаніе которыхъ иногда было не столько дѣломъ правосудія или охраненіи

---

¹⁾ Lex Baiuw. T. II, 3, 6, 10, 12. VIII, 14. Pertz. III Leg., стр. 286, 287, 337.

²⁾ Lex Baiuw. II. De minoribus autem hominibus in ducis sit potestate qualem poenam sustineant.

³⁾ Lex Frisionum XVIII.

⁴⁾ Loiseleur, о. с., стр. 513.

⁵⁾ Capit. 779, стр. 23.

⁶⁾ Cap. alia add. c. 13. Pertz. I. Leg. c. 120.

общественной безопасности, сколько безпощадною местию. Особенно богата такими фактами летопись Григорія Турскаго. Короли назначали въ то время жестокия тѣлесныя наказанія вполне произвольно, напр. Хильперикъ наказывалъ обыкновенно нарушителей своихъ повелѣній ослѣпленіемъ ¹⁾. Они привыкали мало по малу смотрѣть на всѣ подвластныя имъ земли, какъ на домены, въ которыхъ они распоряжались такъ же, какъ и феодальные владѣльцы, считавшіе себя «господами земли, имѣвшими право на ея поверхность и нѣдра, распоряжавшимися жизнью и смертью, водой, вѣтромъ и лугами, птицей въ воздухѣ и рыбой въ рѣкѣ» ²⁾. Король, замѣчаетъ Глассонъ, становится хранителемъ земного и божественнаго порядка, естественно, что къ нему переходитъ и право устанавливать наказанія, вытѣсняющія мечь и выкупъ ³⁾.

Съ усиленіемъ королевской власти усиливалось и вліяніе римскаго права, начала котораго вполне совпадали со стремленіями королей. Вліяніе новыхъ началъ уже замѣтно въ двухъ наиболѣе романизированныхъ кодексахъ бургундцевъ и вестготовъ, гдѣ королевская власть была достаточно сильна ⁴⁾. По Бургундскимъ законамъ, напр., свободный за подлогъ наказывался отсѣченіемъ руки ⁵⁾. Въ Вестготскомъ правѣ назначаются болѣзненные тѣлесныя наказанія для свободныхъ, допускаемыя въ другихъ сборникахъ, напр. въ *Gragas'*, только какъ дисциплинарная мѣра для малолѣтнихъ ⁶⁾.

По общему же правилу болѣзненные тѣлесныя наказанія не могли примѣняться къ свободнымъ, особенно къ знатымъ

¹⁾ Въ его эдиктахъ писалось: *Si quis praecepta nostra contempserit, oculorum evulsione mulctetur.* Gregorius Thur. I. II, с. 46.

²⁾ Michelet. *Origines du droit français.* Paris. 1837, стр. 228.

³⁾ Glasson. *Histoire du droit et des institutions de la France.* III. Paris. 1887. 581, 584.

⁴⁾ Сравни. *Leges Alfredi* 28. *Leges Knuti.* II. 35. Phillips. *Uersuch.*, стр. 158, 161.

⁵⁾ *Lex. Burg.* II. g. LIV, 3.

⁶⁾ *Gragas.* XXXII. *Lex. Vis.* VII. T. V, 2. *Tam humiles quam potentiores puniuntur centenis flagellis.* *Lex. Vis.* VI. T. V, с. 7.

лицамъ, и нарушение этихъ привилегій вызывало иногда мечь¹⁾. Различіе между свободными и рабами въ примѣненіи болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній сохранилось и впоследствии, такъ напр. въ капитуляріяхъ Пипина 765 г. за кровосмѣшеніе свободный наказывался тюрьмой или вирой въ 60 солидовъ, рабъ—неопредѣленнымъ тѣлеснымъ болѣзненнымъ наказаніемъ, «*vapuletur plagis multis*». Въ собраніи капитуляріевъ аббата Анзегиза только въ одномъ мѣстѣ опредѣляется наказаніе за подачу жалобы по дѣлу рѣшенному уже шеффенами,—15 солидовъ или 15 ударовъ и для свободного²⁾, но вообще тѣлесное наказаніе назначается для рабовъ, причѣмъ ударъ для раба соотвѣтствуетъ почти всегда 1 солиду виры для свободного. За нѣкоторые виды кражи тѣлесное наказаніе полагалось для рабовъ сверхъ тройнаго вознагражденія.

Однако, въ виду того, что въ то время низшіе классы уже утрачивали свои права, устанавливался новый порядокъ и складывалась феодальная система, по капитуляріямъ болѣзненному тѣлесному наказанію, какъ было сказано, подвергались и незнатные свободные, свѣтскіе и духовные³⁾. Бичеваніе исполнялось публично на площади, причѣмъ осужденнаго обнажали и привязывали къ столбу. Били низшіе агенты при судѣ, или заинтересованныя лица, или сами преступники, исполнявшіе наказаніе по очереди другъ за другомъ⁴⁾.

¹⁾ Насколько позорными считались въ то время болѣзненные тѣлесныя наказанія, видно изъ того, что нанесеніе удара палкою сюзереномъ своему вассалу наравнѣ съ покушеніемъ на его жизнь, съ обезчещеніемъ его жены или дочери и отнятіемъ наслѣдства было законнымъ поводомъ для нарушенія ленныхъ обязательствъ. *Capitul. 813. c. 16. Pertz Monum. I Leg., стр. 189.*

²⁾ *Caroli M., Hludovici et. Hlotarii imp. Capit. ab Ansegiso. Abb. C. III, c. II. Pertz. T. I. Leg., стр. 306. Giraud. Essai sur l'histoire du droit français. I. Paris. 1846, стр. 300. Michelet. Origines du droit français. 150.*

³⁾ *Capitul Pipini reg. 765, c. 2, 7.*

⁴⁾ *Cap. 817, c. 15, 16. Cap. 809, c. 3. Cap. 805, c. 10. Cap. coll abb. Ansegiso l. III, c. 15. Wilda d. Strafrecht. 513. Gengler. № 51. Grimm. Deutsche Alterthümer. 704.*

Членовредительныя наказанія нерѣдко упоминаются съ VIII вѣка въ капитуляріяхъ: напр. въ 779 г. устанавливалось за первую кражу лишеніе одного глаза, за 2-ю — другого и отрѣзаніе носа, за третью — смертная казнь¹⁾. Людовикъ Благочестивый, по свидѣтельству его біографа Тегана, наказывалъ вмѣсто смерти ослѣпленіемъ, участниковъ въ заговорахъ противъ его особы²⁾. Точно также Карлъ Великій наказывалъ заговорщиковъ ослѣпленіемъ, лишеніемъ членовъ, и изгнаніемъ³⁾. Въ капитуляріи 805 г. устанавливалось правило, чтобы смертной казни за государственныя преступленія подвергать только главныхъ виновниковъ, остальныхъ наказывать бичеваніемъ и урѣзаніемъ носа⁴⁾. Въ капитуляріяхъ дѣлаются также попытки обязательной замѣны выкупа тѣлесными наказаніями. Въ названномъ капитуляріи 779 г. говорится, что клятвопреступникъ непременно теряетъ руку⁵⁾, ложный свидѣтель, потерпѣвшій поражение въ поединкѣ также наказывался потерей руки, но его соприсяжники могли внести выкупъ⁶⁾; въ другихъ капитуляріяхъ выкупы допускались и для клятвопреступниковъ⁷⁾.

И членовредительныя и болѣзненные тѣлесныя наказанія становились обычной карательной мѣрой въ городахъ уже съ X вѣка. Въ привилегіи Магдебурга, данной этому городу Оттономъ Великимъ, назначается отсѣченіе рукъ за лжесвидѣтельство и нанесеніе раны, въ послѣднемъ случаѣ альтернативно съ выкупомъ⁸⁾. Въ хартіи Страсбурга (980 г.) находимъ

1) Capit. 779, c. 12, de vindicta in latronibus; ib. 23.

2) Thegani. Vita Hludovici. Imr. XXV. Genglers Rechtsdenkmäler. стр. 249.

3) Einharti. Vita caroli Magni. c. XX.

4) Capit. missis. data ad Theodonis villam an. 805. c. 10. Capit. Pipini regis. 765. c. I. Pertz. I. Leg. стр. 31.

5) Capit. 779. c. 10. qui perjurium.. nuilam redemptionem nisi manum perdat.

6) Capit. 816. c. 1. Pertz. I. Leg. 315

7) Capit. 805. manum aut redimat.

8) Privilegium Ottonis M. R. J. Super locatiōne Magdeburgensis civil. 974. c. LXX. Rechtsdenkmäler d. deutsch. Mittelalters. I. B.—v. A. Daniel. Berlin.

общее постановленіе о томъ, какъ исполнялись тѣлесныя наказанія: бичеваніе производилось тюремщикомъ, особыя должностныя лица существовали и для членовредительныхъ наказаній: они должны были вырывать глаза, кастрировать, отсѣкать руки ¹⁾. Въ городскихъ хартіяхъ встрѣчается также и таліонъ при тѣлесныхъ поврежденіяхъ ²⁾; за богохуленіе назначается отрѣзаніе языка, выеушь не допускается ³⁾, словомъ продолжается порядокъ, начало которому положено при каролингахъ, при которыхъ мѣста судебныхъ засѣданій стали уже мѣстами, гдѣ «преступники осуждаются на смерть, лишаются членовъ и подвергаются бичеванію» ⁴⁾. Болѣзненные наказанія назначались въ городскихъ правахъ за мелкіе проступки, напр. за нанесеніе легкихъ ранъ для немогущихъ уплатить вознагражденія ⁵⁾.

Относительно вліянія церкви на правосудіе и въ частности на тѣлесныя наказанія въ разсматриваемыя эпохи, нужно замѣтить, что оно часто бывало благотѣльнымъ: въ вѣка кулачнаго права, церковь во имя высшихъ завѣтовъ ученія милосердія и любви, являлась защитницею слабыхъ и гонимыхъ, что особенно ярко выражалось въ правѣ убѣжищъ, которымъ долгое время пользовались церкви и монастыри; это право было важнымъ средствомъ смягчать участь несчастныхъ и предупреждать пролитіе крови, такъ какъ искавшіе спасенія въ церквяхъ выдавались только подъ торжественнымъ обѣщаніемъ, что они не будутъ наказаны смертью и лишены членовъ тѣла. (*Reum... pacem et vitam et membra conservare... tamen legitime conponat quod fecit.* См. Fuld, *Das Asylrecht im Alterthum*, стр. 103 и слѣд.). Эти привилегіи поддерживались и римскими и германскими импера-

¹⁾ Coutumes de Strasburg an. 980. с. 21—23. Giraud. Histoire. I, стр. 1—18.

²⁾ Strafrecht von Ensam 1212 с. 5—7. Gaupp. II, стр. 218. Stadtrecht von Wien an 1221, 10—14. Gaupp. стр. 241.

³⁾ Ib. 38.

⁴⁾ Cap. Caroli. II, an. 850. Pertz. Monum. I Leg. стр. 521.

⁵⁾ Murten Stadrodel. (XIII в.) с. II, 13. Gaupp. II, 154.

торами, напр. Карлъ Великій передалъ саксонскимъ церквамъ всѣ права убѣжищъ, которыми обладали низвергнутыя языческія капища.

Будучи, однако, врагомъ жестокостей и пролитія крови, церковь, выросшая въ эпоху суроваго законодательства римской имперіи, была слишкомъ тѣсно связана съ интересами общества, среди котораго росла и крѣпла, чтобы уйти отъ его возрѣній и взглядовъ на преступленіе и наказаніе: тѣлесныя наказанія были тогда обычными, и аскетическіе взгляды на умерщвленіе плоти дѣлали болѣзненные тѣлесныя наказанія (бичеваніе) въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже обязательнымъ богоугоднымъ дѣломъ. Сама церковь пользовалась тѣлесными наказаніями въ качествѣ дисциплинарнаго средства, въ правомѣрности и справедливости котораго никто не сомнѣвался. Въ IX вѣкѣ аббаты имѣли право смирать строптивыхъ и гордыхъ монаховъ ударами и вообще тѣлесными наказаніями, которыя назывались *disciplina regularis* (что уже указываетъ на значеніе тѣлеснаго наказанія въ монастырскомъ обиходѣ). Цѣлю тѣлеснаго наказанія, какъ и вездѣ, было устрашеніе: производить его предписывалось передъ братіей «*ut ceteri metum habeant*»¹⁾. При саксонскихъ короляхъ въ Англіи монахи, по приговору церковныхъ судовъ, подвергались публичному бичеванію за нарушеніе монастырскихъ уставовъ и преступленія противъ нравственности²⁾, послѣднее сопровождалось иногда лишеніемъ сана, декальваціей и заключеніемъ въ цѣпяхъ въ тюрьму. Плеті встрѣчаются въ извѣстныхъ монастырскихъ уставахъ, напр. Св. Бенедикта; они назначались вообще духовными судьями и для свѣтскихъ лицъ за церковныя преступленія³⁾.

Иногда церковными судами употреблялись и членовредительныя наказанія, что доказывается такъ называемыми *Capitula Remedii*, по которымъ святотатцы и богохульники

¹⁾ *Regula monachorum*. 14, 80 Pertz T. I. *Legum.* стр. 201.

²⁾ Philips. *Versuch einer Darstellung. d. Geschichte des Engelsächsischen Rechts*. 1825, стр. 292.

³⁾ Saint-Edme. *Dictionnaire* III. Fouet.

приговариваются въ первый разъ къ декальваціи, во второй — къ вырѣзанію языка и отсѣченію носа, въ третій выдаются свѣтскимъ судьямъ, т. е. на смертную казнь ¹⁾). Повтореніе убійства наказывалось ослѣпленіемъ, которое по милосердію могло быть замѣнено выкупомъ, за третье убійство неизбежно слѣдовала выдача свѣтскимъ судамъ. За клятвопреступленіе въ первый разъ назначалось болѣзненное тѣлесное наказаніе, во второй разъ прибавлялось клейменіе лба раскаленнымъ желѣзомъ ²⁾).

Было и еще одно основаніе, по которому церковь предпочитала въ нѣкоторыхъ случаяхъ наиболѣе суровыя тѣлесныя наказанія смертной казни, — это возможность при нихъ дать время наказанному подумать о вѣчномъ спасеніи. Въ законахъ Канута подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній, очевидно, и было постановлено, что за первую кражу полагается выкупъ, за вторую — отсѣченіе руки или ноги, за новое преступленіе полагалось отрѣзать носъ, уши, губы, выколоть глаза, такъ что отъ преступника, наконецъ, могло остаться только одно туловище, лишь бы онъ оставался живымъ, и его душа могла спастись ³⁾).

Такова была въ общихъ чертахъ первоначальная исторія тѣлесныхъ наказаній у германскихъ народовъ. Въ позднѣйшія эпохи, со времени распадѣнія монархіи Карла V., право развивалось уже въ каждомъ изъ основанныхъ германцами государствъ самостоятельно, почему и дальнѣйшую исторію тѣлесныхъ наказаній въ западно-европейскихъ государствахъ необходимо разсматривать по отдѣльнымъ странамъ. Я останавлиюсь подробнѣе для выясненія хода развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній въ Западной Европѣ на исторіи ихъ во Франціи и Германіи, какъ представляющей наибольшій интересъ по общему значенію, какое имѣла исторія права въ названныхъ государствахъ.

¹⁾ Capit. Remedii. Cap. II, 9.

²⁾ Jb. III, IV, XI.

³⁾ Wilda, Das Strafrecht der Germanen, стр. 512.

IV.

Во Франціи, въ городовыхъ хартіяхъ XI и слѣдующихъ вѣковъ встрѣчалось, какъ и въ прежнихъ варварскихъ законахъ, назначеніе таліона для членовредителей¹⁾, несостоятельные воры подлежали тѣлесному наказанію²⁾; въ нихъ же давалось право производить судъ надъ преступниками: отрубать ноги, руки, вырѣзать глаза, заключать въ тюрьмы, женщинамъ отсѣкать носъ и губы, уши, груди³⁾. Подвергнутые членовредительнымъ наказаніямъ подлежали обыкновенно, изгнанію⁴⁾. Размѣръ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній опредѣлялся по усмотрѣнію судей⁵⁾. Сѣченіе производилось публично, на площади, и растягивалось для большей примѣрности на возможно продолжительное время⁶⁾. Въ королевскихъ ордонансахъ XIV и XV вв. тѣлесныя наказанія встрѣчались очень часто даже безъ ближайшихъ опредѣленій наряду съ имущественными («*reine de corps et d'avoir*»)⁷⁾. Членовредительныя наказанія также сохранялись, напр. при Филиппѣ Валуа, въ 1330 г. за богохуленіе во второй и третій разъ отрѣзались губы, за пятый — языкъ⁸⁾. Ордонансъ противъ богохульниковъ неоднократно подтверждался⁹⁾. Въ эдиктѣ 1540 г. за бродяжничество налагались наказанія до членовредительныхъ (*punition de membres*), или смертной казни

1) *Charte de commune de Laon* (1128) с. 4. *Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420*. Т. I, стр. 138—143.

2) *Coutumes de Montpellier*. an 1264, с. 19. Giraud II. 47—49.

3) *Usaticae Barchina* an 1068, с. 94, 95. Giraud. II, стр. 465—584. *Coutumes de Provence*. *Statuta Domini Raimundo* an 1235. Giraud, II, стр. 77.

4) *Coutumes de Montpellier*, с. 23.

5) *Statuta Arelata*, с. 25, 52. (1162—1205).

6) *Statuta D. Raumundi*. Giraud. II, стр. 32, 88, стр. 21, 23.

7) *Ordonnance*. 1312. № 456. *Recueil*, Т. III.

8) № 1. *Ordonnance*. 1330. *Recueil*, Т. IV.

9) № 228. *Ordonnance*. 1377. Т. VI. № 59. *Ordon.* 1487. Т. XI.

№ 96 *Cride prevost de Paris*. 1487. Т. XI. № 253. *Ord.* 1460. Т. IX.

№ 609. *Ord.* 1415. *Lettres royales* VIII.

включительно ¹⁾. Въ 1576 г. въ указѣ о благочиніи въ королевскихъ дворцахъ за нанесеніе ранъ, обнаженіе оружія назначалось отсѣченіе руки ²⁾. Членовредительныя наказанія оставались и въ послѣдующія эпохи: еще, напр. въ 1684 г. при Людовикѣ XIV состоялся указъ, запрещавшій публичнымъ женщинамъ на 2 мили подходить къ Версалю подъ угрозой потери носа и ушей ³⁾. Клейменіе, какъ замѣчаетъ Луазелеръ, было больше полицейской мѣрою охраны общественной безопасности, чѣмъ наказаніемъ ⁴⁾. Въ 1354 г. предписывалось клеймить бродягъ раскаленнымъ желѣзомъ въ лобъ ⁵⁾, въ видахъ предупрежденія преступленій, съ этой же цѣлью клеймили дезертировъ 2 лиліями на каждой щекѣ, всѣхъ найденныхъ съ такими клеймами приказывалось препровождать, безъ дальнѣйшаго разбирательства, на галеры. Приговоренные къ галерной работѣ клеймились тремя буквами «G. A. L.» ⁶⁾.

Болезненнымъ тѣлесныя наказанія въ XVI и XVII вѣкахъ совершались или публично палачами, считались позорными и почти всегда сопровождалась клейменіемъ и изгнаніемъ ⁷⁾, или—въ тюрьмѣ, не публично (*sous la custode*), послѣднее считалось полицейскимъ наказаніемъ. Наказывали розгами или плетью: напр. за пьянство въ 1535 г. полагалось въ 1-й разъ содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, во 2-й—наказаніе розгами въ тюрьмѣ, въ 3-й—публичное наказаніе плетью, за которымъ при неисправленіи слѣдовало членовредительное наказаніе ⁸⁾. Число ударовъ не опредѣлялось, иногда при наказаніи розгами говорилось только, что наказывать до

¹⁾ Recueil XII № 319. Edit sur l'administration de la justice en Normandie § 10.

²⁾ Recueil XII. № 56. Ordonnance 3, 5, 6, 18, 20.

³⁾ Recueil XV. № 1120, 1122. Ordon. 1684.

⁴⁾ Loiseleur, о. с., стр. 246.

⁵⁾ Recueil V. № 207, п. 1354. Lettres.

⁶⁾ Recueil XXII. 1721. № 229. Declaration.

⁷⁾ Loiseleur, о. с., стр. 247.

⁸⁾ Recueil. XII. 1535 г. № 235. Edit. ch. III, 1.

крови ¹⁾). Наказаніе плетью употреблялось, какъ наказаніе самостоятельное или дополнительное при ссылкѣ на галеры, или какъ дисциплинарная мѣра для каторжниковъ ²⁾).

Въ XVIII вѣкѣ тѣлесныя наказанія еще твердо стояли въ законодательствѣ, поддерживались практиками, не безусловно осуждались представителями нарождавшихся тогда философскихъ направленій, не отвергались и на основаніи «естественнаго права». Правда, Монтескье вообще высказывался противъ жестокости наказаній: «Въ государствѣ благоустроенномъ, писалъ онъ, законодатель озабочивается не столько наказаніемъ сколько предупрежденіемъ преступленій. Китайскіе писатели всегда замѣчали, что чѣмъ больше увеличивалась жестокость наказаній, тѣмъ ближе была революція, потому что число казней увеличивается параллельно съ порчей нравовъ». Доказывая бессиліе устрашительныхъ каръ, напр. въ борьбѣ съ разбоями, число которыхъ не уменьшалось несмотря на колесованіе, Монтескье выставляетъ общее положеніе, что причины благопріятствующія преступности лежатъ не въ умѣренности наказаній, а въ безнаказанности преступленій ³⁾. Французскіе юристы и въ концѣ XVIII в. не

¹⁾ Recueil XII, № 33. Edit. 4, 8, г. 1515. Recueil. 1536. XII, № 235. Edit.

²⁾ Recueil XII. № 319. 1540 г. Edit. № 421. Edit. 1546 г. № 407. 1541 г. № 407. 1541 г. XV. № 1252, 1584, 1686, 1695. Declaration XVIII. № 379. 1661. E 654, Edit. 1671. № 850. 1677.

³⁾ Montesquieu. L'esprit des lois. T. I., стр. 196, 197, 200. Прямое продолженіе развитія этихъ взглядовъ встрѣчаемъ у извѣстнаго итальянскаго новатора въ области уголовного права Беккарія: «Надежда на безнаказанность удаляетъ всегда мысль о сильныхъ страданіяхъ... Страны и эпохи наиболѣе жестокихъ наказаній всегда отличались кровавыми и безчеловѣчными преступленіями». Беккарія мѣтко указываетъ на слабую сторону господствовавшего въ его время устрашенія, на то, что при послѣдовательномъ проведеніи его становится трудно сохранить соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ и на являющееся вслѣдствіе этого не дримженіе закона, санкція котораго не можетъ быть выполнена по ея чрезмѣрной жестокости; «безнаказанность, заканчиваетъ онъ, получаетъ такимъ образомъ начало въ законахъ». Но и Беккарія

отвергали въ теоріи даже членовредительныхъ наказаній: въ мемуарѣ, поданномъ въ 1778 г. экономическому Бернскому Обществу руанскимъ адвокатомъ Сервэнномъ, членовредительныя наказанія дѣлятся авторомъ на «обезображивающія и ослабляющія» (т. е. лишающія работоспособности). Первые могутъ имѣть значеніе для женщинъ: «если бъ дѣвушки съ раннихъ лѣтъ, восклицаетъ краснорѣчивый адвокатъ, были убѣждены, что преступленіе обезобразитъ ихъ, какой ужасъ питали бы онѣ къ нему въ продолженіе всей жизни!». Болѣзненные тѣлесныя наказанія находятъ въ Сервэнѣ убѣжденнаго защитника. «Плеть, по его словамъ, употребляемая какъ должно, имѣетъ право играть самую важную роль въ уголовной юстиціи. Одна изъ главныхъ ея выгодъ—это, способность къ громадному разнообразію по числу ударовъ, по устройству инструментовъ, по способу исполненія, большей или меньшей публичности». Плеть должна быть «отеческимъ поученіемъ, предназначеннымъ сдерживать страсти или пылъ чувственныхъ желаній, которые можно смирить только болью; цѣль ея причиненія—исправленіе виновнаго». Но Сервэнъ не могъ желать сохраненія болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній въ такомъ видѣ, какъ они примѣнялись въ его время, ихъ недостатки были слишкомъ ясны: руанскій адвокатъ желалъ для преступника страданія, но не позора, который навсегда выбрасывалъ наказаннаго изъ общества. «Нужно остерегаться, говоритъ онъ, соединять съ наказаніемъ безчестье, пусть оно совершается у ногъ судьи въ присутствіи только нѣсколькихъ свидѣтелей»¹⁾.

въ принципѣ не отвергаетъ совершенно тѣлесныя наказанія, напротивъ онъ признаетъ ихъ нужными за преступленія противъ личности и за кражу съ насиліемъ, и ограничивается положеніемъ, что ихъ не слѣдуетъ назначать за преступленія, стимуломъ которыхъ является гордость и т. п. не низкія чувства и побужденія. Беккарія. О преступленіи и наказаніи. Перев. И. Соболева. 1878 г., стр. 82.

¹⁾ Servin. De la législation criminelle. Mémoire présentée à la Soc. économique de Berne, стр. 69—70, 153—154, 168, 176, 192, 195, 206, 211, 215, 220, 257, 326.

Положеніе вещей рѣзко измѣнилось французской революціей; въ нѣсколько лѣтъ страшная буря смела остатки феодализма и сословный строй государства. Принципъ свободы личности, «правъ человѣка» былъ торжественно провозглашенъ законодательнымъ собраніемъ. При новомъ порядкѣ не могли удержаться и тѣлесныя наказанія, они были отмѣнены республикой, и ихъ исторія собственно оканчивается для Франціи въ XVIII вѣкѣ. Правда, при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ во время Наполеона I уголовный кодексъ 1810 г. сохранилъ отсѣченіе руки передъ казнью у отцеубійцъ и клейменіе; болѣзненные наказанія остались, какъ дисциплинарныя взысканія. О тѣлесныхъ наказаніяхъ во Франціи въ XIX в. любопытныя замѣтки находятся въ книгѣ Моленеса, написанной въ 1830 г. «Существуютъ оковы, говоритъ онъ, ужасной тяжести. Въ однихъ тюрьмахъ ихъ надѣваютъ на ноги, въ другихъ на ноги и на руки; каторжные кромѣ положеннаго по закону сковыванія по-парно и ядеръ, во время пути прикрѣпляются еще другъ къ другу желѣзными ошейниками, которые закрѣпляются сильными ударами молота, при малѣйшей ошибкѣ могущими причинить смерть». Въ каторгѣ, по его свидѣтельству, болѣзненные наказанія палкою и линьками были обычнымъ явленіемъ и назначались по капризу начальства¹⁾. Но эти обломки прошлаго не встрѣчали сочувствія и поддержки въ общественномъ мнѣніи: въ 1832 г. имъ нанесенъ окончательный ударъ, и въ настоящее время тѣлесныя наказанія во Франціи совершенно отмѣнены²⁾.

---

1) De Molenès. De l'humanité dans les lois criminelles et de la jurisprudence. Paris, 1830. 194—7, 394—398, 490—404. Corre. Les Criminels P. 1889, стр. 148.

2) Въ 1891 г. для каторжныхъ допущено въ качествѣ дисциплинарной мѣры наложеніе простыхъ и двойныхъ наручниковъ. Таганцевъ. Русское Уголовное Право, т. II, стр. 1167.

V.

Въ Германіи въ XIII и XIV вѣкахъ старыя воззрѣнія не уступали еще новымъ началамъ: выкупы сохранились, судебный поединокъ рѣшалъ дѣло, но въ то же время судьи начали приговаривать проигравшихъ дѣло въ поединкѣ къ смертной казни и тѣлеснымъ наказаніямъ ¹⁾. Въ сборникѣ законовъ, извѣстномъ подъ именемъ швабскаго зеркала упоминается отсѣченіе руки, урѣзаніе языка, отбитіе большого пальца, и болѣзненные наказанія ²⁾. Саксонское зеркало (XIV в.) устанавливаетъ за кражу тѣлесныя наказанія или выкупъ въ три шиллинга ³⁾; выкупъ былъ возможенъ и въ другихъ случаяхъ, но уже съ важнымъ ограниченіемъ: онъ допускался по усмотрѣнію судьи ⁴⁾, это указываетъ, что тѣлесныя наказанія могли примѣняться въ то время, несмотря на состоятельность виновнаго. На практикѣ выкупъ допускался довольно часто, почему и слышались жалобы, что вѣшаютъ только мелкихъ воровъ, а крупныхъ выпускаютъ на свободу. Позже тѣлесныя наказанія, наоборотъ, стали обычнымъ наказаніемъ ⁵⁾.

Въ XVI вѣкѣ абсолютная власть германскихъ государей уже сложилась, и все населеніе Германіи распалось на привилегированныхъ и непривилегированныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣла рѣшительный перевѣсъ и система государственныхъ наказаній, выкупъ и безправіе почти исчезли. Въ уголовномъ уложеніи Карла V (1532 г.) выкупы дозволяются

¹⁾ Eichhorn о. с. II, стр. 714.

²⁾ Caspar. Darstellung des Strafen Inhalts des Swabensspiegels. Bln. 1892, стр. 15.

³⁾ Sachsenspiegels erster Theil (Nach Handschrift 1369) Hrgn. v. C. Homeger. Bln. 1835 II Buch. 13 art. 1, 2, 3, 26 Art.

⁴⁾ Eichhorn. Geschichte II, 714.

⁵⁾ Siegel. Deutsche Rechtsgeschichte. 1886 г. Kaiserl. Landrecht с. 317. so soll man in henken... wil der clager, er mag sich auch minnelichen verrithen mit dem diebe oder mit dem rauber das mus geschehen mit des Richters Urlobe, стр. 399—400. Stein. Geschichte des Fränzösischen Strafrechts und Processes. Basel. 1846. стр. 86.

только съ изволенія императора, т. е. разсматривались какъ помилованіе ¹⁾. Изъ членовредительныхъ наказаній уложеніе Карла V знаетъ отрѣзаніе или прибитія языка гвоздемъ къ позорному столбу, отрѣченіе двухъ пальцевъ, руки, отрѣченіе ушей и ослѣпленіе. При исполненіи приговоровъ законодатель счелъ необходимымъ предписать нѣкоторыя правила осторожности: если, напр. на рукѣ, подлежащей отрѣченію, были какія либо поврежденія, наказаніе не должно было усиливать болѣзни. Болѣзненные тѣлесныя наказанія назначаются въ уложеніи Карла V за торговые обманы, неисполненіе обязанностей повѣренными, сводничество, кражу до 5 гульд. и еще за нѣкоторые проступки полицейскаго характера ²⁾.

Въ эпоху названнаго уложенія вообще, вмѣсто прежнихъ строго опредѣленныхъ наказаній, служившихъ гарантіей личной свободы и ставшихъ анахронизмомъ съ исчезновеніемъ послѣдней, получили преобладаніе неопредѣленныя кары, роенае arbitrarіae: законъ предоставлялъ судьямъ выборъ наказаній, по обстоятельствамъ дѣла, указывая его только въ общихъ чертахъ, такъ что преступникъ не могъ знать, какъ онъ будетъ наказанъ; такъ карались очень крупныя преступленія, напр. поддѣлка монеты; во многихъ случаяхъ уложеніе Карла V прямо отсылало судью къ рѣшенію правовѣдовъ, т. е. ученыхъ и опытныхъ юристовъ, руководившихся не только туземнымъ, но и римскимъ правомъ ³⁾.

Въ XVII в. положеніе германскаго общества измѣнилось во многомъ благодаря твердо установившемуся государственному порядку, прекращенію важныхъ злоупотребленій феодализма, развитію просвѣщенія и увеличенію экономическаго благосостоянія народа. Перемѣна не замедлила сказаться и на примѣненіи тѣлесныхъ наказаній, прежде всего членовредительныхъ, какъ такихъ, съ которыми могла

¹⁾ Eichhorn, о. с. III, 439.

²⁾ CCC. 113, 115, 123, 127, 130, 137, 158.

³⁾ CCC. b. 110, 115, 118, 120, 222, 123, 127, 133, 148, 159, 160, 161, 168—170, 173, 177, 178.

мирится только средневѣковая грубость. Безъ всякой законодательной отмѣны, путемъ судебной практики начало сокращаться примѣненіе наиболѣ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. По свидѣтельству юриста XVII вѣка Деплера ослѣпленіе, отрѣзаніе языка употреблялись рѣдко. Въ концѣ XVII в. эти наказанія замѣнились другими, въ саксонскихъ земляхъ—болѣзненными тѣлесными наказаніями и изгнаніемъ ¹⁾. Карпцовъ передаетъ, что за 12 лѣтъ его судебной дѣятельности въ Лейпцигѣ не было ни одного случая подобнаго наказанія ²⁾. Но другія членовредительныя наказанія еще оставались, напр. отсѣченіе носа и ушей за побѣги со службы рекрутъ ³⁾; отрубленные носы и уши прибывались къ висѣлицѣ, и такъ какъ побѣги, несмотря на наказанія, были довольно часты, то висѣлицы, по свидѣтельству Деплера, никогда не оставались безъ этихъ украшеній ⁴⁾.

Клейменіе носило характеръ и карательной и предупредительной мѣры и примѣнялось довольно часто. Въ Саксоніи клеймили воровъ за первое воровство на щекѣ, за 2-е — близъ ушей, на третій разъ ставили крестъ на лбу, чтобы остеречь честныхъ людей; клеймить полагалось и убійцъ; но практика значительно смягчала строгость постановленій закона, и клейма ставили на спину и на руки, т. е. за ними сохраняли только полицейскій характеръ. Клейменіе, какъ и членовредительныя наказанія, вызывали уже энергичный протестъ юристовъ того времени какъ своей непрактичностью, такъ и жестокостью, напр. одинъ изъ нихъ, Винтеръ, писалъ, что наказанный отсѣченіемъ руки получаетъ возможность жить на счетъ благотворителей, милостыней, въ полнѣйшей лѣности; выставляли также на видъ, что клейменіе и членовредительныя наказанія, налагая неизгладимое пятно на челоуѣка, дѣлають для него немислимымъ возвращеніе на

¹⁾ Doepler, о. е. I стр. 920, 942,—54.

²⁾ Carpzovius. Practica criminalis nova saxonica. Quest. 45. n. 3.

³⁾ Günther. De amputatione membrorum. Diss. inauguralis Jena. 1681. § 11. Grimm. Dent. Alterthümer, стр. 704 и слѣд.

⁴⁾ Döpler I. 870, 995,—999, 918.

честную дорогу ¹⁾). Но ослабленіе членовредительныхъ наказаній при отсутствіи тюремъ, при невозможности ограничиться штрафомъ въ виду измѣнившихся правовыхъ воззрѣній, выдвигало болѣзненные тѣлесныя наказанія, примѣненіе которыхъ не считалось жестокимъ въ XVII столѣтіи и не встрѣчало препятствій въ обществѣ, въ которомъ они примѣнялись ко всѣмъ, кромѣ высшихъ сословій, сохранившихъ въ числѣ привилегій, уцѣлѣвшихъ отъ прошлаго, и эту. Публичное сѣченіе, по словамъ Денлера, было самымъ обыкновеннымъ и жестокимъ наказаніемъ. Но если низшіе свободные классы городского и сельскаго населенія не могли избавить себя отъ позора тѣлесныхъ истязаній, тѣмъ не менѣе сознание этого позора было; тѣлесныя наказанія считались безчестными, сохраненію сознания этого безчестія помогало и изъятіе отъ нихъ высшихъ сословій, постоянно напоминавшее низшимъ о разницѣ ихъ положеній. Понятно, почему нѣкоторые старые практики совѣтовали употреблять болѣзненные тѣлесныя наказанія съ величайшею осторожностью. Ипполитъ Марсельскій, напр. признаетъ ихъ допустимыми только при отсутствіи возможности наказать какъ, нибудь иначе. Какъ было упомянуто, болѣзненные тѣлесныя наказанія замѣнили собою и членовредительныя, и число ихъ замѣтно увеличилось. Ими наказывалось покушеніе на отравленіе, нанесеніе ранъ, признанныхъ врачемъ не смертельными, однако имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть, неосторожное убійство и поджогъ, если виновный не въ состояніи уплатить вознагражденія и др. Точное опредѣленіе числа ударовъ зависѣло отъ усмотрѣнія суда, которому, впрочемъ, рекомендовалась извѣстная мягкость, и указывалось на еврейское право, которое не допускало наказаній болѣе чѣмъ 40 ударами. Вообще наказаніе предполагалось на сколько умѣреннымъ, чтобы не подвергать опасности жизнь осужденнаго ²⁾.

¹⁾ Döpler, о. с. I. 900—904, 910—915.

²⁾ Doepler, о. с. I. 874—899. Преступникъ послѣ экзекуціи завертывался въ баранью, только что снятую шкуру. Paulus Zachias. Questiones medico-legales.

Но и въ такой формѣ болѣзненныя наказанія удовлетворяли не всѣхъ юристовъ XVII в.: они не были такъ бессмысленно жестоки, какъ членовредительныя наказанія, не лишали преступника работоспособности, рукъ, ногъ или глазъ, но на этомъ и кончались ихъ преимущества. Развращающее вліяніе тѣлесныхъ наказаній не ускользнуло отъ авторовъ того времени. «Преступникъ, говорилъ цитированный уже юристъ Винтеръ, исключается ими вслѣдствіе безчестія изъ общенія съ другими, не терпится въ обществѣ, слѣд. какъ бы побуждается къ преступленію» ¹⁾.

Ольдекопъ требовалъ полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, только увеличивающихъ, по его мнѣнію, преступность, и предлагалъ замѣнить ихъ отдачею въ общественныя работы; эта мысль проводится и въ эдиктѣ Виртембергскаго герцога Іоанна Фридриха, изданномъ въ 1627 году, въ которомъ указывается на то, что разъ побывавшій въ рукахъ палача преступникъ навсегда теряется для общества и не можетъ существовать честно.

Слѣдовательно, уже въ XVII вѣкѣ къ тѣлеснымъ наказаніямъ стали относиться критически, то же самое продолжалось и въ XVIII в. Правда, строго полицейскій и сословный строй государствъ германскаго союза, остававшихся, какъ и въ XVII в., абсолютными монархіями, и полное отсутствіе всякаго намека на гражданскую свободу, составляли такія условія общественнаго быта, при которыхъ трудно было рассчитывать на рѣшительное измѣненіе карательной системы, но продолжавшееся въ то же время развитіе общественнаго сознанія, философскихъ и юридическихъ наукъ, выдвигавшихъ вопросъ о правахъ личности, объ отношеніяхъ ея къ государству, не могли не отразиться на законодательствѣ, поэтому исторія тѣлесныхъ наказаній въ XVIII в. носила двойственный характеръ: съ одной стороны, особенно въ началѣ столѣтія сохранялся старый порядокъ, находившій защитниковъ и въ наиболѣе образованныхъ слояхъ общества, —

---

¹⁾ Winter. о с. II, 12. Döpler. о. с. I, 870.

съ другой стороны, несоотвѣтствіе жестокихъ наказаній съ духомъ времени, вызывало ихъ постепенное, но непрерывно продолжавшееся смягченіе. Часто строгія кары сохранялись только въ кодексахъ, не примѣняясь на практикѣ. Въ лексиконѣ Гайма, изданномъ въ 1733 г., перечисляются всѣ членовредительныя наказанія, клейменіе, наказаніе палками и наказаніе розгами. Публично тѣлесныя наказанія назначались по счету Гайма за 29 преступленій, важнѣйшія изъ нихъ: банкротство, растрата, клевета, кровосмѣшеніе въ боковыхъ степеняхъ, нарушеніе предѣловъ обороны, кража и др. ¹⁾ Хотя членовредительныя наказанія упоминались, какъ существующія въ этомъ сборникѣ, предназначенномъ для практическаго пользованія, однако они вездѣ при назначеніи за отдѣльныя преступленія ставились альтернативно съ другими наказаніями, иногда съ публичнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ и изгнаніемъ, иногда даже со смертною казнью, напр. о богохульствѣ прямо говорилось, что оно наказывается не отсѣченіемъ языка, но обезщечивающимъ публичнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, или изгнаніемъ ²⁾, за сводничество на ряду съ отсѣченіемъ ушей перечисляются другія тѣлесныя наказанія ³⁾. Другой юристъ Мекбахъ, писавшій на 20 лѣтъ позднѣе (1756 г.), также указывалъ, что членовредительныя наказанія не употреблялись въ его время «такъ какъ ими воль болѣе подвергается мученіямъ и наказывается, чѣмъ повѣшеніемъ и, кромѣ того, наказанный остается жить въ тягость другимъ» ⁴⁾. При королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ I въ Пруссіи членовредительныя тѣлесныя наказанія не употреблялись совсѣмъ, а жестокія квалифицированныя казни совершались, обыкновенно, согласно тайному приказу, надъ умерщ-

¹⁾ Haimer, T. Lexicon juris criminalis. Leipz. 1733, стр. 170, 171, 250—253.

²⁾ Haimer, стр. 292.

³⁾ Ib., стр. 163, 181.

⁴⁾ Quanter, Die Leibes и Lebensstrafen, стр. 306.

вленными преступниками ¹⁾. Однако, смягчая жестокость казней, Фридрихъ Вильгельмъ, не стѣснялся вообще законами, даже изданными имъ самимъ, вслѣдствіе чего каждое дѣло велось на свой собственный ладъ и важныя преступленія иногда наказывались въ порядкѣ кабинетной юстиціи ²⁾. Такое неуваженіе къ гражданскимъ правамъ, неминуемо влекло за собой широкое примѣненіе болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, и они, дѣйствительно, были любимой карательной мѣрой Фридриха Вильгельма I, который, подобно Петру I, управлялся и собственноручно ³⁾. Болѣзненнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались и сановники: въ 1739 г. былъ публично наказанъ т. с. Вильке ⁴⁾.

Въ Комментаріяхъ къ Уголовному Уложенію Карла V, составленныхъ Ротеромъ (1685—1750 г.) описывается существовавшій въ его время порядокъ исполненія болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній; изъ описанія Ротера видно, что отъ нихъ освобождались беременныя до истеченія 6 недѣль послѣ родовъ, и что сѣченіе раздѣлялось на публичное и, совершавшееся въ стѣнахъ тюрьмы, непубличное ⁵⁾.

Прусскій ландрехтъ (1794 г.) отводилъ тѣлеснымъ наказаніямъ большое мѣсто какъ самостоятельной и дополнительной карѣ. Самостоятельно болѣзненные тѣлесныя наказанія назначались за участіе въ противозаконныхъ сообществахъ, нарушеніе общественнаго порядка и благочинія и т. д.; въ соединеніи съ другими наказаніями тѣлесныя наказанія полагались за цѣлый рядъ преступленій, начиная отъ оскорбленія мастеровъ, хозяевъ, родителей и кончая убійствомъ. Особый рескриптъ 1797 г. былъ посвященъ специально вопросу объ исполненіи тѣлеснаго наказанія; оно назначалось, обыкновенно, безъ опредѣленія числа ударовъ «умѣренное,

¹⁾ Holtze, F. Strafrechtspflege unter König Fr. Wilhelm I. Bln. 1894 стр. 41.

²⁾ Holtze, F. о. с., стр. 37.

³⁾ Ib. стр. 39.

⁴⁾ Ib., стр. 44.

⁵⁾ Wrede. Die Körperstrafen. стр. 382. п. слѣд.

обычное, усиленное»; орудія наказанія предписывалось употреблять такія, «которыя при усиленномъ наказаніи не дѣлали бы его жестокимъ или опаснымъ для здоровья». Усиленное наказаніе, какъ видно изъ полицейскихъ инструкцій 1798 г., состояло изъ 40—80 ударовъ, производилось въ одинъ или два приѣма и «безъ различія степеней всегда ad posteriora, какъ на наиболѣе безопасномъ мѣстѣ». Въ 1798—1799 г.г. тѣлесныя наказанія были распространены королевскими указами еще на нѣкоторые проступки ¹⁾.

Германскіе юристы-теоретики XVIII вѣка также отводили тѣлеснымъ наказаніямъ важное мѣсто въ своихъ проектахъ улучшенія уголовного законодательства, такъ напр. Энгельгардтъ въ «Опытѣ общаго уголовного права», построенномъ на міровой мудрости и, особенно, естественномъ правѣ (въ 1756 г.), прежде всего устанавливаетъ дѣленіе тѣлесныхъ наказаній на членовредительныя (Gliederstrafen) и болѣзненные (Schmerzenstrafen о. schmerzliche Strafen), съ нѣмецкой педантичностью останавливается на перечисленіи ихъ отдѣльныхъ видовъ и признаетъ членовредительныя наказанія болѣе тяжкими (въ чемъ и раньше никто не сомнѣвался), такъ какъ они не допускаютъ возстановленія прежняго состоянія, а послѣ болѣзненныхъ (по крайней мѣрѣ въ принципѣ) возможно полное выздоровленіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ, не давая общей оцѣнки тѣлеснаго наказанія, признаетъ его цѣлесообразность какъ бы доказанной и прямо переходитъ къ отдѣльнымъ преступленіямъ; онъ считаетъ отнятіе языка наказаніемъ вполне подходящимъ за богохульство и т. д. ²⁾.

Глобигъ и Густеръ (1783 г.) находили, что въ правомѣрности тѣлесныхъ наказаній нѣтъ сомнѣнія, но что они не должны быть жестоки. Жестоко наказаніе, когда оно опасно

¹⁾ Krause, Die Prügelstrafe. Berlin. 1899.

²⁾ Engelhard, R. Versuch eines allgemeinen peinlichen Rechts auf den Grundsätzen der Weltweisheit insbesondere des Rechts der Natur, Leipz. 1756 стр. 149, 155, 156, 183, 184, 186, 202, 211, 212, 286, 292, 348, 370, 405, 483.

для жизни, когда отнимаетъ руки, ноги, дѣлаетъ невыносимой остальную часть жизни, лишаетъ возможности заработка. Членовредительныя наказанія невыгодны прежде всего потому, что заставляють государство содержать на свой счетъ наказаннаго; отступленіе отъ этого взгляда допускается только въ видахъ устрашенія при таліонѣ за тѣлесныя поврежденія (кромѣ кастраціи). Болѣзненные тѣлесныя наказанія авторы допускають до 200 ударовъ плетми или розгами. Тѣлесныя наказанія, по ихъ предположенію, должны были назначаться вмѣстѣ съ тюрьмой и каторгой, напр. за государственную измѣну они рекомендовали назначать вѣчную каторгу съ ежедневнымъ наказаніемъ розгами, съ закованіемъ въ ножные и ручныя кандалы и желѣзный ошейникъ ¹⁾. Въ 1785 г. появилась работа о преступленіяхъ и наказаніяхъ Гмелина, который находилъ, что «болѣзненные тѣлесныя наказанія со всѣхъ точекъ зрѣнія хороши, вполне удовлетворяють конечной цѣли наказанія (устрашенію), не противны человѣчности и разумному государственному управленію и имѣють еще особую выгоду въ томъ, что, напр. въ отношеніи числа ударовъ и инструментовъ можно всегда сообразоваться съ обстоятельствами». Гмелинъ рѣшительно высказывается противъ членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній, «которыя противорѣчатъ человѣчности и благоразумной уголовной политикѣ», наказанные навсегда исключаются изъ общества, у нихъ отнимаются всѣ честныя средства къ жизни. Этотъ же авторъ касается и вопроса о болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, какъ дисциплинарной мѣры: родители, по его мнѣнію, могутъ наказывать тѣлесно и взрослыхъ дѣтей, только не причиняя имъ смерти или увѣчья ²⁾.

Въ XIX вѣкѣ вымираніе тѣлесныхъ наказаній въ Германіи шло довольно медленно, что вполне соответствовало общественному и государственному порядку германскихъ земель, вну-

¹⁾ Globig und Huster. Abhandlung. v. der Criminalgesetzgebung. Zürich, 1783; стр. 73, 74, 172, 181, 188, 195, 196, 212, 236.

²⁾ Gmelin. Grundsätze d. Gesetzgebung üb. Verbrechen und Strafen. Tübingen. 1785. 73—75, 76, 176, 178, 202, 249, 285.

треннее состояніе которыхъ мало измѣнила и война за освобожденіе 1813 г. Но распространеніе просвѣщенія и новыхъ идей, проникавшихъ повсюду, несмотря на строгость цензуры, смягченіе нравовъ, ослабленіе полицейскаго характера управленія, сравнительно съ XVIII в. не могли не поколебать и не измѣнить взглядовъ на тѣлесное наказаніе и въ обществѣ и въ законодательствѣ. Съ начала XIX вѣка исчезли уже членовредительныя наказанія «человѣчность и благоразуміе, писалъ Фейербахъ въ своемъ учебникѣ, вывели ихъ изъ употребленія»¹⁾. Болѣзненные наказанія оставались въ значительно смягченномъ видѣ.

Въ Пруссіи продолжали дѣйствовать законы 1794 г. съ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями. Въ 1811—1812 г. примѣненіе тѣлесныхъ наказаній было сильно ограничено, такъ по указу 1812 г. они оставались только для «преступниковъ изъ самыхъ низшихъ классовъ». Въ 1833 г. отъ тѣлесныхъ наказаній были освобождены женщины, и въ 1834 г. было признано, что тѣлесныя наказанія всего пригоднѣе для несовершеннолѣтнихъ и слабоумныхъ, «такъ какъ для нихъ тѣлесныя наказанія не составляютъ никакого позора». Во всякомъ случаѣ тѣлесныя наказанія считались необходимыми и были сохранены во всѣхъ проектахъ прусскаго уголовного уложенія, съ проектомъ 1847 г. включительно. Оставались тѣлесныя наказанія и въ уложеніяхъ другихъ германскихъ государствъ, изданныхъ въ 30-хъ годахъ, напр., въ Ганноверскомъ кодексѣ они замѣняли 6-ти недѣльное тюремное заключеніе для бродягъ; вообще они назначались въ дополненіе къ тюремному заключенію и самостоятельно для несовершеннолѣтнихъ 10—15 лѣтъ.

Въ такомъ объемѣ тѣлесныя наказанія находили себѣ защитниковъ и среди криминалистовъ, смотрѣвшихъ на низшіе классы, какъ на не вполне правоспособные, такъ напр. Ярке защищалъ примѣненіе болѣзненныхъ тѣлес-

¹⁾ Feuerbach, A. Lehrbuch d. gemeinen peinlichen Rechts. 10-te Auflage. Giessen, 1828, стр. 101, § 147, 148.

ныхъ наказаній, считая массу народа по развитію равнойъ несовершеннолѣтнимъ ¹⁾, Ширахъ указывалъ на то, что чувство чести въ массахъ недостаточно развито и считалъ тѣлесныя наказанія вполне пригодными за безчестія преступленія, указывающія на дерзость и грубость виновника ²⁾. Другіе держались золотой середины и, не становясь ни на ту, ни на другую сторону, признавали отмѣну наказаній несвоевременной, требовали указаній опыта (напр. Вехтеръ), хотя, конечно, трудно было ожидать этихъ указаній, разъ тѣлесныя наказанія продолжали бы примѣняться по прежнему.

Съ 30-хъ годовъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ болѣзненныхъ, такъ какъ о членовредительныхъ уже и не вспоминалось, выдвинулся въ литературѣ въ связи съ замѣчавшимся въ Германіи оживленіемъ общественной мысли. Въ 1831 г. появилась статья извѣстнаго криминалиста Миттермайера, рѣшительно требовавшаго отмѣны тѣлесныхъ наказаній, какъ бесполезныхъ и несоотвѣтствующихъ строю конституціонныхъ государствъ ³⁾. Но эта статья не принесла никакого практическаго результата: борьба была начата нѣсколько рано. Она возобновилась съ большимъ успѣхомъ въ 40-хъ годахъ: въ 1841 г. въ томъ же «Архивѣ Уголовнаго Права», гдѣ писалъ и Миттермайеръ, появилась статья Ягемана, который требовалъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній не только по суду, но и какъ дисциплинарной мѣры. «Тѣлесныя наказанія, говорилъ авторъ, на 50 лѣтъ пережили пытку, пора имъ и исчезнуть» ⁴⁾. Въ энергичномъ тонѣ статьи слышался боевой вызовъ, смѣлыя слова соответствовали духу времени, наоборотъ заступники тѣлесныхъ наказаній значительно понизили свой тонъ. Отвѣчавшій Яге-

¹⁾ Jarke, Handbuch d. peinlichen Rechts T. I, с. 265. Roshirt. Entwikelung d. Grundsätze d. Strafrechts. стр. 461—463.

²⁾ Schirach. Handbuch d. Criminalrechts. T. I, стр. 175—184.

³⁾ Mittermaier Körperliche Züchtigung als Strafart. Arch. d. crimin. Rechts 1831. XII, стр. 653.

⁴⁾ Jagemann. Die Strafe der Körperlichen Züchtigung vor dem Forum der Wissenschaft. Arch. d. crimin. Rechts. 1841. IX, стр. 230—231.

ману Гудвалькеръ указываль, главнымъ образомъ, на недостатокъ тюремнаго заключенія, на грубость простаго народа, на необходимость тѣлеснаго наказанія для бродягъ ¹⁾. Теоретическая борьба скоро рѣшилась въ пользу противниковъ тѣлесныхъ наказаній, самую жизнь. Событія 1848 г. вызвали уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, какъ самостоятельной кары.

Въ Пруссіи тѣлесныя наказанія были отмѣнены королевскимъ указомъ, въ которомъ говорилось, что «въ виду дарованныхъ всѣмъ подданнымъ одинаковыхъ политическихъ правъ тѣлесныя наказанія не могутъ назначаться ни военными, ни гражданскими судами». Другія германскія государства послѣдовали примѣру Пруссіи (въ Нассау, Баденѣ, Брауншвейгѣ и Дармштадтѣ тѣлесныя наказанія были отмѣнены раньше, въ періодъ 1809—1841 г.). Во время наступившей послѣ 1848 г. реакціи нѣкоторые германскія государства снова ввели тѣлесныя наказанія (Саксонія, Виртембергъ, Мекленбургъ, Ганноверъ).

Въ 1871 г. общегерманское уголовное Уложеніе отмѣнило тѣлесныя наказанія во всей Германіи; въ настоящее время они допускаются по императорскому указу 1896 г. лишь для туземцевъ (кромѣ арабовъ и индійцевъ) германскихъ колоній. Число ударовъ ограничено 25; женщины не подлежатъ тѣлесному наказанію ²⁾. Затѣмъ тѣлесныя наказанія примѣняются во многихъ германскихъ государствахъ, какъ дисциплинарное наказаніе въ тюрьмахъ. Уцѣлѣли въ качествѣ дисциплинарнаго взыскація тѣлесныя наказанія и въ школахъ.

Отрицательное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ законодательствѣ поддерживалось и въ литературѣ: противъ нихъ высказывались лучшіе представители науки уголовного

---

¹⁾ Hudtwalker. Noch ein Wort über die körperliche Züchtigung als Strafe. Arch. 1842. IV стр. 164—187.

²⁾ Hansen. Stock. u. Peitsche. Dresden 1899, стр. 85.

права 50—70 годовъ¹⁾, и авторъ энциклопедіи германскихъ законовъ, Блуме (1854 г.), имѣлъ полное право замѣтить «что новые кодексы послѣ неоднократно возобновляемой борьбы отказались отъ тѣлесныхъ наказаній». Этотъ же авторъ указываетъ и на бесполезность тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ, гдѣ они зависятъ отъ усмотрѣнія начальства²⁾.

Слѣдовало бы ожидать, что въ настоящее время въ Германіи вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, постепенная отмѣна которыхъ совершалась весьма медленно и послѣ упорной борьбы, долженъ бы считаться исчерпаннымъ, и дальнѣйшія усилія науки и закона должны бы направляться на уничтоженіе ихъ остатковъ въ тюрьмахъ, школахъ и т. д., въ дѣйствительности, однако, стало замѣтно движеніе въ пользу тѣлесныхъ наказаній. Преступность въ Германіи увеличивается; этотъ несомнѣнный фактъ указываетъ на нецѣлесообразность мѣръ, употребляемыхъ для борьбы съ нею; на этой почвѣ представители реакціонныхъ теченій, забывая долгую кровавую практику предшествовавшихъ столѣтій, печальный примѣръ которыхъ достаточно долженъ бы предохранить отъ всякихъ иллюзій на счетъ успѣшности устрашительныхъ каръ, стали обвинять дѣйствующую систему наказаній въ слабости и требовать усиленія строгости, устрашенія. Типичнымъ выразителемъ этихъ мнѣній явился членъ рейхстага Миттельштедтъ въ своемъ памфлетѣ противъ тюремнаго заключенія (въ 1879 г.). Наказаніе, по его мнѣнію, можетъ имѣть двѣ цѣли: устрашеніе и исправленіе. Первая господствовала прежде, когда «наивныя головы» не разсуждали о томъ, какъ дѣйствуютъ угрозы наказанія, психологически или фізіологически (стр. 19). Новое время задумало возвратить заблудшихъ дѣтей въ общество. Это абсурдъ. Наказаніе, чего бы оно ни касалось, всегда было и будетъ зломъ, страданіемъ, ни больше, ни меньше (стр. 23). Поэтому

¹⁾ Сравни. Берверъ. Учебникъ Уголовн. права. Сиб. 1865 г. I. стр. 735—37.

²⁾ Bluhme, Dr. Encyclopaedie des in Deutschland geltenden Rechts. Abt. I. Berlin. 1854, стр. 47.

прежде всего тюрьму слѣдовало бы сдѣлать мѣстомъ лишенія съ тяжкимъ трудомъ, напр. съ горными или земледѣльческими работами. Также необходимо самое ограниченное питаніе, голодъ здѣсь совершенно умѣстенъ (стр. 66—67). Кромѣ того, нужна смертная казнь: «если топоръ или гильотина будутъ работать нѣкоторое время sans phrases, то мы сможемъ со здоровыми нервами, твердымъ безпристрастіемъ и ясностью мысли обсудить въ какихъ предѣлахъ принять эту «ultima ratio» земной справедливости» (77). Но авторъ полагаетъ, что и этого мало: «въ глубинѣ народной души все замѣтнѣе, говоритъ онъ, становится движеніе противъ нелѣпой гуманности, и это движеніе выражается въ требованіи возстановить родъ наказаній, на который привыкли смотрѣть, какъ на пережитое варварство. Возстановленіе тѣлеснаго наказанія—такое требованіе народа!» Долгое тюремное заключеніе безконечно болѣе мучительное и болѣе разрушающее здоровье наказаніе, чѣмъ тѣлесное въ какой бы то ни было формѣ. Не нужно, конечно, возстановлять тѣлесное наказаніе для всѣхъ, не различая пола и возраста. Но очень серьезень вопросъ, не будетъ ли для полузрѣлаго юношества порція розогъ болѣе дѣйствительнымъ, подходящимъ и гуманнымъ наказаніемъ, чѣмъ тюрьма, за такія дерзкія преступленія, какъ злостное поврежденіе вещей, тѣлесныя поврежденія и т. п. Загадка, почему въ предѣлахъ, въ которыхъ, несмотря ни на что, дѣйствующее право и обычай, предоставляетъ взрослымъ надъ несовершеннолѣтними право тѣлеснаго наказанія въ семьѣ, школѣ и мастерской, — въ этомъ отказывается государству? (стр. 82). Если судѣ предоставлено закономъ опредѣлить степень нравственной зрѣлости несовершеннолѣтняго, то отчего не дать ему права приговаривать къ тѣлеснымъ наказаніямъ? Главное дѣло въ принципѣ: не важно, чтобы непременно били, но важно, чтобы могли бить, слѣдуетъ сдѣлать только одинъ шагъ и дозволить суду назначать при позорныхъ преступленіяхъ дополнительное тѣлесное наказаніе (стр. 84)¹⁾.

1) Mittelstädt. O. Dr. Gegen die Freiheitsstrafen. Leipzig. 1879.

Памфлетъ Миттельштедта, написанный горячо и рѣшительно, обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ цѣлый рядъ возраженій со стороны защитниковъ тюремнаго заключенія. Противъ него писали извѣстные германскіе юристы и тюремовѣды: Schwarze ¹⁾, Кроне ²⁾, Штрентъ ³⁾, проф. Зонтагъ ⁴⁾ и др.

Въ извѣстномъ руководствѣ тюремовѣднія Гольцендорфа и Ягемана тѣлесныя наказанія называются «варварскою карательной мѣрой», недопустимой въ культурныхъ государствахъ и совершенно недостигающей цѣли ⁵⁾.

Но мнѣнія Миттельштедта нашли поддержку въ средѣ тюремныхъ дѣятелей, хотя и не безусловно: они на сѣздѣ въ 1877 г. высказались за желательность тѣлеснаго наказанія для несовершеннолѣтнихъ. Въ 1890 г. въ такомъ же смыслѣ состоялись постановленія тюремнаго общества въ провинціи Саксоніи и Ангальта. Въ 1891 г. Рейнско-Вестфальское тюремное общество послѣ обсужденія доклада Шмольдера ⁶⁾ признало нужнымъ примѣнять тѣлесныя наказанія: 1) въ исправительныхъ домахъ, 2) въ тюрьмахъ для несовершеннолѣтнихъ арестантовъ (для взрослыхъ въ тяжкихъ случаяхъ неповиновенія). Тѣлесныя же наказанія рассматриваются, какъ необходимая мѣра, многими австрійскими тюремными дѣятелями и писателями, напр. Гиллеръ въ своей монографіи о дисциплинарныхъ наказаніяхъ требуетъ распространенія тѣлесныхъ наказаній на всѣ тюрьмы, арестные и рабочіе дома, исключая только послѣдственныхъ арестантовъ ⁷⁾.

---

¹⁾ Schwarze, Die Freiheitsstrafe. Leipzig. 1880.

²⁾ Krohne. Der gegenwärtige Stand d. Gefängniswissenschaft. Zeitschrift f. d. Strafrechtswissenschaft. B. I. стр. 53 и слѣд.

³⁾ Streng, Kritik der Abhandlung Mittelstädts. Beilage zur Allzeitung 1880.

⁴⁾ Sontag, R. Dr. Für die Freiheitsstrafen. Berlin. u. Leipzig. 1881.

⁵⁾ Holtzendorf, C. u. Jagemann, E. Handbuch des Gefängniswesens. Hamburg, 1888, II стр. 93—95.

⁶⁾ Schmölder, Die Körperliche Züchtigung als richterliches Strafmittel und Disciplinarmittel in Strafanstalten. Düsseldorf.

⁷⁾ Hiller. Die Disciplinarstrafen in den Oesterreichischen Strafanstalten und Gerichtsgefängnissen. Leipzig und Wien. 1894.

Къ защитникамъ тѣлесныхъ наказаній примыкаетъ и проф. Листъ, высказывающій въ своемъ учебникѣ положеніе, что едва ли можно обойтись безъ тѣлеснаго наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр. приходится наказывать неисправимыхъ преступниковъ или несовершеннолѣтнихъ, чувствующихъ боль наказанія, но не его позорность ¹⁾.

Наконецъ, въ 1899 г. появилась довольно обширная монографія члена судебного вѣдомства (Gerichts-asseror) д-ра Краузе, защищающая взгляды Миттельштедта и доказывающая необходимость тѣлесныхъ наказаній ²⁾. За тѣлесныя же наказанія высказывается и авторъ монографіи о смертной казни и тѣлесныхъ наказаніяхъ, Квантеръ ³⁾.

Изъ другихъ государствъ слѣдуетъ отмѣтить Англію, въ которой тѣлесныя наказанія сохранились какъ карательная мѣра, назначаемая по суду и какъ дисциплинарное взысканіе. Какъ и въ Германіи, въ Англіи тѣлесныя наказанія укрѣпились въ средніе вѣка ⁴⁾. Право выкупа было уничтожено еще въ XII в. ⁵⁾, и въ XIII в. по свидѣтельству Бриктона тѣлесныя наказанія стали карательной мѣрой, примѣнявшейся весьма часто ⁶⁾. На ограниченіе тѣлесныхъ наказаній въ Англіи имѣла большое вліяніе церковная привилегія (право клириковъ судиться исключительно въ церковныхъ судахъ, избѣгавшихъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній), которая постепенно распространялась и на другіе классы населенія ⁷⁾.

¹⁾ Liszt. Lehrbuch d. deutschen Strafrechts. Berlin. 1891. 4 Aufl. стр. 258. Въ послѣднемъ изданіи учебника Листъ вовсе не высказывается о тѣлесныхъ наказаніяхъ.

²⁾ Dr. Krause, Gerichts-asseror. Die Prügelstrafe. Eine Kriminalpolitische Studie. Bln. 1899.

³⁾ Quanter. Die Leibes und Lebensstrafen. Dresden. 1901.

⁴⁾ Morse Earle. Curious Punishments of bygone days. 1896. Stephen. History of criminal law.

⁵⁾ Philips Englische Reichs u. Rechts Geschichte. Bln. 1827, I, стр. 188.

⁶⁾ Crabb. Geschichte des englischen Rechts. 1839 стр. 304—305.

⁷⁾ Blakstone. Commentaire sur les lois anglaises. 1823, VI, стр. 283.

Тѣлесныя наказанія защищались и въ англійской юридической литературѣ, напр. извѣстный англійскій юристъ и философъ Бентамъ въ своемъ сочиненіи о наказаніяхъ и наградахъ требуетъ, чтобы наказаніе было экономичнымъ, т. е. чтобы достигало намѣченной имъ цѣли съ наименьшей суммой страданія для преступника. Наказаніе, по его мнѣнію, нужно для предупрежденія повторенія преступленій; т. е. столько же для преступника, сколько и для другихъ. «Еслибы повѣшеніе куклы могло такъ же утратить, какъ повѣшеніе преступника, говоритъ онъ, вѣшать послѣднихъ было бы бессмысленной жестокостью». Оцѣнивая тѣлесныя наказанія, онъ видитъ ихъ положительныя стороны въ значительной способности къ дѣлимости болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, въ возможности соразмѣрять ихъ съ преступленіемъ, но высказывается противъ членовредительныхъ наказаній, которыя по его взгляду прежде всего не экономичны: изувѣченныхъ приходится содержать на общественный счетъ, кромѣ того, они крайне неравномѣрны, такъ какъ, напр., далеко не все равно потерять руку художнику или какому нибудь бродягѣ, ихъ единственное преимущество въ примѣрности, «потому членовредительныя наказанія можно употреблять только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, какъ наказаніе дополняющее вѣчное заключеніе». Противъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній Бентамъ возражаетъ не принципиально, а только противъ существовавшей въ его время практики: «въ Англии, говоритъ онъ, плеть употребляется съ крайней неравномѣрностью. Отъ палача зависитъ сдѣлать наказаніе легче или тяжелѣе. Продажа снисходительности для нихъ одинъ изъ источниковъ дохода, вслѣдствіе чего преступникъ наказывается не по винѣ, а по достатку». Единственную поправку Бентамъ видитъ въ построеніи особыхъ цилиндрической формы машинъ, которыя приводили бы въ движеніе эластичныя тѣла, на подобіе вѣтвей или китовыхъ усовъ. Отвѣтственный чиновникъ долженъ наблюдать за правильностью дѣйствія машинъ. Одновременное дѣйствіе нѣсколь-

кихъ машинъ могло бы увеличить ужасъ сцены наказанія ¹⁾).

Въ настоящее время тѣлесныя наказанія въ Англіи назначаются по суду для несовершеннолѣтнихъ и взрослыхъ. Высшій предѣлъ тѣлеснаго наказанія — наказаніе виновныхъ въ гарротерствѣ, за которое законъ 1863 г. назначаетъ 50 ударовъ плетью (недостигшимъ 16 лѣтъ—25 ударовъ). Женщины не наказываются тѣлесно. Какъ дисциплинарная мѣра, тѣлесныя наказанія употребляются въ Англіи въ школахъ и тюрьмахъ ²⁾). Наконецъ, тѣлесныя наказанія по суду существуютъ въ Европѣ въ государствахъ Балканскаго полуострова, а въ Швеціи, Норвегіи и Даніи — для несовершеннолѣтнихъ ³⁾).

VI.

Всматриваясь въ ходъ исторіи тѣлесныхъ наказаній и сопоставляя прошлое съ настоящимъ, можно съ достаточной твердостью установить положеніе, что тѣлесныя наказанія были прежде одной изъ важнѣйшихъ карательныхъ мѣръ у европейскихъ народовъ, что постепенно они выходили изъ употребленія и въ настоящее время являются уже второстепеннымъ наказаніемъ и примѣняются, сравнительно съ прошлымъ, въ небольшихъ размѣрахъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній свидѣтельствуетъ объ ихъ вымираніи—вотъ основной выводъ.

Важнѣйшія условія, отъ которыхъ находится въ зависимости распространеніе и вымираніе тѣлесныхъ наказаній—это положеніе личности въ государствѣ, состояніе культуры и цѣли, преслѣдуемыя наказаніемъ. Тѣлесныя наказанія появ-

¹⁾ Bentham. *Théorie des peines et de récompenses*. Paris. 1825. Т. I. стр. 12, 14, 16, 18—20; 22, 35, 37—40, 47, 57—62, 68, 87—89, 91—96, 99—101, 104—107, 110—114.

²⁾ Krausse. *Die Prügelstrafe* стр. 67 и сл.

³⁾ Таганцевъ, *Уголовное право*, т. II, стр. 1137.

ляются въ семьѣ, въ родѣ, для подчиненныхъ лицъ и для рабовъ; когда же государственная власть пріобрѣтаетъ право и возможность наказывать по усмотрѣнію, благодаря грубости нравовъ, они переходятъ въ общую карательную систему. Высшіе, сохранившіе болѣе правъ, классы, по большей части, избѣгаютъ общей участи, и тѣлесныя наказанія къ нимъ не примѣняются. Но когда государство окончательно складывается, и населеніе получаетъ возможность направить свои силы на внутреннее развитіе, съ увеличеніемъ экономическаго благосостоянія и развитіемъ образованія въ среднихъ и низшихъ классахъ, начинается процессъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній, вызываемый стремленіемъ всѣхъ классовъ населенія пріобрѣсти гражданскую равноправность.

Приниженное положеніе личности, грубость нравовъ вслѣдствіе малаго развитія культуры, стремленіе утратить преступника и отплатить ему за зло зломъ, по возможности еще большимъ, если не равнымъ, создаютъ атмосферу, въ которой пышно развиваются тѣлесныя наказанія. Такъ, приниженное положеніе личности содѣйствовало широкому примѣненію тѣлесныхъ наказаній въ древнихъ восточныхъ деспотіяхъ (стр. 10); въ Римѣ распространеніе тѣлесныхъ наказаній находилось въ прямой зависимости отъ развитія и исчезновенія гражданской свободы (стр. 11). Подобнымъ же образомъ тѣлесныя наказанія развивались и у германскихъ народовъ по мѣрѣ утраты населеніемъ прежнихъ правъ и усиленія государственной власти. Словомъ, тѣлесныя наказанія были всегда, какъ говорилось выше, участію несвободныхъ, слабыхъ, и безправныхъ. Соотношеніе тѣлесныхъ наказаній съ состояніемъ культуры выражается въ томъ, что малокультурность даннаго общества, грубость его нравовъ даетъ просторъ для проявленія жестокости въ наказаніяхъ, а, слѣдовательно, и для примѣненія тѣлесныхъ наказаній. Вмѣстѣ съ этимъ при грубости нравовъ цѣли наказанія сводятся, главнымъ образомъ, къ устрашенію и возмездію, что еще болѣе укрѣпляетъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, поэтому тѣлесныя наказанія и распространились и утвердились

у германскихъ народовъ въ средніе вѣка, когда въ наказаніи преслѣдовались по преимуществу цѣли устрашенія и возмездія, осуществляемые жестокими казнями, причиненіемъ преступнику возможно большаго физическаго страданія. Наоборотъ, какъ только личность гражданина пріобрѣла значеніе, возросли культура и благосостояніе населенія и расширились цѣли преслѣдуемыя наказаніемъ — тѣлесныя наказанія стали казаться слишкомъ тяжелыми, непригодными, и ихъ примѣненіе или прекратилось вовсе, или сильно ограничилось. Такъ, во Франціи тѣлесныя наказанія были уничтожены во время революціи, въ Германіи и другихъ государствахъ — съ установленіемъ конституціоннаго режима, а эти перемѣны въ общественномъ и государственномъ строѣ въ свою очередь основывались на измѣнившихся культурныхъ и экономическихъ условіяхъ жизни народовъ. Такимъ образомъ, развитіе культуры и правового строя приводитъ къ вымиранію тѣлесныхъ наказаній.

Фактъ существованія тѣлесныхъ наказаній въ цивилизованныхъ странахъ, напр. въ Англіи, не уничтожаетъ силы указаннаго вывода, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи условій существованія въ Западной Европѣ тѣлесныхъ наказаній выясняется, что 1) процессъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній совершается и въ странахъ ихъ сохранившихъ, такъ область примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ Англіи въ настоящее время очень невелика сравнительно съ тѣмъ, что было столѣтіе назадъ; 2) въ культурномъ отношеніи современное европейское общество распадается на много группъ, далеко не одинаковыхъ и не однородныхъ; доказательствомъ этого могутъ служить послѣднія колоніальныя войны, которыя вели европейскія державы, особенно Англія. Медленнымъ проникновеніемъ культуры въ массы, медленнымъ измѣненіемъ взглядовъ и привычекъ можно объяснить какъ сохраненіе многого изъ давно прошедшихъ временъ, такъ и тѣлесныхъ наказаній. Еще до сихъ поръ въ Германіи и Англіи тѣлесныя наказанія считаются полезной дисциплинарной мѣрой въ школахъ и семьяхъ, воспоминаніе объ ихъ прош-

ломъ значеніи еще живо, въ этомъ и слѣдуетъ искать объясненія, какъ существованія тѣлесныхъ наказаній, такъ и ихъ теоретической защиты. Но развитіе культуры сдѣлало уже очень много, уничтоживъ квалифицированныя смертныя казни и самыя тяжкія тѣлесныя наказанія. Поэтому современные сторонники устрашенія во что бы то ни стало, отстаиваютъ только болѣе широкое примѣненіе болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній и то въ несравненно болѣе мягкой формѣ, чѣмъ прежде, и предлагаютъ примѣнять тѣлесныя наказанія, главнымъ образомъ, къ тѣмъ, кто, какъ предполагается, не чувствуетъ ихъ позора, т. е. защищаютъ тѣлесныя наказанія съ ограниченіями ясно говорящими, что прежняя роль тѣлесныхъ наказаній отошла безвозвратно въ область исторіи.

Но если исторія тѣлесныхъ наказаній указываетъ на ихъ вымираніе, и съ этой точки зрѣнія существованіе ихъ въ Европѣ въ настоящее время является лишь переживаніемъ то тѣмъ не менѣе нельзя не остановиться на ихъ теоретической оцѣнкѣ, не выяснить свойства тѣлесныхъ наказаній, независимо отъ выводовъ, указываемыхъ ихъ исторіей, такъ какъ они существуютъ и защищаются.

Переходя къ теоретической оцѣнкѣ тѣлесныхъ наказаній нужно имѣть въ виду, что рѣчь идетъ въ настоящее время о болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ и о примѣненіи ихъ къ нѣкоторымъ разрядамъ преступниковъ, это — maximum требованій сторонниковъ ихъ, сознающихъ немыслимость полного возвращенія къ прошлому, и что огромное большинство криминалистовъ, какъ и авторовъ не юристовъ, касавшихся этого вопроса, высказываются противъ тѣлесныхъ наказаній ¹⁾).

---

¹⁾ *Жбанковъ и Яковенко.* Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. Москва. 1899. *Кистяковскій.* Элементарный учебникъ. Кіевъ. 1882, стр. 800—845. *Неклюдовъ.* Учебникъ уголовного права Бернера съ примѣчаніями. Спб. 1865 стр. 668—686. *Сергѣевскій.* Русское Уголовное Право. Спб. 1890, стр. 138—147. *Ступинъ.* Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ судебниковъ до настоящаго времени. Владикавказъ. 1887. *Таганцевъ.* Лекціи по уголовному Праву, IV,

Доводы сторонниковъ тѣлесныхъ наказаній можно раздѣлить на двѣ группы: 1) доводы основанные на несостоятельности существующей карательной системы и 2) доводы, основанные на свойствахъ тѣлесныхъ наказаній, на ихъ полезности помимо постороннихъ соображеній.

Несостоятельность современной карательной системы ставится главнымъ доводомъ въ пользу тѣлесныхъ наказаній уже въ работѣ Миттельштета; въ трудѣ Краузе (1899 г.) этому доводу отведено также первое мѣсто. Краузе, вслѣдъ за Миттельштетомъ прежде всего упрекаетъ современное правосудіе въ мягкости и въ склонности замѣнять тюремное заключеніе штрафомъ. Самое тюремное заключеніе краткосрочное и долгосрочное, по его мнѣнію, устроено такъ, что нерѣдко арестантъ оказывается въ лучшемъ положеніи, чѣмъ свободный рабочій: его прекрасно кормятъ, одѣваютъ, помѣщаютъ; между различными видами заключеній почти нѣтъ разницы и вообще тюремное заключеніе нисколько не устрашаетъ. Наконецъ, теорія исправленія преступниковъ, проводимая въ тюрьмахъ, совершенно невѣрна и невыполнима; рецидивъ растетъ, растетъ и преступность ¹⁾.

Нельзя не замѣтить, что, указывая на недостатки тюремнаго заключенія, Миттельштетъ и Краузе многое преувеличиваютъ и упускаютъ изъ виду, что ростъ преступности

стр. 1450—1459. *Его же*. Русское Уголовное Право т. II. Спб. 1902 стр. 1134 и слѣд. *Фойницкій*. Ученіе о наказаніи 153—162. *Шуликинъ*. О тѣлесныхъ наказаніяхъ. Ж. М. Ю. 1861. *Noelner*. Bemerkungen üb. Straftart d. Körperlichen Züchtigung. Arch. 1843, X, стр. 191—203. *Krause*. Die Prügelstrafe. Bln. 1899. *Geib*. Lehrbuch des Strafrechts. *Jarke*. Handbuch des deutschen Strafrechts 1830. *Liszt*. Lehrbuch d. deutschen Strafrechts. *Lanjuinais*. La bastonnade et la flagellation pénale 1825. *Pape*. Ueber die Wiedereinführung d. Prügelstrafe 1853. *Schmülder*. Die Körperliche Züchtigung (1891). *Vargha*. Die Abschaffung der Strafknechtschaft. *Wrede*. Die Körperstrafe. 1898. *Hansen*. Stock. u. Peitsche 1899. *Quanter*. Die Lebens u. Leibesstrafen 1901. *Gutzzeit*. Ueber Willkür und Rache bei Strafen. 1899. *Ulls*. Die Flagellomanie 1901. *Cooper*. Der Flagellantismus u die Flagellanten, 1899.

¹⁾ Krause. Die Prügelstrafe, стр. 1—51.

обусловливается массой причинъ, среди которыхъ недостатки тюремнаго заключенія стоятъ далеко не на первомъ мѣстѣ. Но даже, если согласиться со всѣми замѣчаніями о несостоятельности дѣйствующей карательной системы, то все-таки изъ этого еще не будетъ вытекать необходимость примѣненія тѣлесныхъ наказаній. Тюремное заключеніе слѣдуетъ улучшить, устранить его недостатки, замѣнить другими болѣе цѣлесообразными мѣрами, а не тѣлесными наказаніями, которыя постепенно утратили свое мѣсто, именно, потому что были признаны непригодными. Сначала нужно доказать, что тѣлесныя наказанія хороши и полезны сами по себѣ, а за тѣмъ уже говорить о замѣнѣ ими тюремнаго заключенія, безъ этого недостатки послѣдняго не могутъ служить доводомъ въ пользу тѣлесныхъ наказаній.

И такъ, несостоятельность дѣйствующей карательной системы не можетъ считаться аргументомъ за тѣлесныя наказанія и вслѣдствіе этого центръ тяжести переносится на вторую группу доводовъ, основанныхъ на полезности тѣлесныхъ наказаній, которые сводятся къ слѣдующимъ: 1) тѣлесныя наказанія не мѣшаютъ работѣ наказаннаго и не наносятъ, такимъ образомъ, имущественнаго ущерба, какъ ему самому, такъ и его семейству; 2) тѣлесныя наказанія дешевы; 3) тѣлесныя наказанія индивидуальны, такъ какъ они всегда могутъ быть сообразованы со сложениемъ, возрастомъ и здоровьемъ преступника; 4) тѣлесныя наказанія не представляютъ собою проявленія жестокости, они примѣняются напр. въ семьѣ къ дѣтямъ, для ихъ же блага; 5) тѣлесныя наказанія устраняютъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ тюремнаго заключенія, избавляя еще неиспорченныхъ новичковъ арестантовъ отъ знакомства съ закоренѣлыми преступниками; 6) тѣлесныя наказанія причиняютъ скорое и замѣтное зло преступнику и имѣютъ большое устрашительное значеніе; 7) тѣлесныя наказанія являются хорошей карательной мѣрой противъ нѣкоторыхъ грубыхъ, озвѣрѣвшихъ преступниковъ ¹⁾.

---

¹⁾ Krause. Die Prügelstrafe, стр. 82—87, 103—104.

Остановившись на ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ доводовъ, исчерпывающихъ все, что можно сказать за тѣлесныя наказанія, нельзя не замѣтить, что они не отличаются ни силою, ни убѣдительною. Такъ, тѣлесныя наказанія, если и не мѣшаютъ работѣ наказаннаго, то только слабыя, не требующія продолжительнаго лѣченія, а такія наказанія имѣютъ очень малое карательное значеніе и не могутъ замѣнить собой тюремнаго заключенія. Дешевизна тѣлесныхъ наказаній безспорна, но она можетъ быть принята во вниманіе лишь при наличности другихъ положительныхъ свойствъ этихъ наказаній, отсутствіе которыхъ совершенно уничтожаетъ значеніе этого преимущества. Въ этомъ отношеніи выгоды тѣлесныхъ наказаній мѣтко очерчиваются Неклюдовымъ, въ его примѣчаніяхъ къ учебнику уголовного права Бернера «достоинства ихъ, говоритъ Неклюдовъ, они весьма дешевы — достаточно нѣсколько десятинъ лѣса для того чтобы перепоротъ всѣхъ гражданъ государства; они всегда подъ рукою — наша прежняя народная юстиція наказывала просто кулаками; легъ, — отсѣлся, всталъ и ушелъ»¹⁾ — значеніе этихъ достоинствъ очень невелико. Индивидуальными тѣлесныя наказанія назвать нельзя, потому что сообразовано съ преступникомъ и преступленіемъ можетъ быть лишь причиненіе боли, число ударовъ, а тѣлесныя наказанія слагаются изъ двухъ элементовъ причиненія боли и опозоренія, и послѣднее не зависитъ отъ силы тѣлеснаго наказанія, «для закоренѣлыхъ преступниковъ, говоритъ проф. Кистяковскій, небольшое число ударовъ (къ которому, по большей части, сводится наказаніе въ настоящее время), лишено... даже физическаго значенія, для случайныхъ правонарушителей они являются... тяжелою безчестящей карой». Возраженіе, что и другія наказанія дѣйствуютъ такъ же, не поправляетъ дѣла, такъ какъ элементъ безчестія, униженія, сильнѣе всего проявляется въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, и потому примѣненіе ихъ чувствуется особенно тяжело менѣе испорченными преступни-

---

¹⁾ Неклюдовъ о. с. стр. 800—805.

ками¹⁾. Что касается до сопоставленія тѣлеснаго наказанія съ наказаніемъ дѣтей въ семьѣ, то по мнѣнію даже такого убѣжденнаго сторонника тѣлесныхъ наказаній, какъ Краузе, оно имѣетъ только историческое значеніе. Устраненіе недостатковъ тюремнаго заключенія, какъ уже было сказано, не создаетъ необходимости примѣненія тѣлесныхъ наказаній. Устрашительное значеніе тѣлесныхъ наказаній не подтверждается на практикѣ. Вообще несостоятельность устрашенія преступниковъ жестокостью наказаній достаточно доказывается исторіей наказаній; тѣмъ болѣе трудно было бы достигнуть устрашенія сравнительно слабыми тѣлесными наказаніями, единственно возможными и защищаемыми въ настоящее время. «Если, справедливо замѣчаетъ Н. С. Таганцевъ, поколеблены нынѣ доводы устрашительности смертной казни, то что же сказать объ угрозахъ 10, 20 ударами розогъ? Отмѣна публичнаго исполненія казни была въ этомъ отношеніи послѣднимъ и рѣшительнымъ ударомъ. А такая отмѣна представлялась еще болѣе необходимою, чѣмъ отмѣна публичности смертной казни; эти брызги крови, летящія изъ подъ ударовъ, крики и стоны наказываемыхъ, это торжество животной силы надъ беззащитнымъ, было такою развращающею школою для народа, что можно удивляться, какъ находились еще защитники публичности казни среди людей, повидимому, понимающихъ задачи государственной политики. Могло ли государство, запрещая кулачные бои, публичное жестокое обращеніе съ животными, сохранять публичное истязаніе людей?»²⁾ Существованіе исключительныхъ преступниковъ и преступленій тоже не можетъ служить доводомъ за примѣненіе къ нимъ тѣлесныхъ наказаній, разъ вообще не доказаны ихъ пригодность и цѣлесообразность.

Впрочемъ сами сторонники тѣлесныхъ наказаній сознаютъ слабость своихъ теоретическихъ доводовъ и стараются возмѣстить ихъ практическими соображеніями. Краузе прямо

---

1) Кистяковскій. Учебникъ, стр. 852.

2) Таганцевъ. Русское уголовное Право, т. II стр. 1140.

говорить, что имѣютъ значеніе не теоретическіе доводы за тѣлесныя наказанія, а «то обстоятельство, что другія карательныя мѣры недостаточны противъ растущей преступности и необходимо требуется усиленіе наказаній». Выше было уже указано, что это соображеніе не можетъ быть признано аргументомъ за тѣлесныя наказанія (стр. 51).

Важнѣйшіе теоретическіе доводы противъ тѣлесныхъ наказаній, опирающіеся на долгій историческій опытъ и современное правосознаніе, могутъ быть сформулированы въ такомъ видѣ: 1) тѣлесныя наказанія въ настоящее время могутъ быть примѣняемы лишь къ преступникамъ изъ низшихъ классовъ населенія, распространеніе ихъ на всѣхъ, при современныхъ условіяхъ общественнаго и государственнаго быта, совершенно немыслимо; примѣненіе же тѣлесныхъ болѣзненныхъ наказаній только къ низшимъ классамъ, по выраженію Кистяковскаго, равносильно оставленію ихъ въ рабскомъ состояніи. Этотъ политическій доводъ былъ выдвинутъ уже Миттермайеромъ, и въ настоящее время является однимъ изъ существеннѣйшихъ доводовъ противъ тѣлесныхъ наказаній. «Едва ли нужно говорить, пишетъ Н. С. Таганцевъ, насколько не соответствуетъ такое сословное неравенство понятію правосудія. Нужно ли серьезно опровергать, что проѣвшійся и пропившійся потомокъ столбового рода, собирающій по дворамъ подачки, или хотя бы и титулованная, но попавшая въ списки проституированныхъ женщина, тѣмъ не менѣе сохраняютъ болѣе развитое понятіе о личномъ достоинствѣ, чѣмъ всякое лицо податнаго сословія»¹⁾.

2) Тѣлесныя наказанія не соответвуютъ умственному и нравственному развитію современнаго общества, они являются олицетвореніемъ грубой силы, дѣйствуютъ развращающе и на наказанныхъ и на наказывающихъ, пріучая къ произволу, къ неуваженію къ закону, поддерживаютъ привычку къ кулачной расправѣ; въ исполнителяхъ они нерѣдо возбуждаютъ отвращеніе, желаніе обойти законъ, въ массѣ — ропотъ и недо-

---

¹⁾ Таганцевъ, Н. С. Русское Угол. право, II, стр. 1139.

вольство. Этотъ доводъ нравственнаго характера въ связи съ первымъ дѣлаетъ уже само по себѣ тѣлесное наказаніе непримѣнимымъ.

3) Сила тѣлеснаго наказанія слишкомъ много зависитъ отъ палача, его умѣнья и честности, на которую едва ли можно рассчитывать. Единственнымъ средствомъ противъ этого было бы введеніе предлагаемыхъ Бентамомъ сѣкущихъ машинъ, но и оно не уничтожаетъ вполне неравномѣрности наказанія, такъ какъ одинъ и тотъ же ударъ совершенно иначе переносится слабымъ или сильнымъ человѣкомъ, взрослымъ или ребенкомъ.

4) Наконецъ, примѣненіе ихъ даже къ несовершеннолѣтнимъ и къ дѣтямъ, не только какъ наказанія по суду, но и въ качествѣ дисциплинарной мѣры, какъ выясняетъ опытъ, также не только бесполезно, но и вредно, какъ и для взрослыхъ (Миттермайеръ, Ягеманъ, Нельнеръ). Современный педагогъ имѣетъ болѣе дѣйствительныя средства для воспитанія, чѣмъ розги, и въ настоящее время безъ нихъ легко обходится и учитель и воспитатель.

5) Тѣлесныя наказанія вредны для здоровья, какъ это доказывается случаями изъ дѣйствительной жизни. «Современныя намъ тѣлесныя наказанія могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ тяжкія физическія страданія, болѣзни, обезображиванія и даже смерть», не менѣе опасны они для психическаго здоровья наказанныхъ ¹⁾.

Всѣ доводы, приводимые противъ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, сохраняютъ значеніе и по отношенію къ тѣлеснымъ наказаніямъ, примѣняемымъ въ качествѣ дисциплинарной мѣры гдѣ бы то ни было—въ школахъ или тюрьмахъ, и говорятъ вообще о необходимости уничтоженія тѣлесныхъ наказаній всѣхъ видовъ и формъ.

---

¹⁾ Жбанковъ и Яковенко. Тѣлесныя наказанія. 1899, стр. 171 и слѣд.

Резюмируя доводы за и против тѣлесныхъ наказаній, нельзя не придти къ заключенію, что названныя карательныя мѣры совершенно не удовлетворяютъ требованіямъ, предъявляемымъ къ наказаніямъ въ настоящее время. Наука уголовного права признаетъ необходимымъ, чтобы наказанія, примѣняемыя въ современномъ государствѣ по возможности обладали слѣдующими качествами: 1) чтобы они не причиняли излишняго страданія преступнику, 2) не противорѣчили нравственному чувству, 3) дѣлали для преступника возможнымъ по отбытіи наказанія возвращеніе въ общество, 4) наказанія должны быть индивидуальны, сообразоваться съ преступникомъ и преступленіемъ, 5) наказанія должны допускать возможность заглаженія причиненнаго ими вреда въ случаѣ отертыя судебной ошибки, 6) наказанія не должны быть излишне дорогими ¹⁾.

Тѣлесныя наказанія не имѣютъ почти ни одного изъ указанныхъ качествъ: они причиняютъ излишнее страданіе, противорѣчатъ нравственному чувству, опозоривая преступника, наносятъ непоправимый вредъ его положенію въ обществѣ; они не индивидуальны, связанный съ ними позоръ затрудняетъ заглаживаніе вреда въ случаѣ судебной ошибки, — въ итогѣ за ними остается одно, въ данныхъ обстоятельствахъ теряющее свое значеніе, преимущество — дешевизна.

Сверхъ того, противъ тѣлесныхъ наказаній говоритъ невозможность примѣнять ихъ въ настоящее время ко всемъ классамъ населенія и въ то же время неудобство подвергать имъ одни какіе либо классы, нарушая этимъ основное начало равенства всѣхъ передъ закономъ; тѣлесныя наказанія не достигаютъ единственно возможной для нихъ цѣли устрашенія, напротивъ, дѣйствуютъ на наказываемыхъ и наказывающихъ развращающе; сила ихъ зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ и исполнителей. Наконецъ, исторія тѣлесныхъ наказаній свидѣтельствуетъ о томъ, что они господ-

---

1) Н. С. Таганцевъ Русское уголовное право. II, 954 и слѣд.

ствують въ эпохи, отличающіяся малымъ развитіемъ просвѣщенія, грубостью нравовъ, попраніемъ правъ личности. Словомъ, противъ тѣлесныхъ наказаній говорятъ и теоретическіе доводы и требованія правового государственнаго строя. Поэтому сторонники тѣлесныхъ наказаній и отстаиваютъ ихъ, опираясь, главнымъ образомъ, на традиціонную вѣру въ силу устрашенія; часто защита тѣлесныхъ наказаній вытекаетъ изъ политическихъ убѣжденій, такъ какъ эти наказанія въ силу исторически сложившихся обстоятельствъ знаменуютъ собою государственный порядокъ, при которомъ граждане дѣлились на высшихъ и низшихъ; защищаются тѣлесныя наказанія иногда и изъ приверженности къ доброду старому времени, въ которомъ они играли такую видную роль. По этимъ причинамъ тѣлесныя наказанія и были восстановлены въ Германіи во время торжества реакціи послѣ 1848 г. (см. стр. 41) поэтому же нѣкоторые рѣшительные защитники тѣлесныхъ наказаній не настаиваютъ даже на ихъ широкомъ примѣненіи, а на томъ только, чтобы существовало право наказывать тѣлесно, напр. по мнѣнію Миттельштедта не такъ важно, чтобы били, какъ самый принципъ, чтобы могли бить, и допустимость тѣлесныхъ наказаній онъ видитъ въ томъ, что они по завѣтамъ стараго времени употребляются въ школахъ и мастерской, слѣдовательно могутъ примѣняться и государствомъ (см. стр. 43).

Вотъ въ общихъ чертахъ основанія, служащія аргументами за или противъ тѣлесныхъ наказаній, которые въ достаточной степени могутъ объяснить отмѣченный выше фактъ вполнѣ отрицательнаго отношенія къ тѣлеснымъ наказаніямъ, безспорно преобладающаго какъ среди спеціалистовъ, такъ и въ обществѣ.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ
Россіи.

Copyright

ГЛАВА I.

Періодъ развитія и господства тѣлесныхъ наказаній.

I.

Тѣлесныя наказанія въ русскомъ правѣ нѣсколько столѣтій были центромъ системы, на которомъ зиждилась мощь уголовной юстиціи, охрана порядка и государственнаго благосостоянія. Никто не избавлялся отъ нихъ, они грозили въ столькихъ случаяхъ и по такимъ разнообразнымъ поводамъ, что мудрено было прожить въ Московскомъ государствѣ, не испытавъ въ какой либо формѣ тѣлеснаго наказанія. Были они распространены и въ западно-европейскомъ правѣ, но тамъ примѣненіе ихъ не допускалось для высшихъ сословій, они не были всеобъемлющими; отличалось западно-европейское право отъ русскаго, пожалуй, и большею изысканностью въ жестокости членовредительныхъ наказаній: тамъ отсѣкалось у виновныхъ все, что можно было отсѣчь; членовредительныя наказанія могли оставить преступнику почти одно обезображенное туловище, обреченное на мучительную агонію. Въ русскомъ правѣ наказанія были жестоки, почти равнялись смертной казни, но въ то же время очень просты, выражались 2—3 словами: бить кнутомъ нещадно—вотъ формула, могущая стоять жизни преступнику; на западѣ приговоры подробно и велерѣчиво описывали предстоящія мученія. Не было въ Россіи и особенныхъ церемоній при выполненіи наказаній; обстановка, заимствованная

съ запада, появилась лишь впоследствии, когда рядомъ съ устрашеніемъ поставлено было и опозореніе наказаннаго, до этого тѣлесное наказаніе было обыденнымъ дѣломъ, не требовавшимъ никакихъ особенныхъ подчеркиваній. Считалось достаточнымъ, что его совершали всенародно, на поученіе и примѣръ другимъ, а въ менѣ важныхъ случаяхъ эта сторона совершенно игнорировалась. И эта простота, это равнодушно-спокойное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ, быть можетъ, не мало послужили ихъ распространенію и сохраненію въ широкихъ предѣлахъ на долгое время, дѣлали ихъ какъ бы незамѣтными, тогда какъ на западѣ на нихъ уже направлялись непрерывные удары критической оцѣнки литературы и общественнаго мнѣнія.

Наибольшаго значенія тѣлесныя наказанія достигли въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ, затѣмъ, постепенно свращаясь и исчезая, они дожили до нашихъ дней. Эпоху существованія ихъ, до настоящаго времени можно раздѣлить на 2 періода не одинаковой продолжительности: на время ихъ развитія и процвѣтанія и постепеннаго исчезновенія, вымиранія. Этимъ естественнымъ дѣленіемъ исторіи тѣлесныхъ наказаній я воспользуюсь въ интересахъ удобства изложенія. Первый періодъ развитія и процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній простирается, приблизительно, до половины XVIII стол., второй съ половины XVIII стол. до настоящаго времени. Но, устанавливая названные періоды, считая первый закончившимся въ царствованіе Елизаветы, второй продолжающимся и теперь, я не имѣю въ виду разграничить ихъ какими либо точными датами. Между періодами процвѣтанія и вымиранія нѣтъ рѣзкихъ переходовъ: каждая послѣдующая эпоха тѣсно связана съ предыдущей; явленія, относящіяся по своему характеру ко второму періоду, встрѣчаются уже до окончанія перваго, и многія особенности и условія, въ которыхъ находились тѣлесныя наказанія въ первомъ періодѣ, сохраняются и во времена ихъ вымиранія. Рѣшающее значеніе для принятой мною периодизаціи имѣетъ преобладающій общій характеръ эпохи.

Настоящая глава будет занята исторіей тѣлесныхъ наказаній во время ихъ процвѣтанія, до царствованія Екатерины II, когда ясно обозначилось движеніе въ законодательствѣ и обществѣ противъ тѣлесныхъ наказаній, вторая глава — исторіей тѣлесныхъ наказаній въ періодъ ихъ вымирания до послѣдняго времени.

II.

Время появленія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, какъ и въ западной Европѣ, нельзя ни опредѣлить съ удовлетворительною точностью, ни приурочить ихъ происхожденіе къ какой либо позднѣйшей эпохѣ, какъ это предлагается въ русской литературѣ, въ которой время появленія тѣлесныхъ наказаній связывается съ татарскимъ игомъ. «Славяно-руссы до порабощенія монголами, говоритъ проф. Максимовичъ, имѣли рѣшительное отвращеніе отъ всякаго тѣлеснаго наказанія. До татарскаго періода въ этомъ отношеніи не имѣли вліянія на наше законодательство даже греко-римскіе законы... причина (появленія тѣлесныхъ наказаній) заключается въ чашѣ гнѣва Божія, излитой въ XIII вѣкѣ... однимъ изъ слѣдствій ея было ожесточеніе сердець и нравственное униженіе народа... При такомъ состояніи... тѣлесныя наказанія начали переходить въ свѣтское законодательство. Случаи употребленія ихъ были указываемы греко-римскими законами»¹⁾. По мнѣнію проф. Леонтовича причина страшной жестокости наказаній позднѣйшаго періода заключается въ томъ, что «монгольскіе баскаки и прочіе даватели слишкомъ долго практиковали надъ данниками свою національную систему страшныхъ казней, пытокъ и правей, чтобы она не могла привиться къ русскимъ обычаямъ. Московскіе князья могли лишь санкціонировать въ своихъ судебникахъ и грамотахъ то, что издавна практиковалось въ жизни»²⁾.

¹⁾ Максимовичъ. Рѣчь объ уголовномъ наказаніи въ Россіи. Кіевъ, 1853, стр. 94.

²⁾ Леонтовичъ. Къ исторіи права русскихъ инородцевъ, Одесса, 1879, стр. 271.

Такой взгляд поддерживается и другими писателями, напр. проф. Владимірскимъ-Будановымъ, Карамзинымъ, Тобинымъ и проф. Фойницкимъ, противъ него высказались извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ, проф. П. Д. Калмыковъ, Н. Д. Сергѣевскій и Н. С. Таганцевъ¹⁾, отстаивающіе мысль, что тѣлесныя наказанія существовали и до татаръ; это положеніе представится вполне вѣроятнымъ, если обратиться къ разсмотрѣнію условій русской жизни до татарскаго нашествія. Мы разсмотрѣли факторы, при содѣйствіи которыхъ тѣлесныя наказанія развивались естественнымъ путемъ на западѣ; они заключались, главнымъ образомъ, въ существованіи рабства, въ укрѣпленіи государственной власти, исчезновеніи мести, неудовлетворительности системы выкуповъ и малокультурности общества. Въ подобныхъ же условіяхъ находилась и Россія въ XI и XII вѣкахъ: княжеская власть рано достигла въ ней значительной силы; князья отправляли правосудіе, по свидѣтельству арабскаго путешественника Ибнъ Вакшіа (930 г.) они могли казнить разбойниковъ²⁾; такія же извѣстія сохранились и въ лѣтописи объ эпохѣ Владиміра Св. Въ Русской Правдѣ упоминается на ряду съ выкупами и личное наказаніе — потокъ, назначавшійся за важнѣйшія преступленія и выражавшійся въ самыхъ различныхъ формахъ: въ изгнаніи, заточеніи, въ преданіи смерти. Что власть князя была достаточно велика въ XII вѣкѣ доказывается поученіемъ Владиміра Моно-

---

¹⁾ Мнѣніе Максимовича поддерживаютъ:

Тобинъ. (Ж. М. Н. Пр. 1847, 6, стр. 180).

Фойницкій, И. Ученіе о наказаніи, стр. 155—162.

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. V, IV, стр. 217.

Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1886 г., стр. 82.

Contra: Соловьевъ. Исторія Т. IV, стр. 373.

Сергѣевскій. Русское уголовное право, стр. 141.

Таганцевъ. Русское уголовное право, II, стр. 1106.

Калмыковъ. Учебникъ уголовного права, 1866 г. стр. 236.

²⁾ *Макушевъ.* Сказаніе иностранцевъ о Россіи. Сиб. 1860 г., стр. 162.

Сергѣевичъ, В. Исторія русскаго права. Сиб. 1887, стр. 663.

Хлѣбниковъ. Общество и государство въ до Монгольскій періодъ. М. 1872, стр. 119.

маха, совѣтовавшаго своимъ дѣтямъ никого не убивать и не приказывать убивать. Духовенство, проникнутое греко-римскими воззрѣніями на наказаніе, вліяло на измѣненіе прежнихъ порядковъ, какъ и на западѣ, — перенесеніемъ на русскую почву византійскихъ правовыхъ началъ въ номоканонахъ, которыми духовенство пользовалось въ своихъ судахъ; компетенція послѣднихъ была весьма обширная и распространялась какъ на духовныхъ, такъ и на свѣтскихъ лицъ¹⁾. До нашего времени между прочимъ дошелъ отрывокъ суднаго закона, въ которомъ за многія преступленія назначались тѣлесныя наказанія²⁾. «Источники византійскаго права, замѣчаетъ проф. Шпилевскій, заговорили о новыхъ преступленіяхъ, указывали на новые виды наказаній»; значеніе византизма побудило даже Калачова³⁾ къ утвержденію, что сравнительно съ нимъ татарское иго было второстепеннымъ условіемъ, что несомнѣнно преувеличено.

Существовало въ это время и рабство, и къ рабамъ примѣнялись тѣлесныя наказанія по усмотрѣнію хозяина, законъ въ это не вмѣшивался, такъ какъ холопы были собственностью: за убійство ихъ не платилось виры «а въ холопѣ и рабѣ

1) *Загоскинъ*. Исторія права Московскаго Государства. I, Казань. 1877, стр. 87, 113, 116, 216—229. *Калачовъ*. О значеніи кормчей книги въ системѣ древне-русскаго права. М. 1850, стр. 14. Дополненіе къ алтамъ историческ. Т. I, стр. 4. *Будановъ*. Хрестоматія. Т. I, стр. 212—216, 226—231, 246.

2) Въ своемъ обиходѣ духовныя лица расправлялись иногда очень жестоко: напр. Новгородскій епископъ Лука Жидята (XI в.) приказалъ отрѣзать ложно обвинившему его холопу обѣ руки и носъ, въ XII в. на византійскій манеръ наказывалъ подчиненныхъ Владимірскій епископъ Феодорець. Конечно, это были исключительныя случаи произвольной расправы, свидѣтельствующія, однако, о большей грубости нравовъ. Русскія достопамятности. Г. II, стр. 25. М. 1843 г. *Богдановскій*. Развѣтленіе понятія о преступленіи и наказаніи. М. 1857, стр. 63. *Карамзинъ*. Т. II, пр 144. Полное собраніе лѣтописей, Т. VII, Воскресенскій списокъ, стр. 85.

3) *Шпилевскій*. Объ источникахъ русскаго права. Записки Казанскаго университета. 1862, стр. 272—294. *Калачовъ*. Дополненія къ Делу. Архивъ III. 1861 г., отд. IV, стр. 15.

виры нѣтуть»¹⁾, вопросъ о правѣ могъ возникать только, когда холопъ сталкивался съ постороннимъ: если холопъ, ударивъ свободнаго человѣка, бѣжить къ своему господину, а тотъ не выдастъ его, то платить 12 гривенъ, оскорбленный же могъ убить холопа, гдѣ его застигнетъ, не платя вознагражденія. Это право мести при сыновьяхъ Ярослава было замѣнено правомъ наказать холопа тѣлесно, причемъ указывался и самый способъ: бить слѣдовало «развязавши».

Вотъ подлинный текстъ русской правды: «аже холопъ ударить свободна мужа, а убѣжить въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то платити зань господину 12 гривенъ, а затѣмъ аче и кдѣ налѣзеть ударенныйтъ своего истья, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ оставилъ убити и; но сынове его по отци оставиша на кунъ, любо бити и розвязавше. любо ли взяти гривна кунъ за соромъ»²⁾.

Тѣлесныя наказанія допускались и для временно несвободныхъ закуновъ, которыхъ хозяинъ имѣлъ право бить за дѣло, не въ пьяномъ видѣ³⁾; «аще ли господинъ бьетъ закуна про дѣло, говорится въ Русской Правдѣ, то безъ вины есть; бьетъ ли не смысла, пьянъ, а безъ вины, то якоже свободному платити, тако и въ закупѣ».

Въ Русской Правдѣ говорится и о кнутѣ, въ ней есть статья («а у колокольницы бьютъ кнутомъ а за ту муку 80 гривенъ»), правда, неполнѣ для насъ понятная, но изъ которой можно заключить, что запрещалось подъ угрозой наивысшаго выкуна въ 80 гривенъ — битье кнутомъ, какъ самовольная «мука», а это наводитъ на мысль о возможности такого битья на правомѣрныхъ основаніяхъ⁴⁾.

¹⁾ Сертевичъ, В. о. с. стр. 686.

²⁾ Калачовъ. Текстъ русской правды. Москва. 1847 стр., 13—14.

³⁾ Русская правда. Карамзинскій списокъ, ст. 73. *Владимірскай-Будановъ*. Хрестоматія. В. I. 1889. Русская правда. Академическій списокъ, ст. 16, 28. *Калачовъ*, о. с., стр. 13, 33.

⁴⁾ Русская Правда. Карамз. списокъ, ст. 135. *Ив. Академич. списокъ*, 5. *Будановъ*, о. с. стр. 82. *Карамзинъ*. Исторія. Т. V, гл. IV, стр. 217. *Соловьевъ*, о. с. Т. IV, изд. 2-е, стр. 373. Т. I, стр. 244.

Самое наказаніе рисовалось въ тѣ эпохи не иначе какъ въ формѣ матеріальныхъ страданій, напр. въ 1093 г. лѣтописецъ отмѣчаетъ по поводу нашествія половцевъ «се бо на ны Богъ попусти поганыхъ, не яко милуя ихъ, по насъ кажа... симъ казнить нахожденіемъ поганыхъ се бо есть батогъ его».

Развитіе тѣлесныхъ наказаній безъ татарскаго ига представляетъ Литовская Русь, сравнительно мало пострадавшая отъ него; между тѣмъ Литовскій статутъ (XVI стол.) знаетъ какъ членовредительныя наказанія: отсѣченіе руки, уха, носа, ушей и губъ, таліонъ при тѣлесныхъ поврежденіяхъ, такъ и публичное наказаніе розгами (съ исключеніемъ вышнихъ сословій¹⁾).

Т. III, изд. 4 стр. 141. О самовольной мукѣ, безъ княжа слова, смерда или огнищанина говорится и въ другихъ мѣстахъ русской правды: «Аже смердъ мучитъ смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ».

«Аже огнищанина мучитъ, то 12 гривень продажи, а за муку гривна кунъ». *Калачовъ*. Текстъ русской правды, стр. 4, 15, 35.

¹⁾ *Карамзинъ*. IX, стр. 97. Въ XVI в. въ западной Россіи въ постановленіяхъ Литовскаго статута (Статутъ велик. Княжества Литовскаго, Сиб. 1811. Демченко. Наказаніе по Литовскому статуту, стр. 201—209) разныхъ редакцій членовредительныя наказанія встрѣчаются довольно часто. Во-1-хъ, тамъ проводится идея таліона при тѣлесныхъ поврежденіяхъ (I, XXVII), введеннаго въ него закономъ Моисеевымъ „слѣдуя закону Божьему“. Впрочемъ за неумышленное убійство, напр. въ дракѣ, виновный подлежалъ только штрафу. (IV, XXVII 8). Затѣмъ статутъ знаетъ отсѣченіе руки, назначаемое за обнаженіе оружія на судѣ (Art. LVII, 1), поднятіе слугою оружія на господина (Art. II, XI, 9). За покушеніе на убійство дворянину отсѣкалась рука, если онъ покушался на дворянина, за простого только платился штрафъ; если простолюдинъ покушался на дворянина—смерть, за простолюдина терялъ руку (Art. II, XI, 16, XXXIX, 3). Тоже за побой, нанесенные дворянину (Art. II, XLIX, 1). За первую кражу во дворцѣ полагалось отрѣзать ухо (Art. XIV, XXII, 1); за сводничество вдовъ и дѣвицъ—урѣзаніе носа, ушей, губъ и изгнаніе изъ города, за повтореніе—смертная казнь (Art. XIV, XXXI, 1, 2). По Литовскому статуту также были известны тѣлесныя болѣзненные наказанія, но тамъ, во-1-хъ, не употреблялся кнутъ, а во 2-хъ, шляхта, свободная политически, не допускала примѣненія къ себѣ такого унижительнаго наказанія, какъ болѣзненные. О тѣлесныхъ наказаніяхъ говорится въ III Art. XXII; XII Art. XXIV, 6; XIV Art. VII с. XIV Art. XXVI, 4. XIV, XXVI, 6; XIV, X, 1; XIV, XI, 1; III, XXXII, 3; XII, XXIII, 1; XII, XXII, 3; II, LVI и др.

Скудость лѣтописныхъ извѣстій о карательной дѣятельности князей не можетъ быть признана доказывающей отсутствіе другихъ наказаній, кромѣ выкуповъ, которые въ такомъ случаѣ оказались бы почти внезапно исчезнувшими изъ русскаго права, безъ переходной эпохи къ личнымъ наказаніямъ. Лѣтопись отмѣчала только выдающіеся любопытные факты, а не такія мелкія событія повседневной жизни, какъ примѣненіе того или другого наказанія, мало интересовавшее лѣтописца. Конечно въ эпоху выкуповъ, какъ и повсюду, тѣлесныя наказанія считались позорными, свойственными рабамъ, и примѣненіе ихъ къ свободному и вліятельному населенію, вѣроятно, не допускалось. Тѣлесныя наказанія не были еще тогда нормальной общей карой, неудивительно поэтому, что Новгородцы при заключеніи договора съ Любекомъ отказались наказывать за воровство розгами и клейменіемъ и замѣнили ихъ выкупомъ¹⁾.

Соображая сказанное, можно принять въ окончательномъ выводѣ, что тѣлесныя наказанія существовали въ Россіи и до татаръ, но область примѣненія ихъ была не велика, такъ какъ въ то время господствовала еще система выкуповъ; несомнѣнно, что они примѣнялись къ холопамъ и закупамъ и, вѣроятно, къ низшимъ классамъ населенія. Защитники противоположнаго воззрѣнія указываютъ на отвращеніе славянъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но мы видѣли, что это общая черта, свойственная народамъ въ опредѣленномъ фазисѣ развитія; о томъ, что нерасположеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ не равносильно ихъ непримѣненію свидѣлствуютъ сборники варварскихъ законовъ. Второй доводъ, присоединяемый къ первому—это жестокость монгольскихъ правителей (проф. Леонтовичъ) и униженіе и разореніе Россіи татарскимъ завоеваніемъ. Этотъ доводъ нельзя не признать существеннымъ: завоеватели Россіи были дикимъ, жестокимъ народомъ, деспотически управляемымъ ханами и знатью, тѣлесныя наказанія считались у нихъ обычными: въ ордѣ наказаніе пал-

¹⁾ Максимовичъ. о. с. Кіевъ. 1853, стр. 93.

ками, назначаемое по усмотрѣнію знатныхъ, было въ большомъ ходу, кромѣ того существовали жестокія смертныя казни и пытки. Марко Поло сообщаетъ, что наказанія палками нерѣдко доходили до забиванія на смерть. Тѣлесныя наказанія по словамъ Плато-Карпини до 100 ударовъ выполнялись ударами большой палкой по спинѣ, всякое оскорбленіе и неисполненіе воли начальства каралось тѣлесно. Асцелинъ, посѣтившій орду, какъ Плато-Карпини въ XIII в., передаетъ объ обычной казни — сдираніи кожи¹⁾.

Но значеніе ига въ исторіи тѣлесныхъ наказаній заключается не въ жестокостяхъ татаръ у себя дома, такъ какъ, завоевавъ Россію, ханы оставили за ней самоуправленіе и ограничились только требованіемъ дани. Особенно тяжело было иго первые 20 лѣтъ, съ хана Берке (1262 г.) почувствовалось облегченіе. Въ XIII вѣкѣ, по свидѣтельству Соловьева, на сѣверѣ не было уже постоянныхъ ханскихъ чиновниковъ, баскаковъ; о нихъ упоминается только въ Курской области подъ 1284 г. «Съ удаленіемъ баскаковъ, говорить названный историкъ, численниковъ и сборщиковъ князья совершенно освобождались отъ татарскаго вліянія на внутреннія распоряженія, но и во время присутствія ихъ... вліянія на внутреннее управленіе не видно». Оставались лишь очень тяжелыя, правда, но временныя посѣщенія русскихъ земель ханскими чиновниками, сопровождавшіяся грабежами и убійствами²⁾. Слѣдовательно, если-бы въ Россіи не нашлось подходящей почвы для развитія тѣлесныхъ наказаній, то вліяніе татаръ и ограничилось бы учиненными ими раззореніемъ и неистовствами, за этими предѣлами сохранились бы старыя

¹⁾ Березинъ, И. Очеркъ внутренняго устройства орды. Сиб. 1863, стр. 67.

Марко-Поло. Описаніе путешествія въ татарію. Сиб. 1863, стр. 67.

Путешествіе къ татарамъ Сиб. 1825 г.

Путешествіе Плато-Карпини, стр. 111, 116.

Путешествіе Асцелина, 235.

²⁾ Соловьевъ. Т. IV, стр. 193—194.

Полное Собраніе Лѣтописей. Т. IV, стр. 39, 49, 50 и слѣд.

порядки; но значеніе татарскаго ига и громаднo въ томъ отношеніи, что оно содѣйствовало развитію факторовъ, обусловившихъ пышный расцвѣтъ тѣлесныхъ наказаній, образцы которыхъ давала татарская юстиція, оно было содѣйствующей силой для развитія тѣлесныхъ наказаній, но не было ихъ единственнымъ источникомъ и причиною ихъ появленія въ Россіи. Татары безпощадно раззорили край, наиболѣе богатое и вліятельное населеніе, изъ котораго составлялись вѣча и на которое опирались различныя партіи, которое могло имѣть свое мнѣніе и заставить прислушаться къ нему князей, — было истреблено или лишено всего имущества, изъ свободныхъ русскіе сдѣлались рабами татаръ, обязанными данью. Князья оказались намѣстниками могущественныхъ государей, власть ихъ зависѣла отъ хана, противиться которому не могла ни одна русская волость. Въ свою очередь высшій служилый классъ, въ виду полной потери значенія народныхъ массъ, сталъ въ зависимость отъ власти князя, что еще болѣе усилило послѣднюю: въ поддержаніи ея былъ и личный интересъ бояръ, имѣвшихъ кормленія, и не всегда пользовавшихся расположеніемъ подчиненнаго имъ населенія, которое нерѣдко возмущалось противъ бояръ-намѣстниковъ (напр. въ 1304 г. въ Костромѣ побили бояръ, въ 1305 г. — въ Новгородѣ). Результатомъ такого положенія вещей было то, что князья могли наследовать ханскія права со сборомъ дани включительно, и подъ вліяніемъ татарскаго ига начался быстрый процессъ закрѣпощенія всѣхъ классовъ населенія, рука объ руку съ которымъ развивались и тѣлесныя наказанія.

III.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что тѣлесныя наказанія существовали въ Россіи до татаръ, и что татарское иго было лишь однимъ изъ условій, при наличности которыхъ тѣлесныя наказанія скоро приобрѣли въ Россіи очень большое значеніе. Выше было сказано, что развитіе и распространеніе тѣлесныхъ наказаній находится въ зависимости отъ мно-

гихъ условій, среди которыхъ важнѣйшими являются пониженное положеніе личности въ государствѣ, существованіе класса несвободныхъ, грубость правовъ и цѣли, преслѣдуемая наказаніемъ (главнымъ образомъ, устрашеніе и возмездіе). Обратимся теперь къ разсмотрѣнію, насколько эти условія осуществлялись въ Россіи въ періодъ быстрого и изумительнаго роста тѣлесныхъ наказаній и дѣлали его вполнѣ понятнымъ и неизбѣжнымъ, были какъ бы воздухомъ, въ которомъ могли крѣпнуть и развиваться тѣлесныя наказанія.

Благодаря татарскому игу въ положеніи князей, какъ сказано, произошелъ крупный переворотъ, кореннымъ образомъ измѣнившій положеніе княжеской власти, получившей неслыханное дотолѣ значеніе. «Въ частномъ быту, говоритъ Н. И. Костомаровъ, хозяинъ по отношенію къ невольному человѣку назывался государемъ, тотъ его холопомъ, тоже сдѣлалось и въ государствѣ: великій князь, называвшійся прежде господиномъ, сталъ называться государемъ, а его служилые люди—холопами». Сила великаго князя Московскаго отразилась и на наказаніи имъ враговъ, принадлежавшихъ къ противнымъ Москвѣ партіямъ, сдѣлавшихся какъ бы государственными преступниками: въ 1393 г. въ Торжкѣ убили сторонника Москвы, нѣкоего Максима, и великій князь «разгнѣвался зѣло... повелѣ привести къ себѣ убійць (70 человѣкъ) и... ихъ казни многими казнями». Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ придавъ, какъ убавляетъ Карамзинъ, особый блескъ и величіе престолу Московскаго князя; окончательное сверженіе татарскаго ига еще болѣе усилило его власть и значеніе ¹⁾. Въ XVI в. если власть московскихъ князей относительно уклада государственной жизни и не была такъ значительна, то по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ она была такъ велика, что казалась иностранцамъ тираніей. «Москвитяне, утверждаетъ папскій

¹⁾ Костомаровъ, Н. Начало единой державы въ древней Руси. стр. 77, 105 Полн. Собр. лѣтописей. т. VII и VIII. Продолженіе лѣтописи по Воскресенскому списку, годъ 6901. Карамзинъ. Т. V, стр. 50. Дьяконова, М. Власть Московскихъ государей. Сиб. 1889. стр. 65 и слѣд.

посоль Фувльвій Руджіери (1568 г.) вполнѣ подчинены своему князю, жестоко казнящему ослушниковъ своей воли и поддерживающему повиновение силой и страхомъ (e si mantiene l'obediENZA con la forza e col timore)». То же, еще въ болѣе рѣзкой формѣ, повторяетъ посланникъ императора Максимилиана II, Пернштейнъ (1575 г.). Иоаннъ Грозный открыто заявлялъ, что онъ имѣетъ неограниченное право казнить и жаловать своихъ слугъ, не давая отчета никому, кромѣ Бога, и понятіе о правосудіи во времена Грознаго было очень относительнымъ: «какъ угодно государю, такъ и рѣшаетъ судъ, сообщаетъ Барберини, оттого часто бываетъ, что одинъ за бездѣлицу отдается на сѣденье медвѣдямъ, другой хотя въ чемъ болшемъ провинится, о томъ даже и не разговариваютъ»¹⁾. Въ домострой Сильвестра царскій гнѣвъ и опала считались наравнѣ съ другими стихійными бѣдствіями знаками гнѣва Божья, сопротивляться которому бесполезно, можно только молиться²⁾. Смутное время не поколебало основъ, на которыхъ держалась верховная власть, къ концу XVII в. она пользовалась такой же силой и авторитетомъ, какъ и въ XVI в. До 1680 г. въ челобитныхъ сохранялась фраза: «чтобы государь пожаловалъ, умилосердился, какъ Богъ». Раболѣзство въ восточномъ вкусѣ поражало иностранцевъ: «самые турки, пишеть Корбъ, не изъявляютъ съ болѣе отвратительной покорностью своего приниженія передъ скипетромъ султановъ»³⁾.

¹⁾ Карамзинъ, т. VII, стр. 121. Герберштейнъ. Записки о Московіи (съ изд. 1556 г.). Спб. 1866, стр. 28. Извлечение изъ донесенія Ф. Руджіери, бывшаго панскіиъ нунціемъ при Королѣ Польскомъ. *Historica Russiae Monumenta*. I. Спб. 1841, стр. 209. Сказаніе о Россіи. Ib. стр. 225. Дьяконовъ: о. с. стр. 139.

²⁾ Домострой, XVIII, стр. 39. Сказанія стр. 20. *Monumenta'* Т. II. Начертанія неизвѣстнаго.

³⁾ Корбъ. Дневникъ поѣздки въ Московское государство Игнатія Христофора Гваріента, веденный секретаремъ посольства Георгіемъ Корбомъ. Чтенія Москов. Импер. Истор. Об—ва, 1867 г. июль—сентябрь, стр. 278. Соловьевъ. т. XIII, стр. 341.

Вліяніе византійських возрѣній не уменьшалось, а постепенно увеличивалось и послѣ татарскаго ига: татары не умалили значенія духовенства, напротивъ поддерживали его, увеличивали его привилегіи, напр. митрополитъ Петръ получилъ отъ хана Узбека ярлыкъ, въ которомъ митрополиту предоставлялось управлять своими людьми и судить ихъ во всѣхъ дѣлахъ, не исключая уголовныхъ, всѣ церковные люди должны были повиноваться ему. Усиленіе церковнаго вліянія сказалось въ XV вѣкѣ и на характерѣ борьбы съ ересями. Въ 1416 г. митрополитъ Фотій писалъ о еретикахъ: «отжените ихъ отъ своея православныя вѣры... прочее же по лукавствію ихъ сотворить Господь, якоже самъ вѣсть», черезъ 60 лѣтъ, въ 1490 г. мы находимъ другой образъ дѣйствія въ дѣлѣ о ереси жидовствующихъ: Новгородскій архіепископъ Геннадій пишетъ митрополиту, что, согласно его совѣту, всѣхъ нераскаянныхъ жидовствующихъ передалъ княжескому намѣстнику Юрію Захарьевичу, который велѣлъ ихъ «казнить градскою казнью по указу великаго князя, какъ написано въ царскихъ правилахъ»¹⁾; здѣсь уже представители церкви пользуются полнымъ содѣйствіемъ свѣтской власти и наказываютъ еретиковъ такъ, какъ это предписывается царскими византійскими законами. Въ XVII в. вліяніе духовенства еще возвысилось, особенно въ первой половинѣ, когда патріархъ былъ соправителемъ царя. Котошихинъ говоритъ, что «патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы и монастыри вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ противъ того жъ какъ вѣдаютъ по царскому дому его крестьянъ, во всякихъ дѣлахъ и податяхъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ великихъ уголовныхъ дѣлъ». Кромѣ того, тѣ же духовныя власти пользовались довольно обширною юрисдикціей какъ въ дѣлахъ подвѣдомственнаго имъ духовенства, такъ и въ нѣкоторыхъ, переданныхъ духовному суду дѣлахъ и преступленіяхъ свѣтскихъ лицъ, напр. сюда относились пре-

¹⁾ *Соловьевъ*, т. VI, стр. 300. *Акты историческіе*, т. I, № 21, 34, 380. *Заоскинъ*, о. с. стр. 21, 129.

ступленія противъ нравственности, въ приговорахъ о которыхъ выписывались градскіе законы. Такъ въ 1689 г. въ дѣлѣ о растлѣніи нищей дѣвки Оеклицы выписаны для свѣдѣнія соотвѣтствующія статьи «изъ правилъ св. апостоловъ и царскихъ книгъ и закона градскаго». Но не только въ духовныхъ судахъ упоминаются и примѣняются византійскіе законы, воздѣйствіе ихъ замѣтно и на свѣтскомъ законодательствѣ; оно было значительно въ Уложеніи 1649 г. Въ новоуказанныхъ статьяхъ 1669 г. дѣлаются ссылки на градскіе законы, по нимъ измѣняется напр. понятіе о свидѣтеляхъ, о повальномъ обыскѣ. «Борьба (съ началами русскаго права) была не безуспѣшна для византизма», замѣчаетъ проф. Загоскинъ. Въ грамотахъ 2 половины XVII в. часто встрѣчаются ссылки на градскіе законы даже не въ важныхъ или не касающихся церкви дѣлахъ, напр. въ грамотѣ губному старостѣ Переяславля Рязанскаго въ 1669 г. о кражѣ жеребенка предписывается учинить указъ «по нашему государя указу и по Уложенію и по градскимъ законамъ»¹⁾, тоже повторяется въ грамотѣ воеводѣ Переяславля Рязан. въ 1690 г. по дѣлу о покраденномъ имуществѣ.

Само духовенство, согласно съ началами греко-римскаго права и практикой русскихъ судовъ и властей, широко употребляло въ своей средѣ тѣлесныя наказанія. Наказанія эти за важныя проступки по суду или въ дисциплинарномъ порядкѣ были очень часты, и иногда очень жестоки, такъ напр. Коломенскій архіепископъ Іосифъ наказывалъ своихъ подчиненныхъ шелепами, плетью, держалъ на цѣпи; поповъ били плетью нагихъ, и самъ архіепископъ приговаривалъ

¹⁾ *Котошигинъ*. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 2. Спб. 1859. глава XI. *Калачовъ*. О значеніи кормчей, стр. 10. Акты Холмогорско-Устюжской епархіи ХСІХ. 1689. января 30—іюля. 11. Рус. истор. Библіотека, т. XII, стр. 948, 953—954. II. С. З. (Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи) 411. Новоуказныя статьи. 1669 г. 28, 34. *Загоскинъ*, о. с. стр. 129. Акты, относящіяся до юридическаго быта древней Россіи 1, стр. 288—89. Царская грамота. 1669, окт. 15.

«бей гораздо, мертвые наши». До какихъ предѣловъ могли доходить битье и истязаніе въ монастыряхъ показываетъ любопытное письмо архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго Нектарія къ покровителю его при дворѣ Михаила Феодоровича, въ которомъ съ умиленіемъ говорится объ истязаніяхъ, понесенныхъ имъ отъ настоятеля Ниловой пустыни во спасеніе его грѣшной души: «... всего было 1430 боевъ въ 2 года... училъ клюкою и остномъ, прободаль и мелномъ, коимъ въ жерновѣ мелють муку, и пестомъ и кочергой и поварнями и рогатками (что растворъ на хлѣба бьютъ)... и не только дровомъ, но и желѣзомъ, за власы рваніемъ и кирпичемъ—всѣмъ душу спасаль». Жестоко обращались духовныя власти съ подчиненными и въ XVIII столѣтіи. Въ 1753 г. московскій архіерей Платонъ писалъ, что настоятели жестоко поступаютъ съ монахами, какъ злодѣевъ бьютъ, обнажа передъ мірскими людьми,—и запретилъ наказывать тѣлесно безъ согласія всей братіи или главныхъ изъ нея ¹⁾).

Татарское иго отразилось и на внутреннемъ состояніи русскаго общества, на его культурѣ.

До татарскаго нашествія Россія развивалась, какъ и другія страны. Родовые порядки и родовая юстиція смѣнялись въ ней государственными началами, складывалась верховная власть, исчезло право мести, на ряду съ выкупами появлялись государственныя наказанія; свободное населеніе сохраняло еще въ значительной мѣрѣ свою силу и значеніе; нравы и обычаи были не мягче и не жесточе, чѣмъ бывають въ переходныя эпохи вообще. Владычество татаръ гибельно отразилось на народной нравственности, выше мы указали послѣдствія ига для экономическаго и политическаго быта Россіи. Понятно, что въ такой обстановкѣ, когда ханское управленіе стало давать тонъ, нравы грубѣли.

¹⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 145, XXIII, 250. Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ проф. А. Лебедева. Русская Старина. 1892. т. 73, стр. 313—314.

Князья боролись за свои волости, не разбирая средствъ, «проклятыя» грамоты стояли не больше всякихъ другихъ; образованіе, только начавшее распространяться съ принятіемъ христіанства, оказалось въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: сношенія съ образованными народами были почти прерваны, собственныя средства были слишкомъ ничтожны и слабы. Результаты этого оказались печальными, и нужны были реформы Петра I., чтобы двинуть Россію на путь, по которому шли и другіе народы, ввести ее въ кругъ цивилизованныхъ націй. Внутреннее состояніе русскаго общества съ XIV вѣка соотвѣтствовало этимъ условіямъ: въ немъ было распространено пьянство, развлеченія народа и высшихъ классовъ были очень грубы: кулачные и палочные бои, кончавшіеся смертью многихъ бойцовъ, составляли обыденное явленіе; иностранцы постоянно жаловались на обманы русскихъ и продажность чиновниковъ ¹⁾. Тоже наблюдается въ XVII в. и позже. Въ дневникѣ Корба, относящемся къ первымъ годамъ царствованія Петра I, часто встрѣчаются описанія буйныхъ сценъ на пирахъ, гдѣ бывало слишкомъ много выпито. Въ Преображенскомъ царь и приближенные, случалось, исполняли работу палачей. Въ 1722 г. царица Прасковья, вдова царя Ивана Алексѣевича, ночью явилась въ Преображенскій приказъ, велѣла жестоко истязать стряпчего Деревнина, била его, а служители жгли его свѣчами, обливали голову крѣпкой водкой и поджигали. Драки и ссоры даже въ высшемъ обществѣ и администраціи не были рѣдкостью, напр. въ 1748 г. пензенскій воевода и его товарищи напали на присланнаго для ревизіи полковника Тол-

---

¹⁾ *Середонинъ, С.* Сочиненія Флетчера. Сиб. 1891 г. стр. 167. *Костомаровъ, Н.* Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вв. Сиб. 1887 г. стр. 203.

¹⁾ *Любичъ-Романовичъ.* Сказанія иностранцевъ о Россіи. Сиб. 1843. Путешествіе Варберини въ 1565 г. стр. 33. *Соловьевъ,* т. IV, стр. 371. *Владимірскій-Будановъ.* Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ. 1886. стр. 26.

стого, били его людей плетью, приступали къ его квартирѣ «со многолюдствомъ, съ барабаннымъ боемъ и колокольнымъ набатомъ, ночнымъ временемъ»¹⁾.

Семейный бытъ и семейныя отношенія были проникнуты грубостью. Сильвестръ рекомендуетъ въ своемъ Домостроѣ для сохраненія порядка «смотря по винѣ и по дѣлу наказывать и раны возлагать», а въ случаѣ надобности обращаться къ плети. Какъ далеко отъ этого скромнаго идеала домашняго правосудія отстояла дѣйствительность, видно изъ отрицательныхъ совѣтовъ Домостроя объ умѣренности наказанія: «а про всякую вину по уху, ни по виденію не бити, ни подъ сердцемъ кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть», такъ какъ отъ такихъ исправительныхъ мѣръ бываетъ «слѣпота, глухота» и т. п. Особенно важной считалась палка, тѣлесное наказаніе въ воспитаніи. Домострой въ поэтическихъ образахъ рисуеъ благія послѣдствія битья «не ослабляй бія младенца» рекомендуется въ немъ по Ветхому Завету, «но сокруши ему ребра въ юности», иначе сынъ вырастетъ и не будетъ повиноваться родителямъ. Весь авторитетъ родительской власти сводился къ страху, возможности другихъ основъ для повиновенія не подозрѣвалось. Книжники XVII в. называли жезль «пасадителемъ добродѣтели» «его же потребу самъ Богъ всемогущій образно показалъ есть»; въ честь розги написалъ умиленное стихотвореніе воспитатель дѣтей Алексѣя Михайловича Симеонъ Полоцкій. То же восхваленіе розги повторяется и въ сборникахъ XVIII вѣка²⁾.

¹⁾ *Корбъ*. Чтенія. 1867. январь—мартъ, стр. 173; июль—сентябрь. стр. 227; 1866 г. октябрь—декабрь, стр. 93. *Соловьевъ*, т. XVIII, 2 изд. стр. 192. *Болтинъ*. Примѣчанія къ исторіи Россіи Леклерка. II, 247. Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII—XVIII в. Чтенія, 1886, кн. 3, стр. 251.

²⁾ *Костомаровъ*, о. с., стр. 148. Домострой Сильвестра. Временникъ Импер. Москов. Об-ва, 1849. XXXVIII, стр. 67—68. Гл. XVIII, стр. 24. *Жмакинъ*. Русское общество въ XVI в. Древняя и Новая Россія. 1878 г., т. 2, стр. 244. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чтенія. 1861, июль—сентябрь, стр. 47—49. *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 178, т. XX, стр. 230—242. *Ровинскій*, Народныя картины, т. IV, стр. 336.

Несмотря на принятія Петромъ Великимъ энергичныя мѣры, просвѣщеніе распространялось медленно, чувствовался недостатокъ въ людяхъ, обладающихъ самыми необходимыми познаніями; при общемъ господствѣ невѣжества эти знанія и цѣнились не высоко. Отсутствие ученыхъ людей и неуважительное отношеніе къ нимъ хорошо иллюстрируетъ положеніе докторовъ въ первой половинѣ XVIII в. Ихъ было такъ мало, что практикой съ успѣхомъ занимались самозванцы, противъ которыхъ принимались строгія мѣры: запрещалось подь угрозой тѣлеснаго наказанія лѣчить безъ свидѣтельства медицинской канцеляріи, и назначался даже штрафъ съ больныхъ за обращеніе къ подобнымъ лицамъ, но въ то же время и настоящіе доктора чувствовали себя плохо: въ 1737 г. президенту медицинской канцеляріи былъ представленъ докладъ, въ которомъ сообщалось, что лѣкаря не слушаютъ своего начальства, всецѣло завися отъ штабовъ, которые употребляютъ ихъ за камердинеровъ, заставляютъ заправлять парики, а неподатливыхъ штрафуютъ и безчестятъ¹⁾.

Распространенію тѣлесныхъ наказаній содѣйствовало и зависимое, приниженное положеніе низшихъ классовъ населенія. Въ западно-европейскомъ правѣ тѣлесныя наказанія переходили на свободныхъ при неимѣнии ими средствъ для уплаты выкупа. Остатки такого замѣстительства сохранились и въ русскомъ правѣ XVII вѣка, по которому штрафъ при несостоятельности обыкновенно превращался въ тѣлесное наказаніе. По уложенію 1649 г. за безчестіе боярина, стольникъ, стряпчій или московскій дворянинъ, которымъ нечѣмъ платить за безчестіе, — наказывались кнутомъ. Указомъ 1647 г. за укрывательство бѣглыхъ назначено 100 руб. штрафа, а «скудныхъ» приказывалось бить кнутомъ. Въ 1687 г. несостоятельныхъ обидчиковъ... крестьянъ бобылей и посадскихъ, которымъ платить нечѣмъ за безчестіе служилыхъ людей, предписано не ставить на правеежъ, а бить батогами²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, т. XXII, стр. 273, т. XX, стр. 257—258. П. С. З. 9717, 1750.

²⁾ Дополненіе къ актамъ историческимъ. III, № 21, годъ 1647. П. С. З. 1238, г. 1687.

Обычность этой замѣны подтверждается и Котошихинымъ. И впоследствии таможеннымъ уставомъ 1755 г. (ст. 6) назначались плети купеческому приказчику, не могущему уплатить взыскапія.

Положеніе многочисленнаго несвободнаго класса въ Россіи не вызывало никакихъ особенныхъ мѣропріятій со стороны законодателя, вѣрнѣе сказать, законодательство было направлено исключительно на охрану господскихъ, помѣщичьихъ интересовъ. Число несвободныхъ значительно возросло съ прикрѣпленіемъ къ землѣ въ концѣ XVI вѣка крестьянскаго населенія, постепенно сливагося съ прежними холопами; употребленіе самыхъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній было безспорнымъ правомъ господъ. Еще двинская грамота 1398 г. ограждаетъ вполне хозяина отъ всякихъ послѣдствій наказаній: «а огрѣшитя господарь, говорится въ ней, ударить своего холопа или рабу и случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ и вины не емлютъ». Въ XVI в. тѣлесныя наказанія, какъ дисциплинарная мѣра для рабовъ, считались не только законными, но и безусловно необходимыми: «Аще ты не слушаешь рабъ, поучали въ то время, казни его плетью... ослабиши ли руку ему и учнешь искать свободы»¹⁾. Въ XVIII в. этотъ порядокъ мало измѣнился. По прежнему помѣщичій бытъ характеризовался, какъ замѣчали современники, битвемъ всѣхъ подвластныхъ, начиная съ приживалокъ и кончая крѣпостными. По пунктамъ для управленія имѣніемъ, составленнымъ гр. Румянцевымъ, видно, что плети и батоги были обычной принадлежностью хозяйства, и въ этихъ сравнительно мягкихъ пунетахъ за оскорбленіе дворянина предписывалось бить виновнаго, пока обиженный будетъ доволенъ. Какъ объ исключеніи говорится о помѣщикахъ, которые обращались съ прислугой «болѣе ласкою, чѣмъ обыкновенной дворянской властью». Тяжелое положеніе кре-

²⁾ Будановъ. Хрестоматія, стр. 129. Жмакинъ, о. с., стр. 246. Костомаровъ, о. с., стр. 164.

стьянъ вызывало значительныя волненія и бунты, для усмиренія которыхъ требовалось военная сила ¹⁾.

Таково было состояніе русскаго общества съ XIV до половины XVIII ст., въ которомъ все основывалось на страхѣ и битѣ въ разнообразныхъ формахъ; на первомъ планѣ стояла сила: С. М. Соловьевъ вѣрно опредѣляетъ его, какъ «юное представлявшее такъ мало сдержекъ для всякаго сильнаго, что тотъ могъ увлекаться своимъ положеніемъ и считать себѣ все дозволеннымъ въ отношеніи менѣ сильныхъ». Это значеніе сильнаго человѣка сказывается, напр., въ челобитной игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Іоанну Грозному о поведеніи постригагося въ ней по неволѣ знатнаго боярина: «старецъ Александръ, жалуется игумень, монастырь пустошить, игумена и старцевъ соборныхъ бранить... прочую братью колеть остномъ и бьеть плетьми» ²⁾.

Битье считалось нормальнымъ лѣкарствомъ и способомъ устранить всевозможные непорядки. Неудивительно, что тѣ же взгляды русскіе люди проводили и въ наказаніи, которое было тогда однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ для поддержанія порядка и охраненія престижа государства, а послѣдній поддержать было нужно, потому что, несмотря на централизацію и неограниченную силу высшей власти, всемогущей по принципу, правительство и въ XVII и въ XVIII вѣкахъ не безъ труда сдерживало безпокойные элементы; оно было недостаточно сильно и въ мѣстномъ управленіи. Проектъ Уложенія 1754 г. подтверждаетъ фактъ, что изъ сената и коллегій въ подчиненныя мѣста посылалось по 4, 5 и больше подтвердительныхъ указовъ «а по онымъ дѣйствительнаго исправленія не чинилось». Взятчиичество и продажность лицъ, сталкивавшихся въ силу служебныхъ или другихъ отноше-

---

¹⁾ Соловьевъ, т. XXII, стр. 266, т. XX, стр. 226—227, т. XXIII, стр. 123, 124. Семеvскій, В. Крѣпостные при Екатеринѣ II. Рус. Стар. 1876, т. 17, стр. 603—604.

²⁾ Соловьевъ, т. VII, стр. 111, т. XI, стр. 275. Аристовъ. Невольное и неохотное постриженіе. Древн. и Нов. Россія. 1878, т. II, стр. 227.

вій съ казеннымъ интересомъ, достигла громадныхъ размѣровъ ¹⁾).

Правительство должно было бороться съ непорядками, удерживать на службѣ государству и его интересамъ и высшіе и низшіе классы. По воззрѣніямъ тѣхъ эпохъ средствомъ для этого представлялся страхъ, устрашеніе, которые выражались въ жестокихъ мѣрахъ, охватывающихъ всѣ области жизни и дѣятельности. «Жесточь», была принципомъ всякаго, и частнаго и государственнаго порядка: напр. бояринъ Хитрово просилъ князя В. Голицына развѣдать, не отъ жесточи ли его управляющаго побѣжало изъ его Курской деревни 6 семей крестьянъ: «а онъ въ епифановской моей деревнишкѣ многихъ жесточью своей разогналъ... не пьянствомъ, не корысти ради, а безмѣрною жесточью». Такъ же дѣйствовала и государственная власть, она старалась привести въ повиновеніе, заставить соблюдать свои велѣнія страхомъ наказанія: въ наказѣ 1670 г. верхотурскому воеводѣ предписывалось: «унимать отъ всякаго воровства и побѣга... чинить жестокое наказаніе... а беречь не учеть... казну истеряеть... самому быть въ жестокомъ наказаніи»; въ 1699 г. въ наказныхъ статьяхъ Тюменскому воеводѣ велѣно: «воровъ отъ всякаго злодѣйства унимать и смирять жестоко... отнюдь не спускать и, смотря по человѣку и по намѣренію, самымъ жестокимъ наказаніямъ или смертью во образъ и страхъ другимъ смирять». Слова: «жестоко, нещадно, безъ пощады и всякаго милосердія» встрѣчаются на каждомъ шагу въ памятникахъ, становятся обычнымъ выраженіемъ официальныхъ документовъ. «Во всемъ свѣтѣ, пишетъ Крижаничъ, нѣтъ такого крутого правительства, какъ въ Россіи... всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди

¹⁾ Проектъ 1754 года. 52, 10. Уложеніе, 1649, гл. X, 91. *Котошинъ*, о. с., стр. 99. *Соловьевъ*, т. XVI, стр. 11, 20, 210, т. XXIII, стр. 249, т. XXII, стр. 189, т. XXI, стр. 303 и слѣд. Доклады, т. I, г. 1711, № 81, 186, 193 и 534, т. V, г. 1715, № 570, стр. 430. П. С. З. 11, 337, 1760.

отовсюду и вездѣ связаны... все должны дѣлать со страхомъ и трепетомъ... укрываться отъ толпы правителей или палачей»... ¹⁾). Устрашеніе нѣсколько смягчалось стремленіемъ извлечь пользу изъ работоспособности преступника, обратить и его на службу государству. Обѣ эти цѣли могли достигаться тѣлесными наказаніями, главнымъ образомъ болѣзненными, такъ какъ они были устрашительными и сохраняли рабочую силу, — они и являлись орудіемъ государственнаго управленія.

Въ царствованіе Петра Великаго, во время начавшихся реформъ и преобразованій, для правительства потребовалось еще больше, чѣмъ прежде усилій сдержать общество и направить его на намѣченный волею законодателя путь, — для этого у Петра Великаго подъ рукою было испытанное московское средство — устрашеніе, жесточь, и онъ воспользовался имъ еще шире, чѣмъ дѣлалось это въ прежнее время. Приказывая майору Долгорукову жечь казачьи городки и людей рубить «дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту» къ приставаблю къ мятежникамъ, Петръ прибавилъ въ приказаніи и мотивы для такого дѣйствія «ибо сія сарынь ничѣмъ кромѣ жесточи не можетъ унята быть» ²⁾. Но возлагая надежды на страхъ и жесточь, Петръ Великій упустилъ изъ виду, что Москва дошла въ этомъ направленіи почти до предѣловъ возможнаго, что русскіе люди успѣли уже привыкнуть къ самымъ страшнымъ угрозамъ, что боязнь кнута или казни перевѣшивалась чрезмѣрной тягостью существованія низшихъ сословій, требованіями рекрутчины или фанатизмомъ. Устрашеніе, сохранившееся и при преемникахъ Петра, оказывалось поэтому безсильнымъ тамъ, гдѣ успѣхъ его всего болѣе интересовалъ правительство. Яркій примѣръ этого представляютъ указы, имѣвшіе цѣлью предупредить побѣги изъ арміи. Въ 1705 г.

¹⁾ Временникъ. 7—8. М. 1750. Письма къ кн. В. В. Голицыну. Смѣсь, стр. 70. *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 185. Дополненіе къ актамъ истор. VI, 7, г. 1670.

²⁾ *Филитовъ*. О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою. М. 1891, стр. 143.

издается указъ о наказаніи солдатъ за побѣги «казнить смертью, повѣсить», одного изъ трехъ бѣглыхъ по жребію. Смертная казнь грозитъ и укрывателямъ. Черезъ 5 мѣсяцевъ приказывалось вѣшать одного изъ 10: очевидно, строгость не помогала, а между тѣмъ велась тяжелая Шведская война, и Петру Великому нужны были солдаты. Указы 1715 и 1718 гг. совсѣмъ отмѣняютъ смертную казнь дезертирамъ, объявляя, что она была заимствована изъ законовъ иностранныхъ государствъ, «гдѣ люди наемные служатъ», и не подходитъ къ русскимъ условіямъ; вмѣсто смертной казни назначается жестокое наказаніе. Но въ теченіе долгихъ лѣтъ правительство имѣло время убѣдиться на опытѣ въ безплодности грозныхъ указовъ ¹⁾: «жесточъ» не удерживала солдатъ и рекрутъ; ловить бѣглыхъ было не легко, да и наказывать пойманныхъ по артикулу — казнить, бить кнутомъ, ссылать въ каторгу — невыгодно, такъ какъ это ослабляло численность войска, и вотъ на ряду съ угрозами предпринимались попытки поправить дѣло милосердіемъ, подъ прозрачной дымкой котораго ясно сквозить сознаніе безсилія въ борьбѣ со зломъ, принявшимъ значительные размѣры: въ 1713 г. появляются указы съ назначеніемъ срока для добровольной явки дезертировъ, освобождающей ихъ отъ всякаго наказанія. Длинная вереница этихъ повелѣній тянется черезъ весь XVIII в.; въ первыхъ указахъ бѣглые предупреждаются, что «милосердіе Его Величества дается имъ послѣднее», затѣмъ эта оговорка исчезаетъ. Но и милостивые указы дѣйствуютъ плохо: побѣги продолжаются, охотниковъ возвращаться въ полки не много, и въ указахъ начинаютъ появляться убѣжденія, не имѣющія ничего общаго съ ха-

¹⁾ П. С. З. 5050, г. 1726, 5290, г. 1728, 5347, г. 1728, 5774, г. 1731, 5782, г. 1731, 6591, г. 1736, 7630, г. 1738, 6740, г. 1739, 9577, г. 1742, 10737, г. 1757, 10987, г. 1759. П. С. З., годъ 1705, № 2019, 2031, 2062, 2078, 2068, 2900, г. 1715, 3136, г. 1716. П. С. З. 11618, 11618, 11720, г. 1762, 11894, г. 1763, 11919, 12266, г. 1764, 12451, г. 1765, 12757, г. 1766, 12968, г. 1767, 13134, г. 1778.

ракторомъ правительственной дѣятельности: указъ 1719 г. уговариваетъ дезертировъ обратиться къ долгу «убоясь не только здѣшней казни, но и суда Божія». Увѣщанія становятся еще трогательнѣе и подробнѣе въ царствованіе Анны Іоанновны, въ эпоху бироновщины, когда тягости военной службы возросли, «жесточъ» усилилась; бѣжали не только солдаты, но и кадеты: въ 1733 г. состоялся указъ, по которому за первый и второй побѣгъ, кадетъ отсылался для ученія въ гарнизонную школу, за 3-й наказывался по усмотрѣнію императрицы. Въ 1732 г. объявлялось, что обратившіеся къ долгу будутъ во всемъ прощены, приверстаны въ полки, даже попрекать ихъ побѣгомъ никто не будетъ; указывалось на то, что «неусыпными трудами» императрицы всѣ неисправности въ дачѣ жалованья, мундира и аммуниціи уничтожены; съ «не малымъ неудовольствіемъ» гласилъ указъ, императрица вынуждена была слышать, что ея подданные бѣгутъ отъ военной службы за границу. Но прежняя практика показала, что неудовольствіе императрицы, хотя бы и «не малое» не помогаетъ дѣлу, и солдаты увѣщиваются тѣмъ, что за границей «благочестивыхъ церквей греческаго исповѣданія не имѣется... что они... въ вѣчную душевную погибель, а когда пойманы будутъ и смертной карѣ себя ввергають». Членовредители-рекруты убѣждались тѣмъ, что они не знаютъ, какой тяжкій грѣхъ «есть преступленіе, а наипаче, что лишитъ себя добровольно нѣкоторыхъ чувствъ, чего и у варваровъ не водится»¹⁾.

Тонъ милостивыхъ и увѣщательныхъ указовъ, такъ мало соотвѣтствовавшихъ духу уголовной юстиціи того времени,

---

¹⁾ П. С. Зак., 2755, г. 1713, дек. 18. Именной, 2859, г. 1714, нояб. 18. Именной, 3134, г. 1717, дек. 16, 3445, г. 1719, окт. 30. Указъ военной Коллегіи, 3859, г. 1721, ноября 29. Именной, 4652, г. 1725, февр. 9, 5050, г. 1726, 5301, г. 1728, 5954, г. 1732, 6024, г. 1732, 6586, г. 1734, 6657, г. 1734, 6675, г. 1735, 6854, г. 1731, 8788, г. 1743, 8270, г. 1740, 7630, г. 1738, 7743, г. 1739, 7903, г. 1739, 10889, г. 1758, 19987, г. 1759, 11387, г. 1761, 11729, г. 1761, 6046, г. 1732.

не былъ вполне искреннимъ: правительство вынуждалось къ уступкамъ и не всегда исполняло свои обѣщанія: въ 1727 г., въ царствованіе Петра II былъ изданъ манифестъ о фальшивыхъ монетчикахъ, въ которомъ обѣщалось прощеніе всѣмъ, принесшимъ свои вины, подъ условіемъ учиненія присяги «чтобы впредь весьма того не дѣлать», въ секретныхъ же пунктахъ указа предписывалось: «не чинить свободы явившимся, но ради пропитанія ссылатъ ихъ въ Сибирь»¹⁾.

Все изложенное доказываетъ, что на фундаментѣ, заложеномъ въ эпоху татарскаго ига, при стеченіи многихъ чрезвычайно благоприятныхъ условій, могло и должно было скоро подняться величественное зданіе тѣлесныхъ наказаній, долгое время остававшихся олицетвореніемъ русской юстиціи.

IV.

Съ XIV столѣтія примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ Россіи стало распространяться очень быстро. Вышеуказанныя особенности государственнаго и общественнаго быта благоприятствовали этому, жестокость тѣлесныхъ наказаній по взглядамъ тѣхъ эпохъ содѣйствовала устрашенію, наконецъ, тѣлесныя наказанія были очень просты и почти ничего не стоили. Неудивительно поэтому, что уже въ XV—XVI вв. кнутъ и батоги стали господствующимъ наказаніемъ, въ XVII в. примѣненіе ихъ было столь обычнымъ, что Уложенію 1649 г. оставалось лишь санкціонировать практику, зарегистрировать важнѣйшія преступныя дѣлнія и неизбежное возмездіе за нихъ (кромя немногочисленныхъ сравнительно преступленій, караемыхъ смертю и членовредительными наказаніями)—кнутъ и батоги. Но и уложеніе, какъ указано ниже, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній, назначая кнутъ въ 140 статьяхъ, не исчерпывало всѣхъ случаевъ его примѣненія: практика шла дальше. Обширный кругъ дѣйствія кнута, потребность приспособить его

¹⁾ П. С. З., 5089, г. 1727, 6395, г. 1733.

къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣла и мѣста удовлетво-
рились различными вариациями этого наказанія.

Примѣнялись въ эту эпоху и разнообразныя членовре-
дительныя наказанія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближав-
шіяся къ смертной казни (напр. отсѣченье руки и ноги).
Но въ концѣ XVII ст. примѣненіе ихъ начало сокращаться,
такъ какъ въ это время обратилъ на себя вниманіе крупный
недостатокъ членовредительныхъ наказаній—вредъ, наносимый
ими работоспособности преступника: въ западной Европѣ въ
XVII вѣкѣ ихъ и считали непригодными, потому что они
взваливаютъ на общество бремя содержанія изувѣченнаго,
не могущаго зарабатывать себѣ пропитанія; въ Россіи эта
сторона членовредительныхъ наказаній стала чувствоваться
со времени сибирской ссылки, требовавшей сильныхъ и здо-
ровыхъ людей. Потребности ссылки и вызвали указъ 1680 г.,
по которому слѣдовало воровъ за 2 татьбы «учиня наказаніе
ссылать въ Сибирь на вѣчное житье, а казни не чинить»;
въ 1691 г. ссылка назначается и за третью татьбу вмѣсто
смертной казни.

Закрѣпощеніе всѣхъ классовъ населенія государствомъ
привело къ тому, что тѣлесныя наказанія приобрѣли всеобъ-
емлющее значеніе: никакое положеніе не спасало отъ нихъ,
въ этомъ смыслѣ всѣ были равноправны, всѣ несли службу
и подвергались одиѣмъ и тѣмъ же карамъ. Уже въ XV в.
отъ тѣлесныхъ наказаній не избавлялись ни бояре, ни духо-
венство: въ 1488 г. били кнутомъ на торгу князя Ухто-
скаго и архимандрита Чудова монастыря; въ 1495 г. въ
Псковѣ были наказаны кнутомъ 2 священника, не поставив-
шіе ратниковъ съ церковныхъ земель. Въ XVII в. кнутъ
грозилъ воеводамъ за выпускъ изъ тюрьмы воровъ или за-
крѣпощеніе ихъ; въ 1647 г. бояринъ Стрѣшневъ за долго-
лѣтнее знакомство съ вѣдунами подвергся жестокому нака-
занію и ссылкѣ въ Сибирь¹⁾.

¹⁾ Карамзинъ. Т. V, стр. 208. Соловьевъ. Т. V, стр. 278. Рейцъ.
Опытъ исторіи Россійскаго государства и гражданскихъ законовъ. М.
1836, стр. 199. Есиповъ, Т. Колдовство въ XVII и XVIII вѣкахъ.
Древн. и Нов. Россія. 1878 г. III стр. 65. Уложеніе. 1649, гл. X, 104.

Положеніе высшихъ и низшихъ классовъ въ Москвѣ, отсутствіе уваженія къ правамъ личности совершенно уничтожали позорящее значеніе тѣлесныхъ наказаній, которое они всегда сохраняли въ западной Европѣ. Эта особенность уже въ XVI в. поражала иностранцевъ: «Великій князь, говоритъ Барберини (1565 г.) приказываетъ сѣчь, растянуувъ на землѣ, знатнѣйшихъ бояръ... Нѣтъ почти ни одного не высѣченнаго чиновника, но они не гонятся за честью и больше чувствуютъ побои, чѣмъ знаютъ, что такое стыдъ». Стрюйсъ, жившій въ Россіи въ XVII в., дѣлаетъ то же замѣчаніе объ отсутствіи у русскихъ сознанія позорности даже публичнаго битья кнутомъ. Противоположное мнѣніе высказываетъ Оларій, говоря, что прежде съ наказаннымъ обходились такъ же какъ со всѣми, но теперь (1-ая половина XVII в.) начинаютъ смотрѣть на нихъ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ; подтвержденій этому мнѣнію мы не встрѣчали, напротивъ, памятники указываютъ, что государство, требовавшее только службы, относилось къ наказаннымъ кнутомъ такъ же какъ и къ другимъ; кнутъ не вліялъ на общественное положеніе наказаннаго и во второй половинѣ XVII в., что было бы едва ли возможно, если бы къ нимъ относились съ презрѣніемъ. Напр. указами 1650, 1654, 1655 г.г. велѣно бѣглыхъ ратныхъ людей бить кнутомъ и высылать на службу въ тѣ же полки.

Тѣлесныя наказанія ¹⁾ цѣнились лишь по свойству причиняемыхъ страданій, степень боли была ихъ единственной мѣркой. Понятно поэтому, что высшіе служилые классы старались избѣгать не тѣлесныхъ наказаній, царившихъ безраздѣльно повсюду, но тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній, стремились сбавить себѣ тяжести. Такія воззрѣнія на наказаніе уже издавна приводили къ установленію нѣкоторыхъ отѣнковъ въ наказаніи высшихъ и низшихъ. Во второмъ судеб-

¹⁾ *Бергольмъ*, Дневникъ, веденный въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго М. 1887—63 г. Ч. I. стр. 317. Бумаги изъ архива Французск. Мин. Ин. Д. 1681—1717. Сб. Р. И. О—ва Т. 34, стр. 282.

никѣ (ст. 28) приказывалось дьяку записывать «исцовы и отвѣтчиковы рѣчи» по дѣлу, слушанному великимъ княземъ или боярами и отложенному, и скрѣпить запись своею подписью и печатью, если этого не сдѣлано и списокъ найдутъ у подъячаго безъ подписи и печати дьяка, подъячаго бьютъ кнутомъ, а со второго доправляютъ искъ и пошлины. За неправый судъ по Уложенію 1649 г. думные люди подвергались штрафу и лишались чести, другіе наказывались кнутомъ; дьяковъ за волокиту велѣно бить батогами, подъячихъ— кнутомъ; за невѣрное написаніе суднаго списка Уложеніе 1649 г. карало дьяка торговою казною, подъячаго—отсѣченіемъ руки. За оскорбленіе словомъ патріарха стольникъ, стряпчій или московскій дворянинъ подвергались битью батогами, лица низшаго званія—торговой казни. Общественное положеніе наказаннаго имѣло такое же вліяніе и въ другихъ случаяхъ, обуславливая извѣстное снисхожденіе, напр. въ 1627 г. воевода Устюга Великаго спрашивалъ у царя, что дѣлать съ земскимъ судьейкой, арестованнымъ за безчинство, такъ какъ самъ воевода посадилъ его въ тюрьму, а кнутомъ бить не смѣлъ; велѣно было бить батогами и изъ тюрьмы выпустить ¹⁾. Подобное же снисхожденіе дѣлалось и для мѣстниковъ: ихъ наказывали вмѣсто кнута батогами, напр, въ 1649 г. бить въ разрядѣ Мих. Плещеевъ вмѣсто кнута батогами, а записано, что бить кнутомъ и въ тюрьму посланъ; въ 1650 г. князь Алек. Лыковъ за мѣстничество бить батогами въ подклети думныхъ дьякомъ Гаврениевымъ ²⁾. Болѣе снисходительное битье являлось, такимъ образомъ, какъ бы привилегіей высшихъ классовъ.

V.

Царствованіе Петра Великаго еще увеличило значеніе тѣлесныхъ наказаній: появились неслыханныя до тѣхъ поръ наказанія: шпигрутены, кошки, линьки, стали примѣняться

¹⁾ Судебникъ Ивана IV ст. 58. Уложеніе 1649 г. Гл. IX, 5. Гл. X, 12, 16, 20. Изъ рукописей Е. В. Барсова, Чтенія, 1883 янв—мартъ, стр. 9.

²⁾ П. С. Зак. № 3, 29 62. 1649 г. 27, 1650 г. 1652.

въ свѣтскихъ судахъ плети, впервые въ законѣ было упомянуто сѣченіе лозами. Назначеніе этихъ наказаній всецѣло обусловливалось усмотрѣніемъ: били за все, за что находили нужнымъ. Масса указовъ грозила кнутомъ за проступки, созданные реформами, о которыхъ не имѣли понятія въ XVII в. Государство по прежнему смотрѣло на подданныхъ, какъ на крѣпостныхъ, обязанныхъ ему службою и наказывало за уклоненіе отъ нея тѣлесно. И послѣ Петра Великаго законодательство долгое время сохраняло отпечатокъ случайности, указы вызывались потребностями или желаніями минуты, критерій тяжести преступленія отсутствовалъ: въ 1736 г. запрещено фабрикантамъ подъ смертною казнью сплавлять серебряныя монеты въ позументы; въ 1738 г. жестокимъ наказаніемъ угрожалось за совершенно новое правонарушеніе: ловлю соловьевъ около С.-Петербурга и во всей Ингерманландіи. Смертная казнь и битье господствовали повсемѣстно: въ этомъ случаѣ соблюдалось большое однообразіе. Вѣрную картину юстиціи разсматриваемаго періода рисуетъ донесеніе Якутскаго воеводы (отъ 1713 г.), описывающее его карательную дѣятельность (наказаніе бунтовщиковъ): главнаго казнили смертью, а «товарищей тутъ же на плахи клали и, снявъ съ плахъ, на козлѣ кнутомъ били, и щеки бунтовщикамъ орломъ орлили, а иныхъ бивъ на козлѣ кнутемъ и по улицѣ въ проводку водили... достальныхъ били нагихъ батожемъ». Какъ показываетъ списокъ наказаній въ Нижнемъ-Новгородѣ въ царствованіе Анны Иоанновны, въ 1732 г., было казнено 20 разбойниковъ, 15 бито кнутомъ и сослано въ вѣчную каторгу, 85 наказано кнутомъ и батогами. Въ 1735 г. казнено 94 чел., бито кнутомъ (съ ссылкой и самостоятельно)—197 чел., въ 1736 г. казнено 120, наказано 157. Въ 30—40-хъ годахъ XVIII столѣтія встрѣчаются случаи сожженія и закопанія живыхъ въ землю ¹⁾.

¹⁾ П. С. З. 6910, г. 1736. № 1756. г. 1738. Филипповъ, о. с. стр. 336. Памятники Сибирской исторіи. I. № 123. стр. 15—17. Соловьевъ, т. XX, стр. 219—220.

Жестокость наказаній въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ выработала особо спокойное отношеніе къ нимъ. Съ кнутомъ настолько осваивались, что по словамъ Стрюйса (1699 г.) онъ видѣлъ человѣка, еще не выздоровѣвшаго отъ наказанія кнутомъ, который попрежнему не платилъ пошлыны, т. е. долженъ былъ готовиться къ новому истязанію. Корбъ рассказываетъ, что при немъ царь приказалъ сѣчь крестьянина, не признававшагося въ укрывательствѣ бѣглаго, съ головы до пятокъ ужасной суковатой вѣтвью, но изувѣченный крестьянинъ продолжалъ заператься. «До такой степени, прибавляетъ Корбъ, велико въ москвитянахъ упорство, что никакія истязанія... не могутъ принудить ихъ къ признанію»¹⁾. Несостоятельность устрашенія, вызывавшаго крайнюю жестокость наказаній вообще, заставляла смягчать ихъ, такіа смягченія и помилованія время отъ времени встрѣчаются и въ XVII в., въ XVIII правительство старалось взять въ свои руки контроль надъ примѣненіемъ, по крайней мѣрѣ, строжайшихъ наказаній: въ 1726 г. приказано подавать въ Верховный Тайный Совѣтъ доношенія изъ сената о колодникахъ, осужденныхъ на смертную казнь или политическую смерть. Въ царствованіе Елизаветы (1753—54 г.г.) такой же порядокъ введенъ снова: въ сенатъ приказано представлять экстракты о приговорахъ къ смертной казни, которую потомъ велѣно замѣнять кнутомъ и каторгой. Къ концу этого періода встрѣчаются и непосредственныя смягченія наказаній, назначенныхъ по буквѣ закона: въ 1756 г. велѣно представлять въ Сенатъ о подлежащихъ наказанію за малыя вины въ соляныхъ дѣлахъ, такъ какъ Сенату сдѣлалось извѣстно, что одному крестьянину вольноторговцу, взявшему за 5 фунт. соли 5 коп. вмѣсто $4\frac{1}{2}$ съ $\frac{1}{8}$ долей, за $\frac{3}{8}$ копейки учинено было наказаніе кнутомъ и имѣнье отписано; въ 1762 г. за небольшой обмѣръ въ $47\frac{1}{2}$ коп. по соляной торговлѣ сенатъ вмѣсто кнута и конфискаціи назначилъ одному наказанье

¹⁾ Стрюйсъ. Путешествіе. Р. Архивъ, 1880 г., кн. I, стр. 59. Корбъ, Чтенія. 1867. Июль—Сентябрь, стр. 285.

батожемъ, а другому вмѣнилъ въ наказанье держаніе подъ карауломъ ¹⁾).

Смягченіе выразилось и въ измѣненіи наказанія малолѣтнихъ при Елизаветѣ, хотя указанія на такія смягченія встрѣчаются и раньше, напр. указомъ 1740 г. освобождены отъ штрафа не бывшіе у присяги церковники, не имѣвшіе во время ея принесенія 15 лѣтъ; въ 1740 г. дѣвка Анна Иванова за поджогъ избы по малолѣтству и иностранству ея освобождена отъ смертной казни (ей было 15 лѣтъ), велѣно было «учинить жестокое наказаніе плетью и сослать въ дальній монастырь въ работу». Но общаго закона не было до указа 1742 г., когда по частному случаю убійства малолѣтнею дѣвочкою (14 л.) сенату былъ поставленъ вопросъ вообще о наказаніи малолѣтнихъ, и результатомъ его явился упомянутый указъ. Въ самомъ представленіи сенату проектировалось виновную «по глупости и младоумію наказать розами нещадно и отдать въ монастырь». Сенатъ установилъ срокъ малолѣтства въ 17 лѣтъ; малолѣтнихъ за святотатство, убійство, поджоги предписывалось бить плетью на публичномъ мѣстѣ и, заковавъ въ ножныя желѣзы, сослать въ дальніе монастыри на 15 лѣтъ въ работу; за неоднократные разбой, кражи и т. п. вины, подлежащихъ смертной казни, наказывать на публичномъ мѣстѣ плетью или батогами, смотря по лѣтамъ, и заключать въ монастырь на 7 лѣтъ. За вины, за которыя подлежатъ пыткѣ и наказанію кнутомъ, вмѣсто кнута — бить плетью или батогами, смотря по лѣтамъ и винѣ. Но этотъ указъ вызвалъ протесты духовенства: синодъ нашель, что раньше 17 лѣтъ человекъ «можетъ вступать въ бракъ по правиламъ св. отецъ и тако меньше 17 лѣтъ человеку довольный смыслъ имѣть можно, а по указу Ея Императорскаго Величества къ присягѣ велѣно приводить съ 12 лѣтъ» потому, какъ говорится дальше, «по довольномъ разсужденіи»

---

¹⁾ *Сертескій*. Смертная казнь при Елизаветѣ Петровнѣ. Журн. Уг. и Гр. Пр. 1890. I, стр. 51 и слѣд. П. С. З. 4964, г. 1726. 11.569 г. 1762.

сенатъ и синодъ согласились считать предѣльнымъ возрастомъ 12 лѣтній и такихъ освобождать отъ смертной казни, наказанія кнутомъ и пытки, и поступать по вышеписаннымъ правительствующаго сената съ коллегіями мнѣніямъ (т. е. по указу 1742 г.). Но въ другихъ указахъ и послѣ 1744 г. возрастъ малолѣтнихъ устанавливался гораздо выше въ виду того, что 12 лѣтній соответствовалъ не столько дѣйствительному положенію вещей, сколько теоретическимъ разсужденіямъ. Въ генеральномъ учрежденіи о рекрутскомъ наборѣ 1757 г. малолѣтство опредѣляется въ 16 лѣтъ. Неудивительно поэтому, что въ проектѣ 1754 г. повторяются постановленія указа 1742 г., а вторая коммиссія опредѣляетъ возрастъ малолѣтнихъ отъ 10 до 15 л., а не до 12¹⁾.

Наконецъ, въ царствованіе же Елизаветы Петровны въ 1757 г. рваніе поздрей и клейменіе для женщинъ были отмѣнены.

Тѣлесныя наказанія при Петрѣ Великомъ распростра- нялись попрежнему на всѣхъ, напр. въ 1714 г. биты кну- томъ 2 сенатора Волковъ и Опухтинъ, имъ жгли, кромѣ того, языки каленымъ желѣзомъ. Позднѣе наиболѣе знатные преступники стали избавляться отъ тѣлесныхъ наказаній при ссылкѣ: безъ нихъ были сосланы Θεодосій Яновскій, Девіеръ, Меншиковъ, Виронъ, Минихъ, Остерманъ и Головкинъ²⁾, но это не было еще твердо установившимся обычаемъ, что доказы- вается наказаніемъ кнутомъ даже знатныхъ дамъ, Лопухиной и Бестужевой при Елизаветѣ Петровнѣ. Признаніе тѣлес- ныхъ наказаній позорными стало замѣчаться только во вто- рую половину царствованія Петра Великаго и то только от- носительно тягчайшаго наказанія кнута. Такъ Указъ 1705 г. предписываетъ бить бѣглыхъ кнутомъ и посылать ихъ на 5 лѣтъ въ каторгу, а потомъ «быть имъ въ солдатахъ въ преж- нихъ полкахъ». Въ 1684 г. Кикинъ былъ битъ кнутомъ пе-

¹⁾ П. С. З. 1757 г., 10.686.

²⁾ П. С. З. 4717, г. 1725. *Соловьевъ*. Т. XVI, стр. 238. Т. XXI, стр. 43, 164—165.

редь стрѣleckимъ приказомъ за растлѣніе, а въ 1704 г. завѣдывалъ всѣми рыбными промыслами въ Россіи ¹⁾. Это положеніе измѣнилось со введеніемъ въ русское право наказаній, лишающихъ чести въ западно-европейскомъ смыслѣ. Шельмованіе упоминается уже въ 1714 г. по указу о за-прещеніи взятокъ и посуловъ, по которому виновный долженъ быть «жестоко наказанъ, шельмованъ, имѣнья лишень и смертию казнень». Воинскимъ Уставомъ шельмованіе опредѣляется окончательно ²⁾. Наказанія, лишающія чести, были перенесены съ запада, оттуда же вмѣстѣ съ ними перенеслось и укрѣпилось сознаніе позорности тѣлесныхъ наказаній. Вначалѣ эта позорность, конечно, проникла въ очень скромныхъ размѣрахъ, да и предубѣжденія противъ тѣлесныхъ наказаній не могъ имѣть самъ законодатель; поэтому при Петрѣ Великомъ безчестящимъ дѣлается лишь наказаніе кнутомъ, совершаемое всенародно рукою палача, съ которымъ, кромѣ физическаго страданія, соединяется и позоръ.

Въ указѣ 1721 г. Петръ Великій объяснилъ, что шпицрутены употребляются для офицеровъ и рядовыхъ, ссылаемыхъ въ каторгу, потому, что если они освободились бы по отбытіи урочныхъ лѣтъ (послѣ наказанія кнутомъ) «то за такимъ порокомъ, что были въ катскихъ рукахъ, невозможно ихъ въ прежнюю службу употреблять»,—въ виду этого военныхъ и стали наказывать кнутомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возвращеніе на службу было для нихъ невозможно, т. е. при вѣчной каторгѣ. Этимъ порядкомъ былъ сдѣланъ важный шагъ, намѣтившій дальнѣйшее развитіе понятія позорности тѣлесныхъ наказаній: прикосновеніе палача стало безчестящимъ. Однако прежніе взгляды

¹⁾ Сказанія о Россіи. Monumenta. Т. I, стр. 33. *Стройсь*, о. с., стр. 59. *Олеарій*. Подробное описаніе путешествія Гольштинскаго посольства въ Московію и Персію. М. 1870 г., стр. 303. Дополненія къ актамъ истор. IX, 59. 1680, марта 13. Царская грамота. П. С. З. 128, 1654 г. 154. 1655. Указъ. 2031, г. 1705. 2068, г. 1705.

²⁾ П. С. З. 2871, г. 1714. *Латкинъ*. Лекціи по вѣшней исторіи русскаго права, стр. 213.

не могли измѣниться сразу, даже высшая администрація не была въ состояніи тотчасъ примѣниться къ новому порядку: въ 1722 г. Петръ Великій долженъ былъ писать сенату, чтобы не опредѣляли на службу въ военную коллегію, бывшаго офицера Языкова «явно наказаннаго, яко вора»¹⁾. Позорность наказанія была признана, главнымъ образомъ, для военныхъ, что объясняется введеніемъ Воинскаго Устава, составленнаго по западно-европейскимъ военнымъ законамъ; духовенство, напр., въ царствованіе Петра наказывалось кнутомъ по старому, что не влекло безчестія: въ 1724 г. за ложное показаніе о ревизскихъ душахъ велѣно нещадно бить кнутомъ и духовныхъ и свѣтскихъ свидѣтелей, первыхъ только снесшись съ архіереемъ, при этомъ ничего не говорилось о лишеніи сана, слѣдовательно, кнутъ не вліялъ на возможность продолжать пастырское служеніе²⁾.

При преемникахъ Петра Великаго въ указахъ постоянно выдвигается позорность битья кнутомъ, исполнявшагося всегда рукою палача, несомѣстимость его со считавшея тогда наиболѣе почетной военной службой: предписывается годныхъ для военной службы наказывать плетью, негодныхъ кнутомъ, напр., въ указѣ 1745 года говорится: «кто кнутомъ не сѣченъ, годныхъ написать въ Астраханскій гарнизонъ, а которые въ службу не годны, или кнутомъ сѣчены возвратить помѣщикамъ, или записать въ подушный окладъ, гдѣ они жить пожелаютъ».

Понемногу и общество стало смотрѣть на наказаніе кнутомъ, какъ на обезчещивающее, крайне тяжелое для высшихъ сословій: на проявленіе подобнаго настроенія можно указать въ эпоху, ближайшую къ царствованію Петра Великаго: въ 1727 г. А. Чоглоковъ, бывший при Петрѣ комендантомъ на Олонцѣ просилъ дать ему указъ изъ сената о непорицаніи его понесеннымъ наказаніемъ, ссылаясь на то, что Петръ

¹⁾ П. С. З. 3136, г. 1717. 3760, г. 1721. Указы и повелѣнія. Сборникъ Р. И. Об-ва, стр. 492.

²⁾ П. Собр. Зак. 4520, годъ 1724.

простили его и возвратили ему конфискованное имущество ¹⁾.

Объ отношеніи къ другимъ тѣлеснымъ наказаніямъ въ началѣ XVIII в. всѣ свидѣтельства согласны въ томъ, что никому изъ русскихъ не приходило въ голову считать ихъ позорящими. Берхгольцъ не безъ удивленія рассказываетъ по этому поводу, что актеръ, получившій за разпоску афишъ по городу около 200 батоговъ, игралъ опять со знатными дамами; здѣсь, прибавляетъ онъ, это ни по чемъ и считается дѣломъ весьма обыкновеннымъ — и, дѣйствительно, было бы страннымъ со стороны дамъ измѣнять отношенія къ побитому, когда ихъ собственные отцы и мужья легко могли подвергнуться такому же исправительному внушенію со стороны его царскаго величества. Французскій резидентъ де-Леви передаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что «передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга (3 января 1718 г.) царь пригласилъ къ себѣ въ 4 часа утра нѣсколькихъ знатнѣйшихъ сановниковъ и, принявъ ихъ поочередно, велѣлъ каждому наказать батогами ²⁾».

Періодъ развитія и господства тѣлесныхъ наказаній не отдѣляется, какъ уже сказано, отъ слѣдующаго рѣзко очерченной линіей: стадіи перехода между различными эпохами подготовляются задолго до ихъ наступленія, и во время процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній появлялись уже нѣкоторые симптомы, предвѣстники иного будущаго, не колебавшіе, однако, установившихся порядковъ. Такимъ симптомомъ было, кромѣ измѣненія взглядовъ общества и законодательства на значеніе наказанія рукой палача, начавшееся въ царствованіе Петра Великаго, исчезновеніе членовредительныхъ наказаній, что дѣлаетъ исторію тѣлесныхъ наказаній съ половины XVIII вѣка исторіей болѣзненныхъ тѣлесныхъ нака-

¹⁾ Протоколы, журналы, указы, Верховнаго Тайнаго Совѣта. Сборникъ Ист. Общ., т. 69.

²⁾ *Берхгольцъ*. Дневникъ, веденный въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго М. 1857—63 г. Ч. I, стр. 317. Бумаги изъ архива Французск. Мин. Ин. Д. 1681—1717. Сб. Р. И. Об-ва Т. 34, стр. 282.

завій. Послѣднія, отличаясь отъ членовредительныхъ по способу причиненія страданій, различаются отъ нихъ и по значенію въ карательной системѣ и по живучести. Являясь грубымъ проявленіемъ чувства мести, выражавшейся въ идеѣ таліона, членовредительныя наказанія держались лишь до тѣхъ поръ, пока культура общества не достигла нѣкоторой высоты, тогда ихъ недостатки и бесполезная жестокость такъ рѣзко бросались въ глаза, что для уничтоженія ихъ не требовалось особенныхъ усилій, они исчезали безъ борьбы, незамѣтно, какъ исчезаютъ ночныя тѣни передъ разсвѣтомъ. Другое дѣло болѣзненныя тѣлесныя наказанія: будучи также порожденіемъ жестокости и владычества силы, они сходили съ исторической сцены не сразу, а медленно, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій; въ этомъ отношеніи ихъ исторія совершенно расходится съ исторіей членовредительныхъ наказаній. Болѣзненныя наказанія процвѣтаютъ уже въ одно время съ первыми, что не мѣшаетъ имъ не только на долго пережить ихъ, но и приобрести еще большее, чѣмъ прежде значеніе: членовредительныя наказанія замѣняются болѣзненными, область дѣйствія послѣднихъ расширяется: упадокъ членовредительныхъ наказаній содѣйствуетъ, такимъ образомъ, распространенію и процвѣтанію болѣзненныхъ.

Сокращеніе примѣненія членовредительныхъ наказаній при Петрѣ продолжалось, какъ и раньше (стр. 86), прежде всего изъ желанія сохранить работоспособность преступника. Стремленіе получить выгоды, утилизировать силы преступника на пользу государства было доведено до крайности въ царствованіе Петра Великаго: этимъ началомъ ступшевывались даже устрашительныя цѣли: арестанты посылаются на всевозможныя государевы работы въ Азовъ, въ Рогервикъ, въ С.-Петербургъ, гдѣ вмѣстѣ работаютъ и свободные и тяжкіе преступники; старыхъ преступниковъ, непригодныхъ для каторжныхъ работъ, вѣрно было отправлять въ монастырскій приказъ и употреблять на посильныя работы въ кандалахъ¹⁾.

¹⁾ П. С. З. № 846, 1680 г. № 1413. 1691 г., 1179 г. 1707.

И членовредительныя наказанія, несмотря на то, что удерживаются Воинскимъ Уставомъ, на практикѣ примѣняются рѣже: употребляются, главнымъ образомъ, вырѣзаніе ноздрей, клейменіе. Работоспособность преступника сохранила свое значеніе и позднѣе: при Елизаветѣ Петровнѣ отсѣченіе руки отмѣняется за убійство, совершенное русскими въ Финляндіи, чтобы преступники могли употребляться на работы. Въ то же время реформы Петровскаго царствованія, влияніе западныхъ началъ не могли съ теченіемъ времени не отразиться на взглядахъ и чувствахъ общества. Пренія грубая жестокость стала казаться излишней: въ 1728 г. было приказано уничтожить въ С.-Петербургѣ столбы, на которыхъ выставлялись части тѣла казненныхъ. Во времена Елизаветы членовредительныя наказанія, стали рѣдкими, и примѣненіе ихъ не встрѣчало одобренія. Болотовъ, описывая членовредительное наказаніе, свидѣтелемъ котораго ему пришлось быть въ 1757 г., замѣчаетъ: «могу сказать, что я не могъ смотрѣть безъ отвращенія на сіе кровопролитіе и не могу оно безъ внутренняго содроганія сердца и понынь вспомнить»¹⁾).

Членовредительныя наказанія не упоминаются въ проектахъ уголовнаго Уложенія 1754—66 г. за исключеніемъ случаевъ вырванія ноздрей. Статья о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, за которыя Уложеніе 1649 г. назначало таліонъ, сохраняя почти слово въ слово диспозицію Уложенія 1649 г., назначаетъ за совершеніе названнаго преступленія не таліонъ, а кнутъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и ссылкой въ каторгу вѣчно. То же самое и въ постановленіяхъ о разбойникахъ, ворахъ и татяхъ, вездѣ членовредительныя наказанія замѣнены кнутомъ и ссылкой, и иногда смертною казнью, изъ чего можно заключить, что на практикѣ въ 1750—60 гг. такая замѣна уже совершилась: иначе трудно объяснить уничтоженіе этого вида наказанія въ проектѣ 1754 г., которымъ строгость карательныхъ мѣръ вообще не уменьшалась.

¹⁾ Записки А. Болстова. Т. I. Спб. 1870, стр. 479.

Безусловное осужденіе членовредительныхъ наказаній находимъ и въ наказѣ Императрицы Екатерины II: «всѣ наказанія, говорится въ немъ (ст. 96), которыми тѣло чело-вѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить», эта статья говоритъ, въ сущности, только о законодательной отмѣнѣ, такъ какъ на практикѣ съ половины XVIII в. членовреди-тельные наказанія (кромѣ вырыванія ноздрей) примѣнялись лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, напр. во время Пугачевского бунта.

СПбГУ

ГЛАВА II.

Періодъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній.

I.

Ставя гранью второго періода исторіи тѣлесныхъ наказаній царствованіе Екатерины II, я руководствовался основной, если такъ можно выразиться, тенденціей законодательства, что отнюдь не значить, что старыя начала русской жизни, имѣвшія вліяніе на развитіе тѣлесныхъ наказаній, перестали уже существовать, — кое что изъ нихъ уцѣлѣло даже и до нашего времени; эпоха Екатерины II настолько близко соприкасалась съ предшествовавшими и была такъ органически связана съ ними, что говорить о коренномъ различіи нѣтъ никакихъ основаній.

Какъ и въ первомъ періодѣ, въ русскомъ правѣ сохраняло свое мѣсто устрашеніе; въ первые годы царствованія Екатерины II попадаются даже гиперболическія угрозы, какъ и въ старыхъ указахъ; въ манифестахъ о наполненіи судебныхъ мѣстъ достойными и честными людьми говорится: «если кто отважится коснуться лихоимству... таковой нечестный и неблагодарный и яко заразительный членъ общества не только изъ числа честныхъ, но и изъ всего человѣчества истребленъ будетъ»¹⁾.

---

¹⁾ П. С. З. 11998, г. 1763. Устрашеніе не было позабыто и въ царствованіе Николая I: въ манифестѣ 1 января 1826 г. (П. С. З. I. 29, г. 1826) о дарованіи народу облегченій, послѣ перечисленія милостей, оказанныхъ преступникамъ, выражалась надежда, что „умягченіемъ наказаній не ослабнетъ спасительный страхъ закона“. Но сохранившіеся въ принципѣ, устрашеніе въ 1/2 XIX вѣка многое утратило изъ средствъ,

Устрашеніе въ прежнемъ духѣ господствовало и въ не-
долгое царствованіе Павла I, особенно при усмирении кре-
стьянскихъ волненій, вызванныхъ слухами о близкомъ осво-
божденіи. Кн. Репнинъ доносилъ 15 февраля 1797 года изъ
Орловской губерніи: «за упорственное сопротивленіе войскамъ
Вашего Императорскаго Величества наказаны силою оружія
и преданы яко изверги огню и мечу; тѣла ихъ, справедливо
погибшія... недостойныя погребенія общаго съ вѣрными под-
данными зарыты въ особую яму... дома ихъ истреблены до
основанія такъ, что остатковъ онаго не видно». Изъ Калуж-
ской губерніи вице-губернаторъ Митусовъ доносилъ, что у
него «до оружія не доходило... по прибытіи... не напедъ
никого изъ крестьянъ, пересѣлъ кнудомъ женъ ихъ и сред-
няго возраста дѣтей. Въ страхъ имъ, дабы вызвать ихъ, со-
жогъ особо стоящую клетъ, но изъ за сего никого изъ скры-
вающихся не явилось»¹⁾.

Какой характеръ желала придать карательной дѣятель-
ности часть русскаго общества въ шестидесятыхъ годахъ XVIII
стол., выясняется провинціальными дворянскими наказами въ
комиссію 1767 года. Алатырское дворянство било челомъ,
чтобы увѣщанія не только разбойнику и смертоубійцѣ, но и
всякому вору оставить, а распрашивать ихъ, какъ злодѣевъ и
казнь чинить по всей строгости прежнихъ законовъ. Темни-
ковское дворянство высказалось рѣшительно противъ новыхъ
направленій и поручало просить: «не дозволено ли будетъ
съ оными злодѣями по прежнимъ строгимъ государственнымъ
узакононеніямъ поступать и что въ городахъ оныхъ воровъ
слѣдовать пристрастными распросами и пытать дозволить,

бывшихъ въ его распоряженіи. Прежняя строгость наказаній стала те-
перь немислвмой: при Петрѣ Великомъ, напр., за продажу недоброка-
чественныхъ продуктовъ возможно было назначать кнутъ, плети, ссылку, въ
1842 г. эти проступки наказывались только штрафомъ и закрытіемъ тор-
говаго заведенія (за 3-й проступокъ), (И. С. З. 15: 915, г. 1842). Вре-
мена и люди измѣнились.

¹⁾ Крестьянское движеніе при Императорѣ Павлѣ I. Р. Арх. 1867,
стр. 531, 545, 558, 559.

дабы на то смотря другіе то чинить не могли, въ томъ бы безстрашное благоденственное житіе имѣли». Елецкое дворянство желало даже не только пытокъ, но и смертной казни для всѣхъ смертоубійць, воровъ и разбойниковъ; въ такомъ же духѣ выражалось и Орловское и Бѣлевское дворянство. Правда, были и болѣе умѣренные наказы: Свіяжское дворянство просило только отдавать, въ солдаты или ссылатъ воровъ, не чиня пытокъ, Трубчевское поручало просить, чтобы дворянамъ, кромѣ разбоя и другихъ важныхъ преступленій, наказаній тѣлесныхъ не чинить, наказывая за погрѣшности по ихъ благородству арестомъ и содержаніемъ на сухояденіи, а не тюрьмою, гдѣ содержатся по важнымъ дѣламъ воры и преступники¹⁾.

Медленно и мало чувствительно происходили перемѣны во внутреннемъ состояніи общества, въ которомъ и теперь еще существуютъ теченія, поддерживающія тѣлесныя наказанія. Полицейскій и строго сословный строй государства сохранялся въ царствованіе Екатерины въ неприкосновенности. Какъ относилась администрація къ задачамъ управленія, выясняется изъ наказа, даннаго главной полиціей своему депутату въ комиссіи 1767 г.: «начальникъ полиціи, говорится въ немъ, долженъ вперять... въ разумъ не только полицейскимъ служителямъ, но и всѣмъ гражданамъ отвращеніе къ порокамъ». За непорядки и озорничество полиція, желая имѣть право наказывать тѣлесно и заключеніемъ, просила: «дабы она и въ храмахъ Божіихъ имѣла доступъ надзирать за входящими на молитву жителями, дабы оныя подобающую благопристойность сохраняли», и чтобы непочитающіе родителей наказывались не только по просьбѣ послѣднихъ, но и когда полиція сама усмотритъ такое непочтеніе, чего «яко вреднаго обществу она сносить не должна безъ ограниченія»²⁾.

---

¹⁾ Депутатскіе наказы. Сб. Р. И. Об-ва. Т. 68, стр. 117, 356, 453, 470, 478, 523, 34—38, 612—614, 514.

²⁾ Наказъ выборнымъ главной полиціи. Сб. Р. Ист. Общ., т. 49, стр. 298 и слѣд.

Положеніе низшихъ классовъ и крѣпостныхъ оставалось по прежнему весьма тяжелымъ: въ 1764 г. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ докладывалъ императрицѣ о крѣпостныхъ, какъ о «несчастныхъ существахъ». Сама императрица, возражая на извѣстную книгу Шаппѣ Д'Отероша, должна была ограничиться лишь замѣчаніемъ, что «наши нравы улучшаются», и есть много домовъ, въ которыхъ сочли бы безчеловѣчнымъ обходиться съ людьми сурово, и что жестокость существуетъ и въ другихъ странахъ ¹⁾. Въ 1802 г. слѣдователи по дѣлу Орлова о жестокомъ обращеніи съ крѣпостными выяснили, что «цѣпи, желѣза, рогатки, колодки — обыкновенныя наказанія... въ другихъ случаяхъ наказанія изобрѣтаются съ такимъ свирѣпствомъ, что безъ содроганія и выразить невозможно». Неудивительно, что въ царствованіе Николая I насчитывалось 556 крестьянскихъ волненій, охватывавшихъ иногда значительныя районы, и что, по мѣрѣ хотя и медленнаго измѣненія правосознанія въ массѣ, гнетъ крѣпостничества дѣлался нестерпимымъ, вызывая все больше и больше протестовъ ²⁾.

Не легко было и положеніе солдатъ въ XVIII в. и въ XIX в. до конца царствованія Николая I: «обхожденіе съ нижними чинами», отмѣчаетъ въ воспоминаніяхъ С. П. Шиповъ... «было не только чрезмѣрно строгое, но безразсудно жестокое. Нельзя теперь себѣ представить тѣхъ истязаній, коимъ, за маловажныя вины, а иногда и безъ вины, подвергался тогда солдатъ» (до 1817 г.). У Аракчеева, служившаго олицетвореніемъ палочнаго режима, были такіе командиры, какъ полковникъ Фрикенъ, который «вырывалъ у солдатъ ключьями волосы, билъ эфесомъ сабли по головѣ, а о малкахъ и говорить нечего: онѣ пробивали спины до костей». «По понятіямъ лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи,

¹⁾ *Антидотъ*. XVIII вѣкъ. Сборникъ Бертенева, стр. 330. *Соловьевъ*, т. XXVI, стр. 137.

²⁾ *Древняя и Новая Россія*. 1876, т. III, стр. 263, 273, 274. П. С. З. 20, 263, 26, 603, г. 1817, 2725, г. 1829. *Борьба крѣпостныхъ*. Р. Старина. 1887, стр. 418—427.

пишетъ кн. Голицынъ о царствованіи Николая I, тѣ, которые били палками и сѣкли... снискивали себѣ извѣстность людей твердыхъ, способныхъ и достойныхъ»¹⁾.

Жестокость и произволъ достигали столь значительныхъ размѣровъ, что еще въ послѣдній годъ царствованія Александра I, пришлось сдѣлать повсемѣстно подтвержденіе, что бы, «нигдѣ ни подь какимъ видомъ... ни въ высшихъ, ни въ низшихъ мѣстахъ никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допускать, ни исполнять никакихъ истязаній»²⁾. Привычка бить вошла съ одной стороны въ плоть и кровь представителей администраціи, съ другой—долговременный опытъ научилъ низшія сословія переносить начальственные распоряженія; протестовъ было сравнительно мало, и указы оставались мертвой буквой. Да и высшіе классы общества, въ массѣ малокультурные и воспитанные въ атмосферѣ битья (за исключеніемъ болѣе развитаго меньшинства, значеніе котораго постепенно усиливалось) спокойно относились къ привычной обстановкѣ; ихъ требованія ограничивались узко-сословными интересами; за этими рамками жестокость карательной системы не обращала на себя ихъ вниманія.

Такимъ образомъ и во второмъ періодѣ (отчасти и до настоящаго времени) сохранились прежнія условія, благопріятствующія удержанію тѣлесныхъ наказаній. Но наряду съ ними въ этотъ періодъ успѣли проявиться и инныя теченія и силы, благодаря которымъ вымираніе тѣлесныхъ наказаній въ XIX в. могло пойти довольно быстрымъ ходомъ.

Несмотря на сохраненіе старыхъ порядковъ, общество уже во второй половинѣ XVIII вѣка представляло и замѣтныя отличія отъ прежняго: просвѣщеніе и культура, хотя

---

1) Воспоминанія С. П. Шипова. Р. Арх. 1878, т. 2, 158. *Голицынъ*. Тѣлесныя наказанія. Р. Стар. 1890, т. 66, стр. 76 и 80. Матеріалы къ новѣйшей отечественной исторіи. Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія. Спб. 1871, стр. 5. *Граббе*, А. Е. Гр. А. Л. Аракчеевъ. Р. Стар. 1875 г., т. 12, стр. 103.

2) П. С. З, 30, 563, г. 1825. Воспоминанія П. Т. Морозова. Рус. Ар. 1875 г., стр. 244, 245.

медленно, но проникали въ высшіе слои, являлись русскіе ученые, образованные люди, нравы смягчались, выросли новыя понятія о правахъ личности, въ извѣстной степени поддерживаемыя и правительствомъ, въ этихъ новыхъ теченіяхъ общественной мысли и нравственности и слѣдуетъ искать источника оппозиціи существующему, протеста противъ варварской жестокости наказаній, проведенія мысли объ ихъ позорности и бесполезности. Отличіе двухъ поколѣній XVIII вѣка не ускользнуло отъ современниковъ, даже не принадлежавшихъ къ числу привычныхъ и внимательныхъ наблюдателей общественной психологіи. Свидѣтельство объ этомъ уцѣлѣло въ запискахъ Порошина, передающаго рассказъ одного генерала о томъ, какъ съ молодю онъ былъ не чистъ на руку и стянулъ что-то у фельдмаршала Шереметева, который и отдулъ его батожемъ. Тотъ же генераль разсуждалъ у Разумовскаго: «какіе недотыки нынѣ люди стали: нельзя и выбрать, а бывало де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь» ¹⁾.

Новое проявляло несомнѣнные признаки существованія: противъ установленнаго порядка стали энергично высказываться, напр. Болтинъ писалъ: «развѣ нѣтъ средствъ, кромѣ дыбы, кнута и подобныхъ мучительствъ? И по нынѣ еще изъ умовъ нѣкоторыхъ не истребилось сіе неистовое мнѣніе». «Неистовое мнѣніе» о пользѣ истязаній и позора не истребилось, къ сожалѣнію, и много позднѣе того времени, когда жилъ Болтинъ. И. Лопухинъ, находя наказанія слишкомъ жестокими, высказывалъ мнѣніе, что «цѣлью наказанія всегда должно быть исправленіе, а не месть одна и терзаніе» ²⁾.

Въ царствованіе Николая I болѣе просвѣщенная часть русскаго общества относилась уже вполнѣ отрицательно какъ ко всей системѣ управленія, основанной на устарѣвшихъ на-

¹⁾ *Соловьевъ*, т. XXVI, стр. 247—248.

²⁾ Воинъ старшинаго судьи. П. Лопухина. Чтенія, 1862 г., т. 2, стр. 151.

чалахъ, такъ и къ злоупотребленію силой и битьемъ въ особенности. «Печальное зрѣлище», пишетъ въ своемъ интересномъ дневникѣ (1841 года) проф. Никитенко «представляетъ современное общество: въ немъ нѣтъ ни великодушныхъ стремленій... ни правосудія, ни чести»; въ 1845 г. тѣ же жалобы: «1812 г. не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ народномъ духѣ... страшный гнетъ, безмолвное раболѣпство, — вотъ что пожала Россія на этой кровавой нивѣ»... Другой современникъ, не профессоръ, а служащій, сенаторъ Н. Н. Лебедевъ, писалъ о наказаніяхъ: «дурная система наказаній; по своду только и слышится плеть, да кнутъ, ссылка, да каторга. Гласности никакой».

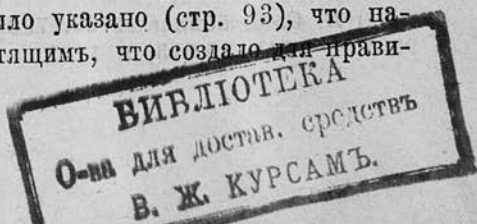
Рѣшительный ударъ прежнему порядку былъ нанесенъ освобожденіемъ крестьянъ 19 февраля 1861 г. и послѣдующими реформами судебной и земской. Съ этого времени условія, содѣйствовавшія сохраненію тѣлесныхъ наказаній утратили прежнее значеніе, и на очередь сталъ вопросъ объ ихъ существованіи, о прекращеніи сложившагося съ половины XVIII в. раздѣленія русскихъ подданныхъ на два класса — подлежащихъ и неподлежащихъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Вымираніе тѣлесныхъ наказаній шло, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ указанныхъ факторовъ (признанія правъ личности, развитія культуры, расширенія цѣлей, преслѣдуемыхъ наказаніемъ) путемъ признанія ихъ позорными и образованія вслѣдствіе этого привилегіи изъятія для высшихъ классовъ и, наконецъ, путемъ ослабленія тѣлесныхъ наказаній на почвѣ общаго смягченія нравовъ и распространенія просвѣщенія.

II.

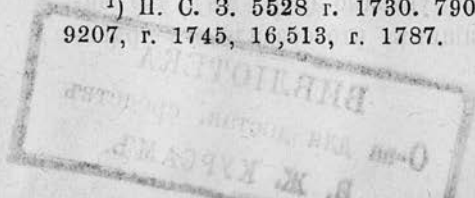
Въ эпоху царствованія Екатерины II и Павла I (1762—1801 г.) стало замѣтнымъ вымираніе тѣлесныхъ наказаній, вслѣдствіе признанія ихъ позорящими и отрицательнаго отношенія къ нимъ общества и самой императрицы.

Въ предыдущей главѣ было указано (стр. 93), что наказаніе кнутомъ стало безчестящимъ, что создало для прави-

тельства необходимость прибѣгать къ этому наказанію лишь въ важныхъ случаяхъ, сократить область его примѣненія, чтобы не лишать себя права воспользоваться наказанными въ цѣляхъ военной службы, поэтому кнутъ начинаетъ замѣняться во многихъ случаяхъ плетью, кошками, на которыя была перенесена обстановка битья кнутомъ, всенародно и рукою палача, а это въ свою очередь вызвало признаніе и названныхъ тѣлесныхъ наказаній безчестящими. Результатомъ этого и явились указы 1761 и 1775 г., по которымъ наказанія батожемъ, кошками и плетью признаны «не исправленіями, а сущей казнью» и приравнены по порядку вступленія въ законную силу къ кнуту ¹⁾). Отъ времени Павла I сохранились 2 любопытные указа, доказывающіе, что и вообще тѣлесныя наказанія, стали считаться позорными: въ 1798 г. съ Петровской лаконичностью былъ отданъ приказъ: «прогнанныхъ сквозь строй, хотя бы одинъ разъ кирасиръ писать уже въ извозчики, а не въ кирасиры», въ 1799 г. повелѣвалось «впредь виновныхъ, приговариваемыхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, никогда не назначать въ воинскую службу»; оба эти указа не отличались ясностью и едва ли долго примѣнялись на практикѣ, но они интересны, какъ указаніе на то, что для возвышенія престижа службы въ арміи изъ нея нашли нужнымъ удалить всѣхъ, на комъ лежало пятно безчестія — тѣлеснаго наказанія. При Екатеринѣ II впервые было высказано въ законѣ мнѣніе о непригодности тѣлесныхъ наказаній, хотя и не судебныхъ, а дисциплинарныхъ для дѣтей: въ планѣ Воспитательнаго Дома, составленномъ извѣстнымъ филантропомъ Бецкимъ, тѣлесныя наказанія запрещались для служителей «дабы юношество не приучать къ суровости». Въ 1767 г. запрещеніе тѣлесно наказывать дѣтей мотивируется тѣмъ, что «по физикѣ доказано, что бить дѣтей... существенное зло». Въ 1766 г. въ новомъ уставѣ Кадетскаго корпуса говорилось: «благородную душу должно воздерживать опас-

¹⁾ П. С. З. 5528 г. 1730. 7903, г. 1739, 9912, т. 1751, 9928, 9207, г. 1745, 16,513, г. 1787.

ніемъ... безчестія, а не страхомъ тѣлеснаго и вредительнаго наказанія»¹⁾.

Насколько серьезно измѣнились въ половинѣ XVIII в. взгляды общества на тѣлесныя наказанія, видно изъ замѣчаній о нихъ князя Щербатова: «Петръ, не разбирая ни роду, ни чиновъ, биваль приближенныхъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно казаться, и многіе изъ насъ восхотятъ скорѣе смертную казнь... нежели жить послѣ палокъ или плетей, хотя бы сіе и священными руками и подъ очами помазанника Божія учинено. Всякій вѣкъ имѣетъ свои нравы... а при Петрѣ Великомъ вѣкъ былъ таковъ, что побои не иначе какъ по болѣзни почитали, не считая ихъ себѣ въ безчестье, хотя бы тѣ и кацкими руками были учинены. Колико находимъ мы въ разрядныхъ книгахъ, что много висѣли плетями, отсылали къ тому головой, съ кѣмъ мѣстничался, или иного за какое неисполненіе приводили подъ висѣлицу и били чрезъ кацкія руки по щекамъ, именъ я не упоминаю, дабы не сдѣлать огорченія потомкамъ... А однако сіи тогда наказанія не безчестили, и они попрежнему въ чины и должности употреблялись»²⁾.

Князь Щербатовъ не точно указываетъ на то, что при Петрѣ наказаніе рукою палача не безчестило (кнутъ), въ остальномъ приведенный отрывокъ можетъ послужить лучшимъ комментариемъ отношенія къ тѣлеснымъ наказаніямъ съ половины XVIII в.; нѣтъ надобности говорить, что оно не измѣнилось и въ позднѣйшее время.

Изъ сознанія позорности тѣлесныхъ наказаній выработалось и второе условіе, содѣйствовавшее ихъ исчезновенію и бывшее логическимъ выводомъ изъ перваго, — изытаніе отъ тѣлесныхъ наказаній (привилегія). Когда тѣлесныя наказанія стали налагать на подвергшагося имъ неизгладимое клеймо

¹⁾ П. С. З. 11,908, г. 1763; 12,747, 1766 г.; 12,957, 1767 г.

²⁾ Щербатовъ. Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластии Петра. Читанія 1860. 1, стр. 15—16.

позора, высшіе вліятельные классы, по понятнымъ причинамъ, начали употреблять всѣ усилія, чтобы избѣжать ихъ и сохранить неприкосновенной свою честь, идея которой была неизвѣстна въ Московскомъ государствѣ; тамъ человѣкъ могъ лишаться званія, чина, напр. изъ высшаго разряда служилыхъ попасть въ низшій,—и только. Шельмованіе расширило это понятіе уже съ царствованія Петра Великаго, но не слѣдуетъ думать, что въ это время понятіе о чести совпадало съ современнымъ, т. е. соединялось съ представленіемъ о достоинствѣ человѣка, независимо отъ сословія и положенія, занимаемаго имъ на іерархической служебной лѣстницѣ. При Петрѣ I, какъ и въ Москвѣ, честь, что естественно вытекало изъ существовавшихъ возрѣній, была служилая, т. е. право на почетъ обуславливалось чиномъ. Въ спорѣ съ Шафировымъ членъ иностранной коллегіи Степановъ писалъ: «Шафировъ могъ говорить, что онъ побилъ бы меня, то бѣ мнѣ можно за его благодѣянія ко мнѣ снести. Я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ, что не токмо побой, но и брани терпѣть»¹⁾. Слѣдовательно, защищался только совѣтникъ канцеляріи, а Степанова бить было можно. Въ Воинскомъ и Морскомъ Уставахъ наказуемость въ зависимости отъ чина проведена довольно послѣдовательно: въ нихъ видно желаніе освободить офицеровъ отъ тѣлеснаго наказанія, по крайней мѣрѣ, за менѣе важные проступки, такъ какъ на западѣ офицеры дворяне вовсе не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ,—это было приспособленіе западныхъ началъ къ русскимъ условіямъ. Рядовымъ назначались обыкновенно, шпицрутены, кошки, тогда какъ офицерамъ—штрафъ, служба за рядоваго, лишеніе чина, вычетъ изъ жалованья, отставка безъ абшида. С. М. Соловьевъ говоритъ, что малый чинъ не защищалъ передъ большимъ, гражданскіе чины давали почетъ меньше чѣмъ военные, отсюда стремленіе чиновниковъ называться

---

¹⁾ Соловьевъ. Исторія XVI, стр. 176.

военными чинами, вызвавшее указъ 1736 г., запрещавшій это подъ страхомъ лишенія чина¹⁾.

На ряду со служебной честью появилось понятіе о сословной, т. е. достоинство человѣка стало охраняться независимо отъ его чина, но смотря по тому, къ какому сословию онъ принадлежалъ. Начатки этого порядка наблюдаются тоже въ царствованіе Петра Великаго. Раньше, въ Москвѣ, преимущество высшихъ классовъ выражалось въ смягченіи тѣлесныхъ наказаній, теперь—въ отсутствіи его, различіе несомнѣнно коренное. Прежде всего изъ массы населенія выдѣлились знатные, къ которымъ правительство считало долгомъ отнестись съ извѣстнымъ уваженіемъ. Въ 1708 г. предписывалось съ неявившихся на службу знатныхъ брать штрафъ, малознатымъ чинить наказаніе, и сверхъ того брать штрафъ; за подачу запрещенныхъ челобитныхъ знатные лишались чина и имѣнія, изъ нижняго чина и подлые—жестоко наказывались кнутомъ; то же подтверждено и указомъ 1740 г. Понятіе знатности опредѣляется со временемъ точнѣе, замѣняется понятіемъ «состоящихъ въ рангахъ»; такъ напр. состоящіе въ рангахъ за корчемство лишались имѣнія, подлые подвергались тѣлесному наказанію (указъ 1751 г.). Но табель о рангахъ включала въ себѣ такіе незначительные чины, что дарованіе имъ всѣмъ привилегіи изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній едва ли могло казаться нужнымъ и приличнымъ, поэтому къ рангамъ прибавляются ограничивающія это понятіе дополненія. Въ таможенномъ уставѣ 1755 г. говорится о взисканіи штрафа съ состоящихъ на службѣ въ рангахъ изъ дворянъ²⁾, словомъ имѣеть значеніе сословная точка зрѣнія на честь. Стремленіе дворянства и болѣе вліятельныхъ классовъ населенія освободить себя отъ

¹⁾ Воинскіе артикулы 10, 38, 45, 47, 48, 64, 69, 85, 113, 114, 117, 141, 181. Военно-морской уставъ, кн. IV, ч. I, 5, 7, 9, 10, 18, 19, 25, 27, 34, 36. Кн. V, 11 и т. д. П. С. З. 3755, г. 1721. *Соловьевъ*, т. XX, стр. 258. П. С. З. 7021.

²⁾ П. С. З. 2199, г. 1768, 3261, г. 1718, 8113 г. 1740. П. С. З. 9928 г. 1751, 10486, г. 1755.

тѣлесныхъ наказаній сказывается вполне ясно въ проектѣ Уложенія 1754 г., гдѣ постоянно выдѣляются персоны, состоящія въ первыхъ 8 классахъ, дворяне и знатные купцы.

Освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній стало въ это время завѣтнымъ желаніемъ дворянства, и когда въ 1763 г. въ комиссіи, образованной для пересмотра манифеста о вольностяхъ дворянства 1762 г.¹⁾, былъ составленъ проектъ дворянскаго права, о тѣлесныхъ наказаніяхъ не было забыто: комиссія, указывая на процвѣтаніе лифляндскаго и шведскаго дворянства, пришла къ выводу, что «причины для которыхъ шляхетство воспитываетъ своихъ дѣтей съ великимъ попеченіемъ суть: 1) отмѣнность въ произведеніи по достоинству его противу худородныхъ, 2) шляхтичъ никогда тѣлесно наказываемъ въ службѣ не бываетъ, тѣмъ меньше къ палачу въ руки не приходитъ, ниже имѣніе его конфискуется, развѣ преступленіе его столь тяжкое, что тому или другому необходимо подверженъ, 3) законы такъ утверждены, что служба не стыгчительною дворянину кажется. Наконецъ, каждый службу свою покинуть можетъ, когда ему угодно». Слѣдовательно, свобода отъ тѣлесныхъ наказаній считалась комиссіей однимъ изъ важнѣйшихъ условій для процвѣтанія дворянства. Согласно съ этимъ взглядомъ въ § 13 проекта права дворянскаго и предполагалось постановить: «чтобы ни по какому доносу и подозрѣнію дворянинъ никакимъ образомъ штрафованъ не былъ, покуда передъ судомъ изобличенъ и виновенъ не явится, и чтобы въ отличность разночинцамъ отъ всякаго тѣлеснаго истязанія былъ онъ свободенъ». Изъ поясненія къ приведенной статьѣ проекта видно, что подъ свободою отъ тѣлесныхъ истязаній понималось какъ освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній, такъ и отъ пытки, что считалось необходимымъ, такъ какъ «мучительство въ благородно-рожденномъ, по одному сумнительству и подозрѣнію ему приключенное, можетъ его, яко честолюбиваго, привести къ от-

¹⁾ В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи. Спб. 1899, стр. 127.

чалню и животь свой вовсе пренебречь, а потому и исторгнуть изъ него клевету на себя, дабы скорѣе смертію прекратить свое безчестіе, чему многіе уже на свѣтѣ и примѣры оказались»¹⁾.

Предположенія комиссіи перешли и въ проектъ Уложенія 1754—1766 г., въ его послѣднюю редакцію; въ III части проекта (о состояніяхъ подданныхъ вообще) подробно перечисляются привилегіи высшихъ сословій дворянства и знатныхъ купцовъ по освобожденію ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній: «дворянъ, говорится въ проектѣ, ни по какимъ преступленіямъ не пытатъ и пристрастному допросу не подвергать, но избличать ихъ однимъ свидѣтельствомъ и другими явными подозрѣніями и доказательствами, или въ дѣлѣ сомнительномъ приводить ихъ къ присягѣ. Да и по избличеніи нивакого ихъ природѣ неприличнаго наказанія напр. кнутомъ, плетми, кошками и батогами, имъ не чинить и на казенную работу не ссылать, имѣнія ихъ ни по какимъ дѣламъ на Насъ не отписывать». Въ главѣ о купцахъ также постановляется: «знатныхъ изъ нихъ купцовъ, т. е. первой гильдіи кромѣ криминальныхъ преступленій и до учиненаго ими знатнымъ безчестія, также гостей и первой гильдіи купцовъ ничѣмъ на тѣлѣ не наказывать»²⁾. Соотвѣтственно этимъ общимъ положеніямъ по II части названнаго проекта Уложенія (въ его 3-ей редакціи 1766 г.), система изыятій достигаетъ полной опредѣленности: наказаніе распадается на 2 самостоятельные вида: 1) для привилегированныхъ и 2) для подлыхъ, причемъ для первыхъ наказаніе вообще смягчается съ совершеннымъ исключеніемъ тѣлесныхъ, напр. при обнаженіи оружія во дворцѣ привилегированнымъ назначается вѣчное житье въ Сибири, подлымъ же—плети и ссылка; за ссору и брань—первымъ арестъ и безчестіе, подлымъ плети

1) Сборникъ русскаго историческаго общества, т. VII, стр. 243, 254.

2) Проектъ Новаго Уложенія, составленный законодательной комиссіей 1754—1766 г., ч. III, подъ редакц. В. Н. Латкина. Спб. 1893. Глава XXII, 15, XXIII, 15.

(23, 2, 3). За насильное ополчение— благородныхъ лишать чина на годъ или ссылать на годъ, простымъ— кнутъ; за подметныя письма о поджогахъ— первымъ назначалось лишение всѣхъ чиновъ и ссылка, вторымъ— кнутъ и ссылка; за похвальбу поджогомъ— тюрьма, лишение чина, подлымъ— плети, и т. д. Правда о дворянахъ не упоминается въ главахъ о ворахъ и татяхъ, гдѣ щедро назначаются тѣлесныя наказанія, но изъ того, что законъ постоянно говоритъ въ этой главѣ объ отдачѣ виновныхъ тѣмъ, чьи они люди (гл. 33, 4, 5), видно, что рѣчь идетъ не о благородныхъ.

Желаніе дворянства получило осуществленіе съ изданіемъ жалованной грамоты дворянству (1785 г.), въ которой привилегія изыятія отъ тѣлесныхъ наказаній формулирована въ извѣстномъ выраженіи: «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго». На ряду съ дворянствомъ, по жалованной грамотѣ городамъ отъ тѣлесныхъ наказаній были изытаны именитые граждане и купцы первой и второй гильдіи ¹⁾; понятіе сословной чести въ этихъ актахъ было уже вполне воспринято законодательствомъ. Но жалованная грамота не создавала новаго, она только подтверждала практику: въ царствованіе Екатерины и до 1785 г. тѣлесныя наказанія для дворянъ и именитаго купечества по высочайшимъ конфирмаціямъ замѣнялись, обыкновенно, другими. По дѣлу о заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущова, виновныхъ, вмѣсто смертной казни, сослали въ Камчатку и Иркутскъ (вѣчно). Въ 1768 г. Батюшковъ лишенъ чиновъ и сосланъ. Поручикъ Чефоридзевъ, замѣшанный въ дѣлѣ Мировича (хотя не сильно), вмѣсто смертной казни лишенъ чиновъ и отданъ въ солдаты въ отдаленный гарнизонъ. Въ 1775 г. подпоручикъ, подчинившійся изъ страха самозванцу, былъ наказанъ лишеніемъ чиновъ и дворянства. Конфирмируя приговоръ по дѣлу Дубровина и Кузнецова, императрица (1768 г.) отмѣнила тѣлесное наказаніе: Кузнецова велѣно сослать въ крѣпость Св. Димитрія и изъ имѣнія взять 3.000 руб. (вмѣсто кнута,

¹⁾ П. С. З. 16, 188, г. 1785.

ссылки въ Сибирь и конфискаціи), Дубровина, приговореннаго къ плетямъ и ссылкѣ въ Оренбургъ, выслать на 10 лѣтъ изъ Орла и взять съ него 1.000 руб. штрафа.

Но принципиальное, выраженное въ законѣ, освобожденіе дворянства и купечества отъ тѣлеснаго наказанія не только санкціонировало практику, оно имѣло вліяніе и на дальнѣйшее движеніе законодательства. Признаніе тѣлесныхъ наказаній безчестящими, недопустимыми для лицъ, занимающихъ болѣе или менѣе высокое положеніе, вообще сдѣлало ихъ удѣломъ мелкихъ людей, на честь которыхъ не стоило обращать вниманія, — и, естественно, все, что поднималось надъ уровнемъ «подлой», сброй, безправной массы, стало стремиться занять такое же положеніе, какъ и названныя высшія сословія, а это стремленіе неминуемо вызывало дальнѣйшее распространеніе привилегій и слѣдовательно, стѣсненіе круга лицъ, къ которымъ тѣлесныя наказанія могли примѣняться. Освободивъ отъ тѣлесныхъ наказаній дворянъ и купцовъ, Екатерина II не обратила вниманія на духовенство, она оставила для него тѣлесныя наказанія, установивъ только частичныя смягченія: въ 1771 г. былъ изданъ Синодскій указъ духовнымъ властямъ о ненаказываніи священнослужителей тѣлесно, подтвердительно къ указу 1767 г., въ которомъ повелѣвалось, чтобы наказаніе для духовенства «всегда были соображаемы съ человѣческими немощами и добрымъ въ священствѣ поведеніемъ», почему и было предписано: «священникамъ и іеромонахамъ никакихъ на тѣлѣ наказаній не чинить»¹⁾. Слѣдовательно не всѣ высшія сословія получили привилегію, и духовенство, естественно, стремилось уравнять свое положеніе съ дворянствомъ и купечествомъ, что и было достигнуто въ царствованіе Павла I.

Въ царствованіе же Екатерины II въ дополненіе къ закону 1744 г. были сдѣланы значительныя облегченія для несовершеннолѣтнихъ указомъ 1763 г., который, однако, велѣно было держать въ тайнѣ и «отнюдь въ доношеніяхъ и

¹⁾ П. С. З. 12.909, г. 1767, 13.609, г. 1771.

сообщеніяхъ онаго не включать» —¹⁾), ограниченіе, вызванное желаніемъ сохранить во всей силѣ угрозу закона. Перечисленными мѣропріятіями исчерпываются всѣ ограниченія тѣлесныхъ наказаній, сдѣланныя Екатериною II, хотя императрица, не сочувствовала жестокости наказаній и поэтому отъ нея можно было ожидать болѣе рѣшительныхъ шаговъ противъ тѣлесныхъ наказаній.

Екатерина II была хорошо знакома съ произведеніями французскихъ философовъ XVIII в., въ ранней молодости она уже говорила о себѣ, какъ о «философѣ въ 15 лѣтъ»; вліяніе новыхъ гуманныхъ идей энциклопедистовъ ярче всего сказалось въ ея Наказѣ, въ которомъ главною цѣлью наказанія она ставитъ не страхъ (чѣмъ испровергалась вся прежняя русская практика), но стыдъ: «послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ, читаемъ мы въ Наказѣ, вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣннѣ наказанія заключающееся». «Стыдъ не является слѣдствіемъ наказанія только въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ мучительское владѣніе, которое налагаетъ одни и тѣ же наказанія на людей незаконныхъ и добродѣтельныхъ»¹⁾.

Сообразно со взглядами на устыдительное значеніе наказанія въ 1774 г. за кражу казенныхъ денегъ ассессоръ Шишкинъ вмѣсто смертной казни былъ лишенъ дворянства, выведенъ на площадь передъ коллегіями съ подписью на груди: «воръ и похититель казенныхъ денегъ», поставленъ на $\frac{1}{4}$ часа у позорнаго столба и сосланъ въ Сибирь. Такая же выставка у позорнаго столба въ связи со сложной обрядностью была примѣнена при наказаніи извѣстныхъ Салтычихи и Жуковыхъ.

Кромѣ того, слѣдую принципамъ энциклопедистовъ, императрица не могла иначе, какъ съ полнымъ осужденіемъ относиться къ жестокости наказаній. Въ отзывѣ на книгу

---

¹⁾ И. С. З. 12,949, г. 1767. Наказъ комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія. 88, 89.

Шаппъ Д'Отероша Екатерина II утверждаетъ, что жестокость наказаній заимствована русскими. Розги и кнутъ перешли къ намъ отъ римлянъ, говоритъ она, какъ и всѣ подобныя ужасы заимствованы нами отъ другихъ народовъ. Сохранилась собственноручная записка Екатерины II о средствахъ помощи народу въ годину бѣдствій, въ которыхъ не мало важное мѣсто занимаетъ смягченіе наказаній¹⁾. Жестокость тѣлесныхъ наказаній и заставляла императрицу высказываться противъ нихъ, когда она находила это возможнымъ: въ 1771 г. она издала повелѣніе, запрещавшее бить придворныхъ служителей, гдѣ ясно выразились ея взгляды на тѣлесное наказаніе: «Мы имѣвъ въ омерзѣніи» гласить указъ, «всѣ суровости отъ невѣжества рожденныя и выдуманныя... повелѣваемъ... ливрейныхъ служителей нашихъ ничѣмъ не бить»; въ 1765 г. по поводу дѣла купца Реблякина, обвинявшагося въ произнесеніи непристойныхъ словъ и наказаннаго только недѣльнымъ арестомъ, императрица писала московскому главнокомандующему фельдмаршалу П. С. Салтыкову: «Спасибо графу П. С., что онъ какъ мало возможно сѣчетъ. Изволь и впредь такъ поступать», и прибавляетъ, что боялась, какъ бы купца не наказали кнутомъ²⁾.

Но дѣятельность императрицы отличалась нѣкоторою двойственностью: философскіе принципы уживались со старыми порядками, отвергаемые въ теоріи средства и приемы допускались въ дѣйствительности. Разгадка этого лежитъ въ сознаніи необходимости считаться съ окружающей обстановкой, нѣкоторомъ недоувѣріи къ прочности своего положенія, желаніи сообразоваться съ господствующимъ настроеніемъ придворныхъ сферъ, для которыхъ старыя порядки были устоями неизблѣмости и твердости государства и опасенія которыхъ какъ бы оправдывались внутренними беспорядками, серьезно

1) П. С. З. 12 600, г. 1766, 14.171, г. 1774, 15.946, г. 1784. Антидогъ, XVIII вѣкъ, кн. 4. М. 1869, стр. 294. Бумаги Императрицы Екатерины II. Сборн. Р. Ист. Об-ва, т. 42. Сиб. 1885 г. № 605.

2) П. С. З. 13.603, г. 1771. Письма Екатерины II къ фельдмаршалу гр. П. С. Салтыкову. Р. Арх. 1886 г., кн. 3. № 59, стр. 35.

озабочивавшими Екатерину II, написавшую, вѣроятно, въ одну изъ горькихъ минутъ: «Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Россіи было много государей—тирановъ. Народъ по природѣ безпокоенъ, неблагодаренъ, изобилуетъ доносчиками и людьми подъ предлогомъ усердія, старающимися устроить свои дѣла».

Этой двойственностью и можно объяснить нѣкоторые факты, несогласные со взглядами Императрицы. Такъ въ 1763 г. она приказывала ген. м. Порошину принять въ писцы нѣкоего полицейскаго секретаря Худенева и удерживать его отъ дерзостныхъ разговоровъ; а въ случаѣ надобности «смирять его по важности преступленія и наказывать на тѣлѣ»¹⁾.

Особенно тяжелымъ для Екатерины II было время Пугачевского бунта, и при слѣдствіи о немъ употреблялись пристрастные допросы, а при наказаніи—смертная казнь и членовредительныя наказанія, и сама императрица, отправляя 25 апрѣля 1774 г. капитановъ гвардіи Лунина и Маврина въ Казань для слѣдствія надъ бунтовщиками, только рекомендовала, «чтобы они сколько возможно при слѣдствіи отъ пристрастныхъ допросовъ воздерживались», что, конечно, далеко отъ полнаго запрещенія ихъ. Въ 1768 г. по дѣлу о возмущеніи фабричныхъ села Покровскаго императрица приказывала Чичерину: «сіе дѣло примѣрнымъ надо сдѣлать, и для того поворотитесь попроворнѣе и покруче». По всей вѣроятности императрицѣ было извѣстно, какія средства употреблялись тогдашнимъ генераль-полиціймейстеромъ, и какъ мало соотвѣтствовали они правиламъ и духу Наказа 1766 г.²⁾. Этими обстоятельствами и объясняется то, что система тѣлесныхъ наказаній не была реформирована въ царствованіе Екатерины II, — реформа казалась не соотвѣтствующей народнымъ правамъ и строю общества, основанному на крѣ-

---

¹⁾ Сборникъ Русскаго Ист. Общ., т. VII, стр. 267.

²⁾ Бумаги Имп. Екатерины II. Сб. Р. И. Об-ва, т. 42, 421, 456, 1885 г. Подлинныя бумаги и письма Имп. Екатерины II. Чтенія. 1860, 2, стр. 70.

постномъ правѣ; но царствованіе Екатерины имѣеть тѣмъ не менѣе громадное значеніе, какъ эпоха, въ которую впервые положены начала изъятій, благодаря чему законодательство получило рѣшительный толчекъ, двинувшій его на путь уничтоженія тѣлесныхъ наказаній. Направленіе его приобрѣло ясность и опредѣленность, возвратъ къ прежнему сталъ невозможнымъ, что блестяще было доказано слѣдующимъ царствованіемъ и мимолетнымъ успѣхомъ, начавшейся въ немъ реакціи въ пользу возвращенія къ началамъ Петровскихъ законовъ. Павелъ I, подозрительный и недовѣрчивый, быстро мѣнявшій свои рѣшенія, не стѣснявшійся противорѣчіями, отдаваемыхъ имъ повелѣній, долженъ былъ произвести на русское общество, привыкшее къ сдержанному и умѣлому управленію, тяжелое впечатлѣніе. «Время было самое ужасное, читаемъ въ запискахъ Д. Б. Мертваго, государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной. Знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревняхъ. Государь занялся церковными дѣлами, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основанія ихъ сектъ; многихъ брали въ Тайную канцелярію, брили бороды, били и отправляли на поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ»¹⁾. Попрежнему на первомъ планѣ стало ослушаніе повелѣній, и создавались совершенно новыя, иногда весьма строго наказуемые, проступки. Въ 1799 г., напр. императоръ замѣтилъ: «что гг. офицеры ведутъ себя весьма неблагопристойно тамъ, гдѣ требуется благопристойность, и до такого невѣжества уже дошло, что во дворцѣ, въ караульномъ домѣ сидятъ въ шляпахъ и кушаютъ», за такое преступленіе назначалась ссылка въ Сибирь въ дальніе гарнизоны. Въ 1798 г. Павелъ I усмотрѣлъ развратные проступки брестскаго городничаго Пирха, который «забывъ всѣ обязанности своего служенія... публично ходилъ въ круглой шляпѣ и фракѣ», за что былъ наказанъ еще весьма милостиво: «выкинуть изъ службы». У самого

1) Записки Д. Б. Мертваго. Р. Архивъ, 1867, стр. 118.

Павла I, вѣроятно по примѣру Петра I, въ кабинетѣ, какъ свидѣтельствуемъ близко стоявшій къ нему генераль Котлубицкій, была трость изъ воловьихъ жилъ для расправы съ приближенными. Этой тростью императоръ, почти на глазахъ у названнаго генерала, изволилъ собственноручно дать 40 ударовъ своему любимцу гр. Кутайсову, приказавъ только предварительно снять ленту¹⁾.

Возвращеніе назадъ въ области примѣненія тѣлесныхъ наказаній, оказавшихся въ полномъ соотвѣтствіи съ началами управленія, произошло быстро и рѣзко: еще 4 декабря 1796 г. въ силу жалованной грамоты были наказаны только ссылкой, лишеніемъ чиновъ и дворянства привилегированные, виновные въ кражѣ денегъ изъ заемнаго банка, даже непривилегированные участники были освобождены отъ кнута «изъ единственнаго человѣколюбія и милосердія».

Вскорѣ по вступленіи на престолъ новаго императора синодъ обратился съ ходатайствомъ объ освобожденіи духовенства (священнослужителей) отъ тѣлесныхъ наказаній²⁾. «Не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству, говорилось въ представленіи, изъ высочайшаго милосердія повелѣть, чтобы судимыхъ въ преступленіяхъ, изъ священнаго сана впредь тѣлесно не наказывали, а отсылали по лишеніи чиновъ въ работу вѣчно или на время... ибо чинимое имъ наказаніе въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя массы къ презрѣнію священнаго сана». Императоръ согласился на исполненіе желанія духовенства и утвердилъ докладъ 9 декабря 1796 г., но дѣйствіе новой привилегіи было очень непродолжительно: 9 декабря духовенство было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній, а уже 3 января 1797 г. Павелъ положилъ на сенатскомъ докладѣ по дѣлу отставнаго пра-

¹⁾ П. С. З. 19.131, г. 1799. 18. 606, г. 1798. Разказы генерала Котлубицкаго Р. Арх. 1866, стр. 1324. Разказы о старинѣ. Р. Арх. 1868, стр. 1171.

²⁾ П. С. З. 17.624, г. 1796.

порщика Рожнова, осужденнаго за произнесеніе непристойныхъ словъ противъ императора, слѣдующую резолюцію: «какъ скоро снято дворянство, такъ ужъ и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать»¹⁾. Этой конфирмаціей уничтожались всѣ раньше дарованныя привилегіи, и тѣлесныя наказанія заняли то же положеніе, что и въ началѣ XVIII в.: бить могли всѣхъ безъ различія.

Но и во время Павла I было сдѣлано все же одно смягченіе тѣлесныхъ наказаній: въ 1798 г. было предписано не наказывать тѣлесно преступниковъ, достигшихъ 70 лѣтняго возраста, не клеймить ихъ, а ограничиваться ссылкой безъ наказанія²⁾.

Однако, возвращеніе къ традиціямъ минувшихъ временъ не имѣло глубокихъ корней, оно поддерживалось единственно волею императора и опиралось на легко измѣняющіе свое настроеніе административные круги. «Въ сенатѣ, пишетъ объ этомъ времени И. Лопухинъ, ... большаго труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ челоуѣчества, ... потому что другіе были убѣждены, что Государю угоденъ судъ самый строгій». Лопухинъ воспользовался слухами о своей близости къ императору и благодаря этому могъ избавлять «отъ жесточайшихъ наказаній». «Ну, а послѣ нѣсколькихъ соглашеній, прибавляетъ онъ, трудно было не соглашаться: разнообразныя рѣшенія закономъ воспрещаются. Во все царствованіе Павла ни одинъ дворянинъ не былъ приговоренъ 5 Департаментомъ Сената къ тѣлесному наказанію, и вообще наказанія смягчались»³⁾.

III.

Система Павла I сошла съ нимъ въ могилу. Немедленно, по вступленіи на престоль, новый императоръ объявилъ въ манифестѣ, что будетъ царствовать по правиламъ

¹⁾ П. С. З. 17.612, г. 1796, 17.797, г. 1797.

²⁾ П. С. З., 1798 г. № 18758.

³⁾ Записки Лопухина. Рус. Арх. 1884, ст. 67—68.

своей Бабки, и съ 1801 г. законодательная отмѣна тѣлесныхъ наказаній пошла непрерывно. Въ 1801 г. были возстановлены статьи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ, дарующія свободу отъ тѣлесныхъ наказаній и освобождено отъ нихъ духовенство, чтобы «укоренить въ немъ самомъ чувство почтенія къ себѣ и ужасъ къ пороку, которое служителямъ Всевышняго должно быть свойственно».

Александръ I, какъ и Екатерина II, по убѣжденію, былъ противъ жестокости наказаній, его личная мягкость проявлялась, напр. въ дѣлахъ объ оскорбленіи Величества, онъ весьма недвусмысленно высказался и на счетъ кнута (см. ниже), не отмѣненнаго въ его царствованіе изъ опасенія, что простой народъ сочтетъ это за отмѣну всѣхъ наказаній. Такія же опасенія слышались при появленіи каждаго законодательнаго акта, нарушавшаго привычный, хотя бы и несостоятельный порядокъ, а Александръ I не отличался энергичнымъ и рѣшительнымъ характеромъ и предпочиталъ держаться полумѣръ и компромиссовъ. Эта черта его характера сказалась, напр., и на отношеніи къ жестокому обращенію съ солдатами: совершенно не сочувствуя ему, Александръ I писалъ въ 1804 г. инспектору по кавалеріи Боуру, что «сія метода, бывъ столько же вредна для службы, сколько противна здравому разсудку, введена.. или отъ непониманія или наклонности къ жестокости»... Но послѣ столь сильнаго вступленія императоръ въ концѣ рескрипта ограничивается рекомендаціей Боуру обратить вниманіе на то, чтобы «гдѣ можно» обходились безъ побоевъ и вдобавокъ «сохранить сіе повелѣніе въ одномъ только своемъ свѣдѣніи»¹⁾. И это было еще въ первые годы царствованія, когда императоръ думалъ о значительныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ; еще

¹⁾ П. С. З. 19,856 и 19,885, 19,901, г. 1801. По дѣлу о богохульствѣ и дерзкихъ словахъ противъ Его Особы, императоръ утвердилъ приговоръ о наказаніи за первое „прощая совершенно въ словахъ, произнесенныхъ на мой счетъ“. П. С. З. 26.602, г. 1817; 27.705, г. 1819; Чтенія. 1871, т. 2, смѣсь, стр. 22—25. Императоръ Александръ Павловичъ и его время. Рус. Старина, 1881 г., стр. 659.

меньшаго можно было ожидать во вторую половину, когда Александр I обратил вниманіе, главнымъ образомъ, на вопросы внѣшней политики, а во внутреннемъ управленіи огромное значеніе получилъ Аракчеевъ. Но если крупныхъ измѣненій въ системѣ наказаній быть не могло, то все таки были устранены по личному желанію Императора нѣкоторыя вопіющіе недостатки: отмѣнено въ 1817 году рванье поздрей, введена опредѣленность въ назначеніи наказанія кнутомъ и плетью обозначеніемъ числа ударовъ, исчезли въ приговорахъ устрашительныя выраженія: нещадно и жестоко, — продолжалась и Екатерининская политика изытаній и привилегій. Такъ въ 1808 г. изытаны отъ тѣлесныхъ наказаній жены священниковъ, въ 1811 г. — простые монахи ¹⁾.

Наиболѣе выдающимся фактомъ въ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ царствованіе Александра I и была только что упомянутая отмѣна рванья поздрей и обсужденіе вопроса объ уничтоженіи кнута, что представляетъ несомнѣнно новое явленіе. До этого тѣлесныя наказанія отмѣнялись по соображеніямъ сословной чести, въ формѣ привилегій. При Александрѣ I впервые зашла рѣчь объ отмѣнѣ ихъ по чрезмѣрной жестокости. Въ этомъ нельзя не видѣть, кромѣ личныхъ взглядовъ Императора, и извѣстнаго вліянія роста русской культуры, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ слояхъ русскаго общества, лучшіе представители котораго, какъ и въ эпоху Екатерины II, высказывались противъ жестокости въ наказаніяхъ.

Въ первые годы XIX стол. по дѣлу о двухъ крестьянахъ, невинно осужденныхъ за убійство, графъ С. Румянцевъ высказалъ мнѣніе, что «торговая казнь, да рванье поздрей и штемцелованіе по лицу» должны исполняться не иначе, какъ по меморіи сената съ Высочайшаго утвержденія. Министръ коммерціи Н. Румянцевъ прямо заявилъ о желательности отмѣны «мучительныхъ истязаній» ²⁾.

¹⁾ П. С. З. 23.027, г. 1808; 24.739, г. 1811.

²⁾ Чтенія, 1860 г., 4, стр. 292—5. Таганцевъ. Лекціи, стр. 1415.

Въ 1817 г. по Высочайшему повелѣнію въ Москвѣ былъ образованъ Комитетъ для сужденія объ отмѣнѣ наказанія кнутомъ и вырванія ноздрей. Предсѣдательствованіе въ немъ было возложено на Московскаго генераль-губернатора графа Тормасова и въ составъ его входили графъ Аракчеевъ, Новосильцевъ, князь Голицынъ, оберъ-прокуроръ Посниковъ и статсъ-секретарь Марченко.

Предсѣдатель сообщилъ Комитету мнѣніе Императора Александра I о предметѣ разсужденія Комитета, которымъ судьба кнута и рванія ноздрей была предрѣшена, а именпо Александръ I находилъ, что тѣлесныя наказанія кнутомъ и рваніе ноздрей съ поставленіемъ знаковъ, «сопряжены съ безчеловѣчною жестокостію, каковой нѣтъ примѣровъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ,—что жестокость сія, будучи отдана, такъ сказать, на произволь палача, не токмо не удовлетворяетъ цѣли правосудія, которая при опредѣленіи наказанія требуетъ, чтобы оно было въ точной соразмѣрности съ преступленіемъ, но большею частію находится съ оною въ противоположности—и наконецъ, что такое ужасное наказаніе, отъ котораго преступникъ, верѣдко, въ мучительнѣйшихъ страданіяхъ оканчиваетъ жизнь, явно противорѣчить уничтоженію смертной казни» и предписывалъ Комитету обсудить, какъ замѣнить это наказаніе другимъ, «которое бы, не имѣя въ себѣ ничего безчеловѣчнаго, не менѣе того утешало преступленіе и служило для другихъ предохранительнымъ отъ впаденія въ оное примѣромъ».

Комитетъ призналъ, что законъ не долженъ мстить за преступленія, что въ наказаніи имъ преслѣдуются 2 цѣли—исправленіе и устрашеніе не только преступника, но и всѣхъ другихъ, видящихъ его наказаніе. Къ этому Комитетъ присоединялъ ставшія общими съ XVIII ст. замѣчанія, что «чѣмъ кровопролитнѣе казни, тѣмъ народъ равнодушнѣе на нихъ взираетъ; особливо, когда при совершеніи оныхъ ничто, кромѣ кровопролитія не дѣйствуетъ на воображеніе» и что главная причина преступленій «заключается большею частію въ надеждѣ на средства, коими можно избѣгать наказанія

или смягчить суровость онаго». На этомъ основаніи Комитетъ, согласно съ мнѣніемъ Императора, полагалъ, что «лютая казнь кнута и вырѣзанія ноздрей ни въ какомъ отношеніи не соотвѣтствуютъ симъ основаніямъ, которыя составляютъ прямую цѣль наказаній, и заключили всѣ единогласно, что казнь сія должна быть уничтожена, и что человѣчество и самый законъ христіанскій того требуютъ, и возникающее образованіе и умягченіе правовъ отвращаютъ могущіе предостоять тому препоны». Комитетъ, слѣдовательно, всецѣло раздѣлялъ взглядъ Императора и сочувствовалъ его желанію уничтожить наказаніе кнутомъ и вырваніе ноздрей. Но здѣсь тотчасъ же являлось препятствіе: несвоевременность отмѣны, боязнь, чтобы она не повліяла дурно, не отразилась на увеличеніи преступленій. Этотъ аргументъ «несвоевременности» и въ позднѣйшее время составлялъ послѣднее, но довольно вѣрное оружіе въ рукахъ лицъ, не сочувствовавшихъ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и не бывшихъ въ состояніи отставать ихъ соображеніями по существу. Комитетъ находилъ, что «должно приступить къ сей перемѣнѣ съ величайшею осторожностію, дабы скорымъ отмѣненіемъ оной и переходомъ отъ жестокаго наказанія къ меньшему не произвестъ вредныхъ и даже пагубныхъ послѣдствій, отъ ложныхъ понятій и кривыхъ толковъ возникнутъ могущихъ».

«Законы издаются для обществъ, они должны сообразоваться съ понятіемъ и нравами тѣхъ, для кого оные составляются. Въ Россіи дворянство, духовенство и двѣ первыя гильдіи купечества избавлены отъ всякаго тѣлеснаго наказанія; а потому наказаніе кнутомъ и вырѣзываніе ноздрей относится единственно къ простому народу, менѣе прочихъ состояній просвѣщенному. — Слова выражаютъ понятіе о вещахъ и часто бываютъ приняты за самую вещь. — Въ понятіяхъ черни, наказанія за тяжкія преступленія и кнутъ — суть почти однозначущія слова; слѣдовательно, по обнародованіи вдругъ указомъ или манифестомъ (который тотчасъ примутъ за милостивый) о уничтоженіи наказанія кнутомъ,

весьма справедливо опасаться должно, чтобы простой народъ не почелъ, что всякое наказаніе уничтожено. Легко себѣ представить, какія отъ того послѣдствія произойти могутъ, прежде нежели успѣть можно всѣхъ вразумить: ибо ни указомъ, ни манифестомъ нельзя опредѣлить всѣ роды и степени преступленій и соразмѣрныя онымъ наказанія безъ того, чтобы таковой указъ или манифестъ не составилъ самъ собою почти цѣлаго уголовного уложенія. Но ежели отмѣненіе наказанія кнутомъ послѣдуетъ чрезъ изданіе уголовного уложенія, въ коемъ кнутъ не будетъ уже болѣе орудіемъ казни, то безъ сомнѣнія, что перемѣна сія не произведетъ никакого пагубнаго послѣдствія, и всякій, видя въ ономъ подробное опредѣленіе родовъ и степеней преступленій съ слѣдующими за оныя наказаніями, приметъ сію перемѣну за необходимое и естественное послѣдствіе перемѣны законовъ и принорвленія оныхъ къ настоящимъ правамъ».

Поэтому Комитетъ предположилъ, сохранивъ клейменіе, немедленно отмѣнить рвань ноздрей «такъ какъ оно установлено было въ одну осторожность отъ побѣговъ наказанныхъ преступниковъ во время ихъ пересылки и по новому устройству внутренней стражи пресѣчены всѣ средства къ такому побѣгу», а «относительно наказанія кнутомъ, оставить оное до времени въ своей силѣ» и поручить черезъ Государственный Совѣтъ Комиссіи для составленія Законовъ въ проектѣ Уголовнаго Уложенія замѣнить наказаніе кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей «вѣчнымъ заточеніемъ или каторжною работою въ оковахъ съ обыкновеннымъ сѣченьемъ у позорнаго столба, какъ во всѣхъ европейскихъ державахъ дѣлается — безъ употребленія столь ужаснаго орудія, каковъ есть кнутъ, котораго наименованіе одно даетъ уже невыгодное понятіе объ образованности народа». Комиссія тоже должна была по мнѣнію Комитета опредѣлить «съ точностью обряды, которые при объявленіи приговора преступнику, мрачною и печальною торжественностью своею, приводя въ содроганіе сердца и поражая ужасомъ умы зрителей отвращали бы ихъ какъ отъ преступниковъ, такъ и отъ самаго

преступленія»¹⁾. На основаніи этого рѣшенія и состоялся въ 1817 же году законъ объ отмѣнѣ рванія ноздрей.

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ протокола засѣданій Комитета, уже въ то время начали измѣняться въ правительственныхъ кругахъ взгляды на устрашеніе: устрашеніе посредствомъ «одного кровопролитія» стало признаваться бесполезнымъ, такое признаніе является очень важнымъ фактомъ, такъ какъ русская судебная практика давала возможность удостовѣриться на опытѣ въ дѣйствительности или недѣйствительности жестокихъ наказаній. Комитетъ выдвигалъ другую сторону устрашенія, сравнительно мало испытанную въ Россіи, но давно и также неуспѣшно примѣняемую въ Западной Европѣ: «мрачные и торжественные обряды» что знаменовало собою послѣднюю стадію господства устрашенія, — черезъ нѣсколько десятилѣтій и эти обряды были признаны не только бесполезными, но и вредными, дѣйствующими развращающе на зрителей. Затѣмъ наиболее характерно въ протоколѣ — это, какъ было сказано, признаніе кнута слишкомъ жестокимъ наказаніемъ, несоотвѣтствующимъ состоянію культуры, взглядамъ общества, недостойнымъ «просвѣщеннаго народа», которое стало вообще основнымъ аргументомъ сначала противъ кнута, потомъ и другихъ тѣлесныхъ наказаній и ссылка на «несвоевременность», которая, какъ говорилось выше, тоже встрѣчалась въ протоколѣ засѣданій Комитета 1817 г.

Кромѣ отмѣны рванія ноздрей въ царствованіе Александра I произошли еще менѣе крупныя смягченія тѣлесныхъ наказаній, вызванныя соображеніями челоуѣчности. Въ 1822 г. запрещено наказывать кнутомъ преступника въ нѣсколькихъ мѣстахъ (см. ниже главу о кнутѣ), и въ 1822 г. же Бѣлорусскій военный губернаторъ сдѣлалъ представленіе Министру Юстиціи о томъ, что когда женщины, кормящія младенцевъ, «какъ весьма часто случается наказываются тѣлесно,

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Протоколы общихъ собраній 1824 г. 24 ноября, № 3.

порча молока подвергаетъ сихъ младенцевъ болѣзнямъ, отъ коихъ многіе изъ нихъ умираютъ и предполагалъ поэтому откладывать исполненіе наказанія до отнятія младенцевъ отъ груди». Представленіе было передано въ Комиссію для составленія Законовъ, которая и признала необходимымъ узаконить предлагаемое смягченіе. Срокъ кормленія младенца, согласно мнѣнію медиковъ, опредѣлили въ среднемъ въ 1—1½ года, съ отступленіями въ лиуту другую сторону по обстоятельствамъ каждаго случая. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (10 февр. 1824 г.) и было предписано отсрочивать въ такихъ случаяхъ наказаніе на 1½ года¹⁾.

Согласившись отложить отмѣну кнута до изданія новаго Уложенія, Александръ I не оставлялъ мысли о необходимости возможно скорѣе уничтожить это наказаніе и въ виду крайней медленности работъ по уголовному уложенію приказалъ внести на обсужденіе Государственнаго Совѣта мнѣніе Комитета 1817 г. По прочтеніи этого мнѣнія, какъ записано въ протоколѣ засѣданія Государственнаго Совѣта, графъ Аракчеевъ²⁾ объявилъ, что «какъ до свѣдѣнія Государя Императора предварительно уже были доведены сужденія Государственнаго Совѣта по сему предмету, бывшія въ послѣднихъ засѣданіяхъ онаго при разсмотрѣніи проекта уголовного уложенія, то Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ внести упомянутое мнѣніе бывшаго въ Москвѣ комитета въ Государственный Совѣтъ, дабы оный могъ видѣть, что вниманіе Его Величества уже давно обращено было на означенный предметъ».

При обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ кнута была разсматриваема и извѣстная записка о кнутѣ, какъ орудіи наказанія одного изъ просвѣщеннѣйшихъ представителей александровской эпохи — адмирала Мордвинова, представлявшая очень рѣзкую, но внимательную оцѣнку этого наказанія и послужившая въ качествѣ важнаго матеріала при составленіи Уложенія 1845 г.

1) Архивъ Государственнаго Совѣта, 1822 № 25 по Арх. 247.

2) Архивъ Государственнаго Совѣта. Протоколы общихъ собраній. 1824 г. № 3.

Въ своей запискѣ адмиралъ Мордвиновъ указывалъ, что «съ того знаменитаго для человѣчества и правосудія времени, когда европейскіе народы отмѣнили пытки, истребили они и орудія, коими мученія производимы были. Одна Россія сохранила у себя кнутъ, орудіе, въ употребленіи бывшее при пыткахъ, коего одно наименованіе поражаетъ ужасомъ народъ російскій и даетъ поводъ иностраннымъ заключать, что Россіи паходится еще въ дикомъ состояніи, безъ просвѣщенія и нравственныхъ понятій о человѣкѣ, существѣ въ высшей степени чувствительномъ.

Кнутъ есть мучительное орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, мечеть по воздуху кровавыя брызги и потоками крови обливаетъ тѣло человѣка. Мученіе лютейшее всѣхъ другихъ извѣстныхъ, ибо всѣ другія, сколь бы болѣзненны они ни были, всегда менѣе бываютъ продолжительны, тогда какъ для 20 ударовъ кнутомъ потребенъ цѣлый часъ, и когда извѣстно, что, при многочисли ударовъ, мученіе несчастнаго преступника, иногда невиннаго, продолжается отъ восходящаго до заходящаго солнца ¹⁾.

При кровавомъ, паче отвратительномъ зрѣлищѣ такового мученія, пораженные ужасомъ зрители приводимы бываютъ въ то изступленное состояніе, которое не дозволяетъ ни мыслить о преступникѣ, ни разсуждать о содѣланномъ имъ преступленіи. Каждый зритель видитъ лютость мученія и невольно болѣзнуеть о страждущемъ, себѣ подобномъ. Меньшей степени было бы его пораженіе, менѣе лютейшимъ нашель бы онъ наказаніе, когда бы видѣлъ острый ножъ въ рукахъ палача, которымъ бы онъ разрѣзывалъ тѣло человѣческое, вмѣсто того, что онъ пролагаетъ полосы ударами терзающаго кнута. При наказаніи кнутомъ многіе изъ зрителей плачутъ, многіе

---

¹⁾ Въ первоначальной редакціи къ этому мѣсту была сдѣлана еще одна весьма интересная приписка: «сила кнута есть столь велика, что возможно онымъ сокрушить каменную стѣну. Искусство палача дознается, когда онъ ударомъ кнута вырываетъ кирпичъ изъ стѣны; а тайнымъ назначеніемъ, когда двумя ударами онъ можетъ умертвить человѣка».

даютъ наказуемому милостыню, многіе, если не всѣ, трепещутъ и негодуютъ на жестокость мученія.

Кнутъ, по своему составу, по долговременности своего дѣйствія, по глубокимъ язвамъ, имъ содѣлываемымъ, и по преданію преступника на волю палача въ умѣренности или жестокости наказанія, не долженствовалъ бы быть орудіемъ исправительнаго наказанія. Онъ былъ и есть орудіе мученія, которое донныѣ было частымъ и особымъ зрѣлищемъ для російскаго народа и которое потому только существовало, что вышнія правительственныя лица никогда ни присутствовали при сихъ безчеловѣчныхъ и предосудительныхъ для вѣка нашего истязаніяхъ.

Доколѣ кнутъ существовать будетъ въ Россіи, втуне мы заниматься будемъ уголовнымъ уставомъ. Съ кнутомъ въ употребленіи напрасны будутъ уголовныя законы, судейскіе приговоры и точность въ опредѣленіи наказанія. Дѣйствіе законовъ, исполненіе приговора и мѣра наказанія останутся всегда въ рукахъ и волѣ палача, который стами ударами содѣлаетъ наказаніе легкимъ, десятью—жестокимъ и увѣчнымъ, если не смертельнымъ. Какъ сила наказанія зависитъ отъ палача, то обыкновенно онъ торгуется съ присужденнымъ къ оному, и требованія его всегда бывають велики. Есть примѣры, что платили ему до 10 т. рублей, чтобы не изувѣчить или менѣе мучительнымъ сдѣлать наказаніе.

Законъ христіанскій, нами исповѣдуемый, возбраняетъ мученія, научаетъ кротости и милосердію и началомъ всѣхъ добродѣтелей предпоставилъ любовь къ ближнему, къ чело-вѣку, который носить на себѣ печать величія и благодати Творца.

По этимъ основаніямъ адмиралъ Мордвиновъ предлагалъ уничтожить наказаніе кнутомъ, замѣнивъ его выставкой у позорнаго столба съ дополнительными обрядами, имѣющими цѣлью возбудить чувство презрѣнія къ преступленію, такъ какъ, по его мнѣнію, усиленіе ссылки въ каторгу дополнительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ не болѣе, какъ излишняя и потому бесполезная жестокость.

«И для чего терзать, писалъ Мордвиновъ, тѣло того, который лишается свободы, осуждается вѣчно въ тяжкую работу и который съ потерей всѣхъ правъ гражданскихъ и съ расторгненіемъ всѣхъ связей семейственныхъ и родственныхъ, изъ человѣка, коему природа предопредѣлила наслажденія жизни, превращается въ существо, какъ бы, въ составѣ своемъ сокрушенное, духомъ и тѣломъ, уже страждущее и вѣчно на страданіе осужденное?»¹⁾

Но въ Государственномъ Совѣтѣ результаты обсужденія цѣлесообразности и полезности примѣненія кнута были нѣсколько иные, чѣмъ въ Комитетѣ 1817 г. Тамъ члены единогласно пришли къ заключенію о непригодности этого наказанія, здѣсь, несмотря на ясно выраженное мнѣніе Императора и краснорѣчивую записку адмирала Мордвинова, сторонники прежней системы наказаній не нашли возможнымъ согласиться на предполагаемую реформу: изъ 18 присутствовавшихъ членовъ 4 высказались за сохраненіе кнута, одинъ не подаль голоса, что указывало на существованіе весьма стойкаго меньшинства.

Разсужденія о кнутѣ²⁾, впрочемъ, какъ и въ 1817 г., не имѣли ближайшихъ результатовъ, такъ какъ Государственный Совѣтъ ограничился постановленіемъ: «мнѣніе сіе передать члену Совѣта по Департаменту законовъ тайному совѣтнику Сперанскому съ тѣмъ, чтобы присоединить оное для соображенія къ проекту отъ Комиссіи законовъ по сему предмету представленному»³⁾.

IV.

Царствованіе Николая I было послѣднимъ, въ которомъ карательная система основывалась на тѣлесныхъ наказаніяхъ, потерявшихъ въ 1845 г., съ отмѣной кнута, значительную

¹⁾ Архивъ гр. Мордвиновыхъ, т. IV. Чтенія. 1859, IV. Смѣсь, стр. 23.

²⁾ Таганцевъ. Русское Уголовное Право, II, стр. 1109.

³⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Протоколы общихъ собраній, 1824 г. № 3.

долю жестокости, но не умалившихся по числу случаев при-
мѣненія. Тѣлесное наказаніе, считалось безусловно необходи-
мымъ, какъ наказаніе по суду и какъ дисциплинарное
взысканіе и то, что тѣлесныя наказанія потеряли при Ни-
колаѣ I въ интенсивности, они сохранили въ экстенсивности.
Уступка духу времени была сдѣлана въ смягченіи наказаній
(отмѣнѣ кнута, въ урегулированіи числа ударовъ плетей);
сознаніе опасности, представляемой тѣлесными наказаніями,
повело къ ряду узаконеній, обеспечивающихъ соотвѣтствіе
наказанія съ силами преступника, самый же принципъ оста-
вался непоколебленнымъ, что объясняется господствующимъ
въ представителяхъ администраціи убѣжденіемъ въ цѣлесо-
образности такого порядка и личными взглядами Императора
Николая I, сознававшего необходимость реформъ, но поддер-
живавшаго старое изъ боязни вызвать опасное политическое
броженіе. Средствомъ поддержать начавшее давно разрушаться
зданіе была строгость и сила; ими пользовались въ широкихъ
размѣрахъ, чтобы воспрепятствовать проявленію непріятныхъ
направленій общественной мысли, хотя становившаяся все
болѣе и болѣе ясной непригодность старыхъ наказаній за-
ставляла иногда прибѣгать даже къ обходу закона. Напр.
въ 50 годахъ самъ Императоръ Николай I приказалъ нака-
зать провинившагося на смотру солдата, приговореннаго къ
3000 шпицрутеневъ, только «примѣрно», т. е. его провели по
зеленой улицѣ, но шпицрутенами не били, а только касались
тѣла.

Въ 40—50 годахъ, по свидѣтельству кн. Имеретинскаго,
солдаты, по крайней мѣрѣ, гвардейскіе тяготились шпицру-
тенами. «Большинство било очень легко... не взирая на строгое
приказаніе; не только офицеры, но даже фельдфебели смотрѣли
сквозь пальцы на исполненіе, многіе отворачивались»¹⁾.

Но все же прежняя система считалась непоколебимой и

¹⁾ За много лѣтъ. Воспоминанія неизвѣстнаго. Рус. Старина, 1894,
июль, стран. 112. Воспоминанія кн. Имеретинскаго. Рус. Стар. 1883,
стр. 29.

защищалась даже въ юридической литературѣ официальными представителями науки, напр. проф. Баршевъ въ курсѣ уголовного права, изданномъ въ 1841 г., писалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ: «Членовредительныя наказанія встрѣчаются... у народовъ зарождающихся... вслѣдствіе буквального понятія о законѣ возмездія... для познанія людей уже наказанныхъ... кромѣ того для большаго устрашенія. Болѣзненные наказанія не годились бы... если бы въ нынѣшнихъ государствахъ всѣ дѣйствительно были такъ чувствительны къ чести, какъ говорятъ, и не было бы ни одного несовершеннолѣтняго; но между низшими классами народа нѣтъ ни такого тонкаго чувства, ни, говоря вообще, совершеннолѣтнихъ... Высидѣть годъ въ тюрьмѣ едва ли кто изъ простаго народа согласится охотнѣе, нежели перенести легкое тѣлесное наказаніе. Въ наукѣ... практической не должно высказывать ни одного положенія, не прислушиваясь къ опыту.... Но изъ опыта можно вывести даже то, что лишеніе свободы... могло бы быть для многихъ не милостію, а... одной изъ самыхъ надежныхъ мѣръ устрашенія. Только одно безотчетное предрасположеніе къ лишенію свободы... могло такъ вооружить противъ тѣлеснаго наказанія». ¹⁾

Внѣ официальныхъ сферъ, въ общественномъ мнѣніи тѣлесныя наказанія вызвали въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ прежде и въ болѣе широкихъ кругахъ населенія не «спасительный страхъ», а ужасъ и отвращеніе вмѣстѣ съ сожалѣніемъ къ преступнику.

Само правительство вполне сознавало съ 20 годовъ XIX столѣтія неумѣстность кнута, благодаря которому за границей особенно подчеркивалось варварство и дикость русскихъ. Въ 1832 году сынъ маршала Даву кн. Экмюльскаго, будучи въ Москвѣ, тайно купилъ у заплочнаго мастера кнутъ, вслѣдствіе чего 22 сентября этого года состоялось секретное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ съ ука-

¹⁾ Баршевъ. Общія начала теоріи и законодательства о преступленіи и наказаніи, часть II. Москва 1841, § 37.

заніємъ на этотъ случай и сообщеніемъ, что «Его Императорское Величество повелѣтъ всемилостивѣйше соизволилъ впредь ни кнотовъ, ни заплечныхъ мастеровъ никому не показывать»¹⁾). Изъ этого указа ясно, что правительство чувствовало себя неловко, пользуясь давно отжившими свое время орудіями тѣлесныхъ наказаній, но, по традиціи, подчиняясь идеѣ о спасительности битья и устрашенія, не рѣшалось на коренные реформы.

Правительство всетаки должно было дѣлать уступки духу времени, чтобы не оказаться въ полномъ разладѣ съ установившимися взглядами. Въ обществѣ всѣ тѣлесныя наказанія считались позорными, несомвѣстными съ принадлежностью къ высшимъ классамъ, и правительство въ царствованіе Николая I окончательно стало на ту же точку зрѣнія: тѣлесное наказаніе было признано непреодолимымъ препятствіемъ для производства въ офицеры: въ 1831 г. дозволено производить въ унтеръ офицеры, отданныхъ въ военную службу послѣ тѣлесныхъ наказаній, съ тѣмъ, чтобы наказаніе отмѣчалось въ формулярныхъ спискахъ, чтобы они никоимъ образомъ не попали въ офицеры. Препятствіемъ для военной службы вообще осталось тѣлесное наказаніе рукою палача: въ 1831 г. приказано было отдать въ солдаты всѣхъ ссылаемыхъ на поселеніе до 30 возраста, кромѣ публично наказанныхъ; отступленія отъ этого правила дѣлались лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда выполненіе его было невыгодно для правительственныхъ интересовъ: такъ, въ 1837 г. повелѣвалось возвращать на службу солдатъ, которые, скрывъ свое званіе подъ именемъ бродягъ, поселенцевъ или бѣглыхъ каторжниковъ, были наказаны плетью, такъ какъ они умышляютъ получить какъ бы отставку посредствомъ претерпѣнія легкаго наказанія²⁾).

---

1) Дневникъ В. Никитенко. Р. Ст. 1889 г. т. 64 стр. 322—3, 753; т. 65, стр. 50. Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева. Р. Архив. 1888, кн. 2, стр. 135 Р. Стар. 1887 г., т. 56, стр. 216.

2) П. С. З. 4379, г. 1831. 10.155, г. 1837.

Такимъ образомъ, къ этому времени взглядъ на позорность всѣхъ тѣлесныхъ наказаній сталъ общераспространеннымъ, и ихъ примѣненіе проводило ясную демаркаціонную линію между высшими и низшими.

При такихъ обстоятельствахъ и въ царствованіе Николая I непрерывно продолжалось вымираніе тѣлесныхъ наказаній, тѣми же способами какъ и въ предшествовавшее царствованіе — путемъ образованія новыхъ привилегій изъятія и смягченія тѣлесныхъ наказаній.

При Александрѣ Первомъ не было закончено освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній послѣдняго высшаго сословія — духовенства, такъ какъ привилегія изъятія была распространена лишь на самихъ духовныхъ лицъ, но не на ихъ потомство. Въ 1835 г. были освобождены поэтому отъ тѣлесныхъ наказаній дѣти священнослужителей, такъ какъ имъ было предоставлено пользованіе служебными правами наравнѣ съ дѣтьми личныхъ дворянъ, и, кромѣ того, наказаніе возводило бы позоръ на родителей, и, слѣдовательно, только отчасти достигалась бы цѣль освобожденія духовенства отъ тѣлесныхъ наказаній ¹⁾. Церковнослужители не входили въ число изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній до 1863 г.

Но сословная точка зрѣнія не могла удержаться въ XIX в.: привилегіи начали распространяться уже не по однимъ сословнымъ соображеніямъ, а по болѣе широкимъ основаніямъ: на признаніи чести, какъ нравственнаго достоинства человѣка, — это основаніе привилегій ярче всего выразилось въ изъятіи отъ тѣлесныхъ наказаній по образованію. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ замѣчанія членовъ государственнаго совѣта по поводу освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній по диплому тѣхъ или иныхъ учебныхъ заведеній (1847 г.); государственный совѣтъ указывалъ здѣсь, что лица, получившія образованіе, «хотя и не принадлежащія къ привилегированнымъ состояніямъ, по своему положенію въ обществѣ и воспитанію не могли

---

¹⁾ П. С. З. Т. X 8450, г. 1835.

бы быть подвергнуты сему наказанію безъ тяжкаго для нихъ посрамленія»; семинаристы освобождались въ виду того, что «могутъ быть священниками и учителями или поступить въ гражданскую службу, т. е. для поддержанія въ народѣ уваженія къ духовному сану и для возвышенія въ нихъ самихъ чувства собственнаго достоинства». Государственный Совѣтъ предполагалъ ограничиться изъятіемъ двухъ первыхъ разрядовъ семинаристовъ, что вызвало возраженіе статсъ-секретаря барона М. Корфа, въ которомъ отразились возрѣнія лучшей части общества на тѣлесныя наказанія: онъ предположилъ распространить изъятіе на всѣхъ окончившихъ: «курсъ наукъ, назначенный для семинарій, обезпечиваетъ такое образованіе, при которомъ чувство чести не можетъ остаться не возвышеннымъ, съ развитіемъ же сего чувства тѣлесное наказаніе по неразлучному понятію его унизительности становится болѣе сугубымъ и уничтожить, можетъ быть, безвозвратно облагораживающую человѣка пользу наукъ и нравственнаго образованія». Министръ юстиціи гр. Панинъ, вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію барона Корфа, предложилъ дополнить списокъ изъятыхъ «лицами женскаго пола, для которыхъ тѣлесное наказаніе при нѣкоторомъ относительно равномъ образованіи еще посрамительнѣе и убійственнѣе». Графъ же Панинъ предложилъ распространить изъятіе и на получившихъ свидѣтельство на званіе домашняго учителя и на женскія учебныя заведенія, состоящія подъ высочайшимъ покровительствомъ.

Результатомъ приведенныхъ преній было, что къ изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній окончившимъ гимназіи, среднеучебныя заведенія и высшія учебныя заведенія или не окончившимъ ихъ, но не по предосудительнымъ причинамъ, лицамъ, удостоеннымъ званія дѣйствительнаго студента, или ученой степени или свидѣтельства на званіе домашняго учителя, лицамъ женскаго пола, окончившимъ въ учебныхъ заведеніяхъ, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы или членовъ Императорскаго Дома состоящихъ, или удостоеннымъ свидѣтельства на званіе домашней учительницы были при-

соединены семинаристы, окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія ¹⁾.

Основаніемъ для привилегій здѣсь берется, какъ замѣчено, не только принадлежность къ тому или другому сословію, а всякое положеніе человѣка въ обществѣ, которое требовало уваженія къ нему со стороны другого и предполагало развитое чувство чести, «сознаніе собственнаго достоинства». Когда законодательство приняло указанный принципъ, число привилегій должно было чрезвычайно быстро возрасти. По своду 1833 года изъятыми считались лица, имѣющія несомнѣнныя доказательства объ ихъ дворянствѣ, личные дворяне, дворяне иностранные и султаны сибирскихъ киргизовъ (ст. 82—86), священнослужители грекороссійскаго исповѣданія, ихъ жены и вдовы, кромѣ вступившихъ во второй бракъ съ неизъятими, монахи, духовныя лица иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, согласно съ ихъ уставами, высшіе чины магометанскаго таврическаго духовенства (ст. 87—92), почетные граждане, купцы 1 и 2 гильдіи, ихъ жены и дѣти въ семейномъ капиталѣ при нихъ состоящія; вѣжинскіе греки, мѣщане и купцы 3-й гильдіи подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ только по приговору уголовныхъ судовъ, такъ какъ тѣлесное наказаніе влекло для нихъ лишеніе добраго имени, котораго они по городовому положенію 1785 г. апр. 21, ст. 84, 86 лишены безъ суда быть не могли (93—96 и прим.) и нѣкоторые другіе разряды сельскихъ должностныхъ лицъ и нижнихъ чиновъ (ст. 97—101). Въ Сводѣ 1842 г. на ряду съ лицами, изъятыми отъ тѣлесныхъ наказаній по состоянію, появляются уже значительные разряды лицъ изъятыхъ по особымъ постановленіямъ: воспитанники технологическаго института, лица свободнаго податнаго состоянія, окончившіе съ успѣхомъ курсъ наукъ реальныхъ классовъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищъ, ученики школы межевщиковъ при лѣсномъ институтѣ, прак-

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта Дѣла II отдѣленія, 50, 1847 г.

тическіе экононы горыгорѣцкой школы и т. д. Нѣсколько новыхъ группъ изъятыхъ прибавляется и Уложеніемъ 1845 г. ¹⁾.

Въ 1848 г. согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ 1841 г. женщины-мусульманки въ Закавказьѣ признаны не подлежащими тѣлеснымъ наказаніямъ публично; въ 1850, отъ тѣлесныхъ наказаній были освобождены низшія духовныя лица мусульманскаго исповѣданія ²⁾.

Наконецъ, въ послѣднемъ изданіи Уложенія 1885 г. въ приложеніи помѣщено длинное перечисленіе изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній (ст. 2): 15 категорій въ 3 ст., 4 категоріи въ 4 ст., 38 разрядовъ въ 5 ст. и 11 въ ст. 6, всего 68 категорій; до такой внушительной цифры дошло законодательство шагъ за шагомъ, съ 1785 до 1885 г., т. е. въ теченіе столѣтія, исключая изъ числа наказываемыхъ тѣлесно по всевозможнымъ основаніямъ.

Вымираніе тѣлесныхъ наказаній происходило и путемъ ихъ смягченія; въ этомъ направленіи законодательство шло медленно, но вѣрно. Болѣзненные тѣлесныя наказанія переходили постепенно изъ тяжкихъ въ болѣе легкія: кнутъ замѣнился плетью, плети въ свою очередь удержались недолго, теперь остались розги. Это смягченіе, идущее рука объ руку съ культурнымъ развитіемъ общества, первоначально обуславливалось, главнымъ образомъ, соображеніями полезности: членовредительныя наказанія отмѣнялись, чтобы сохранить рабочую силу преступника, кнутъ уступалъ мѣсто плетямъ, чтобы сохранить отъ безчестія, дѣлавшаго для преступ-

---

¹⁾ По Уложеніи 1845 г. къ изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, кромѣ перечисленныхъ прежде группъ (12 группъ по состоянію), прибавлены: литераты ихъ вдовы, иностранныя гости, вдовы потомственныхъ дворянъ, вышедшія замужъ за неизъятыхъ, по особымъ постановленіямъ, окончившіе курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно поименованныхъ, престарѣлые свыше 70 лѣтъ, нижніе чины со званіями отличій; на время состоянія въ должностяхъ: 1) мѣщане, 2) станціонныя смотрители и 3) ливрейные лакеи Высочайшаго Двора и т. д. С. З. 19.856, 19.885, г. 1801.

²⁾ Архивъ Госуд. Совѣта. Дѣла II отдѣленія, 48, 1848; 170, 1848—1850.

ника невозможной военную службу. Мысль о пользѣ преобладала въ эпоху, когда только что стало замѣчаться критическое отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ; въ послѣдствіи смягченіе ихъ вызывалось по большей части соображеніями человѣчности, противорѣчіемъ тѣлесныхъ наказаній съ установленными въ обществѣ воззрѣніями и вызываемаго ими болѣе снисходительнаго отношенія къ преступнику.

Послѣднее вызывало смягченіе тѣлесныхъ наказаній установленіемъ возможно точнаго соответствія ихъ съ силами преступника. По Своду законовъ, о малолѣтнихъ (до 17 лѣтъ), совершившихъ преступленія, караемые кнутомъ и каторгой, сенату предоставлялось постановлять приговоры по благоусмотрѣнію, за менѣ важныя преступленія малолѣтніе въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ присуждались совѣстными судами или уголовными палатами къ плетямъ, 10—15 лѣтніе—къ розгамъ, 10 лѣтъ и ниже отдавались родителямъ на исправленіе (ст. 125, 126), слѣдовательно, какъ и раньше, кнутъ къ нимъ не примѣнялся ¹⁾. Въ изданіи 1842 г. Сводъ сохраняетъ срокъ малолѣтства до 17 л. (ст. 137) и безусловной невѣняемости въ 10 лѣтъ. Значительное измѣненіе внесено поставленіемъ наказанія малолѣтнихъ въ зависимость отъ разрѣшенія вопроса о разумѣніи, который полагалось ставить о малолѣтнемъ въ возрастѣ 10—14 лѣтъ: признанные дѣйствовавшими съ разумѣніемъ могли быть наказаны по общимъ законамъ, хотя они во всякомъ случаѣ избавлялись отъ наказанія кнутомъ и плетями (публично) и каторжныхъ работъ; признанные дѣйствовавшими съ разумѣніемъ въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ освобождались только отъ тѣлесныхъ наказаній, но не отъ каторги. Уложеніе 1845 г. назначало малолѣтнимъ (10—14 л.), признаннымъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, взамѣнъ каторжныхъ работъ—поселеніе безъ тѣлесныхъ наказаній, вмѣсто поселенія—заключеніе въ монастырь или смиренительный домъ отдѣльно отъ взрослыхъ; тѣлесныя наказанія отмѣнялись для нихъ и за

¹⁾ Сводъ Зак. XV, ст. 127, изд. 1832.

менѣ важныя преступленія. Несовершеннолѣтніе (14—21 л.) наказывались тѣлесно, но наказаніе исполнялось не палачами, а при полиціи, и вмѣсто плетей назначались розги. Кромѣ того, малолѣтніе и несовершеннолѣтніе не подлежали клейменію (ст. 144—146). Въ 1847 г. Министерствомъ Юстиціи было признано въ разъясненіе подлежащихъ статей Уложенія 1845 г., что малолѣтніе и несовершеннолѣтніе пользуются смягченіемъ тѣлесныхъ наказаній въ который бы разъ ни совершили преступленія ¹⁾. Старики, достигшіе 70 лѣтъ не подлежали тѣлесному наказанію и клейменію.

Тѣлесныя наказанія, были вредны для здоровья, опасны для жизни. Эта сторона впервые обратила на себя вниманіе при наказаніи шпицрутенами. Въ царствованіе Николая I, когда тѣлесныя наказанія стали признаваться все болѣе и болѣе жестокими, правительство озаботилось принятіемъ мѣръ, предупреждающихъ насколько возможно послѣдствія наказанія, не предусмотрѣнныя судебнымъ приговоромъ, зависящія отъ случайности его выполненія, или особенностей организаціи наказуемаго. Въ 1832 году постановлено, чтобы доктора являлись по призыву полиціи для поданія помощи наказаннымъ.

Въ 1833 г. графъ Блудовъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній одержимыхъ падучею болѣзью, но затѣмъ въ виду того, что «кромѣ падучей есть, еще и другія хроническія болѣзни, по коимъ преступники могутъ быть освобождаемы отъ тѣлесныхъ наказаній по причинѣ могущей произойти отъ того опасности для самой ихъ жизни», графъ Блудовъ взялъ свое представленіе обратно и внесъ другое, общее, на основаніи котораго и былъ изданъ въ 1833 же году законъ ²⁾ объ облегченіи наказанія преступниковъ, одержимыхъ нѣкоторыми неизлѣчимыми болѣзнями, перечисленными въ законѣ: ихъ ссылали на каторгу и поселеніе безъ наказанія; вмѣсто полицейскаго наказанія плетью назначались розги. Въ ме-

¹⁾ Архив. Госуд. Совѣта. Дѣла II отдѣленія, 101, 1847 г.

²⁾ Арх. Государственного Совѣта. Департаментъ закон. 1833 г. 46/49.

дицинскомъ свидѣтельствѣ должно было обозначаться, что болѣзнь неизлѣчима, и что тѣлесное наказаніе можетъ подвергнуть жизнь опасности. Въ 1851 г. въ дополненіе постановленій свода, основанныхъ на приведенномъ законѣ, предписано, чтобы при исполненіи приговора находился всегда врачъ; если, по его мнѣнію, преступникъ по внезапно приключившейся болѣзни или слабости не въ состояніи вынести положеннаго числа ударовъ, наказаніе должно быть отложено до излѣченія или облегченія болѣзни; свидѣтельство врача подлежало контролю врачебной управы; по выздоровленіи наказаніе продолжалось безъ сопутствующаго ему, уже выполненнаго обряда, выставленія у позорнаго столба. Этому закону предшествовало обсужденіе во II отдѣленіи и въ государственномъ совѣтѣ, причемъ гр. Блудовъ указалъ, что и при наказаніи розгами можетъ быть обморокъ или болѣзнь, но въ виду того, что призывать врача при наказаніи розгами неудобно, предложилъ сдѣлать въ такихъ случаяхъ обязательной для полицейскаго чиновника пріостановку наказанія и призывъ врача въ сомнительныхъ случаяхъ. Относительно времени отсрочки при излѣчимой болѣзни гр. Блудовъ предполагалъ ввести опредѣленный срокъ для пріостановокъ и опредѣлить болѣзни, на что медицинскій совѣтъ далъ заключеніе, что такъ какъ тѣлесныя наказанія нарушаютъ отправленія важнѣйшихъ органовъ, особенно уже пораженныхъ болѣзнию и особенно при худосочіи развиваютъ злокачественныя воспаленія, то для точнаго опредѣленія такихъ случаевъ пришлось бы перечислить почти всѣ извѣстныя болѣзни, и призналъ возможнымъ поэтому ограничиться только самымъ общимъ положеніемъ. Для предупрежденія же злоупотребленій предполагалъ требовать отъ врача подробно мотивированное свидѣтельство, которое контролировалось бы врачебной управой. Въ 1855 г. слабосильные арестанты, въ томъ числѣ и женщины, были освобождены отъ наказанія плетью ¹⁾.

¹⁾ П. С. З. VII. 5320, г. 1832. 7551, г. 1833. 25. 740, г. 1851. Дѣла II отдѣленія № 105, г. 1850, № 132, г. 1850. П. С. З., т. XXX, 29, 035. г. 1855. Въ 1855 г. для военно-служащихъ были утверждены

Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по этому вопросу не было обнародовано, но сообщено министромъ Внутреннихъ Дѣлъ негласнымъ образомъ всѣмъ начальникамъ губерній, которымъ предписывалось въ случаѣ, если преступникъ «по слабому тѣлосложенію очевидно не въ состояніи перенести всей тягости присужденнаго ему наказанія плетьюми, такъ что исполненіе приговора могло бы лишить его жизни, или, по крайней мѣрѣ, силъ, необходимыхъ ему для предстоящаго пути до мѣста ссылки и для работъ, къ которымъ онъ присужденъ», назначать освидѣтельствованіе его 2 или 3 врачами, затѣмъ отправлять для освидѣтельствованія во врачебной управѣ и представлять заключеніе ея объ освобожденіи отъ наказанія Министру Внутреннихъ Дѣлъ; послѣдній по соглашенію съ Министромъ Юстиціи долженъ былъ представлять это заключеніе черезъ Комитетъ министровъ на Высочайшее благоусмотрѣніе ¹⁾.

Но не отъ однихъ условій здоровья и силъ преступника могла усиливаться или уменьшаться тяжесть тѣлеснаго наказанія: она измѣнялась по временамъ года, прямо по погодѣ. Напр. сильный вѣтеръ, подымающій облака пыли, нагоняющій ее на наказываемаго шпицрутенами, неизбежно усиливаль мучительность наказанія и затруднялъ выздоровленіе; не одно и то же было наказаніе лѣтомъ или зимою на морозѣ, когда полуобнаженному преступнику приходилось опасаться не только послѣдствій наказанія, но и смертельной простуды; уже одно это дѣлало изъ примѣненія наказанія своего рода лотерею, въ которой счастливый номеръ могъ выпасть на самаго тяжкаго преступника и об-

---

правила, по которымъ приговоренные къ наказанію отсылались въ госпиталь или врачебныя управы для освидѣтельствованія, могутъ-ли они быть подвергнуты тѣлесному наказанію безъ опасности для жизни. При признаніи излѣчимости болѣзни, наказаніе отлагалось до выздоровленія, если-же болѣзнь оказывалась неизлѣчимой,—наказаніе совершенно отменялось. — Джаншиевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. М. 1893, стр. 193.

¹⁾ Арх. Государствен. Совѣта. Департаментъ закон. 1855 г. № 3082.

легчить его участь, въ то время какъ несравненно менѣ виновный могъ погибнуть отъ непредвидѣнной случайности. Лишь въ 1848 г. (за 15 лѣтъ до закона 1863 г.), состоялся циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, обращающій вниманіе на то, что арестанты «оставаясь во время наказанія обнаженными, въ случаѣ значительныхъ морозовъ, подвергаются сильному простудному болѣзнямъ, что лѣчение по причинѣ ослабленія силъ послѣ наказанія сопряжено съ большими затрудненіями», поэтому приказывалось «но совершенно секретнымъ образомъ, чтобы при сильныхъ морозахъ, напр. превышающихъ 10⁰, особенно, когда при томъ бываетъ вьюга или сильные вѣтры», не производить наказанія ¹⁾. Но и этотъ циркуляръ, предвидѣвшій только крайніе случаи (вьюгу, морозъ), не гарантировалъ наказуемаго отъ печальныхъ случайностей. Уваженіе къ старинѣ, поддерживавшей тѣлесныя наказанія, боязнь ослабить «страхъ» закона заставляли правительство, несмотря на убѣжденіе въ невозможности выполнять тѣлесныя наказанія, какъ дѣлалось прежде, держать въ секретѣ свои предписанія.

Важнѣйшее смягченіе тѣлесныхъ наказаній въ царствованіе Николая I касалось кнута, на который, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, вниманіе правительства было обращено съ 1817 г. Въ 1829 г. состоялось секретное постановленіе, которымъ предписывалось не назначать болѣе 50 ударовъ; затѣмъ — кнутъ перешелъ и въ Сводъ Законовъ съ нѣкоторымъ только ограниченіемъ числа случаевъ его примѣненія. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до изданія новаго Уголовнаго Уложенія въ 1845 г. При составленіи проекта его, вопросъ о наказаніи кнутомъ выдвинулся снова, такъ какъ въ 1817 г. онъ былъ отложенъ до изданія новаго Уложенія, почему при составленіи проекта Уложенія 1845 г. и приходилось принять окончательное рѣшеніе. Главное наказаніе, бывшее такъ долго оплотомъ правосудія, должно

---

¹⁾ Предписаніе Управы благочинія 5 іюня 1848. Студенкинъ, заплечные мастера, Р. Стар. 1873 г.

было въ виду имѣвшихся уже противъ него заключенія Государственнаго Совѣта и Высочайшаго повелѣнія императора Александра I, навсегда исчезнуть, тѣмъ болѣе, что соображенія противъ жестокости этого наказанія въ 40 годамъ приобрѣли еще большую силу и значеніе. Отлагать вопросъ было нельзя, нужно было рѣшить его, и защитники кнута выступили на этотъ разъ вполне опредѣленно и открыто и оказались достаточно сильными и вліятельными для того, чтобы сдѣлать уничтоженіе кнута на нѣкоторое время даже спорнымъ. Такъ какъ несомнѣнно, что уничтоженіе кнута выдвигало вопросъ и объ уничтоженіи слѣдующихъ за нимъ по тяжести наказаній и колебало всю систему, построенную на устрашеніи крайне жестокими мученіями преступника, что хорошо понимали защитники стараго порядка, и такъ какъ при этомъ были высказаны ими всѣ соображенія въ пользу ихъ мнѣнія, то интересно остановиться на обсужденіи отмѣны наказанія кнутомъ съ возможной подробностью.

Редакціонная комиссія, согласно мнѣнію комитета 1817 г. и Государственнаго Совѣта 1824 г., высказалась за уничтоженіе кнута, повторивъ изложенные выше доводы и сославшись на мнѣніе адмирала Мордвинова, и признала, что «наказаніе кнутомъ, завися отъ произвола палача, можетъ быть орудіемъ смерти, или же, особливо при маломъ числѣ ударовъ, сдѣлаться слишкомъ слабымъ, и что сіе бываетъ довольно часто вслѣдствіе подкуповъ». По мнѣнію редакторовъ при наказаніи плетью «качество ударовъ замѣнится количествомъ, не представляя уже возможности по произволу дать жизнь преступнику, или лишить его оной; почему мы полагаемъ въ проектъ Уложенія принять изъявленное государственнымъ совѣтомъ въ 1824 г. о торговой казни мнѣніе»¹⁾.

Въ силу того, что, какъ мы видѣли выше, вопросъ о кнутѣ считался рѣшеннымъ, но только отложеннымъ, такое рѣшеніе представлялось вполне логичнымъ и единственно

¹⁾ Проектъ Уложенія 1845 г. Общая объяснительная записка, стр. LVI.

возможнымъ для Комиссіи при данныхъ обстоятельствахъ. Противъ кнута была и особая Комиссія, учрежденная въ 1844 г. для разсмотрѣнія проекта Уложенія изъ 3 предсѣдателей Департаментовъ Государственнаго совѣта и членовъ его д. т. с. кн. В. Н. Друцкаго-Любецкаго, Бутурлина, Кочубея, бар. Корфа, Туркула, при участіи Министра Юстиціи гр. Панина, подъ предсѣдательствомъ графа Левашева. Но, признавъ неизбѣжной отмѣну кнута, Комиссія Государственнаго Совѣта, не нашла возможнымъ, однако, согласиться на замѣну кнута плетью, считая это слишкомъ большимъ ослабленіемъ наказанія. Комиссія въ засѣданіи 3 мая 1844 г. пришла къ заключенію, что если отмѣнять кнутъ, то нужно замѣстить его столь же серьезнымъ и тяжкимъ наказаніемъ. «Соглашаясь исполнѣ, читаемъ мы въ протоколѣ засѣданія Комиссіи, съ тою мыслью, что къ отмѣнѣ наказанія кнутомъ представляются многія важныя побужденія и въ особенности то, что наказаніе сіе зависитъ отъ произвола палача, Комиссія думала, однако, что казнь, опредѣленная за самыя тяжкія преступленія можетъ и должна быть замѣнена такою, которая самымъ свойствомъ своимъ и вліяніемъ на умы удерживала бы отъ совершенія преступленій. Цѣль сія по убѣжденію Комиссіи всего скорѣе будетъ достигнута черезъ замѣну кнута шпицрутенами. Сіе послѣднее наказаніе можетъ быть безъ всякаго затрудненія исполнено посредствомъ войскъ внутренней стражи, которыя, не входя въ общій составъ войскъ и бывъ учреждены именно для охраненія внутренняго спокойствія и безопасности, приводятъ уже и нынѣ нерѣдко въ исполненіе судебныя приговоры». Возникло въ Комиссіи и предположеніе поручить исполненіе наказанія шпицрутенами арестантамъ, но было оставлено въ виду его очевидныхъ неудобствъ. Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ Комиссія отказалась отъ мысли о шпицрутенахъ и остановилась на паррутенахъ, употреблявшихся въ Остзейскомъ краѣ и бывшихъ очень жестокимъ наказаніемъ ¹⁾).

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ уложеніи 1845 г. ч. III.

Мнѣніе Комиссіи Государственнаго Совѣта было очень не двумысленно: она считалась съ необходимостью отмѣны кнута, но желала замѣнить его другимъ, по возможности равноцѣннымъ наказаніемъ. Названіе казни за тяжкія преступленія тогда бы исчезло—въ честь просвѣщенія и цивилизаціи, а сущность осталась бы для сохраненія въ силѣ стараго принципа устрашенія. Такое рѣшеніе, однако, не удовлетворило ни противниковъ, ни сторонниковъ наказанія кнутомъ. Для первыхъ такая замѣна справедливо казалась не имѣющею значенія, для вторыхъ, это все-таки было смягченіе и компромиссъ, осуждавшій старые порядки. Поэтому рѣшеніе Комиссіи вызвало много замѣчаній. Такъ, князь Гагаринъ указывалъ, что (см. стр. 129) вопросъ объ отмѣнѣ кнута уже рѣшенъ въ царствованіе Александра I и не подлежитъ вторичному обсужденію,—но разъ уже этотъ вопросъ возбужденъ и обсуждается, то нельзя согласиться на замѣну кнута паррутенами. «Настоящее положеніе ст. 20-й, писалъ кн. Гагаринъ, возвращаясь къ мысли, изложенной въ 1817 году, полагаетъ: кнутъ замѣнить связками большихъ лозъ между прочимъ потому, что по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ наказаніе сіе чрезвычайно тяжело и самое исполненіе его не вдругъ, а въ три отдѣльные раза, въ теченіе трехъ разныхъ сроковъ—придаетъ ему особенную силу, соединяя страданіе физическое, съ тяжкимъ нравственнымъ страданіемъ ожиданія». Предполагаемое замѣненіе, по мнѣнію князя Гагарина, не соответствуетъ означенной цѣли, отмѣны съ безчеловѣчною жестокостью сопряженнаго наказанія.

«Наказаніе большими лозами признается чрезвычайно жестокимъ и тяжкимъ, что доказывается уваженнымъ представленіемъ въ 1784 году Рижскаго военнаго губернатора, въ коемъ именно сказано, что такое великое наказаніе обезувѣчивая челоуѣчество дѣлаетъ преступника, для публичнаго употребленія, негоднымъ и отяготительнымъ обществу. Кажется, что соединеніе физическаго страданія съ тяжкимъ нравственнымъ страданіемъ ожиданія,—дѣлаетъ это наказаніе еще безчеловѣчнѣе кнута. Народъ увидитъ въ настоящемъ из-

мѣненіи одну переменную именованія съ оставленіемъ столь же безчеловѣчнаго наказанія.

«Привозъ и отвозъ преступника, для совершения пріостановленнаго надъ нимъ наказанія, возродитъ чувство состраданія къ нему и, можетъ статься, ненависти къ власти, употребляющей медлительность въ совершеніи наказанія, къ усугубленію оного. Прописанная къ тому измѣненію побудительная причина, что кнутъ предастъ преступника на волю палача, можетъ быть отвращена строгимъ наблюденіемъ за исполненіемъ возложенной на палача обязанности и сдѣланнымъ надъ неисполнителемъ строжайшимъ наказаніемъ и даже, если необходимо, то, сдѣланіемъ административнымъ порядкомъ нѣкоторыхъ измѣненій въ самомъ инструментѣ кнута; но мысль, что послѣ 30-ти лѣтняго старанія и труда для приведенія въ исполненіе указанной цѣли, отмѣны наказанія сопряженнаго съ безчеловѣчною жестокостію, послѣдовала одна лишь переменная именованія, произведетъ вредное впечатлѣніе въ общемъ понятіи и народѣ и потому князь Гагаринъ полагалъ бы:

1) Принять первоначально напечатанное предположеніе II Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, т. е. изложеніе 20-й статьи такъ, какъ она напечатана въ проектѣ новаго Уложенія.

2) Если Государственному Совѣту не угодно будетъ на сіе согласиться, то оставить наказаніе кнутомъ, доколѣ время сдѣлаетъ отмѣну оного необходимою.

3) Если Государственному Совѣту угодно будетъ непременно замѣнить кнутъ наказаніемъ связками большихъ лозъ, то по крайней мѣрѣ не раздѣлять оное на три раза, но положить высшимъ числомъ ударовъ, то число, которое можетъ быть дано преступнику, не обезувѣчивая и не дѣлая его къ публичному употребленію негоднымъ и отяготительнымъ обществу»¹⁾.

---

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г., ч. II.

Мнѣніе кн. Гагарина заслуживало вниманія: больше основаній было сохранить кнутъ, чѣмъ замѣнять его по имени, какъ бы прикрывая жестокость наказанія и представляя фиктивное смягченіе въ качествѣ серьезной реформы. Въ менѣе рѣшительной формѣ высказался противъ мнѣнія Комиссіи Государственнаго Совѣта д. т. с. Логиновъ, подчеркивавшій бесполезность замѣны кнута паррутенами и правильность выхода, принятаго Редакціонною Комиссіею, предлагавшей замѣну кнута плетью. «Тѣлесныя наказанія за преступленія, указывалъ въ своихъ замѣчаніяхъ Логиновъ, существуютъ не въ одной Россіи, и жестокость оныхъ едва ли уступаетъ страшному истязанію кнута — орудія, замѣнишаго у насъ смертную казнь, по большей части; между тѣмъ какъ въ чужихъ краяхъ смертной казни подлежатъ преступленія гораздо меньшія, чѣмъ караемыя у насъ кнутомъ. Но не въ сохраненіи кнута, а въ замѣнѣ онаго связками лозъ состоитъ вопросъ. Статсъ-секретарю Логинову не случилось видѣть ни той ни другой казни, но онъ слышалъ отъ очевидцевъ, что употребленіе лозъ въ Остзейскихъ губерніяхъ сопряжено съ такимъ же, если не съ большимъ безчеловѣчіемъ... Самая неопредѣлительность лозъ даетъ поводъ заключать, что и тутъ произволъ можетъ существовать, что для избѣжанія недоумѣній... орудіе болѣе извѣстное и столь же дѣйствительное, именно, плети могли бы замѣнить лозы»¹⁾).

Логиновъ, кн. Гагаринъ и Редакціонная Комиссія стояли на практической почвѣ, тѣмъ болѣе, что плети уже часто замѣняли кнутъ и раньше, и были жестокимъ тѣлеснымъ наказаніемъ, слѣдующимъ за кнутомъ и шпичрутенами и, казалось бы, онѣ должны были удовлетворить лицъ, отстаивавшихъ тогдашнюю карательную систему.

Сторонники сохраненія наказанія кнутомъ, однако, прямо признавали вредной его отмѣну, и находили возможнымъ сохранить его съ нѣкоторыми улучшеніями. Министръ Юстиціи представилъ въ Комиссію рядъ замѣчаній лицъ судеб-

---

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г., ч. 3.

наго вѣдомства, изъ которыхъ многіе на основаніи своей служебной практики болѣе или менѣе рѣшительно высказывались за сохраненіе кнута. Такъ ревизовавшій въ то время Восточную Сибирь сенаторъ Толстой высказалъ весьма опредѣленное мнѣніе, что во избѣжаніе возстановленія смертной казни нужно сохранить тяжкія тѣлесныя наказанія. На основаніи отзыва губернскихъ прокуроровъ Министръ Юстиціи сообщалъ Коммиссіи слѣдующее: «Изъ донесеній губернскихъ прокуроровъ (въ числѣ 42) видно, что, по словамъ даже самихъ арестантовъ, казнь кнутомъ вообще болѣе устрашаетъ преступниковъ, нежели казнь плетьюми. Они приписываютъ сеѣ отчасти, большей физической боли... но еще болѣе тому, что казнь кнутомъ сопровождается клейменіемъ и каторжными работами. Нѣкоторые изъ прокуроровъ присовокупляютъ къ сему и другія уваженія, основанныя на собственныхъ наблюденіяхъ, или на разказахъ наказанныхъ преступниковъ. Такъ, виленскій прокуроръ утверждаетъ, что въ тамошнемъ краѣ самое названіе кнутъ предупреждаетъ многія преступленія, тульскій, что самый видъ кнута устрашаетъ, вологодскій, что обряды въ сеѣ казни величественны и тѣмъ самымъ страшны.... Бессарабскій прокуроръ доноситъ, что кнутъ страшнѣе плети, особенно для евреевъ; однако-жъ были и такіе отзывы христіанъ, что наказаніе плетью, когда оно производится жестокою рукою, тягостнѣе наказанія кнутомъ, и сеѣ онъ, прокуроръ, находитъ правдоподобнымъ по самому устройству плети, имѣющей три конца, и потому что срокъ для излѣченія послѣ наказанія плетьюми бываетъ продолжительнѣе срока, нужнаго для излѣченія послѣ наказанія кнутомъ... Прокуроръ полтавскій думаетъ, что если отнять послѣдствія наказанія, тогда кнутъ и плети стануть на одной степени... Прокуроръ саратовскій прибавляетъ, что время, требуемое на излѣченіе послѣ наказанія кнутомъ гораздо продолжительнѣе времени, необходимаго на излѣченіе послѣ наказанія плетьюми... Тамбовскій прокуроръ... что плеть почитается не много болѣе наказанія розгами..., но что одна боязнь быть высѣченнымъ кнутомъ воздерживаетъ закоренѣлыхъ злодѣевъ отъ преступленія».

Далѣ изъ сообщенія Министра Юстиціи слѣдовало, что рязанскій прокуроръ считалъ наказаніе кнутомъ и плетью равноцѣнными, ярославскій прокуроръ признавалъ плети даже болѣе строгимъ наказаніемъ, симбирскій и кавказскій прокуроры находили, что «плеть болѣе устрашаетъ преступниковъ какъ своей сложностью такъ и тѣмъ, что число ударовъ обыкновенно назначается въ гораздо большемъ количествѣ нежели кнутомъ». Костромской прокуроръ добавлялъ еще къ мнѣнію своихъ коллегъ, что «страхъ кнута ослабѣваетъ между прочимъ и отъ слабаго исполненія»¹⁾.

Министръ Юстиціи представилъ Коммиссіи также и мнѣніе представителей медицинскаго міра — 2 тюремныхъ врачей-практиковъ, Биша и Бухгольца, которые признали большую устрашительную силу кнута и въ тоже время почти полное равенство кнута и плетей по вліянію на здоровье преступника. По мнѣнію названныхъ докторовъ²⁾ «дѣйствіе кнута и плетей — почти совершенно равны; опасность для жизни наказываемаго одинакова и зависитъ вообще отъ числа ударовъ, силы ихъ и мѣста, на которое они падаютъ, но при казни кнутомъ опасность увеличивается привязываніемъ преступника къ плахѣ, ибо отъ сильнаго стѣсненія шеи, что зависитъ отъ воли палача, кровообращеніе вдругъ пресѣкается. Кнутъ устрашаетъ преступниковъ болѣе, нежели плети не столько потому, чтобы причинялъ сильнѣйшую боль, сколько по представленію, сохранившемуся объ ужасѣ казни кнутомъ, по сопровожденію сей казни каторжными работами и еще болѣе страшнымъ для преступниковъ клейменіемъ». Докторъ Биша замѣчалъ даже, что послѣ наказанія плетью остается болѣе воспаленія въ тѣлѣ наказаннаго, по крайней мѣрѣ, въ первые часы, нежели послѣ казни кнутомъ, изъ чего онъ заключаетъ, что боль причиняемая плетью должна быть сильнѣе.

---

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. Часть I-ая.

²⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. Часть I-ая.

Мнѣнія прокуроровъ и врачей, оказались весьма пестрыми, и ясно доказывали трудность опредѣлить относительную тяжесть тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ она по признанію самихъ прокуроровъ зависѣла отъ исполненія. Изъ нихъ можно было вывести, что если кнутъ и тяжелѣе плети, то и послѣдняя составляетъ очень тяжкое наказаніе; это могло служить съ точки зрѣнія защитниковъ жестокости наказаній, только аргументомъ въ пользу мнѣнія Редакціонной Комиссіи, такъ какъ смягченіе наказанія оказывалось совсѣмъ не такимъ большимъ и не уничтожало установившагося господства тѣлесныхъ наказаній; такъ оно было и въ дѣйствительности. Но сторонники сохраненія кнута не хотѣли никакихъ уступокъ, чтобы вообще не возбуждать вопросовъ о цѣлесообразности существующаго: министръ юстиціи и министръ внутреннихъ дѣлъ высказались противъ всякаго компромисса и за оставленіе кнута попрежнему. Министръ юстиціи полагалъ, что отмѣна кнута до реформы каторжныхъ работъ не имѣетъ за себя основаній, и что кнутъ въ его время, въ 40-хъ годахъ, не былъ уже слишкомъ жестокимъ наказаніемъ, такъ какъ «Страхъ, внушаемый прежде наказаніемъ кнутомъ, уменьшился по мѣрѣ какъ челоуѣколюбивое попеченіе правительства и общее смягченіе правовъ имѣли послѣдствіемъ уменьшеніе мѣры наказаній и отмѣну истязаній, коими они усугублялись, но наказаніе кнутомъ сопровождается обрядами, напоминающими преступнику и зрителямъ, что казнь сія сопряжена съ опасностью для жизни, и обстоятельство сіе не можетъ оставаться безъ впечатлѣнія на умы народа и преступниковъ не законсѣлыхъ. Со временемъ порядокъ назначенія въ каторгу, употребленіе въ оной преступниковъ и порядокъ наблюденія за ними будутъ соотвѣтствовать важности преступленій... Тогда, можетъ быть, одна ссылка въ каторгу будетъ достаточнымъ наказаніемъ... и можно будетъ безъ справедливаго опасенія для общественнаго спокойствія измѣнить орудія и обряды тѣлесныхъ наказаній. Преступленія безъ всякаго сомнѣнія, предупреждаются или обуздываются болѣе бдительностью полицейскаго надзора, скоростью и неизбѣжностью

наказанія, нежели строгостью онаго, но наказаніе кнутомъ, ограниченное извѣстнымъ числомъ ударовъ, не можетъ быть признано жестокимъ, когда оному подвергаются токмо лица посягнувшія на жизнь другихъ или отнимающія у нихъ собственность съ насиліемъ¹⁾.

Еще болѣе рѣзко въ защиту кнута высказался министръ внутреннихъ дѣлъ, допускавшій впрочемъ, какъ и министръ юстиціи, отмѣну кнута, когда будутъ положительно доказаны успѣхи народнаго образованія и уменьшеніе числа преступленій. Вотъ наиболѣе интересныя мѣста изъ его замѣчаній: «Кнутомъ наказываютъ нынѣ за одни тягчайшія преступленія... Судя по степени понятій закоренѣлыхъ преступниковъ изъ низшаго класса людей, нельзя ожидать ни малѣйшаго исправленія отъ наказанія ихъ розгами, плетью или же связками большихъ лозъ. Одинъ только кнутъ устрашаетъ ихъ позоромъ и мыслью, что бывшій подъ кнутомъ на всю жизнь свою долженъ оставаться въ оковахъ и въ тягчайшихъ работахъ, не заслуживая ни въ чемъ ни вѣры, ни пощады. Сужденія существовавшаго въ Москвѣ Комитета... что состояніе нравовъ въ томъ вѣкѣ, когда введенъ былъ кнутъ, отлично отъ настоящаго, не можетъ быть признано правильнымъ и общимъ... однимъ только дворянствомъ и нѣкоторыми высшими сословіями сдѣланы успѣхи въ образованіи и нравственности; но успѣхи сіи ни мало не распространились еще на чернь, которая остается въ прежнемъ невѣжествѣ и грубости. Многія новѣйшія событія доказываютъ, что преступленія, побужденія къ онымъ и способы приведенія ихъ въ дѣйство, суть тѣ же, которые были въ прежнія времена, а потому и мѣры наказанія... для важнѣйшихъ преступленій изъ чернаго народа... не должны быть ослабляемы, иначе отнимется страхъ и умножатся наказанія... Положеніе нашего государства, образъ жизни и народный духъ совершенно не сходны съ другими европейскими народами. Впрочемъ

---

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ уложеніи 1845 г. Часть I-ая, 1843 г.

тамъ кнутъ нашъ большей частью замѣняется смертною казнью... мнѣніе покойнаго гр. Мордвинова о ужасахъ кнута преувеличено до сказки, а нынѣ, когда число ударовъ отсчитывается не десятками или сотней, какъ прежде, а единицами и никогда почти не доходить до 10, описаніе это уже вовсе лишается всякаго правдоподобія. Упоминаемыя же въ ономъ злоупотребленія палачей могутъ случаться и при наказаніи плетми и лозами... и должны быть устранены. Наказаніе чрезъ полицейскихъ служителей отъ 40 до 100 ударовъ не произведетъ никакого страха въ преступникахъ. По грубости чувствъ низшаго класса людей мѣры сего взысканія весьма часто употребляются начальниками семействъ, сельскими и волостными правленіями, люди плачутъ подъ розгами, а послѣ смѣются надъ симъ наказаніемъ, и оно не въ состояніи подействовать на важныхъ и закоснѣлыхъ преступниковъ, ни показать примѣра другимъ... Такой переворотъ въ системѣ наказаній могъ бы быть признанъ необходимымъ при очевидныхъ успѣхахъ народнаго образованія, уменьшеніи преступленій; но доколѣ такіе желанные успѣхи не будутъ доказаны самымъ положительнымъ образомъ статистическими свѣдѣніями за нѣсколько лѣтъ, дотолѣ невозможно согласиться на столь соблазнительное и ни на чемъ не основанное послабленіе. Напротивъ того статистическія свѣдѣнія доказываютъ, что число преступленій — отнюдь не уменьшается, а изъ отзывовъ мѣстныхъ начальствъ видно, что между чернымъ народомъ пьянство, развратъ и всякаго рода преступныя дѣйствія усиливаются... Сдѣлавши столь ощутительную уступку въ пользу преступниковъ безъ всякихъ побудительныхъ причинъ, трудно будетъ возвращаться къ прежнимъ мѣрамъ, которыя нынѣ не возбуждаютъ ни малѣйшаго ропота, потому что нисколько не противорѣчатъ укоренившимся въ народѣ привычкамъ и понятіямъ»¹⁾.

Изъ мнѣній, высказанныхъ въ защиту кнута, можно видѣть, какими аргументами располагали лица, желавшія со-

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. ч. III.

хранить старый порядокъ. На первомъ мѣстѣ ставилось устрашеніе: прокуроры и доктора, Министръ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ утверждали, что кнутъ, даже по словамъ самихъ наказываемыхъ, устрашаетъ больше плетей. Это было очень вѣроятно, потому что *caeteris paribus* кнутъ былъ болѣе жестокимъ наказаніемъ, почему и ударовъ его боялись больше, — но этимъ и ограничивалось устрашеніе, достигаемое кнутомъ, потому что, какъ признавалъ самъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, число преступленій несмотря на кнутъ не уменьшалось въ низшихъ сословіяхъ, напротивъ возрастало (см. стр. 151). Несомнѣнно, что сила устрашенія была съ этой точки зрѣнія ослаблена при отмѣнѣ квалифицированныхъ смертныхъ казней и членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній, однако, это не отразилось на ходѣ преступности, и защитники кнута объ этомъ ослабленіи наказаній даже не вспоминали. Когда выдвигается впередъ устрашеніе жестокостью наказаній, защитники его всегда оказываются въ заколдованномъ кругу, не будучи въ состояніи найти предѣла устрашенію. Въ наши дни Миттельштетъ, Краузе и другіе утверждаютъ, что тюрьма не устрашаетъ, за то устрашаютъ розги или плеть, при обсужденіи проекта Уложенія 1845 г. защитники кнута утверждали, что розги и плети совершенно не устрашаютъ; устрашаетъ только кнутъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ безъ обиняковъ указывалъ, что надъ розгами смѣются сами наказанные (см. стр. 151). Очевидно, что взгляды на устрашительное значеніе наказанія зависятъ исключительно отъ субъективныхъ воззрѣній и не опираются на реальные факты. Выше уже указывалось, что въ дѣйствительности устрашеніе не достигалось жестокими наказаніями, и отмѣна ихъ не была опасна для общества. Затѣмъ ставилось положеніе, что наказаніе кнутомъ не жестоко благодаря, какъ выражался Министръ Юстиціи «человѣколюбивому попеченію правительства» но опять таки это утвержденіе опровергалось фактами, доказывавшими, что наказаніе кнутомъ было очень жестокимъ и несомнѣннымъ съ состояніемъ нравовъ. Замѣчаніе, что кнутъ въ извѣстной степени возмѣщался на западѣ смертной

казню не измѣняло положенія, потому что смертная казнь все-таки не была истязаніемъ преступника, каковымъ являлось наказаніе кнутомъ (см. ниже главу о кнутѣ); сказаннымъ исчерпывались доводы въ пользу кнута, на нихъ было давно уже отвѣчено протоколами Комитета 1817 г. и Государственнаго Совѣта, и защитники его въ 1845 г. не могли не признать, что кнутъ немислимъ у цивилизованнаго народа и предлагали только подождать, пока эта цивилизація не будетъ точно доказана, т. е. снова отложить рѣшеніе вопроса на неопредѣленное время. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до 3 мая 1845 г., когда Государственному Совѣту было сообщено его предсѣдателемъ Высочайшее повелѣніе, которымъ вопросъ рѣшался окончательно. Приводимъ подлинный текстъ этого повелѣнія:

Государь Императоръ «разсмотрѣвъ представленную Его Величеству записку по вопросу объ отмѣнѣ наказанія кнутомъ при изданіи новаго Уголовнаго Уложенія и принявъ во вниманіе, что въ 1817 г. блаженной памяти Императоръ Александръ I по благиости своего сердца рѣшительно признавалъ нужнымъ постановить «какимъ бы образомъ можно было замѣнить означенное наказаніе другимъ, которое бы не имѣло въ себѣ ничего безчеловѣчнаго, не менѣе того устрашало преступленіе и служило для другихъ предохранительнымъ отъ впаденія въ оное примѣромъ», Высочайше повелѣтъ изволилъ считать сей вопросъ окончательно разрѣшеннымъ и ни въ какія новыя сужденія объ ономъ не входить; что же касается до замѣны кнута другимъ наказаніемъ, то Его Величество изъ предполагаемыхъ мѣръ признаетъ удобнѣйшею замѣнить кнутъ увеличеннымъ числомъ ударовъ плетью рукою палача на лобномъ мѣстѣ съ заклеменіемъ, ссылкой въ каторжную работу и выставленіемъ преступника у позорнаго столба съ дѣйствующими на умъ зрителей обрядами, опредѣленіе коихъ Его Императорское Величество предоставляетъ Государственному Совѣту» ¹⁾.

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. ч. I.

Отмѣна кнута даетъ ясное понятіе о томъ, какъ мало въ то время извѣстная часть бюрократіи была расположена считаться съ необходимостью реформъ, диктуемыхъ элементарными правилами справедливости и благоразумной политики, и вся исторія отмѣны кнута съ 1817 г. свидѣтельствуесть о томъ, сколько усилій требовалось, чтобы поколебать уже несомнѣнно устарѣвшее и отжившее.

Согласно волѣ Императора Николая I вопросъ о кнутѣ болѣе не подымался, и Государственнымъ Совѣтомъ было принято мнѣніе Редакціонной Комиссіи о замѣнѣ его плетью.

Уничтоженіе кнута разсматривалось, какъ большой шагъ впередъ въ официальныхъ сферахъ: русскій представитель на Брюссельскомъ конгрессѣ криминалистовъ въ 1849 г., г. Цеэ, объявилъ, что Россія не остается назади просвѣщенныхъ народовъ, что кнутъ, бывшій такимъ ужаснымъ орудіемъ наказанія, не существуетъ болѣе. Это заявленіе было встрѣчено горячими аплодисментами собранія; впечатлѣніе было нѣсколько ослаблено, правда, замѣчаніемъ одного изъ членовъ г. Валовскаго, что кнутъ только замѣненъ плетью, что въ свою очередь вызвало объясненіе со стороны г. Цеэ, что кнутъ нельзя сравнивать съ плетью, что послѣднія употребляются даже у такого цивилизованнаго народа, какъ англичане; на это предсѣдатель конгресса отвѣтилъ, что собраніе аплодировало отмѣнѣ кнута, и что къ наказанію плетью это одобреніе никоимъ образомъ не относилось... У себя же правительство поспѣшило немедленно распорядиться покончить счеты съ прошлымъ: кнуты приказано было уничтожать повсюду и зарывать въ землю, благодаря чему экземпляры этого орудія наказанія, столь знакомаго русскимъ людямъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, стали положительною рѣдкостью.

Но уничтоженіе кнута не отразилось на примѣненіи тѣлесныхъ наказаній вообще, они по прежнему остались господствующей карательной мѣрой, потерявшей въ силѣ, но не въ объемѣ примѣненія. Кромѣ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ тѣлесныя наказанія назначались самымъ

уложеніемъ 1845 г. они были сохранены въ качествѣ замѣняющаго наказанія на случай недостатка въ мѣстахъ заключенія, согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ общемъ собраніи, по которому «замѣна тѣлесныхъ наказаній заключеніемъ въ рабочихъ домахъ и въ тюрьмѣ можетъ быть допущена не только для низшихъ по продолжительности времени сроковъ содержанія въ сихъ домахъ, но и для сроковъ высшихъ. А вмѣстѣ съ симъ, чтобы при исполненіи означеннаго постановленія оградить тѣ лица, кои, хотя по закону и не изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, но по своему положенію въ обществѣ и воспитанію не могли бы быть подвергнуты оному безъ тяжкаго для нихъ посрамленія и, можетъ статья, безъ бѣдственныхъ для нихъ послѣдствій, — то предоставить министру юстиціи по сношенію съ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ дать уголовнымъ судамъ надлежащую инструкцію о томъ, въ какихъ именно случаяхъ заключеніе можетъ и должно быть замѣняемо наказаніемъ розгами»¹⁾.

По мнѣнію предсѣдателя Государственнаго Совѣта²⁾ такая замѣна должна была назначаться непременно для лицъ не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній «которые живутъ одною работою и задержаніе которыхъ могло бы причинить вредъ или убытокъ не только имъ самимъ, но и семействамъ ихъ или обществамъ, къ которымъ они принадлежатъ»³⁾.

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. Часть I. Такая инструкція была издана министромъ юстиціи 17 января 1846 г.

²⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. Часть 1-ая.

³⁾ Въ такомъ же смыслѣ относительно замѣнительнаго тѣлеснаго наказанія Государственный Совѣтъ высказался въ 1852 г. по поводу просьбы одного осужденнаго о замѣнѣ ему годоваго тюремнаго заключенія тѣлеснымъ наказаніемъ. При этомъ было указано на желательность означенія судебными мѣстами „по какимъ особеннымъ обстоятельствамъ можетъ быть допущена замѣна сего наказанія (тюремнаго заключенія) тѣлеснымъ. При соблюденіи такого порядка сообразно вполнѣ съ точнымъ смысломъ дѣйствующаго закона... судебныя мѣста...

Во мнѣніи Государственнаго Совѣта о замѣнительныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ интересно отмѣтить признаніе необходимости изъять отъ нихъ нѣкоторыя группы лицъ, кромѣ указанныхъ въ законѣ, въ виду тяжести для нихъ позора тѣлесныхъ наказаній, которые, такимъ образомъ, признавались годными исключительно для самыхъ низшихъ классовъ, «черни», по выраженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ (см. стр. 150), которая продолжала «оставаться въ прежнемъ невѣжествѣ и грубости». Этимъ былъ окончательно установленъ кругъ лицъ, къ которымъ примѣнялись тѣлесныя наказанія, не измѣнившійся и до нашего времени ¹⁾.

Вслѣдствіе этого и при введеніи уложенія 1845 г. сохранились всѣ существовавшіе тогда тѣлесныя наказанія, за исключеніемъ кнута и оставались до ихъ общей отмѣны, послѣдовавшей въ царствованіе Императора Александра II.

Въ Остзейскихъ губерніяхъ и со введеніемъ уложенія 1845 г. плети не примѣнялись, но замѣнялись попрежнему паррутенами.

V.

Со вступленіемъ на престоль Александра II николаевскій режимъ, наглядно доказавшій свою непригодность во время Крымской кампаніи, долженъ былъ утратить свой кре-

должны будутъ при самомъ произнесеніи приговора обращать вниманіе на тѣ обстоятельства, по коимъ подсудимый долженъ быть подвергаемъ замѣняющему заключенію... наказанію тѣлесному“. Архивъ Гос. Совѣта, Дѣла II отдѣленія № 118, 1852 г.

¹⁾ По Уложеніи 1845 г. къ изъятіямъ отъ тѣлесныхъ наказаній кромѣ перечисленныхъ въ сводѣ группъ (12 группъ по состоянію) прибавлены еще нѣкоторыя (стр. 136), въ томъ числѣ ливрейные лакеи Высочайшаго Двора П. С. З. 19,856, 19,885. По поводу послѣднихъ въ 1855 г. состоялось разъясненіе, что изъятіе не распространяется на малолѣтнихъ „к-ые могутъ быть подвергаемы дѣтскимъ наказаніямъ въ томъ числѣ.. и легкому на тѣлѣ розгамъ, предоставляемому не только по закону, но и по общему убѣжденію родительской, опекунской, учительской, словомъ, всякой власти, отъ которой требуется воспитаніе дѣтей въ страхѣ божьемъ и повиновенію начальству“. Архивъ Государственнаго Совѣта, Дѣла II отдѣленія 170, 1855 г.

дять, да и по характеру новый государь имѣлъ мало общаго со своимъ предшественникомъ. Общественное мнѣніе получило неслыханную прежде свободу, начались реформы, глубоко затронувшія судебное и общественное устройство Россіи; при такихъ обстоятельствахъ законодатель не могъ не обратить вниманія и на тѣлесныя наказанія, отношеніе къ которымъ общество давно уже стало неблагопріятнымъ.

По свидѣтельству Комитета объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній: «единственное предназначеніе тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній—устрашеніе другихъ—на дѣлѣ вовсе не достигается. Изъ отзывовъ главныхъ начальниковъ губерній видно, что жестокость публичной кары плетью оскорбляетъ нравственное чувство народа до такой степени, что при оной забывается гнусность преступленія и святость законнаго возмездія, а является лишь чувство жалости къ преступнику, какъ къ мученику, а тѣмъ самымъ уничтожается и уваженіе къ правосудію. По свидѣтельству нѣкоторыхъ генераль-губернаторовъ, изъ толпы, при каждомъ публичномъ наказаніи, бросаютъ на эшафотъ деньги и нерѣдко стараются подкупить палача, чтобы хоть сколько нибудь облегчить участь преступника; при наказаніи женщинъ случалось даже, что лица, совершенно незнакомыя съ преступницами, приходили въ земскій судъ просить ихъ въ замужество, предполагая тѣмъ избавить ихъ отъ наказанія плетью¹⁾.»

Противъ тѣлесныхъ наказаній солдатъ были и молодые офицеры, на что указываетъ слѣдующій инцидентъ: въ 1861 г. въ «Военномъ Сборникѣ» была помѣщена статья, въ которой защищались тѣлесныя наказанія; противъ этой статьи немедленно появился въ «Сѣверной Пчелѣ» протестъ, подписанный 106 офицерами разныхъ родовъ оружія²⁾.

¹⁾ Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 21 и 22.

²⁾ По подлинный текстъ этого любопытнаго протеста:... «кн. Э. Витгенштейнъ обдумывалъ, написалъ и напечаталъ свои взгляды по нѣмецки. До него слѣдовательно, намъ нѣтъ дѣла, но намъ непріятно видѣть, что дикія сужденія иностранца... переводятся и находятъ мѣсто въ жур-

Въ первые годы царствованія Александра II продолжалось по прежнему сокращеніе области тѣлесныхъ наказаній посредствомъ смягченій и изытаній. Въ 1857 г. было предписано наказывать ссыльныхъ не публично, а въ мѣстахъ заключенія ¹⁾. Въ 1859 г. предписано для беременныхъ женщинъ замѣнять тѣлесное наказаніе заключеніемъ въ рабочемъ домѣ или тюрьмѣ ²⁾. Кроме того, до 1863 г. состоялся рядъ изытаній для воспитанниковъ и учащихся различныхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній ³⁾; отъ тѣлесныхъ наказаній по приговору волостнаго суда или по распоряженію вотчиннаго правленія были изытаны крестьянки Лифляндской губ. ⁴⁾. Несоотвѣтствіе тѣлесныхъ наказаній съ внутреннимъ состояніемъ Россіи стало особенно рѣзкимъ съ момента уничтоженія крѣпостнаго права, сдѣлавшаго всѣхъ русскихъ гражданами. «Постоянное, съ весьма давняго времени, вѣрно замѣчалось въ Журналѣ Комитета для разсмотрѣнія проекта Военскаго Устава о наказаніяхъ въ 1861 г., стремленіе правительства къ уменьшенію жестокости тѣлесныхъ наказаній и столь часто возбуждавшіеся, особенно въ послѣднее время, какъ въ обществѣ нашемъ, такъ и въ печатныхъ изданіяхъ, вопросы объ отмѣнѣ, если не всѣхъ наказаній сего рода, то по крайней мѣрѣ самыхъ мучительныхъ изъ нихъ, ясно обнаруживаютъ все болѣе и болѣе развивающееся у насъ сознаніе и убѣжденіе, что безчеловѣчными истязаніями даже людей, омрачившихъ себя самыми гнусными злодѣяніями, уже до крайности несогласны въ настоящее время съ правами

налѣ, редакція котораго ввѣрена Вамъ, М. Г., конечно, не для того, чтобы распространять въ нашемъ военномъ сословіи невѣжество и проводить взгляды, доказывающіе возмутительное непониманіе духа русскаго солдата и потребностей общества». Подписано 106 офицерами. Сѣв. Пчела. № 85, г. 1862.

1) Архивъ Госуд. Совѣта, Дѣла II отдѣленія, 70, 1857.

2) Архивъ Госуд. Совѣта, Дѣла II отдѣленія, 137, 1859 г.

3) Калмыковъ. Учебникъ уголовного права. Спб. 1866, стр. 257.

4) П. С. З. 38.430, 1862 г.

нашего народа и распространяющимся въ немъ образованіемъ»¹⁾.

Съ 1861 г. круто измѣнилась и постановка вопроса о тѣлесныхъ наказаній. До этого времени попрежнему продолжалось ограниченіе тѣлесныхъ наказаній путемъ новыхъ изытаній и смягченій, съ этого момента былъ поставленъ вопросъ о самомъ существованіи тѣлесныхъ наказаній — въ этомъ было огромное, коренное различіе между эпохами Николая I и Александра II. Какъ и въ Западной Европѣ, въ Россіи крупный шагъ въ освобожденіи личности оказался естественно связаннымъ съ вопросомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Уже во время подготовительныхъ работъ по изданію положенія о крестьянахъ многими высказывался взглядъ, что тѣлесныя наказанія не должны въ немъ упоминаться.

Въ 1858 г. Я. И. Ростовцевъ писалъ Императору Александру II: «о наказаніи тѣлесномъ не слѣдуетъ упоминать вовсе (въ Положеніи о крестьянахъ): это было бы пятномъ настоящаго законодательства». Противъ сохраненія тѣлеснаго наказанія высказались московскій и владимірскій дворянскій комитеты, однако редакціонный комитетъ, большинствомъ одного голоса, призналъ необходимымъ удержатъ тѣлесныя наказанія, такъ какъ уничтоженіе ихъ потребовало бы общаго пересмотра системы наказаній; предполагалось только изыять отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, занимавшихъ должности въ сельскомъ управленіи и женщинъ. Послѣднее изытаніе не состоялось благодаря энергичному противодѣйствію гр. Панина. Но сохраненіе тѣлесныхъ наказаній нисколько не свидѣтельствовало о благопріятномъ къ нимъ отношеніи дѣятелей по крестьянскому вопросу: взглядъ лучшей части русскаго общества 60-хъ годовъ на тѣлесныя наказанія, въ частности на розги, о которыхъ однѣхъ и могло говорить въ положеніи 19 февраля 1861 г., прекрасно формулированъ словами И. С. Аксакова, писавшаго въ 1860 г.: «какихъ бы умъ не вы-

¹⁾ Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 11.

мышлялъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія розги, все это рушится передъ внутреннимъ, простымъ чувствомъ... становится просто невозможнымъ подать голосъ за розгу»¹⁾. Несоотвѣтствіе тѣлесныхъ наказаній съ условіями общественной жизни и правами заставляло нѣкоторыхъ высшихъ представителей администраціи обращаться при удобныхъ случаяхъ съ ходатайствами объ отмѣнѣ ихъ. Такъ, въ 1859 г. генералъ-губернаторы с.-петербургскій и новороссійскій по поводу возникшаго вопроса объ отмѣнѣ публичнаго наказанія женщинъ, указали на желательность полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, что вызвало высочайшее повелѣніе (6 іюня 1861 г.) Министру Внутреннихъ Дѣлъ и главноуправляющему II отдѣленія представить соображенія о смягченіи и уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній²⁾.

Въ это же время при II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи былъ учрежденъ комитетъ³⁾ для пересмотра военно уголовныхъ законовъ, въ который была внесена кн. Орловымъ записка о тѣлесныхъ наказаніяхъ (1861 г.). Въ запискѣ указывалось, что «тѣлесныя наказанія суть зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ», что они противны духу христіанства, запрещающему насилія и истязанія, что въ христіанскомъ государствѣ всѣ должны быть равны передъ закономъ, что тѣлесныя наказанія безнравственны и бесполезны: «философы, юристы, государственные люди всѣхъ временъ—единодушно признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и бесполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ

¹⁾ *Селевскій*. Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Р. Мысль, 1896, 2, стр. 1 и слѣд. *Жаппіевъ*. Какъ уцѣлѣла розга. Рус. Вѣдомости. 1895 г. Миръ Божій, 1895, іюнь.

²⁾ *Винишюкъ*. Матеріалы для исторіи отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Юрид. Вѣст., 1892. № 7—8, стр. 409.

³⁾ Комитетъ состоялъ изъ сенаторовъ: Губе (предсѣдатель), Кангера, чиновниковъ II отдѣленія Малевскаго, Бруна, Попова, Яневичъ-Яневскаго, Перетца, членовъ бывшей кодификаціонной комиссіи царства польскаго—Плавскаго и Александровича, генералъ-аудиторовъ Военнаго Министерства Философова и флота-Глѣбова.

этой истинѣ: у насъ бьютъ всякаго, кто даетъ себя бить, это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ правильному развитію человѣческой личности... Для общества русскаго существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, но и великая опасность. Просвѣщеніе болѣе, чѣмъ думаютъ, проникло во всѣ слои общества, и мы не далеки отъ того времени, когда тѣлесное наказаніе будетъ приводить къ сопротивленію или самоубійству... въ настоящее время стараются изъ человѣколюбія уменьшить число ударовъ розгами. Этимъ не достигаютъ хорошихъ результатовъ. Розги не внушаютъ прежняго страха, а по прежнему унижаютъ человѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести... Нельзя не упомянуть, что у насъ существуетъ табель или прейскурантъ проступковъ и преступленій съ показаніемъ цѣны ихъ ударами розогъ. За кражу 3 рублей—столько то ударовъ и т. д. Это верхъ изобрѣтательности русской бюрократіи... Прогнаніе шпицрутенами... такая же квалифицированная казнь, какъ четвертованіе и колесованіе. При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами, постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соответствующія, если не всѣмъ, то большей части полученныхъ ударовъ... солдатамъ давно стала отвратительна роль палачей, и при каждой экзекуціи, начальство вынуждено повторять офицерамъ: «Господа, смотрите, чтобы люди били крѣпче». Между тѣмъ, въ гвардіи шпицрутень только поверхностно касается преступника... Нынѣ, когда званіе воина облагорожено, когда солдатъ носитъ мундиръ не какъ наказаніе, а какъ честь,—можно бы отмѣнить всякія тѣлесныя наказанія въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что военное начальство и безъ розогъ имѣетъ во власти своей довольно различныхъ способовъ взысканія» ¹⁾.

Замѣчанія князя Орлова ²⁾ касались большого мѣста, такъ

¹⁾ Сводъ мѣстныхъ и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 1—11.

²⁾ Въ 1861 же году Императору Александру II была представлена записка о тѣлесныхъ наказаніяхъ д. с. с. П. Н. Глѣбова, въ концѣ 50 годовъ командированнаго за границу для ознакомленія съ судебной частью.

какъ тѣлесное наказаніе съ упраздненіемъ крѣпостнаго права стало окончательно анахронизмомъ. Комитетъ при разсмотрѣніи записки князя Орлова, заявилъ, что имъ уже неоднократно обсуждался вопросъ о тѣлесномъ наказаніи въ воинскомъ уставѣ. Комитетъ предположилъ въ виду важности этого «жизненнаго» вопроса рассмотреть его отдѣльно для военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, и поручилъ сенатору Капгеру и генераль-аудитору Философову доложить о запискѣ князя Орлова тогдашнему военному министру г. а. Сухозанету и генераль-адмиралу¹⁾. Военный министръ нашелъ возможнымъ допустить лишь частичныя смягченія тѣлесныхъ наказаній, считая розги необходимыми въ арміи, генераль-адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ призналъ отміну тѣлесныхъ наказаній необходимой немедленно и въ военномъ и въ гражданскомъ вѣдомствахъ. Согласно съ полученными отзывами высшаго военнаго начальства, комитетъ предположилъ отмінуть тѣлесныя наказанія, оставивъ ихъ лишь при невозможности замѣнить другими карательными мѣрами (недостатокъ мѣсть заключенія), и совершенно освободить отъ нихъ лицъ женскаго пола, «такъ какъ, будучи сопряжено съ обнаженіемъ тѣла... оно (тѣлесное наказаніе) не только источникъ физической боли, но и прічиняетъ большое нравственное посрамленіе». Для смышленныхъ женщинъ комитетъ находилъ возможнымъ оставить тѣлесное наказаніе розгами, такъ какъ совершая новое преступленіе онѣ обнаруживаютъ отсутствіе раскаянія и высшую степень нравственной порчи. Для

Въ запискѣ доказывается полная несостоятельность тѣлесныхъ наказаній. «Прошло то время, говорится въ ней, когда нужно было доказывать несостоятельность и зловредную бесполезность тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній по отношенію къ юридической справедливости... можно сказать... что тѣлесное наказаніе по самому свойству своему не соответствуетъ ни одному изъ условій справедливаго законнаго возмездія... что нѣтъ другаго наказанія, которое было бы столь неравномѣрно, какъ розги, чувствовалось бы столь разнообразно». Биржев. Вѣдомости, 1903 г. № 188.

¹⁾ Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отміну тѣлесныхъ наказаній. Записка кн. Орлова, стр. 18—31.

ссылныхъ мужчинъ шпицрутены предполагалось замѣнить плетми, а тѣлесныя наказанія при ссылкѣ и отдачѣ въ арестантскія роты замѣнить увеличеніемъ (для неизятыхъ) срока заключенія; клейма налагать на плечо. Такимъ образомъ былъ поставленъ вопросъ о существованіи тѣлесныхъ наказаній, понятно, что поклонники стараго режима должны были употреблять всѣ усилія, чтобы отстоять наказанія, бывшія какъ бы символомъ, вѣшнымъ выраженіемъ защищаемыхъ ими порядковъ жизни—началась борьба. Заключение комитета было представлено на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ сановниковъ, 12 изъ числа которыхъ высказались противъ тѣлесныхъ наказаній. Въ этой группѣ (противниковъ тѣлесныхъ наказаній) обращало на себя особенное вниманіе мнѣніе Великаго Князя Константина Николаевича: соглашаясь на отмѣну тѣлесныхъ наказаній при ссылкѣ и арестантскихъ ротахъ, Великій Князь высказался противъ всякаго увеличенія срока заключенія вмѣсто тѣлеснаго наказанія, потому что не сообразно съ достоинствомъ и строгою справедливостью имѣть за одни и тѣ же тяжкія преступленія различные виды наказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь считалъ справедливымъ совершенно изъять женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія безъ ограниченій, предположенныхъ комитетомъ ¹⁾.

Министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) съ особенной подробностью останавливался на клейменіи, онъ писалъ въ своемъ мнѣніи слѣдующее: «Клеменіе, составляя часть жестокаго тѣлеснаго наказанія и видимый знакъ изверженія изъ гражданскаго общества, служить еще къ тому, чтобы въ случаѣ побѣга каторжнаго, можно было легко опредѣлить, къ какой категоріи ссылныхъ принадлежитъ бѣглецъ. Между тѣмъ каторжникъ по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ можетъ перейти въ государственные крестьяне, и клеймо не соотвѣтствуетъ его положенію, какъ напоминаніе о преступленіи, искушенномъ безукоризненнымъ поведеніемъ. Для устраненія

¹⁾ Иб. стр. 59, 79—81, 92, 108, 110, 146—50.

такихъ несообразностей и дабы не стѣснятъ каторжныхъ по переходѣ ихъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ и въ государственные крестьяне, въ способахъ снисканія себѣ средствъ существованія честнымъ трудомъ и въ дальнѣйшемъ исправленіи, справедливость требуетъ совершенно отмѣнить клейменіе преступниковъ на лицѣ». Кромѣ того, министръ внутреннихъ дѣлъ совершенно соглашался съ необходимостью изъять женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній. О клейменіи подробно высказался и медицинскій совѣтъ, такъ какъ фельдшера и доктора обязаны были принимать участіе въ исполненіи этого наказанія. Медицинскій персоналъ справедливо тяготился такой обязанностью, и медицинскій совѣтъ представилъ мотивированное мнѣніе о необходимости освободить врачей отъ унижительнаго для ихъ человѣческаго достоинства участія въ исполненіи тѣлесныхъ наказаній «эта обязанность палача, говорится во мнѣніи медицинскаго совѣта, возлагается нынѣ на фельдшеровъ, подъ наблюденіемъ и при содѣйствіи врачей, которые должны еще нести отвѣтственность за постепенное на живомъ тѣлѣ преступника исчезновеніе клейма, отвѣтственность, которой не подлежали даже палачи.

Принимая въ соображеніе смыслъ назначенія и прямыхъ обязанностей врача — оказывать одержимымъ болѣзнями надлежащую помощь, облегчать ихъ страданія и, если возможно, предупреждать оныя, и имѣя при томъ въ виду, что для успѣшнаго достиженія этой цѣли врачъ долженъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ того общества, въ которомъ онъ обращается, непонятно, какъ при такихъ условіяхъ согласить возложеніе на врача обязанности содѣйствія палачу, или фельдшеру въ наложеніи клеймъ, и какимъ образомъ фельдшеръ, имѣющій обязанность, по назначенію и подъ наблюденіемъ врача, оказывать больнымъ разныя пособія, можетъ быть обращенъ въ палача, званіе, неимѣющее также ничего общаго съ его назначеніемъ и обязанностями? Легко понять, какъ будетъ встрѣченъ въ образованномъ и воспитанномъ обществѣ врачъ, прибывшій съ лобнаго мѣста и

принимавшій публично участіе въ запятіяхъ палача, или фельдшера, наказывавшихъ тѣлесно преступника. Но независимо отъ такового нравственнаго значенія этой новой врачебной обязанности, спрашивается, какая же цѣль ея? Мѣста, на которыхъ клейма налагаются, указаны на рисункахъ, при циркулярныхъ предписаніяхъ министра разосланныхъ; тщательное наложеніе клеймъ, чтобы слѣды оныхъ не могли изгладиться, нисколько присутствіемъ врача не упрочивается, потому что, какъ уже и медицинскій совѣтъ неоднократно выражался, при настоящемъ состояніи науки и при условіяхъ человѣческаго организма, дѣлаемые на ономъ знаки могутъ, со временемъ, постепенно исчезнуть, или быть искусственно уничтожены..

За всѣмъ вышеизложеннымъ, признавая назначеніе врачей къ присутствію при наложеніи клеймъ, сколько неприличнымъ и унижающимъ врачебное сословіе, въ ущербъ пользы общества, столько и совершенно бесполезнымъ, а возлагаемую на фельдшеровъ обязанность заниматься, вмѣсто палача, наложеніемъ клеймъ несоотвѣтственнымъ ихъ прямому дѣлу и даже безнравственнымъ¹⁾, медицинскій совѣтъ и предлагалъ передать это дѣло въ руки палачей, или иныхъ «способныхъ для сего и, по собственному желанію, готовыхъ на то лицъ».

О значеніи тѣлесныхъ наказаній за маловажныя проступки интересно замѣчаніе юриста-практика Н. А. Будковского, въ немъ говорится, что 1) они недостаточно репрессивны, такъ какъ по духу нашего времени доведены до незначительнаго числа ударовъ, и для людей, привыкшихъ къ грубому обращенію и побоямъ съ малолѣтства, не составляютъ страданія, 2) преступникъ немедленно отпускается продолжать свой прежній образъ жизни, т. е. пьянствовать и т. д., 3) тѣлесныя наказанія убиваютъ достоинство человѣка, не достигая никакихъ разумныхъ цѣлей (Сводъ мнѣній, ст. 117—

¹⁾ Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу събъ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 93 и слѣд.

119—121). На легкую возможность отмены телесных наказаний указывалъ и другой юристъ-практикъ Д. А. Ровинскій, доказывавшій, что ихъ можно отменить совершенно, несмотря на недостаточность мѣстъ заключенія. Наконецъ, кн. Орловъ высказался противъ клейменія и наказанія женщинъ въ какихъ бы то ни было случаяхъ: «женщины по самому полу своему должны быть избавлены отъ телесныхъ наказаній. Эта истина указывается и самою природою и подтверждается повсемѣстнымъ чувствомъ омерзѣнія нашего народа ко всякому роду наказаній женщинъ рукою полицейскихъ или палачей. Преступницы суть тѣ же женщины. Предлагаемое комитетомъ исключеніе... не оправдывается необходимостью. Кромѣ того, оно легко можетъ сдѣлаться орудіемъ безнравственности, предавая ссыльныхъ женщинъ на произволъ мѣстныхъ властей. Можетъ ли высшее сибирское начальство поручиться, что непубличныя телесныя наказанія женщинъ будутъ всегда правосудно исполняться».

Наконецъ, наказаніе розгами взаменъ заключенія сохраняемое до устройства мѣстъ заключенія, кн. Орловъ признавалъ, какъ печальную необходимость, но полагалъ, что переустройство тюремъ при участіи русскаго общества можетъ быть закончено очень скоро. Вообще кн. Орловъ считалъ необходимымъ установленіе срока для окончательной отмены всѣхъ телесныхъ наказаній, признавалъ достаточнымъ для этого два года, и предлагалъ замѣнить розги штрафами¹⁾.

На сторонѣ противниковъ телесныхъ наказаній было общественное мнѣніе. Они могли рассчитывать и на поддержку при дворѣ, они были сильны; въ другомъ положеніи находились защитники телесныхъ наказаній, не могшіе рассчитывать на побѣду, имъ оставались только компромиссы, задержки, выжидательное положеніе. Поэтому среди сановниковъ, несогласныхъ съ заключеніями комитета, не встрѣчается прямой оппозиціи: телесныя наказанія отстаиваютъ, но косвенно; такъ государственный контролеръ Анненковъ

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта. 1862 г., № 47. № 3563 по архиву.

нашелъ, что въ эпоху преобразованія всѣхъ основъ государственнаго быта, при политическихъ смутахъ въ западныхъ губерніяхъ, измѣненіе уголовной системы несвоевременно. Рѣшительнѣе высказался министр юстиціи гр. Панинъ, заявившій себя убѣжденнымъ сторонникомъ существующаго порядка: «виды наказаній, писалъ онъ, должны соответствовать степени развитія народнаго образованія и понятія о чести». Внезапный переходъ отъ мѣръ жестокихъ къ болѣе кроткимъ можетъ колебать страхъ наказанія въ тѣхъ лицахъ, которыхъ могутъ страшить только тѣлесныя кары. Въ народномъ понятіи тѣлесное наказаніе есть единственное возбуждающее страхъ, и отмѣна его въ грубыхъ понятіяхъ нѣкоторыхъ преступниковъ была бы равносильна отмѣнѣ всѣхъ уголовныхъ наказаній. Далѣе министр юстиціи занялся опроверженіемъ доводовъ противниковъ: сочувствіе народа къ наказаннымъ вызывается не отвращеніемъ къ наказанію, а христіанскимъ соболѣзнованіемъ (что прямо противорѣчило дѣйствительности). Недостатокъ палачей объясняется не столько тяжестью ихъ обязанностей, сколько налагаемыми на нихъ стѣсненіями, подвергающими ихъ какъ бы пожизненному одиночному заключенію (гр. Панинъ забывалъ здѣсь, что недостатокъ въ палачахъ чувствовался еще въ XVIII вѣкѣ, когда о стѣсненіи ихъ не было рѣчи). Но и гр. Панинъ не могъ защитить дѣла, которое было уже проиграно, онъ долженъ былъ признать, что предшествовавшее законодательство представляло изъ себя картину постепенныхъ уступокъ, медленно и вѣрно разрушавшихъ лѣстницу тѣлесныхъ наказаній, но логическаго вывода, къ которому вело такое постепенное уничтоженіе, министр не хотѣлъ видѣть и допускалъ только частичныя смягченія. Клейменіе онъ считалъ возможнымъ замѣнить наложеніемъ знаковъ на плечѣ. Шпицрутены онъ признавалъ строгимъ наказаніемъ и не возставалъ противъ ихъ отмѣны, предлагая только выждать заключенія генералъ-губернаторовъ Сибири. Женщинъ, въ виду ихъ менѣе крѣпкаго сложенія и сохраненія между зрителями чувства стыдливости и приличія,

предполагалъ наказывать въ половину противъ мужчинъ и не публично; плети для ссыльныхъ до пересмотра законовъ о нихъ уменьшить на половину; наказаніе розгами при арестантскихъ ротахъ понизить въ 2 раза: 50 вмѣсто 100 ударовъ; исправительныхъ наказаній розгами взаимнѣ тюремнаго заключенія не отмѣнять. Переходя къ отдѣльнымъ статьямъ Уложенія, гдѣ розги назначались самостоятельно, гр. Панинъ и здѣсь сбавлялъ нѣсколько, напр. (по ст. 1038) 15—20 ударовъ онъ предлагалъ замѣнить 10—20. Министръ юстиціи, впрочемъ, какъ и государственный контролеръ, защищалъ не само тѣлесное наказаніе, а только его необходимость въ настоящую минуту: по мнѣнію гр. Панина къ его уничтоженію слѣдовало переходить постепенно (стр. 37—58). Оберъ-прокуроръ св. Синода не представилъ собственнаго мнѣнія, но переслалъ въ комитетъ мнѣніе преосвященнаго Филарета митрополита Московскаго. Свѣтскіе противники реформъ вынуждены были къ уступкамъ и осторожности, митрополитъ высказался свободнѣе. Онъ писалъ, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи касается только государства, а не церкви, если государство можетъ отказаться отъ этого наказанія, «христіанство одобритъ сію кротость, въ противномъ случаѣ не осудитъ строгости, только бы наказаніе было справедливо и не чрезмѣрно» (условія невозможныя при тѣлесномъ наказаніи). Думаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность, но «нельзя думать, что Господь Богъ чрезъ Моисея узаконилъ тѣлесныя наказанія (4—десять ранъ да наложить ему. Второзаконіе XXV, 3) для разрушенія нравственности народа (іерархъ упустилъ изъ виду, что Моисеевымъ закономъ устанавливается и казнь побіенія камнями, о примѣненіи которой на этомъ основаніи, однако, никто не говорилъ). Отмѣнить тѣлесныя наказанія невозможно и потому, что, если всѣхъ сажать въ тюрьму, то понадобится въ большомъ городѣ особый тюремный городъ.

Комитетъ могъ безъ особеннаго труда возразить на всѣ пареканія, указавъ, что въ политическомъ отношеніи такая благая мѣра, какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія, не можетъ

быть признана опасной, что уменьшеніе числа ударовъ «въ видахъ постепеннаго перехода» не имѣетъ за себя раціональныхъ основаній, такъ какъ тѣлесныя наказанія предполагается уничтожить, какъ позорныя и развращающія, а не только какъ истязательныя, и число ударовъ поэтому не существенно; затѣмъ, признавъ справедливость замѣчаній противъ увеличенія сроковъ ссылки, предложилъ просто отмѣнить придаточныя тѣлесныя наказанія и клейменіе.

Окончательныя заключенія комитета состояли въ слѣдующемъ: дополнительныя тѣлесныя наказанія и клейменіе отмѣнить, лицъ женскаго пола изъять отъ тѣлесныхъ наказаній (за исключеніемъ ссыльныхъ), замѣну тюремнаго заключенія розгами сохранить въ исключительныхъ случаяхъ «при дѣйствительномъ недостаткѣ въ мѣстахъ заключенія», сохранить наказанія плетями для ссыльныхъ, озаботиться прекращеніемъ полицейскихъ тѣлесныхъ наказаній и изысканіемъ способовъ замѣны тѣлесныхъ наказаній, оставленныхъ до времени. Оставлены были въ ограниченномъ объемѣ и тѣлесныя наказанія въ войскахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ сознавалъ, что, сохраняя ограниченное примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, онъ не довершаетъ реформы, но долженъ былъ уступить необходимости считаться съ существовавшими тогда временными обстоятельствами. «Реформу нельзя считать окончательно довершеною, говорится въ протоколѣ комитета, пока розга будетъ являться средствомъ исправленія заблуждающагося и учить народъ уваженію къ предписаніямъ закона¹⁾».

Предположенія комитета разсматривались первоначально въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскомъ, въ которыхъ 8 членовъ высказались въ общемъ за заключенія комитета, кромѣ одного графа Панина, полагавшаго, что достаточно смягченія тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ «позорно преступленіе, а наказаніе позорно лишь въ томъ смыслѣ, что оно есть послѣдствіе преступленія. Въ глазахъ народа, сохранявшаго въ сердцѣ истины нашей вѣры, наказаніе есть иску-

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта 1862 г. № 47.

пление грѣха». Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта (18 іюля 1862 г.) за предположенія комитета и соединенныхъ департаментовъ подало голосъ 25 членовъ, противъ—трое, послѣдніе, главнымъ образомъ, по тому соображенію, что полная отмѣна тѣлесныхъ наказаній можетъ имѣть «весьма вредныя послѣдствія и поведетъ къ возстановленію смертной казни... но тогда быть можетъ и эта мѣра не въ скоромъ времени и не вполне достигнетъ предположенной цѣли», такъ что въ концѣ концовъ оказалось, что защитники тѣлесныхъ наказаній дѣйствуютъ въ интересахъ челоѣколюбія. Но не имѣя возможности остановить отмѣну тѣлесныхъ наказаній, сторонники ихъ успѣли нѣсколько затянуть обнародованіе закона и повліять на его заглавіе. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній совершилась указомъ 17 апрѣля 1863 г., озаглавленномъ «О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ» изъ опасенія, вообще, тормозившаго реформы тѣлесныхъ наказаній въ XIX в., чтобы народъ не увидѣлъ въ этомъ отмѣны наказаній. Этимъ указомъ отмѣнялось тѣлесное наказаніе розгами и плетью и клейменіе. Самостоятельное наказаніе розгами въ 573—576 ст. Уложенія замѣнялось тюрьмою. Лица женскаго пола объявлены изъятими отъ тѣлеснаго наказанія (кромѣ ссыльныхъ). Замѣна розгами тюрьмы, смирительнаго и рабочаго домовъ и ареста оставлена только при явной невозможности исполнить назначенное наказаніе. Въ этотъ же день состоялись указы о совершенной отмѣнѣ для воинскихъ нижнихъ чиновъ наказанія шпицрутенами и о существенномъ измѣненіи для сихъ чиновъ всей системы тѣлесныхъ наказаній, что дѣлалось «въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ». Всѣ безпорочно служащіе нижніе чины освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній пока не будутъ переведены по суду въ разрядъ штрафованныхъ, въ которомъ не изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній могутъ подвергаться наказанію розгами безъ судебного приговора до 50 ударовъ по приказу полковаго командира или равныхъ ему по власти лицъ. Мѣра наказанія должна соответствовать степени вины, лѣтамъ и физическимъ силамъ наказываемаго,

въ сомнительныхъ случаяхъ требовалось медицинское освидѣтельствоваіе.

Во флотѣ шпицрутены и кошки были замѣнены розгами, до 200 ударовъ до устройства мѣсть заключенія; нижнихъ чиновъ, подлежащихъ во время плаванія наказанію кошками, — разрѣшено наказывать линьками не болѣе 100 ударовъ. Реформа 1863 г., неполнота которой сглаживалась ея огромнымъ нравственнымъ значеніемъ, вызвала восторженныя привѣтствія русскаго общества. «17 апрѣля 1863 г., пишетъ одинъ изъ пережившихъ этотъ день, кн. Голицынъ, снята была, наконецъ, съ русскаго народа эта позорная язва, много вѣковъ тяготѣвшая надъ нимъ». Проф. Никитенко отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «17 апрѣля невыразимый народный энтузіазмъ въ Москвѣ. Народъ потребовалъ, чтобы молебенъ былъ отслуженъ на площади противъ комнатъ дворца, гдѣ родился Александръ II». «Когда я получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ извѣщеніе... что государь окончательно приказалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія... слезы брызнули изъ глазъ... я послалъ гонцовъ во всѣ уѣзды, чтобы остановить исполненіе приговоровъ на прежнемъ основаніи», пишетъ въ своихъ запискахъ о 17 апрѣля 1863 г. сенаторъ Денъ. Этотъ общій восторгъ и образованнаго класса и простого народа служить краснорѣчивымъ отвѣтомъ всѣмъ защитникамъ тѣлесныхъ наказаній.

Въ 1863 же году, 30 августа, были отмѣнены шпицрутены для ссыльныхъ вслѣдствіе представленія министра внутреннихъ дѣлъ, справедливо находившаго, что съ отмѣной шпицрутеновъ въ войскахъ нельзя возлагать на солдатъ неприличную ихъ званію обязанность быть исполнителями тѣлесныхъ наказаній. Шпицрутены замѣнялись плетью по Уставу о ссыльныхъ¹⁾. Черезъ годъ указомъ 30 августа 1864 г. были отмѣнены тѣлесныя наказанія въ Царствѣ Польскомъ.

Крупное измѣненіе въ системѣ наказаній вызвалъ и пересмотръ уложенія, появившагося новымъ изданіемъ въ 1866 г.,

---

¹⁾ П. С. З. 40021, 1863 г.; 50080, 1871 г.

въ которомъ устанавливалось общее правило замѣны заключенія тѣлесными наказаніями (ст. 78, 80, 81, 82). Въ приложеніи списокъ тѣлесныхъ наказаній ограничивался только двумя — розгами и наложеніемъ оковъ. Затѣмъ слѣдовали группы изъятыхъ отъ этихъ наказаній: въ ст. 3 — 15 группъ, въ 4 — 4, въ 5 — 37, въ 6 — 6 группъ, всего 62. Для замѣнительныхъ тѣлесныхъ наказаній сохранились особыя изъятія (ст. 11). Положеніе о не назначеніи тѣлесныхъ наказаній для страдающихъ извѣстными болѣзнями повторено ст. 88 и въ приложеніи III безъ измѣненій. Въ этомъ изданіи Уложенія о наказаніяхъ кругъ лицъ изъятыхъ увеличился не только по числу группъ, но и по ихъ обширности: прибавились изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній женщинъ, крестьянъ, занимающихъ общественныя должности, и церковнослужителей.

VI.

Послѣ изданія закона 17 апрѣля 1863 г. законодательное движеніе въ вопросѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ пріостановилось, и реформа, которая имѣлась въ виду (отмѣна тѣлесныхъ наказаній) не закончена еще и въ настоящее время.

Во всякомъ случаѣ отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ оставалось прежнее, и попытки расширить его примѣненія не имѣли успѣха. Въ 1864 г. при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ Мироваго Устава возникло было предположеніе предоставить мировымъ судьямъ право назначать тѣлесныя наказанія (до 30 розогъ), но оно было отвергнуто громаднымъ большинствомъ, на томъ основаніи, что «тѣлесныя наказанія не могутъ не быть признаны положительно вредными, препятствующими смягченію нравовъ народа и не дозволяющими развиваться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга»¹⁾; сохраненіе розогъ для крестьянъ объяснялось нежеланіемъ колебать только что изданное положеніе 19 февраля О розгахъ говорилось и въ комиссіи о преобразованіи волостныхъ су-

---

¹⁾ Джаншиевъ Изъ эпохи великихъ реформъ. 5-е изд. стр. 202.

довъ (1870 г.), какъ о наказаніи, подлежащемъ уничтоженію; противъ розогъ были не только опрошенные комиссіей крестьяне, но и различныя должностныя лица, входящія въ близкое соприкосновеніе съ крестьянскимъ міромъ, даже нѣкоторые исправники (Московской губ.). Указывалось и на то, что тѣлесное наказаніе должно быть отмѣнено уже потому, что 20 ударовъ розгами ничего не значатъ для простолюдина (Мировой посредникъ Костромской губ.)¹⁾, что это не наказаніе, а отвратительная комедія, влекущая за собою деморализацію наказаннаго. Удостоверилось, что народъ не обращается къ волостному суду, рѣшенія котораго, какъ и стариковъ, разбирающихъ дѣла иногда въ нетрезвомъ видѣ, кончаются приговорами къ розгамъ.

Въ прежнемъ же направленіи состоялось важное мѣропріятіе — отмѣны въ 1884 и 1885 г. замѣнительныхъ тѣлесныхъ наказаній вмѣсто заключенія вслѣдствіе упраздненія рабочихъ и смирительныхъ домовъ, въ большинствѣ случаевъ существовавшихъ лишь на бумагѣ²⁾.

Въ изданіи Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г. тѣлесное наказаніе упоминалось въ 3 статьяхъ (952, 1261, 1377). Въ приложеніи, какъ и въ изданіи 1866 г. тѣлесными наказаніями считались наказаніе розгами и наложеніе оковъ. Затѣмъ оставались тѣлесныя наказанія по Положенію о крестьянахъ, тѣлесныя наказанія какъ дисциплинарная мѣра въ тюрьмахъ, тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ, и тѣлесныя наказанія въ войскахъ (для штрафованныхъ и въ дисциплинарныхъ баталіонахъ). Такимъ образомъ, тѣлесныя наказанія, хотя и очень медленно продолжали убывать.

---

¹⁾ Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Мнѣнія и отзывы Владимірской губ. стр. 78. Ib. Сводъ мнѣній и отзывовъ, стр. 111, 124, 430, 433, 544, 580, т. III, стр. 180, 330, т. I, стр. 3, 12, 124 и слѣд.

²⁾ Таганцевъ. Лекціи, IV, стр. 1410. П. С. З. 2172, 1884; 1885 г. № 3316 Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отмѣнѣ заключенія въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ.

Внезапный поворотъ назадъ въ законодательствѣ былъ сдѣланъ закономъ 12 іюля 1889 г., имѣющимъ цѣлью восполнить отсутствіе «близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями... съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ». Вѣроятно, по традиціи, въ Россіи понятіе объ административномъ попечительствѣ и твердой власти какъ бы связывается съ тѣлеснымъ наказаніемъ, и законъ о земскихъ начальникахъ, отступая отъ исторически сложившагося отношенія законодателя къ послѣднимъ, расширилъ возможность примѣненія розогъ, хотя и не безъ оговорокъ: такъ, наказаніе ими допускается лишь по приговору волостныхъ судовъ, утвержденныхъ земскими начальниками, въ особо важныхъ случаяхъ, если судъ признаетъ необходимымъ именно тѣлесное наказаніе (ст. 36, 37. Времен. правилъ о волостномъ судѣ). Практика земскихъ начальниковъ оказалась весьма разнообразной. Лучшая часть ихъ, дѣйствуя, въ духѣ законодателя, безъ сомнѣнія, имѣвшаго въ виду улучшить, а не ухудшить положеніе крестьянъ, избѣгаетъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній, другая, напротивъ, придаетъ розгамъ очень большое значеніе. Практика второй группы вызвала, какъ и слѣдовало ожидать, не только протестъ общественнаго мнѣнія, выразившійся въ массѣ газетныхъ замѣтокъ и брошюръ, но и вполне заслуженное неодобреніе высшей администраціи. Въ 1891 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ циркуляромъ (Вѣст. Европы, 1891, № 9, стр. 378) разъяснило, что «къ приговорамъ волостныхъ судовъ о тѣлесномъ наказаніи земскіе начальники должны относиться вообще съ большою осторожностью, наблюдать чтобы они не являлись слѣдствіемъ пристрастнаго отношенія къ виновному и т. д. Исполнителями такихъ приговоровъ не должны быть молодые люди, на которыхъ подобная операція производитъ развращающее впечатлѣніе. Необходимо строго наблюдать, чтобы исполненіе означенныхъ приговоровъ не являлось потѣхой или зрѣлищемъ празднои толпы, и особенно малолѣтнихъ. Воз-

можно близкое вниканіе во всё дѣла и нужды деревни, а также частное вліятельное, нравственное воздѣйствіе земскихъ начальниковъ можетъ совершенно устранить надобность въ крайнихъ мѣрахъ». Какъ видно изъ приведеннаго циркуляра, тѣлесное наказаніе, поставленное закономъ 1889 г. подъ контроль земскихъ начальниковъ, разсматривается какъ крайняя мѣра, примѣненіе которой въ сущности не желательно. Признаніе тѣлесныхъ наказаній непригодными въ настоящее время выразилось и въ томъ, что въ изданномъ въ одинъ годъ съ закономъ о земскихъ начальникахъ Волостнымъ Судебнымъ Уставомъ для Прибалтійскаго Края волостные суды обязаны замѣнять по желанію осужденнаго тѣлесное наказаніе строгимъ арестомъ, такъ что оно можетъ быть исполнено лишь съ согласія наказываемаго¹⁾.

Иного отношенія къ тѣлеснымъ наказаніямъ трудно было и ожидать, такъ какъ нежелательность ихъ примѣненія, несоотвѣтствіе ихъ съ условіями современной русской жизни, за ничтожными и не авторитетными исключеніями, заставляютъ высказываться противъ нихъ не только общество и общественныя учрежденія, но и представителей администраціи—фактъ, совершенно понятный, если мы припомнимъ, что уже съ 40 годовъ тѣлесныя наказанія встрѣчали общее осужденіе болѣе культурной части русскаго общества. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ 90 годахъ ходатайствовали генераль-губернаторы степной и туркестанской, многія земскія собранія, медицинскія и сельско-хозяйственныя общества (особеннаго вниманія заслуживаетъ ходатайство Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества); стремленіе освободиться отъ позора тѣлесныхъ наказаній ясно сказывается и въ заинтересованныхъ въ этомъ непосредственно группахъ населенія.

Если (см. стр. 144) при обсужденіи отмѣны кнута въ 1845 г. и отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ 1863 г. защитники тѣлесныхъ наказаній не встрѣчали сочувствія и не располагали

---

¹⁾ Писка. Къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ волостныхъ судахъ Прибалтійскихъ губерній. Ж. М. Ю., 1902, 4, стр. 231 и сл.

сильными аргументами, то тѣмъ болѣе, съ 80 годовъ, когда отъ тѣлесныхъ наказаній, сравнительно съ прошлымъ, осталось немного, было еще труднѣе защищать удержаніе этихъ остатковъ. Высшее число ударовъ, которое теперь можно примѣнять, 20 (число, которое прежде считалось бы не важнымъ для какого нибудь школьника, должно устрашать теперь взрослого здороваго человѣка. Большое значеніе розги сохранили по воинскому и дисциплинарному уставамъ для переведенныхъ въ разрядъ штрафованныхъ; но это спеціальное наказаніе, которое раздѣлитъ судьбу другихъ тѣлесныхъ наказаній, разъ они будутъ отмѣнены, и котораго не касаются защитники розогъ. Примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ само собой постепенно ограничивается, по крайней мѣрѣ по суду съ 6149 случаевъ въ 1870 г. оно дошло до 348 въ 1893 году). Споръ, слѣдовательно, идетъ о сравнительно небольшомъ по физическому значенію наказаніи, примѣненіе котораго вдобавокъ зависитъ отъ такой случайности, какъ счастливый жребій при отбываніи воинской повинности; розги по мѣткому замѣчанію одного изъ противниковъ ихъ земскаго начальника г. Чернова: «имѣютъ жертвами всѣхъ тѣхъ, кто и безъ того обиженъ судьбою: узкогрудыхъ, хромоногихъ или единственныхъ тружениковъ въ семьѣ, сыновей — одиночекъ и т. п.»¹⁾ Для оправданія тѣлесныхъ наказаній въ такой формѣ трудно подыскать подходящіе аргументы: защитники розогъ, какъ замѣчаетъ г. Обнинскій²⁾ опираются на то, что 1) нравственный уровень крестьянъ низокъ, что 2) тюрьма грозитъ раззореніемъ и развращаетъ попадающихъ въ нее и 3) вмѣстѣ съ этимъ связывается не совсѣмъ логично указаніе на то, что розги примѣняются къ окончательно испорченнымъ, потерявшимъ чувство стыда; не трудно видѣть, что 2 и 3 доказательства взаимно уничтожаютъ другъ друга: если сѣкутъ въ

¹⁾ Черновъ. набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи. Гжатскъ, 1895, стр. 71—72.

²⁾ Обнинскій, П. Розга, какъ карательная мѣра. Юр. Вѣстн. Май—Іюнь. стр. 48—69.

конецъ испорченныхъ, то имъ не можетъ повредить и тюремное заключеніе; если сѣкутъ въ исправительныхъ цѣляхъ, то это неправильно, такъ какъ розги уничтожаютъ чувство стыда и чести, которыя прежде всего нужно сохранить въ интересахъ исправленія. Точно также признаніе уровня крестьянской нравственности низкимъ не можетъ оправдать примѣненія къ нимъ наказанія еще болѣе понижающаго его, напротивъ оно требуетъ карательныхъ мѣръ, могущихъ дать совершенно иные результаты. Для поддержанія тѣлесныхъ наказаній, пришлось бы настаивать на положеніи, что русскій народъ менѣе сознаетъ ихъ позорность и тяжесть, чѣмъ дикія инородческія племена, изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, которымъ подвергается живущее вмѣстѣ съ ними русское населеніе, — этотъ печальный фактъ, унижающій коренное населеніе страны, и вызвалъ 1895 г. упомянутыя ходатайства Степнаго и Туркестанскаго генераль-губернаторовъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Защита розги, какъ наказанія, по суду или какъ дисциплинарной мѣры, представляется не болѣе какъ пережиткомъ прошлаго, служащимъ для сохраненія историческаго дѣленія на высшихъ и низшихъ, привилегированныхъ и непривилегированныхъ, рѣзко нарушающимъ основное начало равенства всѣхъ передъ закономъ. Съ этой точки зрѣнія протестъ противъ розогъ, въ какомъ бы то ни было числѣ ударовъ и для какого бы то ни было узкаго круга лицъ, имѣетъ несомнѣнно большое общественное и государственное значеніе.

Все изложенное приводитъ къ выводу, что въ настоящее время немыслимо расширеніе области примѣненія тѣлесныхъ наказаній, и что законодатель не можетъ уклониться съ пути, указываемаго ихъ вѣковой исторіей; такъ и происходитъ въ дѣйствительности, но, крайне медленно, въ формѣ постепенныхъ уступокъ духу времени, какъ это было и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Причемъ законодатель по прежнему ограничиваетъ тѣлесныя наказанія путемъ изъятій отъ нихъ и путемъ смягченія. Въ 1901 году число категорій изъятыхъ

по перечню, помѣщенному въ приложеніи къ ст. 30 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ равнялось 69¹⁾.

Категоріи изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній можно подраздѣлить на большія группы 1) изъятыхъ по состоянію (принадлежность къ указанному въ законѣ сословію, начиная съ потомственныхъ дворянъ (15 разрядовъ по 3 пункту Приложенія, 4 — по 4 пункту и 6 — по 5 пункту, всего 25 разрядовъ), 2) изъятыхъ по полученному образованію, или пребыванію въ учебныхъ заведеніяхъ, или по выдержанію установленныхъ экзаменовъ (25 разрядовъ по 5 пункту Приложенія). Сюда относятся всѣ высшія, среднія и нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія, уѣздныя, земледѣльческія и равныя съ ними училища 3) изъятыхъ по должностямъ, знакамъ отличія, и по удостоенію Высочайшаго благоволенія (6 разрядовъ по 5 пункту Приложенія), 4) изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній во время состоянія въ должностяхъ (12 разрядовъ по 6 пункту Приложенія), 5) изъятыхъ до лишенія правъ состоянія (пункты 7 и 8 Приложенія). Особо говорится въ Приложеніи объ изъятіи женщинъ и военнослужащихъ. Изъятіе престарѣлыхъ, достигшихъ 70 лѣтъ, устанавливается въ пунктѣ 5 Приложенія и, наконецъ, по пункту 10 — однодворцы Бессарабской губ. и мѣщане и крестьяне изъ однодворцевъ и гражданъ (бывшіе шляхтичи западныхъ губерній), могутъ быть наказаны тѣлесно только по суду.

Кромѣ того въ 1902 году были изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній «лица, окончившія курсъ художественно-промышленныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ, а также обучающіяся въ художественно-промышленныхъ училищахъ и школахъ» и «учителя и попечители церковныхъ школъ вѣдомства Православнаго Исповѣданія и воспитанники учительскихъ школъ этого вѣдомства какъ во время прохожденія ими курса въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и по окончаніи онаго²⁾».

¹⁾ Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г. Изд. Н. С. Таганцевымъ, изд. 11-ое, Спб. 1901, стр. 905 и сл.

²⁾ Высоч. утвѣрд. мнѣнія Государственнаго Совѣта (27 мая и 1 апрѣля 1902 г.).

Послѣднее изъятіе дѣлаетъ необходимымъ уравненіе съ церковными учительскими школами учительскихъ семинарій и безусловное изъятіе вообще народныхъ учителей, отъ позорнаго тѣлеснаго наказанія. Вопросъ объ этомъ былъ возбужденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія во время подготовительныхъ работъ по закону 17 апрѣля 1863 г. По мнѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія необходимо было пополнить пробѣлы законодательства объ изъятіяхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ «весьма многія лица, конечно, изъяты уже отъ тѣлеснаго наказанія, по вниманію къ ихъ образованію или службѣ, посвященной воспитанію юношества, но въ числѣ послѣднихъ не заключается еще однако учителей приходскихъ, начальныхъ, сельскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ, — лицъ по большей части не получившихъ образованія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и происходящихъ изъ свободныхъ податныхъ состояній, но тѣмъ не менѣе занимающихъ весьма важныя, по нравственному значенію, должности, въ особенности въ виду предпринятой нынѣ правительствомъ реформы въ устройствѣ сельскаго состоянія — реформы, требующей распространенія сельскихъ училищъ и привлеченія въ нихъ на службу учителей изъ состояній, неизъятыхъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія»¹⁾. Законодательное постановленіе объ изъятіи отъ тѣлесныхъ наказаній не окончившихъ уѣздныхъ или равныхъ имъ училищъ необходимо, несмотря на существованіе въ законѣ изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній народныхъ учителей, такъ какъ остается неяснымъ, пользуются ли они этой привилегіей только во время состоянія въ должности или и по оставленіи ея; въ пользу послѣдняго толкованія говоритъ то обстоятельство, что народные учителя помѣщены въ перечнѣ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній пожизненно, а не въ числѣ тѣхъ, которые изъяты на время состоянія въ должности²⁾.

¹⁾ Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отнѣнѣ наказаній тѣлесныхъ, стр. 150—151.

²⁾ Приложение къ 30 ст. Улож. о наказ. пунктъ 5, № 26; ср. пунктъ 6.

Въ 1900 г. было отмѣнено наказаніе бродягъ розгами, отъ 30 до 40 ударовъ, за ложное показаніе о своемъ званіи (952 ст. Улож. о наказ.) и наказаніе бродягъ изъ ссыльныхъ плетями, отъ 20 до 100 ударовъ, за тотъ же проступокъ (452 ст. Уст. о ссыльныхъ) ¹⁾.

Важнѣйшее смягченіе въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній послѣ 1863 г. было сдѣлано отмѣной плетей, сохранившихся въ качествѣ обломка прежней системы устрашенія для ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ, совершающихъ новыя преступленія, какъ противъ лицъ, относительно которыхъ считались исчерпанными всѣ другія карательныя мѣры. Но оставленіе плетей въ качествѣ наказанія по крайней мѣрѣ для женщинъ признавалось уже въ 60 годахъ временной, исключительной мѣрой, слишкомъ противорѣчащей правосознанію и нравственному чувству. Еще въ 1867 г. Государственный Совѣтъ, разсматривая записку объ отмѣнѣ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ, постановилъ «для признаваемаго необходимымъ безотлагательнаго изыятія ссыльныхъ женскаго пола отъ тѣлесныхъ наказаній предоставить министру внутреннихъ дѣлъ свои по сему предмету соображенія» ²⁾.

Въ 1871 г. для обсужденія этого вопроса была образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Сабурова, въ 1874 г. закончившая свою работу представленіемъ мнѣнія о желательности замѣнить тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ женщинъ одиночнымъ заключеніемъ. Въ виду несогласія съ этимъ мнѣніемъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ кн. Урусова, дѣло не получило дальнѣйшаго движенія. Въ 1890 г. была образована новая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Шрейбера ³⁾, результатомъ работъ которой и было изданіе закона 1893 г.; по этому закону отмѣна тѣлесныхъ наказаній для женщинъ стала совершив-

---

¹⁾ Высоч. утвержд. мнѣніе Госуд. Совѣта объ отмѣнѣ ссылки 10 іюня 1900 г. Собраніе узак. и расп. 1900, № 67; 1509.

²⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта, 101, 1869 г.

³⁾ Таганцевъ. Русское Уголовное Право т. II стр. 1016.

шимся фактомъ: Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено, что женщины, присужденныя къ ссылке въ каторжныя работы или на поселеніе, какъ во время препровожденія ихъ къ мѣстамъ назначенія, такъ и въ мѣстѣ ссылки не подлежатъ ни тѣлесному наказанію плетью, лозами или розгами, ни прикованію къ телѣжкѣ. Женщины, осужденныя на безсрочныя каторжныя работы, содержатся въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ, но менѣе тяжелыхъ, которые могутъ быть снимаемы по медицинскому свидѣтельству по болѣзни съ разрѣшенія тюремнаго начальства. Тѣлесныя наказанія для женщинъ замѣняются содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ особомъ отдѣленіи тюрьмы съ прекращеніемъ всякаго сообщенія съ другими содержимыми (не свыше 50 дней), съ отпускомъ горячей пици черезъ 3 дня въ четвертый, наложеніемъ ножныхъ оковъ на срокъ до 1 года на ссыльно-каторжныхъ.

Наказаніе же плетью для ссыльныхъ мужчинъ считалось во время изданія закона 1893 г. въ подлежащихъ вѣдомствахъ полезнымъ наказаніемъ, подходящимъ для «обузданія» ссыльныхъ и нуждающимся только въ нѣсколькихъ поправкахъ, которыя бы содѣйствовали увеличенію его результатовъ. Поэтому въ 1894 г. министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ министру юстиціи съ отношеніемъ слѣдующаго содержанія: «ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы за побѣги и другія преступленія подвергаются установленному для нихъ 437—439 и 445 ст. Устава о ссыльныхъ наказанію плетью по доставленіи на мѣсто ссылки или въ каторжную тюрьму, назначенную имъ для отбытія наказанія; то же самое соблюдается и относительно бродягъ (452 ст. Уст. о ссыльныхъ). Между тѣмъ подобное наказаніе... не только не способствуетъ предупрежденію или сокращенію числа побѣговъ, но напротивъ приводятъ къ совершенно отрицательнымъ результатамъ... Главнѣйшею причиною является... что виновные въ побѣгахъ бродяги, ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы, для которыхъ наказаніе плетью, какъ это дознано опытомъ, составляетъ почти исключительную мѣру устрашенія, знаютъ, что... нака-

занію этому они подвергнутся не прежде доставленія на мѣсто работъ или водворенія и потому, дабы избавиться отъ угрожающаго имъ тѣлеснаго наказанія совершаютъ въ пути слѣдованія къ симъ мѣстамъ новыя побѣги... Не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе соотвѣтственнымъ средствомъ... было бы измѣненіе (478 ст. У. о. сс.) дѣйствующаго порядка въ томъ смыслѣ... чтобы они подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ въ мѣстахъ задержанія или совершенія преступленій... Въ частности мѣра эта, вызываемая настоятельною необходимостью обузданія ссыльныхъ и огражденія населенія отъ разнаго рода преступныхъ дѣйствій, повліяла бы и на уменьшеніе бродячества»...¹⁾.

Однако, въ виду явной невозможности исполнять наказаніе плетью въ Европейской Россіи, статсъ-секретарь Дурново высказалъ свое мнѣніе въ дополненіе къ вышеприведенному отношенію, по которому, хотя и признавалъ, что «приведеніе сего наказанія въ дѣйствіе тотчасъ по вступленіи приговора въ законную силу, достигло бы несомнѣнно съ болѣею дѣйствительностью преслѣдуемую закономъ цѣль — устрашенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и удержанія отъ побѣговъ разныхъ категорій ссыльныхъ... Тѣлесное наказаніе назначается и выполняется въ цѣляхъ чувственнаго побужденія рецидивистовъ къ воздержанію отъ новыхъ преступленій... Но имѣя въ виду, что тѣлесное наказаніе по судебнымъ приговорамъ въ предѣлахъ Европейской Россіи отошло уже почти въ область прошлаго и, сохраняясь лишь въ видѣ мѣры исключительной, ожидаетъ своего окончательнаго упраздненія, что примѣненіе его удерживается... по преимуществу въ обѣихъ частяхъ Сибири, что... исполненіе тамъ его въ будущемъ не можетъ встрѣтить никакихъ практическихъ неудобствъ, тогда какъ въ Европейской Россіи, гдѣ несомнѣнно забыта уже и форма плетей, обращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ породило бы массу затрудненій не только въ самомъ его процессѣ, но и въ пріисканіи способовъ къ выполненію онаго».

---

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Департам. Гражд. 1894 г. № 188.

По этимъ соображеніямъ статсъ-секретаремъ Дурново и было сдѣлано предложеніе выполнять наказаніе плетью въ Сибири, — въ мѣстахъ осужденія, въ Европейской же Россіи наказанія не исполнять, а назначить для этого, какъ наиболѣе удобное мѣсто — Тюмень. Въ такой формѣ предложеніе было принято Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утверждено ¹⁾).

Наказаніе плетью оказалось, однако, настолько несоотвѣтствующимъ современнымъ взглядомъ на наказаніе, что, какъ явствуетъ изъ сообщенія министерства юстиціи, министръ «за послѣднее время повергалъ на Монаршее милосердное благовозврѣніе всѣ состоявшіеся о ссыльныхъ судебныя приговоры, присуждавшіе ихъ къ тягчайшимъ видамъ тѣлесныхъ наказаній, и Государю Императору благоугодно было освобождать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ссыльныхъ отъ означенныхъ наказаній». Такимъ образомъ наказаніе фактически перестало примѣняться и, наконецъ, въ 1901 г. было Высочайше повелѣно приступить къ обсужденію вопроса объ отмѣнѣ тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ, такъ какъ «сложная система наказаній по Уставу о ссыльныхъ, являющемуся одною изъ наиболѣе устарѣлыхъ частей нашего законодательства, представляется весьма суровою и не отвѣчающею современнымъ пенитенціарнымъ задачамъ. Поэтому и вслѣдствіе состоявшейся уже, согласно закону 10 іюня 1900 г. отмѣны ссылки на поселеніе, какъ самостоятельнаго наказанія за общія преступленія и предстоящихъ введенія въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія, переустройства каторги и слѣдующаго за нею поселенія, означенный уставъ подлежитъ въ близкомъ будущемъ коренному пересмотру» ²⁾).

Отмѣна плетей была осуществлена закономъ 2 іюня 1903 г.; одновременно съ плетью отмѣнены наказанія лозами, прикованье къ телѣжкѣ и бритье головы. Взамѣнъ этого устано-

¹⁾ Выс. утвержд. мнѣніе Государ. Совѣта 13 февр. 1895 г.

²⁾ Объ отмѣнѣ тягчайшихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ. Журн. Мин. Юст. 1902, № 1.

влено увеличеніе строгости наказанія (содержаніе въ разрядѣ испытуемыхъ) и введено одиночное заключеніе ¹⁾.

Сверхъ указанныхъ смягченій въ 1901 г. было уменьшено дисциплинарное тѣлесное наказаніе для содержащихся въ арестантскихъ исправительныхъ отдѣленіяхъ ²⁾. Въ результатѣ всѣхъ изыятій и смягченій тѣлесныхъ наказаній изъ нихъ уцѣлѣли въ настоящее время розги и наложеніе оковъ. Наказанія эти примѣняются для неизыятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ непривилегированныхъ сословіи а) по приговорамъ волостныхъ судовъ, б) въ качествѣ дисциплинарной мѣры въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, в) по уставу о ссыльныхъ, д) въ войскахъ къ переведеннымъ въ разрядѣ штрафованныхъ и содержащимся въ дисциплинарныхъ баталіонахъ.

Наряду съ этими постоянными ограниченіями области примѣненія тѣлесныхъ наказаній не могъ сойти со сцены и вопросъ объ ихъ окончательной отмініи, поставленный закономъ 17 апрѣля 1863 г.: чѣмъ меньше остается тѣлесныхъ наказаній, тѣмъ менѣе основанийъ ихъ удерживать. Редакціонная Комиссія по составленію новаго уложенія и предполагала «полную отміну тѣлеснаго наказанія» и стремилась «къ проведенію въ проектѣ уголовного уложенія начала равной отвѣтственности всѣхъ передъ закономъ, обусловленной не принадлежностью къ тому или другому сословію, а индивидуальной обстановкою и особенностями виновности» ³⁾.

Но предположенія Комиссіи объ отмініи тѣлесныхъ наказаній не получили осуществленія. Государственный Совѣтъ только «предоставилъ министру юстиціи выработать и внести на уваженіе законодательной власти предположенія по ряду другихъ вопросовъ, равнымъ образомъ находящихся въ непосредственной связи съ изданіемъ новаго уголовного уложенія.

---

¹⁾ Высочайше утвержденное мнѣніе Государ. Совѣта 2 іюня 1903. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1903, № 60; 679.

²⁾ Высоч. утвержд. мнѣніе Госуд. Совѣта. Собраніе узак. и расп. 1901, 23. V.

³⁾ Уголовное уложеніе. Проектъ редакціонной Комиссіи и объясненія къ нему. Т. I, глава I, 1897 г., стр. 10.

...Таковы между прочимъ ... о пересмотрѣ въ томъ же направленіи (примѣнительно къ новому уложенію) перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній¹⁾.

VII.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ ихъ появленія до настоящаго времени охватываетъ многовѣковъ періодъ, представляющій полную картину ихъ роста, господства и вымиранія. Возникновеніе тѣлесныхъ наказаній правильнѣе всего, какъ мы видѣли выше, отнести къ эпохѣ до татарскаго ига, когда они примѣнялись, главнымъ образомъ, къ несвободнымъ и были наказаніемъ, къ которому, какъ видно изъ договора Новгорода съ Любекомъ, свободное населеніе относилось отрицательно (стр. 68).

Въ эту эпоху, слѣдовательно, тѣлесныя наказанія только начали входить въ число наказаній и при соответствующихъ условіяхъ, благодаря усилению княжеской власти, появленію государственныхъ наказаній и воздѣйствию началъ греко-римскаго права, они могли постепенно получить болѣе широкое распространеніе, какъ это и было на западѣ. Этотъ періодъ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи имѣлъ значительное сходство съ ихъ исторіей у германскихъ народовъ (см. стр. 15), и тамъ тѣлесныя наказанія примѣнялись, главнымъ образомъ, къ несвободнымъ и распространялись по мѣрѣ усиленія государственной власти, исчезновенія родового быта и подъ вліяніемъ римскихъ правовыхъ началъ. Можно сказать, что распространеніе тѣлесныхъ наказаній въ это время въ Россіи, какъ и на западѣ, происходило естественно, въ силу общихъ условій государственнаго и общественнаго строя.

Но дальше сходство между Россіей и западными народами теряется—у послѣднихъ тѣлесныя наказанія распространялись подъ вліяніемъ исключительно внутреннихъ факторовъ, въ Россіи прибавилась очень важная внѣшняя сила—татарское иго,

---

¹⁾ Правительственное Сообщеніе. Б. В. 1903 г., № 236.

что и обусловило коренное различіе въ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи и на западѣ. На западѣ тѣлесныя наказанія примѣнялись къ низшимъ классамъ, были внѣшнимъ признакомъ ихъ подчиненнаго положенія; критическое отношеніе къ нимъ, признаніе ихъ позорными, поэтому въ большей или меньшей степени всегда существовало, и по мѣрѣ того какъ низшія сословія добивались политическихъ правъ, по мѣрѣ того какъ росло ихъ экономическое благосостояніе и культура, тѣлесныя наказанія ограничивались въ примѣненіи и вымиралі. На западѣ область примѣненія тѣлесныхъ наказаній была ограничена, и вымираніе ихъ въ силу различныхъ условій, важнѣйшими изъ которыхъ являются признаніе правъ личности, развитіе культуры и измѣненіе взглядовъ на наказаніе, началось въ первой половинѣ XVII стол. (членовредительныя наказанія).

Со времени французской революціи былъ поставленъ уже вопросъ о полномъ несоотвѣтствіи тѣлесныхъ наказаній съ правовымъ государственнымъ строемъ и культурнымъ состояніемъ европейскихъ народовъ, и съ конца XVIII стол. началась ихъ отмѣна, во многихъ государствахъ уже законченная въ настоящее время.

Въ Россіи въ силу новыхъ условій, сложившихся на почвѣ татарскаго ига, тѣлесныя наказанія распространились на всѣхъ безъ изыятія духовныхъ и свѣтскихъ подданныхъ Московскаго государства, которое, по замѣчанію проф. Сергѣевского относительно XVII вѣка, «вовсе не придавало самостоятельнаго значенія личности и ея интересамъ; личность челоуѣка сама по себѣ, внѣ ея отношенія къ государственнымъ въ тѣсномъ смыслѣ интересамъ, не имѣла ровно никакого значенія»¹⁾.

Вслѣдствіе этого при грубости нравовъ и при стремленіи устрашить, обезпечить порядокъ грозными наказаніями «безъ пощады», и «безъ всякаго милосердія», не заботясь объ интересахъ преступниковъ и стараясь извлечь изъ нихъ возможную пользу и выгоды внѣшними способами, и образовалась система

---

¹⁾ *Сергѣевскій*,—Наказаніе, стр. 23.

наказаній, въ которой тѣлесныя наказанія играли такую же выдающуюся роль, какъ и въ восточныхъ деспотіяхъ, что вызывало общее удивленіе иностранцевъ и придавало русскому правосудію своеобразный отпечатокъ.

Апогея господства тѣлесныя наказанія (болѣзненные, такъ какъ членовредительныя наказанія въ эту эпоху выходили изъ употребленія за исключеніемъ рванья поздрей) достигло въ первой половинѣ XVIII стол., когда со времени Петра Великаго власть совершенно перестала сдерживаться старыми обычаями и порядками. Въ эту эпоху появились новыя болѣзненныя тѣлесныя наказанія (шпицрутены, линьки), и до крайнихъ предѣловъ дошла ихъ жестокость (см. стр. 88). Такое положеніе дѣлъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока проникновеніе въ высшіе классы европейской культуры, знакомство съ положеніемъ высшихъ классовъ на западѣ и западными взглядами на позорность тѣлесныхъ наказаній, не вызвали ограниченія тѣлесныхъ наказаній. Начало этого ограниченія въ формѣ признанія позорности кнута, самаго тяжелаго тѣлеснаго наказанія, исполняемаго рукою палача, относится также къ эпохѣ Петра I, такъ что зачатки движенія противъ тѣлесныхъ наказаній появились въ періодъ ихъ наибольшаго распространенія, съ введеніемъ при Петрѣ Великомъ наказаній, лишающихъ чести въ европейскомъ смыслѣ (шельмованіе). Постепенно стало также замѣчаться и сознаніе чрезмѣрной жестокости тѣлесныхъ наказаній, но крайней мѣрѣ, кнута.

Такимъ образомъ, намѣтился путь вымиранія тѣлесныхъ наказаній посредствомъ изытаній и смягченія ихъ. Высшіе классы (дворянство и болѣе состоятельное купечество), сознавая позорность и тяжесть тѣлесныхъ наказаній, стремились къ освобожденію отъ нихъ—идея изытанія отъ тѣлесныхъ наказаній высшихъ классовъ ясно проходитъ въ проектѣ уголовного уложенія 1754 г., вполне опредѣленно высказывается комиссіей 1763 г., редакціоннымъ проектомъ уложенія 1766 г., осуществляется въ эту эпоху въ судебной практикѣ и получаетъ законодательное выраженіе въ жалованной грамотѣ 1785 г. Съ этого времени русскіе подданные раздѣлились на 2 класса

подлежащих и не подлежащих тѣлеснымъ наказаніямъ, при чемъ принадлежность къ первому разряду непривилегированныхъ означала и приниженное, неполноправное соціальное и политическое положеніе.

Образованіе привилегій изъятія было равносильно признанію русскимъ закономъ, какъ это было и въ западной Европѣ, всѣхъ тѣлесныхъ наказаній позорными и возбудило естественное желаніе во всѣхъ, имѣющихъ какое нибудь значеніе группахъ населенія, освободиться отъ него ¹⁾. Правитель-

¹⁾ Проф. Сергѣевскимъ было высказано мнѣніе, что въ русскомъ правѣ освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній высшихъ сословій произошло по инымъ основаніямъ, чѣмъ на западѣ, не какъ сословная привилегія, а по служебнымъ соображеніямъ. «При Петрѣ Великомъ, говоритъ онъ, впервые высказывается мысль, что тѣлесныя наказанія, производимыя рукою палача, палачають..., позоръ, дѣлающій невозможнымъ возвращеніе... на прежнюю высоту сословно — служебнаго положенія... Отсюда съ одной стороны устраненіе отъ государственной службы и сословныхъ преимуществъ лицъ, наказанныхъ палачомъ, а съ другой — освобожденіе отъ такихъ наказаній лицъ высшаго служебнаго положенія, дабы не лишаться наличнаго запаса служебныхъ силъ. Вотъ путь, начатый Петромъ Великимъ и закончившійся полнымъ освобожденіемъ высшихъ сословій отъ тѣлеснаго наказанія во второй половинѣ XVIII вѣка. ... здѣсь заключается типичная особенность нашего права: все движеніе началось не съ точки зрѣнія сословныхъ привилегій (какъ на западѣ), а съ точки зрѣнія совершенно другихъ соображеній о пользахъ государственной службы». Н. Д. Сергѣевскій. Разборъ изслѣдованія А. Филиппова о наказаніи по законодательству Петра Великаго. Сиб. 1894, стр. 16—17. Съ положеніемъ, что со времени Петра Великаго кнутъ сталъ позорнымъ наказаніемъ и дѣлалъ неизбѣжнымъ какъ устраненіе отъ государственной службы (военной) и сословныхъ преимуществъ, такъ и освобожденіе высшихъ классовъ отъ наказанія имъ, можно вполне согласиться. Но нельзя согласиться съ выводомъ проф. Сергѣевскаго, что изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній стали даваться не какъ на западѣ по сословіямъ, а изъ соображеній о пользахъ государственной службы. Характеръ изъятій въ XVIII стол. былъ несомнѣнно сословный; служебныя соображенія не были главной причиной появленія изъятій, а были, какъ указываетъ и самъ проф. Сергѣевскій, послѣдствіемъ признанія кнута позорнымъ. Петръ I, вводя лишеніе чести, имѣлъ въ виду не только службу; шельмованные исключались вообще «въ число добрыхъ и вѣрныхъ людей», ихъ запрещалось «допускать въ компанію» и «ни

ство, выходя изъ признанія позорности и тяжести тѣлесныхъ наказаній, — удовлетворяло эти желанія, увеличивало постоянно число привилегированныхъ, которое росло по мѣрѣ того, какъ дальше проникала культура и затрогивала болѣе широкіе круги населенія. Сначала было освобождено дворянство и высшіе городскіе классы, затѣмъ духовенство. Сословныя изытія стали недостаточными, въ эпоху, когда среди непривилегированныхъ сословій оказались лица, такъ или иначе приблизившіяся къ высшимъ сословіямъ по образованію, положенію т. п., и привилегія изытія стала даваться, независимо отъ принадлежности къ тому или другому сословію, по полученному образованію, по должности, по знакамъ отличія, по полу и т. д. Такимъ путемъ продолжается сокращеніе примѣненія тѣлесныхъ наказаній и въ наше время.

въ какое дѣло, ниже свидѣтельство не принимать», лишеніе права служить было естественнымъ послѣдствіемъ лишенія чести позора, а не его причиной. То же и относительно наказанія кнутомъ рукой палача: оно по взгляду Петра I налагало позоръ — однимъ изъ послѣдствій этого позора было исключеніе изъ такой почетной службы, какой была тогда военная, но служба не была причиной признанія кнута позорнымъ. Служебные интересы имѣли только то значеніе, что для ихъ охраны кнутъ, когда онъ былъ признанъ позорнымъ, замѣнился въ войскахъ шпирцутенами. Слѣдовательно, въ первый моментъ признанія позорности тѣлесныхъ наказаній, преслѣдовалась общая цѣль, а не имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, интересы государственной службы. И при Петрѣ Великомъ отъ тѣлесныхъ наказаній освобожденіе давалось не только по службѣ, но также и по положенію въ обществѣ, напр. въ 1708 г. было предписано со знатныхъ за неявку на службу брать штрафъ, малознатнымъ, кромѣ штрафа, чинить наказаніе. Послѣ Петра I сословный характеръ изытія сказывается очень ясно: въ проектахъ 1754—1766 г. г. вездѣ говорится о состоящихъ въ рангахъ, дворянахъ и купцахъ; наконецъ, въ проектѣ о правахъ состояніи 1766 г. и въ докладѣ коммиссіи 1763 г. освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній разсматривается, какъ одна изъ основныхъ сословныхъ привилегій, внѣ всякой зависимости отъ служебныхъ интересовъ. То же подтверждается и грамотами 1785 г. Изытія давались не служащимъ только, а вообще наиболѣе вліятельнымъ классамъ населенія. Да и во время, когда эти сословія освобождались отъ всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, службѣ въ арміи препятствовало лишь тѣлесное наказаніе рукою палача, и не было надобности освобождать ради ея интересовъ отъ всѣхъ тѣлесныхъ наказаній.

Смягченіе тѣлесныхъ наказаній происходило сначала преимущественно вслѣдствіе желанія сохранить работоспособность преступника, извлечь изъ него пользу для государства; таково было важное основаніе для отмѣны членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній, къ которому присоединились впоследствии и соображенія гуманности. Благодаря желанію охранить интересы военной службы имѣло значеніе для смягченія тѣлесныхъ наказаній и признаніе ихъ позорности: кнутъ со времени Петра Великаго пересталъ примѣняться къ военнослужащимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаннаго желали оставить въ рядахъ арміи, и былъ замѣненъ шпицрутенами и плетью. Мысль о пользѣ преобладала въ эпоху, когда только что стало замѣчаться критическое отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ; впоследствии смягченіе ихъ вызывалось по большей части соображеніями челоуѣчности, противорѣчіемъ тѣлесныхъ наказаній съ установившимися въ обществѣ воззрѣніями и вызываемаго ими болѣе снисходительнаго отношенія къ преступнику, подъ вліяніемъ измѣнившихся съ ростомъ культуры соціальныхъ и политическихъ условій. Но до царствованія Александра II въ русскомъ законодательствѣ не являлось еще сознанія непригодности тѣлесныхъ наказаній вообще, самая карательная система считалась правильной, признавалось лишь необходимымъ дѣлать нѣкоторыя поправки, устранять то, что слишкомъ рѣзко противорѣчило новымъ взглядамъ и требованіямъ. Въ этомъ направленіи русское законодательство шло медленно, не предвидя логическаго конца своихъ мѣропріятій и не желая его. Такъ, было отмѣнено рванье поздрей, кнутъ и сдѣланы нѣкоторыя другія смягченія (стр. 122). Это направленіе законодательства было понятнымъ при существованіи сословнаго полицейскаго государства, покоившагося на крѣпостномъ правѣ, до отмѣны котораго и удержались тѣлесныя наказанія, хотя со значительными изытіями и смягченіями. До освобожденія крестьянъ, такимъ образомъ, т. е. до начала шестидесятихъ годовъ XIX столѣтія не ставилось вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, начавшейся на западѣ, какъ сказано, со времени французской революціи. Послѣ освобож-

денія крестьянъ, когда дѣленіе на привилегированныхъ и непривилегированныхъ потеряло свое главное основаніе, вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ также долженъ былъ разсматриваться иначе, чѣмъ прежде; и въ комитетѣ о пересмотрѣ тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ впервые возникло предположеніе объ ихъ полной отмѣнѣ, которая и была признана желательной. Тѣлесныя наказанія сохранились, однако, благодаря вліянію старыхъ взглядовъ и послѣ реформы 1863 г., хотя по чисто внѣшнимъ и временнымъ основаніямъ, (нежеланіе колебать только что изданное положеніе о сельскомъ состояніи, недостатокъ мѣстъ заключенія). Но вопросъ существованія ихъ казался рѣшеннымъ и только отложеннымъ, почему и было высказано мнѣніе о необходимости, по крайней мѣрѣ, назначить срокъ для окончанія реформы (стр. 166). Время оправдало эту предусмотрительность и на практикѣ доказало значеніе отсрочекъ до устраненія затрудненій и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ тѣлесныя наказанія продолжаютъ существовать и теперь.

Эпоха великихъ реформъ быстро прошла, наступила эпоха реакціи, и законодательство о тѣлесныхъ наказаніяхъ снова начало ограничиваться частичными поправками. Такъ какъ отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ уже вполне опредѣлилось, недостатки и неудобства ихъ въ послѣдніе годы сказываются яснѣе чѣмъ когда либо, и возвращеніе къ прошлому стало совершенно невозможнымъ, — законодательство, послѣ нерѣшительной попытки 1889 г. расширить примѣненіе тѣлеснаго наказанія, окончательно перешло на старый путь изытаній и смягченій (стр. 177). Такимъ образомъ, періодъ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи съ 1863 г. въ извѣстной степени напоминаетъ ихъ исторію въ Германіи и Австріи съ конца 40 годовъ (стр. 41) и объясняется воздѣйствіемъ подобныхъ же политическихъ и общественныхъ теченій.

Виды тѣлесныхъ наказаній въ
русскомъ правѣ.

УПРАВЛЕНИЕ

ВЫДАН ТИШЕЧНО В НАКАЗАНІИ ВР
ВЪСКОМЪ ПРАВЕ.

ГЛАВА I.

Членовредительныя наказанія и клейменіе.

I.

Членовредительныя наказанія, довольно широко примѣнявшіяся въ Россіи, служили не только цѣлямъ устрашенія, возмездія и обезвреженія преступника, но и безопасности. Въ наказаніяхъ, преслѣдовавшихъ преимущественно первую цѣль, поражались наиболѣе важныя органы человѣческаго тѣла, эти наказанія были сопряжены съ тяжкими физическими страданіями. Членовредительныя наказанія, имѣвшія въ виду послѣднюю цѣль, заключая въ себѣ извѣстное страданіе, направлялись, главнымъ образомъ, на выдѣленіе преступника неустранимыми признаками, такъ чтобы всегда можно было судить о степени представляемой имъ опасности. Примѣненіе членовредительныхъ наказаній съ этимъ характеромъ объяснялось отсутствіемъ у государственной власти средствъ иначе отличить важныхъ нарушителей общественнаго порядка, рецидивистовъ, лицъ, сдѣлавшихъ изъ преступленія промыселъ, и потребностью въ знакѣ, который преступникъ носилъ бы всегда на себѣ, на своемъ тѣлѣ.

Изъ членовредительныхъ наказаній первой группы, весьма разнообразныхъ, въ Россіи были извѣстны: 1) ослѣпленіе, — можетъ быть самое жестокое членовредительное наказаніе, — въ отличіе отъ западно-европейскаго права не упоминается непосредственно въ качествѣ карательной мѣры ни однимъ русскимъ законодательнымъ памятникомъ. Въ Уложеніи 1649 года оно допускалось лишь по статьѣ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, наказанія за которыя законъ опредѣлялъ по началу матеріальнаго таліона, предписывая учинить то же тому, кто... «отсѣчетъ руку или ногу, или носъ, или ухо, или губы

обрѣжетъ или глазъ выколеть»; до насъ не дошло ни одного приговора, заключающаго въ себѣ примѣненіе этой статьи Уложенія, вѣроятно, если она и выполнялась на дѣлѣ, то весьма рѣдко.

Ослѣпленіе въ Россіи встрѣчалось, не какъ наказаніе, а какъ мѣра политической безопасности, или актъ личной мести: въ тѣхъ случаяхъ, когда находили ненужнымъ или неудобнымъ лишать жизни противника и въ то же время считали необходимымъ сдѣлать его развѣ навсегда безвреднымъ (расчетъ на послѣднее, однако, не всегда оправдывался: ослѣпленные враги оказывались сильными и грозными, несмотря на отсутствіе зрѣнія). Подобные примѣры ослѣпленія изъ политическихъ видовъ или мести даютъ лѣтописи, начиная съ XI вѣка: въ 1068 г. Мстиславъ Изяславичъ, возвратившись въ Кіевъ изъ изгнанія, многихъ враговъ своихъ изсѣкъ, другихъ ослѣпилъ. Въ 1098 г. былъ ослѣпленъ кн. Василько. Въ 1177 г. владимірцы выкололи глаза двумъ захваченнымъ ими въ плѣнъ рязанскимъ князьямъ; въ томъ же году бояре требовали у великаго кн. Всеволода ослѣпленія или смерти его враговъ, плѣнныхъ суздальцевъ и ростовцевъ. Въ 1446 г. Василий Темный, самъ лишенный зрѣнія въ междоусобной борьбѣ, ослѣпилъ двухъ враждебныхъ ему князей¹⁾.

Въ XVII в. встрѣчались также случаи ослѣпленія государственныхъ преступниковъ: есть извѣстіе, что въ царствованіе Шуйскаго Болотникову съ 2 товарищами до смертной казни были выколоты глаза. Коллинсъ сообщаетъ также, что иногда выкалывали глаза у бунтовщиковъ и потомъ ссылали²⁾. Болѣе позднихъ извѣстій объ ослѣпленіи не имѣется.

---

¹⁾ *Погодинъ*, о. с. стр. 1257, 1258. *Будановъ*, Хрестоматія, стр. 101. Пол. Собр. лѣтописей т. I, 3. *Ипатьевская лѣтопись*, годъ 6653, т. VII. *Воскресенскій списокъ*. ст. 95. *Карамзинъ*, т. VI. стр. 123. т. V. стр. 126. *Соловьевъ*, т. II. стр. 55. т. VI. стр. 64 и 68.

²⁾ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. 1649 г. XXII, гл. 10. *Бояринъ и воевода кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій*. Р. Арх. 1889 г., кн. 2, стр. 478. *Коллинсъ*, С. Ныѣшнее состояніе Россіи. Чтенія, 1846, I, стр. 23.

2. Вырѣзаніе языка, вызванное желаніемъ покарать виновнаго по строгимъ началамъ возмездія, назначалось за преступленія, совершаемыя словомъ. Оно употреблялось: а) за «непристойныя» слова, касавшіяся личности государя или побуждавшія къ возмущенію. Еще Иванъ III грозилъ вырѣзать языкъ Татищеву, но былъ упрощенъ митрополитомъ; въ XVI в. (1545 году) у Афанасія Бутурлина былъ отрѣзанъ языкъ за «невѣжливыя слова». Нѣсколько подобныхъ приговоровъ дошло до насъ отъ XVII вѣка. Въ 1700 г. былъ урѣзанъ языкъ у женщины, распространявшей извѣстіе, что Петръ побилъ въ церкви генеральскую жену. Самое позднее указаніе на примѣненіе этой кары относится къ 1743 г., когда въ царствованіе Елизаветы были вырѣзаны языки у Лопухиной и Бестужевой за злодѣйскій умыселъ противъ ея Величества ¹⁾; б) для наказанія еретиковъ. Въ 1505 г. одному изъ секты жидовствующихъ Некрасу Рукавову «урѣзали» языкъ передъ сожженіемъ ²⁾. Точно также въ XVII в. лишались языка «за противность и ругательство св. церкви»; языки вырѣзали у раскольниковъ, напр., у протопопа Аввакума и его трехъ сотоварищей. Въ Уложеніи 1649 г. вырѣзаніе языка не назначалось непосредственно, но къ ст. 10, гл. XIV прибавлена справка о томъ, что царя Льва Премудраго новая заповѣдь 72 повелѣваетъ за лжесвидѣтельство «языка урѣзати», само же Уложеніе опредѣляетъ за названное преступленіе только «жестокое наказаніе», т. е. кнутъ.

¹⁾ *Соловьевъ*, т. V. стр. 173. Полн. Собр. Лѣтоп. т. VIII. отд. 4. годъ 6996. Р. Стар. 1875. т. XIII. стр. 146. Акты, собран. археографической экспедиціей, т. IV. № 51. 1651 г. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ № 201. Приговоръ 1689 г. О мятежахъ. Чтенія, 1890 г. кн. 3. стр. 244. П. С. З. 362 г. 1664 г. 8773 г. 1743. *Есиповъ*, Г. Государево слово и дѣло. Др. и Нов. Россія, 1880 г. Янв.—Апр. стр. 782—783. *Колчинъ*. Ссылные и заключенные въ Соловецкомъ монастырѣ. Рус. Стар. 1887 г. стр. 361. *Чистовичъ*, И. Дѣло о богопротивныхъ сборищахъ и дѣйствіяхъ. Чтенія, 1887 г. стр. 67. *А. П. Волынкій*. Рус. Стар. 1885 г., т. 48. стр. 184.

²⁾ Пол. Собр. Лѣтописей, VIII, 2, годъ 7013.

Самая процедура вырѣзанія языка состояла въ томъ, что у осужденнаго, посаженнаго на скамью, палачъ вытягивалъ языкъ клещами и затѣмъ отрѣзалъ, обыкновенно, не весь языкъ, а часть до половины, поэтому иногда люди съ отрѣзаннымъ языкомъ были въ состояніи говорить болѣе или мѣнѣе ясно. Здѣсь значительную роль играло усмотрѣніе исполнителей наказанія. Передаютъ, что Лопухиной (1743 г.), которая сопротивлялась палачамъ, языкъ былъ вырѣзанъ почти до половины, напротивъ Бестужевой, задобрившей палача, отрѣзали только кончикъ языка ¹⁾.

Со времени Петра I въ Россіи стало употребляться и прожженіе языка каленымъ желѣзомъ. Военскій артикулъ назначаетъ его за хулу имени Божьяго (Гл. I, ар. 3). О прожженіи языка и за другія преступленія (лихоимство) сообщаетъ въ своихъ запискахъ датчанинъ Фоккеродтъ ²⁾.

3. Отсѣченіе руки было общераспространеннымъ членовредительнымъ наказаніемъ, существовавшимъ повсемѣстно, оно чаще другихъ примѣнялось и въ Россіи. Уже подъ 1462 г. мы находимъ въ лѣтописи сообщеніе, что сторонникамъ кн. Василія Ярославовича отсѣкали руки, но въ это время еще членовредительныя наказанія, какъ можно предположить, были исключительною карою, по крайней мѣрѣ, лѣтописецъ отмѣчаетъ по этому поводу, что великій князь повелѣлъ казнить «казню незнаемую», т. е., вѣроятно, до тѣхъ поръ неизвѣстную, неупотребительную. Позже, въ 1533 году, въ Москвѣ отсѣкали руки за порчу денегъ.

Объ отсѣченіи руки впервые упоминаютъ Судебники и Губныя грамоты, послѣднія угрожаютъ имъ за кражу, то же подтверждается и выпиской изъ постановленій о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ, относящейся къ XVI или къ самому

---

¹⁾ Н. О. Лопухина. Русск. Стар. 1874, 11 стр. 196. Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, изд. А. Кистяковскаго. Кіевъ, 1879 г. VIII, Ар. 9, 1.

²⁾ Россія при Петрѣ Великомъ по рукописи извѣстнаго Іоанна Готлиба Фоккеродта. Чтенія, 1874: апрѣль—іюнь, стр. 30.

началу XVII столѣтія¹⁾. Болѣе опредѣленные данныя имѣются относительно XVII стол. По Уложенію 1649 г. отсѣченіе руки назначено за нанесеніе ранъ на государевомъ дворѣ, если раненый «обможется», за обнаженіе оружія при государѣ, за покушеніе на убійство господина, за подлоги, третью татбу на государевомъ дворѣ, или за ложное обвиненіе въ этомъ преступленіи, за кражу лошади на службѣ и за нѣкоторыя другія преступленія. Указы расширяютъ область примѣненія этого наказанія и на другія правонарушенія, напр. на корчемство и участіе въ денежномъ воровскомъ дѣлѣ (для второстепенныхъ участниковъ). Наконецъ, какъ и въ XV вѣкѣ, отсѣченіемъ руки наказывались участвовавшіе въ мятежахъ, напр. въ 1662 г.²⁾ Воинскій Уставъ назначаетъ отсѣченіе руки за неизвѣстныя въ московское время спеціальныя преступленія: — нанесеніе раны хозяину или его домашнимъ солдатомъ, находящимся на постоѣ (Ар. 88) или за ударъ «съ сердцемъ и злостью» кого либо палкой или чѣмъ инымъ, или угрозу оружіемъ (Ар. 145). Воинскій уставъ заимствуетъ съ запада и другое неизвѣстное раньше наказаніе, повреждающее руку преступника — прибитіе ея къ висѣлицѣ (на 1 часъ) за драку съ оружіемъ въ рукахъ (Ар. 143). Въ царствованіе Елизаветы указомъ фельдмаршалу Ласси (въ 1743 г.) предписывалось замѣнять смертную казнь за убійство шведскихъ подданныхъ отсѣченіемъ руки и ссылкой; въ 1753 году оно было отмѣнено для всѣхъ ссыльно-каторжныхъ въ тѣхъ видахъ, чтобы они «способнѣе въ работу употребляемы быть могли»; въ позднѣйшую эпоху, если приговоры къ отсѣченію

¹⁾ Полн. Собр. лѣтоп. т. IV. Новгородская лѣтопись. стр. 148. *Соловьевъ*, IV, стр. 338. т. IV. стр. 35, 50, 73. Акты, собран. въ библіотекахъ и архивахъ т. 1. № 224, т. II № 225. *Богдановскій*, о. с. стр. 66. *Калачовъ*, Уголовное право по Судебнику царя Ивана Васильевича. Юрид. записки, изд. Рѣдкинымъ, М. 1842 г. т. II. стр. 327. *Татищевъ*, Исторія Россіи. Чтенія, годъ III. стр. 93.

²⁾ Уложенія 1649 г. III, 45, т. VII, 29. X, 12, 106, 199, 251. XXII, 8 *Сергѣевскій*, о. с. стр. 133. Акт. истор. т. IV. № 167. Указъ 1661 г. О мятежахъ. Чтенія, 1890 г. кн. 3, стр. 244.

руки и встрѣчались (даже въ началѣ XIX столѣтія), по буквѣ считавшихся еще дѣйствующимъ закономъ Уложенія 1649 г. и Воинскаго Устава, то во всякомъ случаѣ они не исполнялись, такъ, напр., въ рекрутскомъ уставѣ 1831 г. предписывалось читать статьи о преступленіяхъ въ Воин. Уст. 1716 г., въ которыхъ встрѣчались угрозы членовредительными наказаніями; встрѣчались такія указанія и въ учебникахъ уголовного права, напр. въ курсѣ Гуляева (1833 г.) упоминается отсѣченіе руки за нанесеніе оружіемъ раны въ присутствіи императора, т. е. излагается соотвѣтствующая статья Уложенія 1649 г. ¹⁾.

До какого мѣста отрубалась рука въ законахъ не говорится; изъ примѣровъ, приведенныхъ проф. Сергѣевскимъ, можно видѣть, что руки отсѣкали по запястіе или поперекъ ладони на плахѣ топоромъ ²⁾.

4. Отсѣченіе пальцевъ въ первый разъ предписывается въ указахъ, слѣдующихъ за Уложеніемъ: въ 1653 г. приказано у воровъ и разбойниковъ за первое преступленіе отсѣкать по пальцу на лѣвой рукѣ и сослать въ Сибирь вмѣсто смертной казни; въ 1661 г. два перста на лѣвой рукѣ велѣно отсѣкать за участіе въ поддѣлкѣ монеты; по новоуказаннымъ статьямъ — за первую татьбу, по указу 1682 г. за первый разбой (увеличеніе на палець сравнительно съ 1653 г.). Воинскій уст. назначаетъ отсѣченіе двухъ пальцевъ за клятвopреступленіе (Ар. 196). Практика по обыкновенію примѣняла это наказаніе и въ другихъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ: по свидѣтельству Котошихина пальцы отсѣкались у неважныхъ участниковъ въ бунтѣ 1662 г. Въ 1687 г. такъ были наказаны подьячіе за подлогъ: у нихъ отрубили по 2 пальца на правой рукѣ; по сообщенію Болотова во время семилѣтней войны пальцы были отсѣчены у 11 прусскихъ крестьянъ, стрѣ-

¹⁾ *Сергѣевскій*. Смертная казнь при Елизаветѣ, Ж. Гр. и Уг. Пр. 1890, 1. стр. 51. П. С. З. 10.086, г. 1752. 4677, г. 1831, *Гуляевъ*. Россійское уголовное право. Сиб. 1833, гл. II, стр. 897.

²⁾ *Сергѣевскій*, Русское Уголовное Право. стр. 136. П. С. З. 1449.

лявшихъ въ русскія войска. Какъ видно изъ большинства указовъ, пальцы отрубались на лѣвой рукѣ, вѣроятно для того, чтобы сохранить работоспособность для ссылки, а отчасти и по религіознымъ соображеніямъ; есть извѣстіе, передаваемое Олеаріемъ, что у одного, приговореннаго къ отсѣченію трехъ пальцевъ на правой рукѣ, по настоянію патріарха было отрублено 3 на лѣвой, такъ какъ пальцы на правой рукѣ необходимы для крестнаго знаменія ¹⁾; исключеніе дѣлалось лишь тогда, когда въ наказаніи желали осуществить возможно полнѣе идею таліона, напр. клятвopреступника лишали 2 пальцевъ, которыми онъ пользовался при присягѣ.

По соображеніямъ полезности (сохраненія работоспособности) Петръ Великій указомъ 1720 г. предписывалъ за лже-свидѣтельство вырѣзать ноздри взаменъ отсѣченія пальцевъ ²⁾.

5. Отсѣченіе носа. Въ XVI вѣкѣ, по сообщенію иностранцевъ Герберштейна и Ченслера, кусокъ носа отрубали за кражу ³⁾.

Уложеніе 1649 г. назначало урѣзаніе носа за употребленіе табаку для уличенныхъ свыше трехъ разъ (Ул., XXV, 16).

До этого времени отрѣзаніе носа изрѣдка упоминалось въ лѣтописяхъ не какъ наказаніе, а какъ исключительное истязаніе, входящее въ расправу сильныхъ государей съ противниками. Такъ въ XIII в. Александръ Невскій отрѣзалъ носы у мятежныхъ дружинниковъ своего сына, въ XV в. говорится объ отрѣзаніи носовъ у сторонниковъ Василя Ярославовича.

6. Иногда преступники лишались нѣсколькихъ органовъ сразу, — примѣры этому я указывалъ и въ западно-европей-

---

¹⁾ П. С. З. 105, 970. Дополненіе къ акт. истор. т. XII, № 60. *Олеарій*, о. с. стр. 256. *Сергѣевскій*, Наказаніе. стр. 136.

²⁾ *Филипповъ*. О наказаніи по законодательству Петра В. Москва, 1891, стр. 334.

³⁾ Полн. собр. лѣтоп. т. VI, ст. 39. Извѣстія англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVII в. Чтенія, 1884, кн. 4, стр. 9—10. Разсказъ о путешествіяхъ, должностяхъ, службахъ и переговорахъ сэра Е. Горсел. Чтенія, 1877 г. Янв. — Мартъ, стр. 15. *Корбъ*, о. с. Чтенія, 1866 г. 1—3, стр. 140.

скомъ правѣ, — тогда получался какъ бы особый видъ чрезвычайно жестокаго, трудно отличимаго отъ смертной казни членовредительнаго наказанія; въ Россіи изъ такихъ наказаній было извѣстно отсѣченіе рукъ и ногъ въ различной комбинаціи, опредѣляемое обыкновенно взамѣнъ смертной казни: въ указахъ говорится о немъ, какъ о «казни съ пощадою»; насколько незначительна была пощада въ данномъ случаѣ можно заключить изъ отписки Соликамскаго воеводы (XVII в.) о подобномъ наказаніи: разбойнику Родькѣ была совершена «казнь съ пощадою: отсѣчена лѣвая рука по запястье, да правая нога по лодыжку... и послѣ той казни... тотъ Родька... въ скорыхъ числахъ умре». Отсѣкались у преступниковъ: а) рука и обѣ ноги, такая казнь назначалась напр. фальшивымъ монетчикамъ (главнымъ заводчикамъ); въ 1663 г. повелѣвалось наказывать такимъ образомъ воровъ и разбойниковъ, взамѣнъ смертной казни, которая, впрочемъ, была уже восстановлена въ 1666 г., пока новоуказными статьями (1669 г.) не были введены опять членовредительныя наказанія даже со смягченіемъ противъ 1663 года: отсѣкалось по одной ногѣ и рукѣ. б) Нога и рука отсѣкались и участникамъ въ поддѣлкѣ монеты; такъ же по новоуказнымъ статьямъ слѣдовало наказывать церковныхъ татей, воровъ и разбойниковъ; это же наказаніе на практикѣ примѣнялось къ заслуживающимъ снисхожденіе убійцамъ взамѣнъ смертной казни¹⁾. с) Изрѣдка встрѣчается также отсѣченіе носа и ушей, напр. Воинск. Уст. (Ар. 188, 189) грозитъ имъ совмѣстно съ ссылкой въ каторгу за кражу свыше 20 руб. въ полѣ и походѣ.

Выполненіе членовредительныхъ наказаній не было регламентировано, какъ это мы видѣли напр. въ Германскомъ правѣ (стр. 31); какъ вѣрно замѣчаетъ по этому поводу проф. Сергѣевскій относительно XVII в. «сѣкли и рѣзали руки и

¹⁾ Дополненіе къ акт. истор. XII, № 56. 25 сентября 1689 г. Акты истор. IV. № 158. *Сергѣевскій*, о. с. стр. 135. П. С. З. 334 г. 1663, 337, г. 1666 441, г. 1669. Новоуказныя статьи, п. 8. *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 155.

ноги, какъ придется, какъ удобно, или какъ вздумается исполнителямъ». Можно думать, что какъ показываетъ самое слово «отсѣчь», казнь должна была производиться на плахѣ, топоромъ. На это указываетъ прямо Аввакумъ, описывая наказанія своихъ единомышленниковъ: «положа правую руку на плаху, по запыстье отсѣкли», говоритъ онъ, «было двѣ плахи, да два топора». Руки, какъ мы видѣли выше, отсѣкались то по запыстью, то поперекъ ладони; до котораго мѣста отсѣкалась нога—неизвѣстно; только въ одномъ случаѣ именно сказано, что нога отсѣчена по лодыжку, т. е. отсѣчена стопа. Относительно отсѣченія пальцевъ въ одномъ свободномъ письмѣ 1671 года (т. е. объ отпускѣ преступника на свободу по отбытіи наказанія) сказано, что «персты отсѣчены повыше перваго сустава». Каковъ былъ общій порядокъ неизвѣстно¹⁾.

Перечисленными поврежденіями органовъ исчерпывается первая группа преимущественно устрашительныхъ членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній, ко второй группѣ наказаній съ предупредительнымъ полицейскимъ характеромъ относятся: 1) отрѣзаніе ушей и 2) вырѣзаніе ноздрей, стоящее въ тѣсной связи съ клейменіемъ.

Отрѣзаніе ушей представляется наказаніемъ съ двойственнымъ спорнымъ значеніемъ, такъ какъ несомнѣнно оно составляло тяжкое лишеніе, позволяющее отнести его къ наказаніямъ первой группы, но мнѣ кажется, что правильнѣе считать его въ числѣ предупредительныхъ мѣръ, установленныхъ для опознанія преступника въ виду того, что таковъ былъ его преобладающій характеръ въ XVII в. въ XVIII же это наказаніе употреблялось, очень рѣдко, въ особенныхъ случаяхъ. Полицейское значеніе отсѣченія ушей прямо выдвигаетъ Улож. 1649 г., содержащее постановленіе (XXI, 19): «чтобы людей, у которыхъ рѣзаны уши и письма въ томъ, что они выпущены изъ тюрьмы не будетъ... имая приводить къ воеводамъ». Въ 1683 г. отсѣченіе пальцевъ было замѣнено отрѣзаніемъ ушей, вѣроятно по тѣмъ соображеніямъ, что отсѣче-

---

¹⁾ Сергеевскій, О наказаніи, стр. 137—138.

ніе пальцевъ отражалось на работоспособности, а потеря ушей, служа яснымъ знакомъ преступленія, не представляла этого неудобства. Въ самомъ началѣ XVIII вѣка отрѣзаніе ушей выходитъ изъ употребленія: для обозначенія опасныхъ преступниковъ взазмѣнъ его назначается вырѣзаніе поздрей. Отрѣзаніе ушей одного или обоихъ по Улож. 1649 г. опредѣлялось для виновныхъ въ кражѣ, разбоѣ и нѣкоторыхъ другихъ имущественныхъ преступленіяхъ; указомъ 1657 г. предписывалось отсѣкать уши у совершившихъ убійство въ пьянствѣ и дракѣ. Воинскій уставъ сохранилъ его за кражу; уши отсѣкались иногда у мятежниковъ и поддѣльвателей монетъ ¹⁾. Случаи отсѣченія ушей, встрѣчающіеся въ XVIII ст., объясняются исключительными обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ въ дѣятельности властей ставилось на первый планъ устрашеніе, — такъ было во время пугачевского бунта, когда гр. Панинъ въ письмѣ отъ 1 октября 1774 г., сообщая объ усмиреніи имъ деревни гр. Шувалова, просить, чтобъ послѣдній «пожаловалъ, не прогнѣвался, что попу его отрубилъ голову, а у нѣсколькихъ другихъ сдѣлалъ поменьше ушей ²⁾».

II.

Вырѣзаніе поздрей (рванье поздрей), мало употребительное въ XVII ст. (вмѣстѣ съ отрѣзаніемъ носовъ за употребленіе табаку), пріобрѣтаетъ большое значеніе съ Петровскаго царствованія на ряду съ клейменіемъ, съ которымъ оно соединяется при наказаніи за самыя тяжкія преступленія. Указомъ 1705 г. приказывалось «колодниковъ всякихъ чиновъ людей, которые... въ его государевыхъ дѣлахъ и въ татьбахъ и въ разбоѣ и во всякихъ воровствахъ, кражѣ и смертоубійствѣ и бунтовщиковъ... смертью не казнить... чинить имъ жестокое

¹⁾ П. С. З. 203. 1657 г. 1004 г. 1683, 1404 г. 1691. Уложение 1649 г. XX, 9, 11, 15, 16, 90, 63. *Котошихинъ*, о. с. Гл. VII, стр. 81. Акты, относящіеся до юрид. быта, т. I, № 55. Грамота губнымъ старостамъ, 1666. *Сергеевскій*, о. с. стр. 140.

²⁾ Пугачевщина. Р. Арх. 1876 г. Кн. 2, стр. 27.

наказаніе и пятнать новымъ пятномъ, вырѣзать у носу ноздри и ссылатъ на каторгу въ вѣчную работу». Вырѣзаніе ноздрей преслѣдовало полицейскія цѣли—боль и обезображеніе были придатками, мало существенными въ глазахъ правительства; съ этой точки зрѣнія понятна и заботливость, съ которой старались обезпечить сохраненіе наложенныхъ знаковъ. Указъ 1724 г. приказываетъ, чтобы «ноздри вынуть до кости и на тѣхъ, у кого ноздри вынуты мало знатны»; цѣль поясняется предписаніемъ ловить и приводить ссыльныхъ людей съ вынутыми ноздрями и клеймами.

Подобное же постановленіе находится въ первой редакціи Проектовъ Уголовнаго Уложенія 1754—1766 г.: «гдѣ явятся такіе люди, у которыхъ ноздри вырѣзаны, и такихъ людей имая приводить къ губернаторамъ и воеводамъ, и сыщикамъ, гдѣ по близости способѣе, а губернаторамъ, воеводамъ и сыщикамъ ихъ распрашивать и буде письменнаго вида, почему вышущены, не будетъ и ихъ пытать и ежели они съ пытки въ разбоѣ и ни въ какихъ воровствахъ не повинятся, а покажутъ, что они съ каторги бѣжали, и за то ихъ, на страхъ другимъ, казнить смертью»¹⁾.

Такой взглядъ на вырѣзаніе ноздрей сохранялся законодательствомъ все время, пока существовало это наказаніе; правильность этого вывода подтверждается вполне и другими указами: въ 1757 г. былъ изданъ, напр. указъ о ссылкѣ преступницъ, въ которомъ говорится, чтобы «ноздрей у нихъ не вынимать и знаковъ не ставить для того, что колодникамъ мужеска пола ноздри вырѣзать и знаки ставить положено въ томъ разсужденіи, чтобы они изъ ссылки.. побѣговъ чинить и, непоставленіемъ на нихъ знаковъ, укрываясь въ такія воровства вступать не дерзали: а женска пола изъ такихъ отдаленныхъ въ Сибири мѣстъ и побѣговъ и воровства чинить не могутъ»²⁾. Вырѣзаніе ноздрей сохранилось и въ XIX стол.:

¹⁾ Проекты Уложенія 1754—1766 г., гл. 32, ст. 4.

²⁾ П. С. З. № 2026, 4417, г. 1724, 10686, г. 1757. *Яневичъ-Яневскій*. Объ указныхъ знакахъ. Юридическія записки. III, стр. 84—103.

по проекту 1813 г. оно предполагалось за цѣлый рядъ преступленій при вѣчной ссылкѣ ¹⁾ (женщины согласно указу 1757 года ему не подлежали), отмѣнено оно было лишь въ 1817 г., причѣмъ въ указѣ ясно сказались взгляды на него, какъ на предупредительную мѣру и отмѣна мотивировалась тѣмъ, что вырѣзаніе ноздрей было принято вслѣдствіе желанія выдѣлить яснымъ для всѣхъ признакомъ опасныхъ преступниковъ (чему не всегда могло служить клейменіе различными знаками, такъ какъ со временемъ они дѣлались неясными, сливались), для того чтобы съ исторженіемъ подобныхъ лицъ изъ общества наложить на нихъ неизгладимый знакъ преступления, чтобы онъ лишилъ ихъ навсегда способа избѣжать присужденнаго имъ мѣста... «находя при нынѣшнемъ устройствѣ внутренней стражи, гласить указъ, таковое усугубленіе наказанія излишнимъ, мы отмѣняемъ оное, яко безчеловѣчнымъ истязаніемъ сопровождаемое» ²⁾ (см. стр. 122). Вырѣзаніе ноздрей, какъ и клейменіе имѣло смыслъ не только, какъ средство предупредить рецидивъ и побѣги, но и для различенія преступниковъ въ ссылкѣ; особенно важно было это въ XVIII вѣкѣ, когда при Петрѣ Великомъ каторжныя работы были мѣстомъ для отбытія принудительнаго труда вообще лицъ, обязанныхъ работать на государство, независимо отъ ихъ виновности. Въ каторгу ссылались нерѣдко и безъ поставленія знаковъ, даже и безъ наказанія за всевозможныя провинности,

---

¹⁾ Клейменіе и вырваніе ноздрей сохранились и въ официальной редакціи проекта 1813 года. Наказаніе 2-го рода (перваго—смертная казнь) состояло въ лишеніи всѣхъ правъ и вѣчной ссылкѣ, 1-я степень его состояла въ выставкѣ у позорнаго столба для преступниковъ не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, сверхъ того въ вырѣзаніи ноздрей и заклеиваніи лица, чему женщины не подвергались (ч. I, гл. II, 23, 31, 32, 33). Политической смертью 1 степ. предполагалось наказывать за ложный доносъ объ измѣнѣ или бунтѣ § 137, и въ др. ст.: 178, 197, 202, 228, 235, 237, 256, 289, 288, 337, 344—346, 354, 405, 445, 494, 497, 515, 537—539.

²⁾ П. Собр. Зак. 27.197, г. 1817.

какъ указываетъ на это длинный рядъ Петровскихъ указовъ¹⁾, такъ, напр. въ 1711 г. назначается ссылка съ торговою казнью, но безъ клейменія для корчемниковъ. Составъ каторжнаго населенія отличался поэтому большимъ разнообразіемъ, общаго въ немъ было только то, что всѣ каторжные—слушники царской воли; сама по себѣ каторга, слѣдовательно, не могла быть всегда позорящимъ наказаніемъ, указывающимъ на особую злостность или опасность преступника, или на важность совершеннаго имъ преступленія. Въ 1723 г., напр., въ каторгу было приказано ссылать не только свѣтскихъ несостоятельныхъ должниковъ, но и священниковъ и дьяконовъ, только чиновъ съ нихъ не снимать, слѣдовательно существовали каторжные священники и дьяконы. Понятно, что правительство должно было выдѣлять изъ среды каторжниковъ несомнѣнныхъ и опасныхъ преступниковъ, отмѣченныхъ клеймами и вырванными позdryми. Въ 1721 г. въ указѣ о прощеніи и было повелѣно: разобрать колодниковъ каторжныхъ, шляхетство отослать въ сенатъ, служивыхъ сухопутныхъ — въ военную кол-

¹⁾ Въ указѣ 1704 г. Генв. 14 вмѣсто наказанія, т. е. кнута и дальней ссылки предписывается ссылать на каторгу на 10 лѣтъ безъ наказанія. Въ 1711 г. назначается ссылка съ торговою казнью, но безъ клейменія для корчемниковъ (П. С. Зак. № 2343, г. 1711, мартъ 31). Битье кнутомъ и ссылка въ вѣчную каторгу назначается за засориваніе рѣкъ, невысыланіе своихъ людей на пожаръ; причѣмъ у высшихъ персонъ наказывались служителя, низшіе отвѣчали сами (П. С. З. 3382). Въ 1718 г. предписывается ссылать, съ наказаніемъ на галеры, безъ указанія на клейма, хозяевъ не объявляющихъ о пріѣзжихъ и постояльцахъ (П. С. З. № 3203, годъ 1718). Въ 1714 г. ссылкой съ жестокимъ наказаніемъ подлежали продавцы русскаго платья и сапогъ. Въ 1720 г. подъ такимъ же наказаніемъ предписывается выдѣлывать юфть съ ворваннымъ саломъ (вѣчная работа) (П. С. З. 3490, г. 1720). Иногда клейменіе назначается для болѣе виновныхъ: въ 1720 г. за рубку заповѣдныхъ лѣсовъ главнымъ виновникамъ назначались кнутъ, зашатаніе и ссылка въ каторгу вѣчно, воевода (за потворство) бить кнутомъ и сосланъ на 10 лѣтъ, другіе на 5 (3509, г. 1720, февр. 9). Въ 1722 г. постановлено ссылать нищихъ, притворяющихся больными и увѣчными (П. С. З. № 4047): „ибо въ таковыхъ много воровъ бываетъ и чуть не всѣ“ и т. п.

легію, морскихъ—въ адмиралтейство, и опредѣлить по прежнему на службу тѣхъ, у кого не вынута ноздрей и не положено знаковъ, остальныхъ же сослать въ Сибирь и опредѣлить ихъ тамъ въ города или дать волю, то же повторялось въ 1725 и въ 1744 г. ¹⁾); разница въ положеніи двухъ названныхъ разрядовъ каторжниковъ была, очевидно, громадная.

Вырѣзаніе ноздрей сопровождало тягчайшій видъ ссылки на каторжныя работы (въ XVIII столѣтіи это правило не соблюдалось строго: лишь въ 1797 г. состоялся указъ, по которому наказанные съ поставленіемъ знаковъ должны были обязательно ссылаться въ каторгу), поэтому не бесполезно указать на важнѣйшія группы лицъ, подлежащихъ этому наказанію. Оно назначалось: за нарушеніе законовъ о военной службѣ, (уклоненіе и членовредительство), за важныя имущественныя преступленія, пріемъ бѣглыхъ, составленіе воровскихъ писемъ, государственныя преступленія, преступленія противъ жизни и здоровья, поддѣлку монетъ и ассигнацій ²⁾).

¹⁾ П. С. З. 3842, г. 1721, 4654, г. 1725, 8992 г., 1744.

²⁾ П. С. З. № 2784, г. 1713, 2716, 3136, г. 1717, 3515, г. 1720. Доклады и приговоры. Т. III, II. Годъ 1713, № 767. Въ 1753 г. въ Соловецкій монастырь былъ сосланъ раскольникъ Яковлевъ за вины, извѣстныя Тайной Канцеляріи, послѣ нещаднаго наказанія кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, скованнымъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ (Колчинъ, ссылки. Р. Стар. 1887, стр. 602). Въ 1727 г. вырѣзаны ноздри солдату Пигасову за убійство (бить кнутомъ и сослать въ каторгу вѣчно). (Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта. Сборникъ Р. И. Об-ва. 69, стр. 411, годъ 1727, окт. 2). Въ 1737 г. капитанъ Алексѣевъ былъ приговоренъ къ смерти, Возницынъ къ кнуту, вырѣзанію ноздрей и работѣ въ Оренбургѣ, но обомъ наказаніе смягчено: лишены чиновъ, биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь. (П. С. З. 7365. 1737 г., сент. 7. Именной). Въ 1759 г. вырѣзаны ноздри у кр-на Степанова за растлѣніе малолѣтней дѣвки. (П. С. З. 11539, 1762 г., мая 18 Сенатскій). Въ 1762 г. за ложный доносъ и напрасное утружденіе Ея Величества вырѣзаны ноздри и битъ кнутомъ казакъ Тереховъ. Въ Тайной Канцеляріи въ 50-хъ годахъ былъ приговоренъ къ вырѣзанію ноздрей, кнуту и вѣчной работѣ матросъ, сказавшій во время слѣдствія по произнесенію имъ ложнаго слова и дѣла, бранныя слова на госу-

Съ 175³/₄ года смертная казнь вообще замѣнялась ссылкой въ каторгу съ вырѣзаніемъ ноздрей и клейменіемъ. На тѣхъ же основаніяхъ назначалось вырѣзаніе ноздрей и въ XIX вѣкѣ до его отмѣны.

Выполнялось вырѣзаніе ноздрей палачами послѣ тѣлеснаго наказанія особыми щипцами, которыми вырывалось мясо до костей; щипцы эти, по описанію очевидцевъ, напоминали употреблявшіеся парикмахерами для завивки волосъ: одна половина ихъ, представлявшая собою желѣзный стержень, вкладывалась въ ноздрю, другая — острая и вогнутая приходилась съ наружной стороны носа, щипцами этими дѣйствовали какъ ножницами ¹⁾.

дарыню (Тайная Канцелярія въ царствованіе Елизаветы Потрѣвны 1741—61 гг. Рус. Стар., 12. 1875, стр. 256). Въ 1755 г. извѣстному вору Ванькѣ Каину и его товарищу было назначено вмѣсто смертной казни — битіе кнутомъ, вырѣзаніе ноздрей и вѣчная работа. (Есиповъ Ванька Каинъ. XVIII вѣкъ. Сборникъ Баргенева. Кн. 3, М. 1869, стр. 335). Въ 1771 г. главнымъ виновникамъ возмущенія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ, были вырѣзаны ноздри, и они сосланы. (Семевскій, В. Волненія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ, Р. Стар. 1877, т. 2, стр. 257). Въ томъ же году, по дѣлу о чумномъ бунтѣ 62 человѣка было наказано кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и сослано (П. С. З. 13.695, г. 1771). Въ 1773 и слѣдующихъ годахъ вырѣзали ноздри, заклеивали, били кнутомъ и сослали участниковъ въ Пугачевскомъ мятежѣ, другимъ же участникамъ (38 человекъ) при томъ же наказаніи клеймъ не было поставлено (Подлинныя бумаги до Пугачевского бунта относящіяся. Чтенія. 1860. 2, стр. 35). Тоже было въ 1775 г. для менѣ важныхъ сообщниковъ самозванца, о казни которыхъ сообщалось письмомъ изъ С.-Петербурга въ Утрехтской газетѣ, что послѣ самозванца и его 4 товарищей, другихъ наказывали кнутомъ, вырывали ноздри, нѣкоторыхъ заклеивали. Казнь продолжалась до вечера. Въ 1794 г. биты кнутомъ съ заклеиваніемъ и вырѣзаніемъ ноздрей и сосланы 2 преступника, виновные въ поддѣлкѣ ассигнацій (П. С. З. 17262, г. 1794). При Павлѣ 1796 г. такъ же были наказаны виновные въ кражѣ денегъ изъ заемнаго банка (П. С. З. 17.612, г. 1796).

¹⁾ П. С. З. 3149, г. 1718. Генв. 31. Именной. Проектъ 1754 г., гл. 13, 8. *Штелцеръ*. Archiv d. Kriminalrechts, стр. 410.

III.

Клейменіе не представляло собою членовредительнаго наказанія въ собственномъ смыслѣ слова, оно было обезображеніемъ, а не поврежденіемъ, и при употребленіи въ качествѣ наказанія имѣло главной цѣлью не причиненіе физическаго страданія, а опозореніе, поэтому я и отнесъ его къ группѣ осрамительныхъ тѣлесныхъ наказаній (см. выше стр. 5), говорю же о немъ въ настоящей главѣ потому, что разсмотримъ условія, въ которыхъ примѣнялось клейменіе всего удобнѣе вмѣстѣ съ рваніемъ ноздрей, такъ какъ оно постоянно соединялось съ послѣднимъ и служило осуществленію однѣхъ и тѣхъ же задачъ.

Клейменіе — наложеніе особыхъ знаковъ, отличающихъ преступника, можетъ употребляться съ различными цѣлями: 1) оно можетъ быть позорящимъ наказаніемъ, символическимъ изображеніемъ преступленія на тѣлѣ виновнаго, покрывающимъ его вѣчнымъ стыдомъ, показывающимъ всѣмъ произнесенный надъ нимъ приговоръ; въ такомъ случаѣ клеймо ставится на видныхъ, не прикрываемыхъ одеждой частяхъ тѣла, напр. на лицѣ. 2) Оно можетъ назначаться лишь для того, чтобы дать возможность узнать преступника, опредѣлить число и родъ совершенныхъ имъ преступленій, въ такомъ смыслѣ и клейменіе — чисто полицейская мѣра, не носящая карательнаго характера, и мѣсто, на которое налагается клеймо для законодателя безразлично, лишь бы существовалъ необходимый знакъ. 3) Наконецъ, клейменіе можетъ преслѣдовать обѣ цѣли сразу, называясь и какъ усиленіе наказанія, и какъ средство отмѣтить преступника.

По русскому праву клейменіе разсматривалось, главнымъ образомъ, какъ полицейская мѣра, а не наказаніе въ собственномъ смыслѣ. Такъ первый памятникъ, говорящій о клейменіи — Двинская грамота 1397 г., до которой о немъ не сохранилось никакихъ извѣстій¹⁾, предписываетъ пятнать всякаго тати

¹⁾ Это обстоятельство навело г. Денна на странную мысль, что пятнаніе по Двинской грамотѣ могло быть нравственнымъ, т. е. состояло

и назначаетъ за третью татьбу смертную казнь, слѣдовательно, клеймо имѣло значеніе для опредѣленія числа кражъ. Тотъ же характеръ оно сохраняетъ и впослѣдствіи. Указъ 1691 г. прямо говоритъ, что клейма ставятся для того, чтобы «кто изъ ссылки сбѣжитъ и объявится на Москвѣ, было бы по чему признать». Въ указѣ 1692 г. объясняются и практическія послѣдствія объявки заклеяемыхъ: «если воры, сосланные и запятнанные, говорится въ немъ, сбѣгутъ и пойманы будутъ — ихъ запятнать въ другой разъ... если же они будутъ въ... воровствѣ, казнить смертию не докладывая»; казни же подлежали и пойманные бѣглецы, не совершившіе преступленія, если попадались во второй разъ. Клейма старались всячески охранить отъ исчезновенія: въ 1705 г. ихъ приказывается натирать пороховъ «многажды на крѣпко, чтобы они (преступники) тѣхъ пятенъ ничѣмъ не вытравливали и не жилили, и чтобы тѣ пятна на нихъ, ворахъ, были знатны по смерти ихъ».

Указъ 1746 года точно такъ же объясняетъ наложеніе клеймъ желаніемъ, чтобы преступники «отъ прочихъ добрыхъ людей были отличны, и когда... учинять утечку... таковыхъ къ поимкѣ чрезъ то клейменіе удобнѣе способъ быть можетъ»¹⁾. Приведенные указы говорятъ о полной аналогичности цѣлей, преслѣдуемыхъ вырваніемъ ноздрей и клейменіемъ, которыя и ставились всегда рядомъ, въ виду этого сохраненіе клеймъ послѣ отмѣны рванья ноздрей было въ извѣстной степени нелогичнымъ и могло возбудить недоразумѣнія на практикѣ; дѣйствительно, какъ сообщаетъ Яневичъ-Яневскій, псковской и рязанскій прокуроры, основываясь на общемъ смыслѣ закона 1817 г., признали подлежащимъ отмѣнѣ и клейменіе, это толкованіе вызвало сенатское разъясненіе о буквальномъ примѣ-

---

въ признаніи татя вѣдомымъ лихимъ. *Дептѣ*. О наказаніи до царя Алексея. М. 1849, стр. 85. Едва-ли нужно опровергать это мнѣніе, въ защиту котораго авторъ и не приводитъ никакихъ доказательствъ. *Будановъ*, Хрестоматія, I, стр. 126, 129.

¹⁾ П. С. З. 1404, г. 1691. 1430, г. 1692. 2026, г. 1705, 2647, г. 1712. 9293, г. 1746.

нені коментуемаго указа ¹⁾). Какъ же объяснить эту непоследовательность законодателя, отмѣнившего одинъ способъ отличія преступниковъ на основаніи улучшившихся средствъ надзора и сохранившаго другой? Причины лежатъ въ томъ, что, клейменіе не казалось столь жестокимъ «усугубленіемъ» наказанія, какъ вырѣзаніе ноздрей, при существованіи кнута оно не могло вызывать особой оппозиціи. Кромѣ того, нельзя не отмѣтить, что если законодатель и смотрѣлъ на клейменіе съ исключительно полицейской точки зрѣнія, то такой взглядъ былъ общимъ правиломъ, отъ котораго, допускались отступленія, не мѣнявшія общаго тона указовъ, но тѣмъ не менѣе весьма существенныя, отражавшіяся на практическомъ примѣненіи клейменія. Впервые такое отступленіе было сдѣлано въ царствованіе Екатерины II подъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній Императрицы: считая, что наказаніе должно быть прежде всего устыдительною, позорящимъ, она воспользовалась клейменіемъ, какъ одной изъ каръ, могущей служить намѣченнымъ ею цѣлямъ. Клеймо стало не только указаніемъ на важность совершеннаго преступленія, какъ было до того времени, но и на свойство преступленія; поэтому исчезло однообразіе клейма, бывшее раньше неизмѣннымъ правиломъ, — форма его стала сообразоваться съ характеромъ дѣянія. Въ 1762 г. за покушеніе на выдѣлку фальшивыхъ ассигнацій Сергѣй Пушкинъ былъ лишенъ чиновъ, дворянства, заклеименъ буквою «В» въ лобъ и заключенъ вѣчно въ крѣпость; въ 1780 г. въ приговорѣ о нѣкоемъ Григорьевѣ постановлено: «лишить чиновъ и дворянства и поставить на лбу знакъ буквы первой слова «убійца» и сослать». Клейменіе буквою «У» убійць въ 1768—1774 гг. примѣнялось довольно часто для дворянъ и совершалось подъ висѣлицей (отставнаго капитана Отяева за убійство жены, поручика Лескова за убійство бѣглаго челоуѣка, жену прапорщика Авдулова за убійство мужа). Измѣнялись по усмотрѣнію и части тѣла, на которыя накладывались клейма: въ 1782 г. за подлогъ (переправку аппеляціоннаго срока на

¹⁾ Яневичъ. о. с. III, стр. 92.

судебномъ рѣшеніи) регистратора Шацкаго велѣно было: «лишить чиновъ и заклеить подъ висѣлицей на правой рукѣ первую буквою слова «лжець» и сослать въ каторгу вѣчно»; въ 1794 г. за поддѣлку ассигнацій офицеровъ Фейнберга и барона Гумпрехта: лишить чиновъ и дворянства, потомъ публично въ С.-Петербургѣ заклеить подъ висѣлицей обѣ руки первыми буквами слова «воръ и сочинитель фальшивыхъ ассигнацій» и сослать въ вѣчную работу въ Нерчинскъ вмѣсто смертной казни¹⁾. Значеніе клейменія, какъ позорящаго наказанія, настолько заслоняетъ въ этихъ приговорахъ его значеніе какъ тѣлеснаго наказанія, что оно примѣняется къ дворянамъ, даже послѣ жалованной грамоты. Весьма вѣроятно, что и въ царствованіе Александра I оно разсматривалось не только какъ мѣра охраны, но и какъ позорящій придатокъ наказанія, который находили нужнымъ оставить для большей примѣрности послѣдняго. Въ Уложеніи 1845 г. законодателемъ признаны обѣ цѣли и карательная и полицейская: для важныхъ преступниковъ клейма, служа средствомъ отмѣтить наказаннаго, усиливали тяжесть наказанія, налагаясь на лицо публично палачомъ; для бродягъ же и бѣглыхъ ссыльныхъ наложеніе клеймъ было просто средствомъ опредѣлить число побѣговъ и предшествовавшихъ наказаній, — оно «не имѣло, какъ говорилось въ указѣ 1846 г., вовсе цѣлью усугубленія наказанія, а было полицейской мѣрой для предупрежденія побѣговъ», поэтому оно не должно было производиться публично²⁾. Съ такимъ двойственнымъ значеніемъ клейменіе употреблялось до отмѣны, послѣдовавшей въ 1863 году.

Объемъ примѣненія клеймъ въ XVII вѣкѣ и раньше установить съ нѣкоторою точностью весьма трудно, объ этомъ сохранилось мало указаній, не позволяющихъ дѣлать какихъ либо положительныхъ выводовъ. Въ русской литературѣ суще-

¹⁾ П. С. З. 15,032 г. 1780. 15,336 г. 1782. 17,262 г. 1794. *Солдыевъ*. Т. XXIX стр. 134—136. Бумаги Екатерины II. Собрн. Р. И. Об-ва т. 13. Спб. 1874. стр. 229.

²⁾ П. С. З. Т. XX. 20,203, г. 1846.

ствуеть, правда, противоположное мнѣніе, высказанное г. Яневичемъ-Яневскимъ, который говоритъ, что хотя клейменіе не упоминается до 1637 г. и въ Уложеніи, но тѣмъ не менѣе клейма употреблялись на практикѣ, какъ принадлежность торговой казни, особенно по дѣламъ о воровствѣ и разбоѣ. Трудно согласиться однако съ тѣмъ, что клейменіе являлось въ XVII в. «принадлежностью торговой казни»: послѣдняя имѣла громадное примѣненіе за всевозможныя провинности, клеймить за которыя не было никакой надобности, и памятники не даютъ указаній, позволяющихъ подозрѣвать такую связь, тѣмъ болѣе, что клейменіе не столько карательная, сколько полицейская мѣра, и являлась послѣдствіемъ преступленія, а не наказанія. Что касается разбоя и татьбы, то въ памятникахъ (кроме Двинской грамоты) за нихъ всегда назначается отсѣченіе ушей или пальцевъ, клейменіе появляется для этихъ преступленій въ концѣ XVII вѣка; до этого же времени оно примѣнялось на практикѣ, но произвольно и къ разнымъ категоріямъ преступниковъ, такъ напр., по свидѣтельству Котошихина, клеймили участниковъ бунта 1662 г., чтобы они «до вѣку признаты были»¹⁾. Въ 1637 г. было предписано клеймить фальшивыхъ монетчиковъ, съ 1691 г. клейменіе сопровождаетъ наказанія, замѣняющія смертную казнь. Болѣе правильно употреблялось клейменіе въ царствованіе Петра Великаго въ соединеніи съ вырѣзаніемъ ноздрей и самостоятельно: обыкновенно оно сопровождало ссылку въ каторжныя работы съ жестокимъ наказаніемъ. Указы 1703 и 1704 годовъ предписываютъ клеймить воровъ и разбойниковъ, не совершившихъ убійства. Въ 1720 году повелѣно виновныхъ въ порубкѣ лѣсовъ вмѣсто смертной казни, запятнавъ, сослать вѣчно. Указъ 1746 г. назначалъ клейменіе для воровъ, и разбойниковъ и прочихъ уголовныхъ преступниковъ; этотъ порядокъ (клейменіе тяжкихъ преступниковъ) окончательно закрѣпленъ указомъ 1753 г., когда клейменіе стало частью наказанія, замѣнявшаго

¹⁾ Яневичъ-Яневскій, о. с. стр. 84—103. Котошихинъ, о. с. стр. 82. Берхъ. Царь Алексѣй Михайловичъ. Спб. 1831, стр. 153.

смертную кань¹⁾. Въ такомъ же объемѣ—оно сохранялось и въ проектѣ 1813 года. По Своду (1833 г. и 1842 г.) и Уложению (1845 г.) клейменію подлежали преступники мужскаго пола, осужденные въ каторжныя работы, неизъятые отъ тѣлесныхъ наказаній (Сводъ, 1833 г. т. XV, ст. 1201).

Формы клейма (штампы, съ пластинками, на которыхъ были изображены буквы или фигуры, напр., орель) подвергались значительнымъ измѣненіямъ. Первая извѣстная форма опредѣляется указомъ 1637 г.: «напятнати на щекахъ разжегши, а въ пятнѣ написати воръ». Участниковъ бунта 1662 г. клеймили буквой «В» (бунтовщикъ); въ 1691 г. велѣно выковать желѣзное азбучное слово «В» (воръ, начальная буква); въ концѣ столѣтія (1698 г.) преступниковъ въ Сибири приказано клеймить городовыми клеймами. При Петрѣ входитъ въ употребленіе новое клеймо съ изображеніемъ орла, удержавшееся, впрочемъ, очень недолго; по свидѣтельству Корба такъ клеймили мятежныхъ стрѣльцовъ въ 1699 г.²⁾ Въ первые годы XVIII ст. даже вмѣсто «пятнанія» употреблялся особый терминъ «заорленіе». Въ 1702 г. попа Никитина за наученіе сына духовнаго ко лжесвидѣтельству... велѣно «бить кнутомъ нещадно и, заоря въ щеку, сослать въ Азовъ», но уже указъ 1704 г. говоритъ о пятнаніи новымъ клеймомъ, а въ 1705 г. объясняется, что новое клеймо сдѣлано 2 видовъ: одно для тяжкихъ преступниковъ, ссылаемыхъ въ вѣчную каторгу (его форма не опредѣляется) и другое (буква «В», какъ и прежде)—для менѣ важныхъ преступниковъ, ссылаемыхъ на урочные годы³⁾; такъ какъ съ этого времени о клеймѣ съ изображеніемъ орла болѣе не говорится, то можно предположить, что оно и было замѣнено новыми клеймами. Въ 1746 г. снова вводится клеймо со словомъ «воръ» изъ 4 отдѣльныхъ буквъ (В.О.Р.Ъ), съ 1753 г. остаются 3 буквы (В.О.Р), сохранив-

¹⁾ П. С. Зак. 3509 г. 1720, 10086 г. 1753.

²⁾ Акты археологической экспедиціи. III. № 266. Будановъ, о. с. VII, стр. 74—75, Сертсевскій, о. с. стр. 146. Акты истор., т. V, № 280. Корба, Чтенія, 1866 г., окт.—дек. стр. 140.

³⁾ П. С. З. 1893 г. 1702, 1953 г. 1704.

шіяся вплоть до Улож. 1845 г.¹⁾, когда для каторжниковъ были назначены новые клейма: 3 буквы «К.А.Т.» (каторжный); для бѣглыхъ и бродягъ были установлены клейма съ особыми соответствующими буквами «Б» (бродяга), «С. К.» (ссылно-каторжный), «С. П.» (ссылно-поселенецъ).

Налагались клейма (за исключеніемъ случаевъ, когда они примѣнялись безъ всякаго карательнаго характера), публично палачемъ на лицо (кромѣ городскихъ сибирскихъ клеймъ, ставившихся на спину). По выраженію указа 1637 г. клеймо разжигалось, и затѣмъ палачъ ударялъ имъ по назначенному мѣсту. Указъ 1691 г. предписывалъ ставить въ первый разъ клеймо на лѣвую, во 2-й разъ на правую щеку; употреблявшееся съ 1753 г. клеймо изъ 3 буквъ (каждая на отдѣльныхъ штампяхъ) ставилось: «В» на лбу, «О» — на правой щекѣ, «Р» — на лѣвой. Клейма затирались порохомъ немедленно послѣ наложенія. Порядокъ этотъ былъ измѣненъ Уложеніемъ 1845 г., установившимъ 2 способа наложенія клеймъ: 1) для каторжныхъ, подвергавшихся ему въ «усугубленіе» наказанія, клейма состояли изъ 3 мѣдныхъ пластинокъ; на каждой стальными иглами была выведена одна изъ буквъ «К. А. Т.». Пластинка прикрѣплялась къ неподвижной деревянной ручкѣ. При наложеніи клейма, палачъ долженъ былъ взять въ лѣвую руку клеймо сначала съ буквою «К» и, укрѣпивъ его на лбу осужденнаго, ударить ладонью правой руки по концу рукоятки такъ, чтобы иглы вошли въ тѣло, такимъ же образомъ налагались и 2 остальныхъ буквы. По наложеніи клеймъ, знаки натирались составомъ (изготовленнымъ по указаніямъ медицинскаго департамента), раствореннымъ въ водѣ до нѣкоторой густоты, и черезъ сутки обмывались губкой, намоченной въ теплой водѣ. 2) На бродягъ и бѣглыхъ клейма налагались безо всякой торжественности въ полицейскихъ управленіяхъ

¹⁾ Въ проектѣ 1844 г. (ст. 28) предполагалось ставить клейма на плечѣ преступника, буквы Б. К. (безсрочно каторжный), С. К. (срочно каторжный), слѣдовательно онъ избавлялъ осужденныхъ отъ неизгладимаго пятна на лицѣ. Статья была измѣнена при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ.

посредствомъ особыхъ инструментовъ (штампа съ пружинами) при нажимѣ которыхъ, иглы, составлявшія буквы сразу входили въ тѣло¹⁾.

Клейма ставились у бѣглыхъ ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ, пойманныхъ въ предѣлахъ Сибири, на лѣвой, а у пойманныхъ внѣ Сибири—на правой рукѣ, ниже локтя и на лопаткѣ²⁾. За каждый новый побѣгъ прибавлялись новыя клейма, ставившіяся ниже по рукѣ и лопаткѣ. Только не долго до отмѣны клейменія, въ 1859 г. былъ возбужденъ вопросъ Каинскимъ окружнымъ стряпчимъ (мнѣніе его поддерживали Западно-Сибирскій генераль-губернаторъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ) о постановкѣ за побѣгъ одного клейма—у ссыльно-поселенцевъ—на рукѣ и у ссыльно-каторжныхъ на лопаткѣ для того, чтобы при вытравленіи клеймъ можно было опредѣлить по ихъ мѣстонахожденію къ какому разряду принадлежитъ бѣглый. Министръ Юстиціи и Сенатъ признали въ 1863 г. такое измѣненіе порядка наложенія клеймъ полезнымъ какъ по приведеннымъ соображеніямъ, такъ и въ видахъ «уменьшенія страданій преступниковъ тѣмъ болѣе, что клеймо не есть наказаніе, а только полицейская мѣра—средство къ предупрежденію побѣговъ и отыскиванію бѣглыхъ». Измѣненіе закона въ этомъ смыслѣ не состоялось за послѣдовавшей въ томъ же году отмѣной клейменія³⁾.

1) Знаки на бродягъ и бѣглыхъ, согласно наставленію медицинскаго совѣта, накладывались «на правой рукѣ на предплечьи (*antibrachium*) на 2 поперечныхъ пальца ниже локтеваго сгиба, съ наружной стороны на толстой мясистой части, на общемъ началѣ разгибающихъ руку мускуловъ (*unitium communi musculorum extensorum*)». Въ слѣдующіе побѣги знаки налагались на правой лопаткѣ «отступая на поперечный палецъ внизъ отъ ощущаемой подъ внѣшними покровами лопатки (*spina scapulae*), слѣдующіе еще ниже. Наставленіе медицинскаго совѣта о сохраненіи и наложеніи клеймъ. 1846 г. Р. Ст. 1873. стр. 218.

2) Уставъ о ссыльныхъ, изд. 1857 г., ст. 815.

3) Записка изъ дѣла по рапорту генераль-губернатора Западной Сибири по вопросу о возобновленіи неявиственныхъ клеймъ на ссыльно-каторжныхъ, судимыхъ за новыя преступления. (Общее собраніе первыхъ 3 Департ. и Департамента Герольдіи, докладъ 15 февраля 1863 г.).

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 21 іюля 1845 г. были установлены правила наложенія клеймъ на бѣглыхъ ссыльныхъ, каторжныхъ и бродягъ. По этимъ правиламъ клейменіе должно было производиться однимъ изъ состоящихъ при Врачебной Управѣ фельдшеровъ, «въ присутствіи чиновника полиціи, уѣзднаго страпчачаго и врача, отвѣтствующаго за правильное наложеніе клеймъ и знаковъ». Нужно замѣтить, что не только прежде, но даже и въ послѣдніе годы существованія клейменія, несмотря на участіе въ немъ медицинскаго персонала, не удавалось достигнуть вполне полицейской цѣли клейменія—сдѣлать его вѣчнымъ знакомъ. По свидѣтельству Медицинскаго Совѣта клейма часто стирались, становились неясными, такъ какъ «нѣтъ такого средства посредствомъ коего знаки оставались бы неизгладимыми, по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи науки, оно признается недостижимымъ и даже каленое желѣзо, употреблявшееся для клейменія во Франціи, точно такъ же не вполне соответствовало ожиданіямъ», вслѣдствіе чего Медицинскій Совѣтъ находилъ совершенно неправильнымъ привлеченіе врачей къ отвѣтственности за неудачное клейменіе, которое, по крайней мѣрѣ, въ 50 годахъ, по всей вѣроятности, производилось мало удовлетворительно, почему и было подтверждено 18 января 1860 г. о строжайшемъ выполненіи правилъ о наложеніи клеймъ и знаковъ и привлеченіи виновныхъ въ упущеніяхъ къ строгой отвѣтственности.

ГЛАВА II.

Болѣзненные тѣлесныя наказанія. Кнутъ.

I.

Болѣзненные тѣлесныя наказанія были извѣстны русскому праву въ разнообразныхъ формахъ, отъ кнута до розогъ, занимали въ немъ господствующее положеніе и налагали рѣзкій отпечатокъ на всю карательную систему, въ которой битье являлось почти неизбѣжнымъ спутникомъ всякаго значитель-

наго наказанія, не говоря уже о многочисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ оно примѣнялось самостоятельно. При этомъ болѣзненные тѣлесныя наказанія не сохраняли постоянно разъ занятаго ими мѣста: одни изъ нихъ исчезали совершенно, у другихъ измѣнялась, суживаясь или расширяясь, область примѣненія. Начиналъ рѣже употребляться кнутъ, его замѣщали плети и спицрутены; начинало сокращаться примѣненіе послѣднихъ, — взамѣнъ ихъ пріобрѣтали тѣмъ большее значеніе розги. Поэтому и не безынтересно выяснитъ въ общихъ чертахъ отношеніе другъ къ другу разныхъ видовъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, прежде чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Матеріаломъ для этой расцѣпки могутъ послужить указы сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ XIX столѣтія, вызванные потребностью опредѣлить порядокъ примѣненія болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній при столкновеніи отмѣняемыхъ и остающихся, въ виду необходимости замѣнить одни другими. Первое мѣсто по тяжести всегда и безспорно принадлежало кнуту, за нимъ шли плети, занявшія въ послѣдствіи мѣсто кнута, но не замѣнившія его по силѣ и значенію. Въ указѣ 1846 г. о замѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, назначенныхъ по прежде дѣйствующимъ законамъ, согласно новому уложенію, 10 ударовъ кнута считались равными 30 ударамъ плетей, 40—50 ударовъ—100 ударамъ плетей, т. е. каждый ударъ кнута равнялся 2—3 ударамъ плетей, слѣдовательно послѣднее наказаніе считалось въ два раза легче кнута ¹⁾. Въ свою очередь 10 ударовъ плетей должны были замѣняться 40 ударами розогъ, 20—30 ударовъ—80, болѣе 40 плетей—100 розгамъ. Опредѣленіе *maximum'a* (свыше 40 плетей—100 розгамъ) не имѣетъ особаго значенія при сравненіи тяжести наказанія: оно назначено въ виду того, что Уложеніе 1845 г. считало 100 розогъ высшей мѣрой наказанія; правильнѣе поэтому будетъ при расцѣнкѣ тяжести тѣлесныхъ наказаній обратить вниманіе на среднія цифры, гдѣ не было

¹⁾ На практикѣ относительная тяжесть наказаній плохо поддавалась учету (см. стр. 149).

формальныхъ препятствій при назначеніи числа ударовъ, тогда выйдетъ, что ударъ плети приблизительно равнялся 3—4 ударамъ розогъ, слѣдовательно наказаніе розгами считали какъ бы въ 3—4 раза легче наказанія плетьюми ¹⁾. 100 ударовъ плетми сопоставлялись Уставомъ о ссыльныхъ по измѣненной въ 1855 г. редакціи соответствующихъ статей (1797 и слѣд.) съ 2000—3000 шпицрутеновъ, высшая цифра которыхъ, употреблявшаяся тогда (6000 ударовъ для военныхъ и по Уст. о ссыльн.), была такимъ образомъ вдвое строже высшаго наказанія плетьюми.

Въ окончательномъ выводѣ, слѣдовательно, можно признать, что самымъ тяжкимъ наказаніемъ былъ кнутъ, за нимъ шли шпицрутены и плети, наконецъ, розги; въ эпоху расцвѣта тѣлесныхъ наказаній передъ розгами стояли еще батоги и палки.

II.

Кнутъ—самое тяжелое болѣзненное наказаніе, наводившее ужась на иностранцевъ—не одно столѣтіе занималъ центральное положеніе въ русской карательной системѣ, такъ что понятіе о немъ даже стало связываться съ представленіемъ о русской юстиціи вообще. Въ настоящее время онъ давно сталъ антикварной рѣдкостью и можетъ служить лишь предметомъ историческаго изученія, бросающаго безпристрастный свѣтъ на минувшія «жестокія» времена, о немъ можно говорить теперь *sine ira et studio*.

Судя по описанію проф. Сергѣевскимъ, видѣннаго имъ экземпляра, кнутъ состоялъ изъ толстой деревянной рукоятки $5\frac{5}{8}$ вершк. длиною, $\frac{5}{8}$ вершк. въ діаметръ, къ ней прикрѣплена плетенная часть кнута, эта плетенная часть представляла собой упругій столбецъ образованный изъ ременнаго плетива, обнимающаго твердый стержень изъ плотно сложеннаго куска кожи, по серединѣ столбца стержень прерывался, приблизительно на вершокъ, и оставалось одно плетиво, вслѣдствіе чего здѣсь образовывался перегибъ. Въ длину плетенная часть имѣла

---

¹⁾ П. С. З. XXI. 19.640, г. 1846.

14 $\frac{1}{2}$ вершк., въ толщину у рукоятки 1 $\frac{7}{8}$ вершк., въ другомъ концѣ 1 вершокъ. Тонкій конецъ заключался желѣзнымъ кольцомъ около вершка въ діаметрѣ, къ кольцу привязывался тонкимъ ремешкомъ хвостъ, состоящій изъ бѣлаго сыромятнаго толстаго ремня, длиною въ 13 вершковъ и шириною $\frac{9}{8}$ вершк., твердый какъ кость и загнутый съ обѣихъ сторонъ въ видѣ желобка. При ударѣ острые края желобка должны были приходиться къ тѣлу наказываемаго. Весь кнутъ съ рукояткой имѣеть въ длину 2 арш. 2 вершк.¹⁾ Хотя описываемый экземпляръ и относится къ позднѣйшему времени, нѣтъ основаній думать, чтобы въ устройствѣ кнута происходили существенныя измѣненія: такимъ же приблизительно рисуютъ его и писатели XVII и XVIII вв. Стрюйсъ, Перри, Оларій, Котошихинъ и Берхгольцъ. Эти описанія смѣшивались иногда съ легендами, выросавшими на почвѣ ужаса, внушавшагося названнмъ орудіемъ Ѳемиды, такъ датскій посланникъ Юстъ Юль (1709—1710 г.) рассказывалъ, что кнутъ есть «особый бичъ, сдѣланный изъ пергамента и сваренный въ молокѣ. Онъ до того твердъ и остръ, что имъ можно рубить какъ мечомъ²⁾».

¹⁾ *Сергеевскій*, о. с. стр. 154—155. Любавскій на основаніи официальныхъ свѣдѣній такъ описываетъ устройство кнута: «къ рукояткѣ съ поаршина длины прикрѣпленъ ременный, плетеный столбецъ съ перигбомъ, длиною въ аршинъ; къ плетиву этому привязывается петлей сыромятный ремень, длиною также въ аршинъ, шириною въ $\frac{1}{8}$ вершка. Весь кнутъ съ рукояткою будетъ 2 $\frac{1}{2}$ арш. длины. При наказаніи палачъ послѣ каждыхъ 5 ударовъ снимаетъ ремень, которымъ собственно и наноситъ удары, и замѣняетъ его новымъ... Ременный конецъ кнута загнуть съ обѣихъ сторонъ, ременные же хлысты (концы) плетей не загнуть, и кнутъ длиннѣ плети, отчего между прочимъ, по увѣренію палачей, ударъ кнута больнѣе удара плетей. Определить съ совершенной точностью сколькими ударами плетей можно замѣнить ударъ кнута, невозможно, потому что сила наказанія какъ тѣмъ такъ у другимъ орудіемъ казни зависить отъ воли палача, отъ его ловкости, отъ силы рукъ». *Калмыковъ*. Учебникъ уголовного права, стр. 238.

²⁾ *Сергеевскій*, о. с. 152—153. *Берхгольцъ*. Дневникъ, ч. I, стр. 103. Изъ записокъ датскаго посланника Юста Юля (1709—1710). Р. Ар. 1892, кн. 2, стр. 329—330.

Кнутъ употреблялся или какъ самостоятельное наказаніе, или какъ часть сложнаго наказанія, въ соединеніи съ тюрьмой или ссылкой, вторая комбинація постепенно вытѣснила самостоятельное употребленіе кнута и стала, въ концѣ концовъ, исключительной формой его примѣненія.

Самостоятельно кнутъ назначался, напр. въ XVII в. для нѣтчиковъ и дезертировъ, за нарушеніе благочинія въ Кремль (указъ 1684 г.). Въ 1722 г. приказано бить кнутомъ раскольниковъ, бѣжавшихъ въ Сибирь, и возвращать на старыя мѣста. Въ 1773 г. за кражи на сумму свыше 20 руб. негодныхъ къ военной службѣ предписано бить кнутомъ и, взявъ поруки, оставлять на прежнихъ жилищахъ ¹⁾. Съ конца XVIII ст. съ самостоятельнымъ наказаніемъ кнутомъ соединялись невыгодныя послѣдствія: публично наказаннымъ запрещалось оставаться въ столицахъ и губернскихъ городахъ. Въ 1787 г. повелѣно отправлять ихъ въ уѣздные города и писать въ рабочіе люди, въ 1799 г. подтверждено это распоряженіе и объяснено, что люди «сего рода» навсегда должны оставаться въ семь званіи (рабочихъ людей) при городахъ, гдѣ они приписаны. Они должны были употребляться на казенныя и партикулярныя работы, чтобы ни въ какомъ случаѣ не оставаться въ праздности. Такой же порядокъ сохранился и впослѣдствіи ²⁾.

Вмѣстѣ съ другими наказаніями кнутъ былъ обычной карой за важныя преступленія, кромѣ наказываемыхъ смертною казнью и членовредительными наказаніями, иногда, впрочемъ, онъ соединялся и съ послѣдними. Наконецъ, кнутъ съ ссылкой или тюрьмой назначался въ XVII вѣкѣ и изъ милосердія при

---

¹⁾ П. С. З. 255. 1659 г. 1064, г. 1684. 4109, г. 1722. 13.915. г. 1773.

²⁾ П. С. З. 13.545 г. 1770; 15.602 г. 1782; 16.566 г. 1787; 18.858 г. 1799. Практика понимала иногда эти постановленія о высылкѣ очень оригинально, напр., въ 1809 г. въ именномъ указѣ объявлялось, что нѣкоторые мѣста найдя у себя безпаспортныхъ бродягъ высылаютъ ихъ въ столицу, вслѣдствіе чего государь повелѣлъ, чтобы никто впредь не осмѣливался высылать въ столицу за дурное поведеніе. П. С. З. 24.010 г. 1809.

смягчающихъ обстоятельствахъ вмѣсто смертной казни, напр. за убійство, заслуживавшее снисхожденія. Уложение 1649 г. назначало его за убійство въ пьянствѣ и дракѣ; на практикѣ кнутъ назначался не только въ этихъ, но и въ аналогичныхъ случаяхъ. Въ 1649 г. въ грамотѣ Якутскому воеводѣ предписывается бить кнутомъ нещадно неосторожнаго убійцу, съ замѣчаніемъ, что за безхитростное дѣло довелось «чинить наказаніе, а не смертную казнь». Въ 1663 г. кнутомъ наказанъ вмѣсто смертной казни мужъ, убившій свою жену, которая «воровала блудно». Въ 1684 г. въ Якутскѣ Олешка Евдокимовъ за то, что «брата своего бороняся зарѣзалъ» бить кнутомъ и отданъ на поруки (П. С. З. № 1670). Изъ указа 1637 г. видно, что и фальшивыхъ монетчиковъ нѣкоторое время наказывали кнутомъ «чая, что они отъ такого воровства уймутся»¹⁾. Съ 1753—54 гг. кнутъ въ соединеніи съ ссылкой по общему правилу сталъ замѣнять собою смертную казнь, назначавшуюся лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ за государственныя преступленія, и сдѣлался, такимъ образомъ, самымъ тяжкимъ наказаніемъ.

III.

Нельзя опредѣлить хотя бы съ нѣкоторою точностью время, когда сталъ употребляться кнутъ въ Россіи, можно сказать только, что онъ былъ извѣстенъ еще до Татарскаго ига; по крайней мѣрѣ кнутъ упоминается въ Русской Правдѣ и въ словѣ Даніила Заточника²⁾. Но скудныя свидѣтельства о кнутѣ, сохранившіяся до XV вѣка, дозволяютъ лишь заключать о его существованіи вообще; несомнѣннымъ, опирающимся на точныя сообщенія памятниковъ примѣненіе кнута становится съ княженія Іоанна III, съ эпохи судебниковъ. Судебникъ 1497 г. назначаетъ кнутъ за уничтоженіе межи

¹⁾ Акты археол. экспедиціи. III. 266. Дополненіе къ актамъ истор. III. № 52 г. 1649.

²⁾ *Будановъ*, о. с. стр. 82, 126, 127. *Барамзинъ*, т. V, гл. IV стр. 217. *Богдановскій*, о. с. стр. 62. Р. Бесѣда. т. II, стр. 113.

и первую татьбу (кромѣ церковной и головной): «бити кнутемъ да исцево на немъ доправити»; то же подтверждается и вторымъ судебникомъ и губнымъ наказомъ Кириллова монастыря (1549 г.) ¹⁾. Второй судебникъ прибавляетъ мошеничество, цѣлый рядъ должностныхъ преступленій, понаровку татымъ, разбойникамъ и назначаетъ кнуть послухамъ, которые будутъ свидѣтельствовать по старому, не видя самаго событія; по дополнительнымъ къ судебнику указамъ кнутомъ наказывалось ябедничество, составъ и крамола боярскихъ дѣтей и злоупотребленіе довѣріемъ на судѣ ²⁾. Но судебная практика знала и примѣняла кнуть въ гораздо большемъ объемѣ, чѣмъ назначалъ его законъ, не стѣснявшій судебской дѣятельности того времени: наказаніе кнутомъ было уже настолько обычнымъ въ XV в., что приобрѣло названіе торговой казни отъ мѣста выполненія на торгу, всенародно. Кнутомъ же широко пользовались для наказанія какъ за государственныя преступленія, такъ и за преступленія религіознаго характера: въ 1462 г. биты кнутомъ сторонники удѣльнаго князя Василя Ярославича, въ 1537 г. 30 человекъ виновныхъ въ сговорѣ съ княземъ Андреемъ были сначала биты кнутомъ, потомъ повѣшены; въ 1490 г. всѣ нераскаявшіеся еретики (жидовствующіе), 60 человекъ, были биты кнутомъ на торгу и отсланы на поученіе къ духовной власти ³⁾.

Примѣненіе кнута въ XVII в. охватывало весьма обширныя группы преступныхъ дѣяній и нарушеній запретовъ государственной власти; уже по Уложенію 1649 г. оно упоминается по счету проф. Сергѣевского въ 140 статьяхъ, поэтому не перечисляя всѣхъ случаевъ, въ которыхъ могло назначаться битье кнутомъ въ эпоху отъ Уложенія до Свода Законовъ, я остановлюсь лишь на важнѣйшихъ.

---

¹⁾ Судебники Іоанна III и IV М. 1878 ст. 5 и 55. Акты истор. I. № 105; Акты собран. археогр. экспедиц. т. I, № 224.

²⁾ Судебникъ ст. 58, 6, 33, 34, 38, 9, 11, 32, 53, 54, 87, 99. Будановъ, о. с. III. Указная книга вѣдомства казначеевъ XX. стр. 36—37.

³⁾ *Соловьевъ*, т. V, стр. 225 и 263. Т. VI, стр. 14. *Татищевъ*, исторія Россіи. Чтенія, годъ III, стр. 93. *Карамзинъ*, т. VI, стр. 123.

Кнутъ служилъ для наказанія виновныхъ въ государствен-
ныхъ преступленіяхъ: такъ были наказаны двое изъ предпо-
лагаемыхъ участниковъ въ измѣнѣ Шейна, широко назначался
онъ и участникамъ въ бунтахъ въ XVII в. Уложеніе 1649 г.
грозить имъ за ложное слово и дѣло, сказанныя «пьянымъ
обычаемъ» (II, 12, 13); въ 1718 г. такая же кара назна-
чена нѣкоторымъ замѣшаннымъ въ дѣло царевича Алексѣя;
кнутомъ должно было наказываться распространеніе слуховъ
о самозванцѣ Метелькѣ, даже произнесеніе его имени (1774 г.);
имъ же биты второстепенные участники въ чумномъ и пуга-
чевскомъ бунтахъ. Раскольники и еретики также наказывались
кнутомъ: въ 1756 г. биты главные еретики, впавшіе въ ква-
керскую ересь, и сосланы въ Рогервикъ, въ вѣчную работу;
участвовавшіе въ волшебствахъ (иныхъ замѣнъ смертной
казни), совратители, напр. въ 1826 г. два еврея за совра-
щеніе находившихся у нихъ въ услуженіи католиковъ ¹⁾.

Въ преступленіяхъ противъ порядка управленія кнутомъ
пользовались весьма нерѣдко, особенно при усмиреніи крестъ-
янскихъ волненій и нарушеніи обязанности повиновенія по-
мѣщикамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ указовъ и
дѣлъ, относящихся къ царствованіямъ Елизаветы, Екатерины II
и вплоть до отмѣны кнута ²⁾. Назначался кнутъ также за
служебныя преступленія; важнѣйшее изъ нихъ, лихоимство,
каралось кнутомъ, по свидѣтельству Маржерета, еще въ на-
чалѣ XVII стол., и особенно строго преслѣдовалось при Петрѣ

¹⁾ Акты истор. III, № 251 г. 1634. *Соловьевъ*, т. XVII, стр. 214—
215. Бумаги изъ архива французскаго министерства. Де-Леву. Сбор-
никъ Русск. Ист. Об-ва, 34 стр. 395. Доклады II, I, 1712 № 305.
Бумаги Екатерины II. Сб. Р. И. О-ва. П. С. З. 1362; г. 1689. 13.695.
г. 1771. 736. г. 1829. 1880. т. 27 стр. 17. Акты собран. археолог.
экспедиціей. IV. 284. 1685. Указныя статьи.

²⁾ П. С. З. 9643 г. 1749. 12.633 г. 1766. 12.966 г. 1767.
Барсуковъ, А. Юсифъ Батуричъ. Древн. и Нов. Россія. 1875 г. I стр.
173. Дѣло о волненіяхъ крестьянъ. Чтенія, 1863 г. Апр.—Іюнь, стр.
37—38. Письма Императрицы Екатерины II. Сб. Р. И. о-ва т. I стр.
240. *Семевскій*, В. Голненія крестьянъ Древ. и Нов. Россія, г. 1877.
стр. 257.

Великомъ, также наказывалось лихоимство и поздне¹⁾. И въ XVII и въ XVIII стол. (особенно въ первой половинѣ) кнутъ постоянно угрожаетъ за уклоненіе отъ воинской службы и другіе подобнаго рода проступки.

Били кнутомъ и за оскорбленіе чести, такъ по Уложенію 1649 г., за оскорленіе патріарха, боярина или вообще при несостоятельности оскорбителя; та же практика осталась и въ XVIII в.: въ 1726 г. за безчестіе Меншикова бить кнутомъ вмѣсто смертной казни шляхтичъ Лярскій²⁾.

Кнутъ обыкновенно служилъ возмездіемъ за самыя различныя преступленія имущественнаго характера; наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе въ этой группѣ: кража, разбой и грабежь, вызывавшіе особенныя заботы законодателя и представлявшіе весьма серьезную опасность. Уложеніе 1649 г., сохраняя старыя порядки, назначаетъ кнутъ за нѣкоторыя виды татбы, грозитъ имъ ворами и разбойникамъ. Указъ 1721 г. предписывалъ за 2 разбоя безъ смертоубійства и первую и вторую татбу чинить наказаніе, т. е. бить кнутомъ, и только за 3-й разбой назначалась смертная казнь; кнутомъ замѣняли для разбойниковъ и татей смертную казнь и до этого указа³⁾, имъ же наказывалась понаровка и укрывательство разбойниковъ.

Словомъ, кнутъ являлся, особенно въ XVII вѣкѣ, какъ бы карательной панацеей, годной во всевозможныхъ случаяхъ. Еще до Уложенія по дошедшей до насъ Тобольской «росписи кому имянемъ и за какую вину какое наказаніе» (конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ XVII стол.), видно, что значилъ кнутъ въ тѣ эпохи: изъ длиннаго перечня наказанныхъ кнутомъ за 3 года выясняется, насколько разнообразна была практика при употребленіи кнута: онъ назначается за крупныя и мелкія проступки: за убійство и за

---

¹⁾ П. С. З. 2871, г. 1714. Ноября 20. 3586, г. 1720 Мая 21. 6972 е. 1736.

²⁾ Протоколы Верховнаго Совѣта. Сборн. Р. И. Об-ва. 56 стр. 118.

³⁾ П. С. З. 3514, г. 1718. 3847. г. 1721.

непослушаніе отцу или приказчику, за блудъ или противоестественные пороки; мужчины, женщины, служилые люди, крестьяне, церковные люди (пономарь), боярскій сынъ, безразлично караются торговою казнью. Конечно Тобольскій судъ не представлялъ ничего исключительнаго: что было тамъ, было и въ другихъ городахъ и въ Москвѣ³⁾.

Въ половинѣ XVII вѣка, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевскій, примѣненіе кнута расширяется до крайнихъ предѣловъ; критерія по важности преступленія для правительства не существуютъ, руководствуются только 2 моментами: ослушаніемъ вельніи и желаніемъ утратить. Въ 1627 г. «безлѣпцы» и кулачный бой на старомъ Ваганьковѣ запрещались подъ угрозой кнута, такъ же по свидѣтельству Олеарія въ 30-хъ годахъ XVII стол. наказывалось сквернословіе²⁾. Особенно богата такими указами эпоха Петра Великаго, который, не стѣсняясь, пользовался устрашеніемъ: при немъ били кнутомъ торговцевъ старомоднымъ платьемъ, хозяевъ, держащихъ у себя гулящихъ людей, не соблюдающихъ правилъ городского благоустройства (бросающихъ на улицу соръ и пометъ), скрывающихъ, сколько въ ихъ дворахъ заболѣло горячкой; кнутъ и каторга—для торгующихъ мертвечиной или бьющихъ скотъ въ неуказанныхъ мѣстахъ; здоровыхъ нищихъ предписывалось бить кнутомъ и ссылатъ въ каторгу, потому что между ними «много воровъ бываетъ»³⁾.

Въ проектахъ уголовного Уложенія 1754—1766 г. Кнутъ занимаетъ видное мѣсто, хотя объемъ его примѣненія нѣсколько сужень, такъ какъ за важнѣйшія преступленія въ проектахъ щедро назначается смертная казнь. Кнутъ полагался по первой редакціи проектовъ вмѣстѣ съ каторгой: за обнаженіе оружія

---

¹⁾ Роспись. Чтеніе, 1883 г. кн. 1, стр. 17, 19 21—24, 26—32, 35, 38.

²⁾ Акты историч. III № 92, Олеарій. о. с. стр. 176.

³⁾ П. С. З. 1887 г. 1701, 2756, г. 1713. 3212, г. 1718. 4047, 4103, г. 1722.

для нанесенія удара, за притворное чудо, за обнаженіе оружія въ присутствіи Государя, за ложное объявленіе слова и дѣла (для негодныхъ къ военной службѣ), за членовредительство для избѣжанія рекрутства, за вытравленіе плода, за покушеніе на отравленіе, за разбой — въ нѣкоторыхъ менѣе важныхъ случаяхъ, грабежъ платья съ прохожихъ, за кражу отъ 30 до 40 руб., за вторую кражу, если стоимость украденнаго въ оба раза превышаетъ 20 р., за третью кражу сельскихъ продуктовъ и охотничьихъ принадлежностей (ссылка въ отдаленные города), за укрывательство находки въ 3 разъ, за поддѣлку монеты, за обманъ въ 3 разъ въ качествѣ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, за подметныя письма о поджогѣ и похвальбу поджогомъ, за бой и увѣче, за наѣздъ или находъ на чужой дворъ, за тѣлесное поврежденіе, за отдачу чужихъ бѣглыхъ въ рекруты, за побѣгъ за границу, за содомскій грѣхъ.

Самостоятельное наказаніе кнутомъ въ проектахъ предполагалось назначать, такъ же какъ и въ вышеупомянутыхъ случаяхъ для подлыхъ и несостоящихъ въ рангахъ (см. стр. 111), за распространеніе суетвѣрій, за незаконную торговлю ядомъ, за участіе въ разбоѣ, за первую кражу отъ 20 до 30 р., за сокрытіе находки (во второй разъ), за похвальбу поджогомъ въ пьянствѣ, пастухамъ за неосторожный поджогъ, за пасквили, за противодѣйствіе власти, за вымогательство купчей крѣпости, за подметныя письма съ доносами, за изнасилованіе при смягчающихъ обстоятельствахъ, за покушеніе на насильственный увозъ женщины, за неправильныя дѣйствія должностнаго лица при повальномъ обыскѣ, за противодѣйствіе власти, за подлогъ, за двойной залогъ имѣнія, за обманную продажу крѣпостныхъ, за самозванство, въ болѣе важныхъ случаяхъ, за подмѣнъ младенца, за обмѣръ при продажѣ водки во второй разъ и въ лавкахъ при обмѣрѣ выше гривны. Нещадное битие кнутомъ и ссылка назначались по проектамъ, за совращеніе въ расколъ, за провинности крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщиковъ, за возмущеніе крестьянъ, за обманы при продажѣ соли, за увозъ насильственный чужого хлѣба или сѣна съ полей и за участіе въ дракахъ при этомъ, за препятствованіе домо-

хозяевами дорожнымъ людямъ остановиться у нихъ на ночлегъ¹⁾.

Въ послѣдней редакціи проектовъ впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ кнутъ былъ замѣненъ плетью; обратный случай составляетъ исключеніе, такъ въ послѣдней редакціи только за сводничество назначенъ кнутъ взамѣнъ плетей первоначальной редакціи²⁾.

Въ послѣдующія эпохи, по мѣрѣ пріобрѣтенія все большаго и большаго значенія другими менѣе жестокими видами болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, область примѣненія кнута сокращается сначала на практикѣ: многія преступленія, за которыя прежде слѣдоваль кнутъ, караются плетью, шпицрутенами и т. д. Однако до конца (до 1845 г.) кнутъ не утратилъ важнаго мѣста среди наказаній: по проекту 1813 года его предполагалось назначать при всѣхъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою вырѣзаніе ноздрей, клейменіе и вѣчную ссылку, равно какъ и за преступленія, караемые ссылкой на поселеніе и даже болѣе слабыми наказаніями (III-го рода)³⁾.

По своду обоихъ изданій 1833 и 1842 г. кнутъ упоминается въ 50 статьяхъ въ соединеніи съ каторжными работами для лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній⁴⁾, слѣдо-

1) Проекты уголовного Уложенія 1754—1766 г. подъ ред. А. А. Востокова, предисловіе Н. Д. Сергѣевского. Спб. 1882, гл. 17, ст. 4; глав. 18, 4; глава 27, 3; гл. 29, 3; гл. 31, 2, 22; гл. 33, 3, 7, 14; гл. 38, 4, 15; гл. 39, 5, 6; гл. 41; гл. 43, 2; гл. 45, 5; гл. 46, 3; гл. 47, 1, 2; гл. 51, ст. 14; гл. 52, 1; гл. 54, 6; гл. 54, 3, 17, 19, 22, 25; гл. 55, 2, 5; гл. 56, 1; гл. 19, 2; гл. 54, 18; гл. 62, 7; гл. 18, 3; гл. 31, 6; гл. 32, 10; гл. 33, 4, 19; гл. 39, 6, 16; гл. 43, 7; гл. 52, 2; гл. 54, 9, 20, 21, 26; гл. 55, 3; гл. 58, 2, 3.

2) Проекты уголовного Уложенія гл. 50, 3.

3) Важнѣйшими изъ названныхъ преступленій по проекту 1813 г. были: оскорбленіе Высочайшей чести (§ 140), измѣнческія сношенія съ иностранцами (149), богохуленіе по легкомыслію (114), церковный мятежъ (115—117), обольщеніе православныхъ (120), тяжкое тѣлесное поврежденіе (129), и другія въ ст. 157, 336, 340—342, 345, 357, 374, 399, 493, 501, 503, 521, 543, 340, 341, 542, 543, 549.

4) Сюда подходили слѣдующія преступленія: богохуленіе и поношеніе церкви и таинства (182, 183), церковный мятежъ (206), святотатство (210), (212), разрытіе могилъ и ограбленіе мертвыхъ (213), и престу-

вательно, сравнительно съ Улож. 1649 г., произошло уменьшение почти въ 3 раза, вмѣстѣ съ этимъ, съ изданіемъ свода исчезла возможность примѣнять кнутъ помимо случаевъ, указанныхъ въ законѣ. Въ такомъ объемѣ кнутъ и сохранился до 1845 г.

Примѣненіе кнута ограничивалось и тѣмъ, что онъ не употреблялся повсемѣстно въ Россіи: онъ не назначался въ Остзейскихъ губерніяхъ, какъ это доказывается указомъ 1784 г. Въ этомъ году дѣвка Лено была приговорена къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы, генераль-губернаторъ, разсмотрѣвъ это рѣшеніе, нашель, что оно не согласно съ указомъ отъ 30 сентября 1754 г., по его требованію уголовная палата присудила виновную бить кнутомъ «а такъ какъ, говорится дальше, сіе кнутомъ сѣченіе не было въ обычаѣ и людей къ таковымъ экзекуціямъ употребляемыхъ тамъ нѣтъ, а при томъ наказаніе прутьями тяжкихъ преступниковъ подтверждено», то генераль-губернаторъ спрашиваль, наказывать ли вообще тяжкихъ преступниковъ кнутомъ или «по введенному тамъ издревле обыкновенію... вмѣняя на мѣсто казни, розги?» (паррутену). Сенать разрѣшилъ наказывать по введенному тамъ обыкновенію. Въ царствованіе Александра I въ 1803 г. по представленіи главноуправляющаго Грузіей кн. Циціанова кнутъ для этой области былъ замѣненъ шпицрутенами ¹⁾.

Распространенность кнута, такъ сказать, его ежедневное примѣненіе по самымъ разнообразнымъ поводамъ создали ему особо привилегированное положеніе; въ указахъ и приговорахъ уже не было надобности употреблять слово «кнутъ» или даже «торговую казнь» (терминъ, сохранившійся впро-

---

пленія, указанные въ статьяхъ 217—224, 226, 228, 247—249, 320—327, 332, 341, 344, 345, 389, 390, 441, 442, 537, 557, 558, 637—640, 675—677, 680, 683, 685, 686, 726, 727. Сравни. ст. 195, 196, 202, 224, 230, 231, 235—242, 244—46, 253, 254, 268, 269, 343, 274, 275, 361—63, 372—6, 384, 429, 430, 495—498, 614—616, 638, 639, 738—742, 787, 788, 790, 792, 793, 797, 800, 841, 842, 1378—1390. Сводъ изд. 1842 г.

¹⁾ П. С. З. 11.865 г. 1763, 20.472 г. 1803.

чемъ до отмѣны кнута), въ эпоху Уложения 1649 г. онъ уже назывался однимъ словомъ «наказаніе», въ противоположность казни (членовредительному наказанію и смертной казни), или чаще «жестокимъ наказаніемъ», такъ какъ подъ первымъ наименованіемъ могъ пониматься не только кнутъ, но и др. болѣзненные тѣлесныя наказанія, въ петровское время на ряду съ «жестокимъ наказаніемъ» появляется и жестокое истязаніе; выраженіе «жестокое истязаніе на тѣлѣ» упоминается, какъ указано ниже, до 1808 г., но попадаетъ оно по традиціямъ и позднѣе: въ сенатскомъ приговорѣ 1830 г. опредѣляется «жестокое наказаніе» крестьянамъ за карантинныя провинности ¹⁾. Съ измѣненіемъ взглядовъ на карательныя мѣры, когда, за непримѣненіемъ смертной казни и членовредительныхъ наказаній, кнутъ сталъ самымъ высшимъ по тяжести наказаніемъ, на него перешло и названіе казни: въ сводѣ (1833 г., т. XV, ст. 1200) онъ называется или по старому торговою казнью или просто казнью.

IV.

Выяснивъ на сколько важное значеніе имѣлъ кнутъ въ русскомъ правѣ, перехожу къ описанію выполненія и послѣдствій этого наказанія и обстановки, при которой оно производилось.

Битье кнутомъ раздѣлялось на простое, съ пощадою, или нещадное, безъ пощады, безъ всякаго милосердія. Напр. судная грамота 1614 г. такъ предписывала бить кнутомъ ябедниковъ, уставная книга разбойнаго приказа — лучшихъ людей за невѣрное показаніе на повальномъ обыскѣ ²⁾. Нещадное битье назначено въ 1616 г. Бестужеву за пропускъ посадскихъ людей мимо заставъ. Въ 1719 г. бить кнутомъ безъ всякой пощады предписано приказчиковъ за неусмотрѣніе за крестьянами (не удерживали отъ разбоевъ). Въ 1730 г. не-

¹⁾ П. С. З., т. V, г. 1830.

²⁾ *Сергиевскій*, о. с. стр. 160 и слѣд. Акты, собран. архивн. экспедиціей III, № 36, 1614. Грамота Устюжны Желѣзновильской. Уставная книга разбойнаго приказа (1617 г.) Акты истор. III, № 167.

щадно бить кнутомъ и ссылатъ приказано членовредителей рекрутъ. «Наижесточайшее истязаніе» встрѣчается и въ указахъ Екатерининскаго времени и позднѣе ¹⁾. Лишь въ 1802 г.—запрещено употреблять выраженія «жестоко» и «нещадно» въ приговорахъ военныхъ судовъ, въ 1808 г.—въ гражданскихъ, такъ какъ «Его Величество усмотрѣлъ», говорилось въ указѣ, «изъ меморіи сената, что нѣкоторыя уголовныя палаты употребляютъ эти выраженія» ²⁾.

Битье кнутомъ происходило публично на площади, гдѣ собиралось больше народу, у присутственныхъ мѣстъ, на торгахъ (Уложеніе 1649. X.). Въ Москвѣ обыкновеннымъ мѣстомъ для экзекуціи была Красная площадь, по указу 1685 г. казни велѣно исполнять передъ Спасскими воротами; въ С.-Петербургѣ онѣ происходили на Троицкой площади, за Кронверкомъ у столба (1724 г.). Иногда для большей примѣрности наказаніе совершалось на мѣстѣ преступленія: такъ наказывались по Уложенію виновные въ уничтоженіи межей (Улож. X, 231); вообще о мѣстахъ исполненія наказаній говорится въ нѣсколькихъ статьяхъ Уложенія 1649: X, 251, XI, 34, XXI, 55, XXII, 11, XXV, 3, 4, 6. Въ 1763 г. самозванецъ Кремлевъ былъ бить кнутомъ «во всѣхъ селахъ, гдѣ чинилъ о себѣ ложныя разглашенія» ³⁾. Для примѣрности очень часто наказаніе исполнялось въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ напр., какъ сообщаетъ Георгій Конисскій, въ 1762 г. казаки, не пожелавшіе нести пикинерной службы, «вожены были по всѣмъ мѣстечкамъ въ пикинерномъ полку и въ каждомъ биты безъ пощады кнутомъ»; этотъ способъ исполненія не былъ новымъ, такъ какъ уже Бѣлозерская и Соль-Галицкая губныя грамоты предписываютъ разбойниковъ «бить кнутьемъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ они воровали, по всѣмъ торгамъ». Можно думать, что въ XVIII вѣкѣ это раздѣленіе

¹⁾ Дополненія къ актамъ истор. II, № 47, П. С. З. 3477 г. 1719. 5632 г. 1730. 11962 г. 1763.

²⁾ П. С. З. 20.115, г. 1802, 23,279, г. 1808.

³⁾ *Снеиревъ, И.* О лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ. Чтенія, 1861 г. Январь—мартъ, стр. 12.

казни было обычнымъ для тяжкихъ преступниковъ: «убійца, злодѣй, писалъ кн. Щербатовъ... возится по торгамъ, съ перемежкою терпитъ все мученіе смертной казни, таковыхъ осужденныхъ... возятъ по разнымъ частямъ города и повсюду имъ сіе мучительное наказаніе возобновляютъ»¹⁾. Само собою разумѣется, что тяжесть наказанія при такомъ выполненіи чрезмѣрно усиливалась, независимо отъ тяжести преступленія и отъ судебного приговора; отмѣна этой бесполезной жестокости была значительнымъ облегченіемъ. Поводомъ къ ней послужило исполненіе наказанія надъ 6 татарами, въ 1817 г., приговоренными Таврическимъ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ за смертоубійство, грабежъ и святотатство къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ поздрей и клейменіемъ и къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу. Наказаніе кнутомъ приказано было выполнить въ Симферополѣ, Карасу-базарѣ, Феодосіи и въ деревняхъ, гдѣ жили преступники «отъ чего сіи послѣдніе по наказаніи въ лѣтнее время были перевозимы изъ города въ городъ безъ лѣченія ранъ, получили болѣзнь и тѣла ихъ гнили у живыхъ, имѣя заразительный духъ, а два важнѣйшіе изъ тѣхъ преступниковъ, не перенеся учиненнаго имъ въ Симферополѣ и Карасу-базарѣ наказанія, умерли по доставленіи ихъ въ Феодосію, прежде учиненной тамъ надъ ними экзекуціи»²⁾. Императоръ Александръ I, узнавъ объ этомъ случаѣ, приказалъ измѣнить законъ и разслѣдовать дѣло, вслѣдствіе чего комитетъ министровъ запросилъ судъ, «чѣмъ онъ руководствовался въ учиненіи такового приговора и почему столь безчеловѣчно поступлено было съ означенными преступниками?» Дѣло кончилось тѣмъ, что полиція была признана виноватой въ данномъ случаѣ, такъ какъ пересылала наказанныхъ, вопреки закону, не ожидая ихъ исцѣленія. Что касается закона, то онъ былъ изданъ въ 1822 г., когда Вы-

¹⁾ Акты, собран. въ библиот. и архивахъ, т. I, № 187, 192, 194. Кошисскій, Исторія Руссовъ. 1846 г., стр. 254. Щербатовъ, М. Размышленія о смертной казни. Чтенія. 1860. I, стр. 67—68.

²⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта, Департ. Законовъ. 1818 г. № 6; 1819 г., № 25.

сочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было предписано подтвердить повсемѣстно, чтобы одинъ преступникъ наказывался въ одномъ мѣстѣ. Если же кто совершить преступленіе въ разныхъ уѣздахъ или городахъ, то начальники губерній должны назначать для наказанія преступника тотъ городъ, который многочисленнѣе прочихъ. Изъ разныхъ злодѣевъ, участвовавшихъ вмѣстѣ въ преступленія, совершенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, смотря по числу людей, назначать каждому или нѣсколькимъ особое мѣсто для исполненія наказанія. Измѣненіе стараго порядка мотивировалось въ законѣ тѣмъ соображеніемъ, что преступниковъ «иногда перевозили съ мѣста на мѣсто для наказанія безъ исцѣленія ранъ»¹⁾.

Частое примѣненіе кнута содѣйствовало выработкѣ особыхъ способовъ битья, болѣе или менѣе жестокихъ и позорныхъ. Такихъ способовъ извѣстно три: 1) простое битье кнутомъ, 2) въ проводку и 3) на козлѣ²⁾. Въ XVII вѣкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 2 способа соединялись вмѣстѣ, такъ напр.: въ 1684 г. за слова о бунтѣ виновные были нещадно биты кнутомъ на козлѣ и въ проводку, точно также, на козлѣ и въ проводку, вмѣсто смертной казни были наказаны 2 стрѣльца въ 1690 г. Въ старину (XVII в.) наказаніе кнутомъ сопровождалось еще особыми позорящими дополненіями, по словамъ Котошихина, напр., мужчинъ и женщинъ, виновныхъ въ блудодѣяніи водили голыхъ и били въ проводку; Олеарій передаетъ, что наказываемымъ за употребленіе табаку, вѣшалась на шею пачка нечестиваго зелья; въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказываемымъ за лихоимство вѣшали на шею вещи, полученныя ими въ подарокъ³⁾.

Простое битье состояло по описанію Олеарія въ томъ, что преступника раздѣвали до пояса и клали на спину помощника палача, бравшаго его за руки. Ноги связывались

¹⁾ П. С. З. 28.827, 1822 г.

²⁾ Сертневскій, о. с. стр. 155.

³⁾ Сказанія, III, стр. 36.

веревкой, конецъ которой держалъ другой помощникъ, чтобы наказываемый не могъ двигаться. Въ трехъ шагахъ стоялъ палачъ и билъ изо всей силы длиннымъ и толстымъ кнутомъ. По свидѣтельству другихъ очевидцевъ (Юсть-Юль, Берхгольцъ) палачи для удара отступали на нѣсколько шаговъ и, припрыгнувъ, ударяли съ разбѣга вдоль спины, между плечъ. Объ этомъ способѣ говорить, какъ о дѣйствующемъ, проектъ Уголовнаго Уложенія 1754 г., предполагающій въ отношеніи къ нему одну поправку: запрещеніе брать (разумѣется, насильно) въ помощники палачу постороннихъ людей, кромѣ пытаныхъ.

Второй способъ (битье въ проводку) заключался въ томъ, что двое вели осужденнаго подъ руки по улицамъ, а палачъ шель сзади и билъ. Этотъ способъ дѣлалъ наказаніе очень нагляднымъ и часто примѣнялся на ряду съ первымъ въ XVII в. Встрѣчаются случаи примѣненія его и въ XVIII в., напр., въ 1713 г. велѣно было урядника Ѳедора Гредова «за продажу рекрутамъ хлѣба и калачей изъ барыша бить кнутомъ въ проводку». Въ 1750 г. виновныхъ въ кражѣ во время пожара въ Нижн.-Новгородѣ сенатъ предписалъ «для скорѣйшаго другихъ страху... вода по всѣмъ улицамъ, учинить имъ жестокое наказаніе, бить кнутомъ нещадно»¹⁾. И первый и второй способы просуществовали до времени Александра I, когда были окончательно замѣнены третьимъ способомъ—битьемъ на козлѣ, кобылѣ или машинѣ, считавшимся, впрочемъ, ординарнымъ способомъ выполненія наказанія еще въ проектѣ 1754; этотъ способъ былъ единственнымъ, уцѣлѣвшимъ до отмены кнута. Въ XVII ст. онъ уже упоминается памятниками такъ же часто, какъ 2 предшествующіе способа, напр. 1650 г. бить кнутомъ товарищъ Томскаго воеводы Бунаковъ на козлѣ передъ сѣзжею избою. Каково было устройство кобылы или машины (выраженіе проекта 1754 г.) въ источникахъ не объясняется, но можно пред-

¹⁾ *Олеарій*. Путешествіе, стр. 302. *Берхгольцъ*. Дневникъ, ч. I, стр. 103. Доклады, III, II, 1177. П. С. З. 9707, г. 1750.

положить, что и оно, какъ кнутъ, если и подвергалось во время своего существованія какимъ либо измѣненіямъ и усовершенствованіямъ, то не особенно важнымъ и не многимъ отличалось отъ станка, на которомъ производилось наказаніе въ XIX в. ¹⁾). По описаніямъ Штельцера и Колмакова, относящимся къ первой четверти XIX стол., кобыла представляла изъ себя крестообразный станокъ, приспособленный такимъ образомъ, что преступникъ, обнаженный до пояса, привязывался къ нему руками и ногами и находился въ полустоячемъ положеніи; его ноги прикрѣплялись ремнями, руки привязывались отдѣльно къ каждой сторонѣ креста, къ серединѣ послѣдняго притягивалась ремнями шея, впрочемъ настолько свободно, что не сдавливалась грудь. Благодаря этимъ приспособленіямъ преступникъ оставался совершенно неподвижнымъ пока производилось наказаніе. Очевидецъ наказанія кнутомъ военныхъ поселенъ послѣ бунта 1831 г., Л. А. Сѣряковъ, описываетъ кобылу, какъ доску въ человѣческой ростъ съ вырѣзомъ для шеи и рукъ, такъ что преступнику приходилось обхватывать ее руками, которыя скручивались ремнемъ; ремнями же притягивались къ доскѣ шея и ноги. Свидѣтельства очевидцевъ вполне сходятся съ официальнымъ описаніемъ станка, относящимся, приблизительно, къ 1831 г., въ которомъ онъ деликатно называется «кобылкой». «Кобылка для наказанія, говоритъ названный любопытный документъ, состоитъ изъ щита съ выемками вверху для головы и рукъ, внизу для привязыванія ногъ. Кобылка вращается на двухъ пятникахъ. Длина ея отъ пятниковъ до вырѣза для головы 2 ар. 4 верш. Подъ нею дѣлаются 2 желѣзныя подставки: короткая въ разстояніи отъ пятника 1 ар. 13¹/₂ вершк. назначается поддерживать кобылку во время наказанія такъ, чтобы наклоненіе кобылки относительно помоста составляло уголъ въ 23°; а длинная въ разстояніи 1 ар. 12 вершк. отъ

⁴⁾ Проектъ 1754, гл. 13, п. 10 и 13. Дополненіе къ актамъ и историч. № 68, г. 1650. Отписка Томскаго воеводы. XI, № 71, г. 1684. XII, № 59, г. 1690. *Колмаковъ*. Очерки и воспоминанія Р. Ст. 1891, т. 70, стр. 33. Steltzer, о. с. стр. 404—410.

пятника назначена поддерживать кобылку при наложеніи клейма, такъ чтобы уголь равнялся 45° . Обѣ подставки нижними концами упираются въ 2 пары шиповъ, которые сдѣланы на желѣзныхъ полосахъ, укрѣпленныхъ въ углубленіи, куда укладывается кобылка; разстояніе отъ пятниковъ до 1 пары шиповъ, въ которые упирается короткая подставка, 1 ар. 12 верш., а до второй — 2 арш. 5 верш. Вся платформа застилается досками». (Р. Стар. 1890 г., т. 67, стр. 220). Экзекуціи производились на платформѣ, обыкновенно устроенной на нѣкоторомъ возвышеніи (эшафотъ), чтобы народу была видна процедура наказанія, иногда, впрочемъ, отъ этого правила дѣлались отступленія, напр. при наказаніи военно-поселенцевъ въ 1831 г. кобыла была установлена прямо на плацу.

Устрашительныя цѣли, преслѣдуемыя при наказаніи кнута, стремленіе грозной обрядностью усилить впечатлѣніе экзекуціи, вызвали появленіе особаго ритуала при выполнении этого наказанія. Впослѣдствіи, когда кнутъ въ 1845 г. былъ отмѣненъ, цѣль и задачи наказанія, которымъ онъ служилъ, сохранились. Обрядность считалась по прежнему необходимой для устрашенія возможныхъ будущихъ преступниковъ, поэтому съ кнутомъ не исчезла торжественная обстановка, декорація, при которой происходило битье этимъ инструментомъ: она была перенесена, хотя и не въ полномъ объемѣ, на наказаніе плетью, такъ что тѣлесныя наказанія, смягчившись по существу, по мысли законодателя не должны были потерять ни одного аксесуара, могущаго внушить «спасительный страхъ»; слѣдуетъ замѣтить, что въ такомъ же направленіи практика дѣйствовала и раньше, примѣняя въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе плетью замѣняло кнутъ, публичное битье палачами; съ уничтоженіемъ кнута былъ сдѣланъ въ этомъ отношеніи только послѣдній шагъ, закрѣпившій прежде существовавшій порядокъ ¹⁾.

---

¹⁾ По описанію Рихтера и Гейслера наказаніе кнутомъ исполнялось «на назначенной для этого площади въ присутствіи и подъ надзоромъ полицейскихъ или военныхъ чиновъ. Особые «кнотовые мастера» или палачи исполняли это наказаніе, которое сопровождалось торжествен-

Обрядности при выполненіи наказанія кнотомъ естественно дѣлились на 2 періода: а) до наказанія (подготовительныя дѣйствія въ тюрьмѣ, перевозка арестанта) и в) выполненіе наказанія (выставка у позорнаго столба и наказаніе). Подготовительныя дѣйствія состояли въ томъ, что преступника, по объявленіи приговора, помѣщали на нѣсколько дней отдѣльно и заковывали, къ нему приходилъ священникъ для собесѣдованія, исповѣди и причащенія; въ ночь предъ исполненіемъ приговора въ тюрьму привозили, такъ называемую, позорную колесницу. Утромъ преступнику надѣвали чистое бѣлье, длинный черный кафтанъ и шапку, на грудь вѣшали черную доску, на которой бѣлыми буквами обозначалось названіе преступленія, совершеннаго осужденнымъ. Затѣмъ его сажали на колесницу спиной къ лошади и привязывали ремнями къ скамейкѣ; колесницу окружала стража, въ такомъ видѣ процессія отправлялась къ эшафоту. Названный порядокъ, можно думать, вполне выработался лишь въ эпоху Уложенія 1845 г. Штельцеръ, видѣвшій церемонію перевозки въ началѣ столѣтія, пишетъ, что преступниковъ везли въ телѣгахъ подъ военнымъ конвоемъ, сзади ѣхалъ палачъ съ помощниками (позднѣе, когда палачей запрещено было показывать, ихъ привозили на мѣсто казни въ закрытомъ фургонѣ), въ рукахъ у каждаго изъ осужденныхъ была горящая восковая свѣча. Церемоніи соблюдались тамъ, гдѣ это было цѣлесообразно по мѣстнымъ условіямъ: при

ностью публичнаго наказанія». «Оно производится слѣдующимъ образомъ: преступникъ, обнаженный до бедеръ ставился къ вѣрному столбу (кобылѣ), находящемуся по срединѣ площади, такъ что его руки входили въ соответствующія углубленія въ столбѣ; руки и ноги прикрѣплялись цѣпами, такъ что преступникъ почти не могъ двигаться и оставался въ положеніи, при которомъ его спина подставлена подъ удары. Палачъ, держа кнутъ въ правой, а иногда въ обѣихъ рукахъ, отступаетъ на нѣсколько шаговъ и затѣмъ ударяетъ кнотомъ, подбѣжавъ или подпрыгнувъ къ несчастному. Удары ложатся въ перпендикулярномъ направленіи по спинѣ и палачи такъ искусны, что каждый слѣдующій ударъ падаетъ рядомъ съ предыдущимъ и такимъ способомъ разсѣкается вся спина». I. Richter et C. G. Heissler. Chatiments usités en Russie. Leipzig, VIII.

наказаніи военныхъ поселенъ, какъ передаетъ Л. А. Сѣряковъ, осужденныхъ приводили на плацъ пѣшкомъ и наказывали по очереди въ присутствіи другихъ подлежащихъ наказанію и мѣстныхъ жителей.

Вторая часть экзекуціи начиналась барабаннымъ боемъ, возвѣщавшимъ объ исполненіи наказанія. Преступнику читали приговоръ, для этого его ставили на лѣстницу эшафота. Если была назначена выставка у позорнаго столба, виновнаго, послѣ чтенія приговора, прикрѣпляли на нѣкоторое время къ столбу, устроенному на эшафотѣ, цѣпями, идущими отъ середины столба, затѣмъ отвязывали, и тогда наступалъ главный моментъ—выполненіе тѣлеснаго наказанія. Съ осужденнаго снимали верхнее платье, палачи разрывали на немъ рубашку, обнажали его до пояса и прикрѣпляли къ кобылѣ, потомъ они брали орудія наказанія, лежавшія въ углу эшафота, и, перешагнувъ черезъ нихъ ногою, ждали приказа. Палачи били крестообразно, т. е. такъ, чтобы удары не касались головы и боковъ (послѣднее, по свидѣтельству Штельцера, при наказаніи кнутомъ влекло за собою смерть). Если наказаніе исполнялъ одинъ палачъ, то ударивъ съ одной стороны онъ переходилъ на другую, если ихъ было два, они становились съ обѣихъ сторонъ въ ногахъ преступника и били поочередно ¹⁾. Какъ передаетъ Штельцеръ, палачи работали кнутомъ очень искусно, ударъ падалъ возлѣ удара. Послѣ каждаго удара палачъ сбрасывалъ свободной рукой кровь, приставшую къ краямъ кнута; ударяли кнутомъ такъ, что на спину ложился его хвостъ, который и приходилось мѣнять черезъ нѣсколько ударовъ, когда кожа размягчалась отъ крови (Штельцеръ говоритъ, что хвостъ мѣнялся черезъ каждые 10 ударовъ). По описанію Л. А. Сѣрякова первые удары кнутомъ дѣлались крестъ на крестъ, послѣдующіе вдоль и поперекъ спины. «При первыхъ ударахъ, передаетъ тотъ же очевидецъ, обыкновенно слышенъ былъ у

---

¹⁾ *Студенкинъ*. Запечные мастера. Р. Ст. 1873. Т. 8, стр. 202, 214 — 217. *Есиповъ*. Колдовство. Др. и Нов. Россія, 1878. Т. III, стр. 244.

казнимыхъ глухой стонъ, который умолкалъ скоро, затѣмъ ужъ ихъ рубили, какъ мясо. Во время дѣла.. палачъ подходилъ къ стоявшему на свѣгу полуштофу, выпивалъ стаканъ водки и опять принимался за работу. Все это дѣлалось очень, очень медленно. При казни присутствовалъ священникъ и докторъ. Когда наказанный не издавалъ ни стопа, ни звука, не замѣчалось признаковъ жизни... ему развязывали руки, и докторъ давалъ нюхать спиртъ. Затѣмъ, если преступникъ оказывался живъ, то казнь продолжалась... Послѣ кнута наказаннаго сажали на барабанъ, на спину, которая походила на высоко вздутое рубленое мясо, накидывался какой-то тулупъ¹⁾. Этотъ «тулупъ» былъ еще извѣстенъ въ XVII ст.: наказанныхъ уже тогда заворачивали въ свѣже-содранную баранью шкуру; объ употребленіи этой шкуры говоритъ и Штельцеръ, упоминая, что наказанныхъ клали на землю и покрывали шубой. Можно предположить, что «шуба» надѣвалась въ тѣхъ случаяхъ, когда число ударовъ было весьма значительно: по крайней мѣрѣ, по разсказу Штельцера двое, получившіе по 25 ударовъ кнута, сами надѣли на себя рубашки, что какъ бы указываетъ на возможность обходиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ овчины. Послѣ наказанія плетью, по описанію г. Студенкина, на отвязаннаго отъ кобылы преступника палачи накидывали рубашку, послѣ чего налапались клейма (при наказаніи кнутомъ точно также немедленно послѣ экзекуціи вынимались ноздри (до 1817 г.) и ставились клейма), и наказанный передавался полицейскимъ, которые, набросивъ на него кафтанъ и шапку, сводили его съ эшафота и помѣщали въ особый фургоны съ выдвигнымъ матрацомъ; наказанный ложился на него грудью; въ фургоны же находился фельдшеръ съ медикаментами. Конечно эти приспособленія относятся къ позднѣйшему времени, до того перевозка преступниковъ совершалась безо всякой заботливости и даже въ ссылку отправляли, не дожидаясь исцѣленія ранъ. А. К. Граббе въ своихъ

---

¹⁾ Моя трудовая жизнь. Разсказъ гравера Л. А. Стрякова. Р. Ст. 1875. Т. 14, стр. 169—171.

воспоминанійхъ рассказываетъ, что наказанныхъ кнутомъ въ 1831—32 г. военныхъ поселянъ отправили въ ссылку уже на третій день ¹⁾, такъ что почти всѣ они умерли.

Полицейскій строй государства, при которомъ личность была лишь объектомъ для тѣхъ или другихъ мѣропріятій, вызвалъ и поддерживалъ неопредѣленность въ наказаніи. Одинъ и тотъ же кнутъ съ тѣми же дополненіями (ссылкой, каторгой, тюрьмой) назначался за массу разнородныхъ преступленій, за которыя на практикѣ, однако, наказаніе могло варьироваться отъ нѣсколькихъ ударовъ до засѣченія на смерть, между тѣмъ нигдѣ въ памятникахъ, щедро назначающихъ тѣлесныя наказанія, кнутъ, плети или батоги, не говорится о числѣ ударовъ, упоминается, да и то далеко не всегда, о способахъ битья, «на козлѣ» «въ проводку», «бить по торгамъ по 3 дня», назначается битье простое или нещадное, — и ничего больше, тогда какъ число ударовъ, особенно при наказаніи кнутомъ имѣло весьма важное значеніе: отъ него зависѣла, главнымъ образомъ, тяжесть наказанія, тѣмъ не менѣе такой порядокъ вещей продолжался до указа 1807 г., которымъ повелѣвалось опредѣлять въ приговорахъ судебныхъ палатъ число ударовъ кнутомъ ²⁾, благодаря чему стало возможнымъ контролирующимъ инстанціямъ наблюдать «за соразмѣрностью преступленія и наказанія». Какъ мало охранялись интересы наказываемыхъ видно изъ того, что лишь въ 1835 г. состоялся указъ, предписывавшій взыскивать съ судей по 200 руб. за каждый ударъ кнута, данный невинному (П. С. З. 7783, янв. 21. 1835, Сенатскій).

Предоставленная себѣ судебная практика вырабатывала извѣстныя нормы, примѣнявшіяся къ тому или другому преступленію, соответствовавшія простому или нещадному битью. Въ какихъ же предѣлахъ назначали судьи число ударовъ кнутомъ? Наименьшій размѣръ (minimum наказанія) не можетъ

¹⁾ Холерный бунтъ въ 1831 г. Изъ воспоминаній А. Е. Граббе. Р. Ст. 1876 стр. 533—535.

²⁾ П. С. З. 22.544, г. 1807.

быть, конечно, меньше одного удара: однимъ ударомъ была наказана въ 1816 г. солдатка Лашкова за утайку 26 коп. церковныхъ денегъ (въ виду того, что ей было уже 64 года ²⁾), но битье въ такомъ размѣрѣ, терявшее устрашительность, началось, очевидно, лишь въ исключительныхъ случаяхъ. По проекту 1813 г. *minimum* равнялся 5 ударамъ. Если для *minimum*'а имѣется граница, ниже которой идти было нельзя, то наоборотъ для *maximum*'а такихъ предѣловъ не существовало, т. е. они были фактически: наказаніе, конечно, прекращалось со смертью осужденнаго, но судьи могли приговаривать къ неопредѣленному числу ударовъ. Трудно съ увѣренностью сказать, на чемъ останавливалась русская юстиція, здѣсь приходится дѣйствовать путемъ наведенія. Кн. Щербатовъ, доказывая положеніе, что кнутъ суровѣе смертной казни, говорить, что онъ назначается безъ счету, иногда ударовъ отъ 300 и больше; если принять во вниманіе, что авторъ въ своихъ интересахъ сгущалъ краски и не преминулъ назвать высшее число ударовъ, какое представлялось вѣроятнымъ, то слѣдуетъ допустить, что въ XVIII в. по крайней мѣрѣ очень рѣдко назначалось болѣе 300 ударовъ. Это предположеніе подтверждается и Лопухинимъ, сообщающимъ, что главнокомандующій въ Москвѣ требовалъ отъ него назначенія для убійцы 200—300 ударовъ въ виду того, что это наказаніе замѣняетъ смертную казнь, слѣдовательно, требованіе ревнителей строгости не шли далѣе 300 ударовъ. И дѣйствительно, встрѣчается назначеніе этого числа: въ 1731 г. около 300 ударовъ кнутомъ получилъ на 2-й пыткѣ Столѣтовъ (злоумышленіе противъ императрицы). Еще въ 1828 г. въ Сибири двое каторжниковъ, обвиненныхъ въ убійствѣ, получили по 300 ударовъ. Нѣтъ основаній утверждать, что это число много превышалось и раньше: въ XVII в. боярскій приговоръ 1673 г. опредѣляетъ высшее число ударовъ на пыткѣ для сознавшихся воровъ въ 350 ¹⁾, но они давались на 3 пыткахъ съ извѣст-

²⁾ Чтенія. 1871. 2. Смѣсь, стр. 22—25.

¹⁾ П. С. З. 561. 1673 г.

нымъ роздыхомъ; этотъ роздыхъ, по свидѣтельству Котошихина, доходилъ до 20 дней, сразу на одной пыткѣ не давалось болѣе 150 ударовъ. Изъ ряда описаній пытокъ по важнымъ дѣламъ, напр. по стрѣлецкимъ бунтамъ видно, что число ударовъ было меньше указанной нормы: оно ограничивалось десятками ударовъ; женщинамъ давалось иногда всего по нѣсколько ударовъ кнута. Корбъ (въ концѣ XVII в.) передаетъ, что при немъ одинъ преступникъ былъ наказанъ болѣе, чѣмъ сотней ударовъ. По свидѣтельству Олеарія на его глазахъ одна женщина была наказана 16 ударами, мужчина 25. Котошихинъ утверждаетъ, что обычное наказаніе въ XVII в. не превышало 30—40 ударовъ ¹⁾. Такимъ образомъ мы можемъ съ значительной вѣроятностью принять за высшій предѣлъ наказанія 300 ударовъ кнута.

Но до тахіум'а наказаніе доходило рѣдко, въ особенно важныхъ случаяхъ, нормальное число ударовъ прежде всего зависѣло отъ формулы, въ которой назначалось битье: отъ того было ли оно простымъ или нещаднымъ; при первомъ число ударовъ едва ли превышало 50 уже въ XVII в., какъ можно заключить по одной грамотѣ патриарха Никона (1664 г.); большее число ударовъ составляло нещадное битье ²⁾, послѣднее продержалось до 1829 г., когда было запрещено назначать болѣе 50 ударовъ, хотя, собственно говоря, уже съ 1808 г., съ предписаніемъ не употреблять слова «нещадно и жестоко», битье, превышавшее норму простого, должно было прекратиться. Согласно съ повелѣніемъ 1829 г. и были наказаны кнутомъ 88 человекъ по дѣлу о холерномъ бунтѣ 1831 г.: 6 человекъ — 45 ударами, 38 человекъ — 30 — 40 ударами, остальные получили отъ 9 до 25 ударовъ ³⁾. Исключеніе было сдѣлано указомъ 1840 г. о наказаніи ссыльно-каторжныхъ, которымъ за тягчайшія преступленія, кромѣ другихъ наказа-

¹⁾ Сертневскій, о. с. 159.

²⁾ Сертневскій, о. с. стр. 162 и слѣд.

³⁾ Слезкинскій. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новгородъ. 1894 г., стр. 209.

ній, кнутъ могъ назначаться до 60 ударовъ, но въ этомъ случаѣ наказаніе служило единственно для устрашенія, въ указѣ поэтому находится грозная прибавка, что отъ тѣлеснаго наказанія «не избавляются ни женщины, ни престарѣлые, ни увѣчные, но мѣра наказанія назначается по соразмѣрности силъ ихъ»¹⁾.

Насколько можно заключить изъ нѣсколькихъ приговоровъ, состоявшихся по разнообразнымъ дѣламъ, простое битье кнутомъ до 50 ударовъ примѣнялось за весьма разнообразныя и довольно важныя преступленія, напр. сенатскому секретарю, виновному въ поддѣлкѣ подписи сенаторовъ, назначено 14 ударовъ, ювелиру Рокентину за кражу брилліантовъ на крупную сумму—25 ударовъ; одному осужденному за ложное слово и дѣло, два побѣга и кражу лошади—50 ударовъ, за кражу казенныхъ денегъ—30 ударовъ. Въ 1755 г. за колдовство дано 30 ударовъ кнутомъ нѣкому Холодову. Въ царствованіе Екатерины II работникъ за кражу 7000 руб. приговоренъ былъ къ 20 ударамъ, два раскольника за богохульство къ 30 ударамъ. Въ началѣ XIX вѣка виновнымъ въ оскорбленіи Величества было назначено одному 20, другому 40 ударовъ, за злостное банкротство—25²⁾.

Нещадное битье свыше 50 ударовъ назначалось за важнѣйшія преступленія (злодѣямъ и убійцамъ, по выраженію кн. Щербатова) и въ случаяхъ, гдѣ выдвигалось на первый планъ устрашеніе: въ 1771 г. главнымъ защитникамъ крестьянскихъ волненій дано было по 100 ударовъ; по свидѣтельству Штельцера при немъ былъ наказанъ убійца-грабитель 120 ударами, соучастники—90; но это число ударовъ считалось весьма тяжелымъ: въ 1797 г. Вятскій губернаторъ нашелъ 70 ударовъ кнута, къ чему былъ приговоренъ виновный въ кражѣ

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, 26, 1841 г.; П. С. З. 13, 657, 1840 г.

²⁾ *Берхгольцъ*, о. с. ч. III, стр. 29, 31, 104, 23. Тайная канцелярія при Петрѣ I. Русск. Старина, 1885 г. 48 стр. 231, 232. П. С. З. 16.817, г. 1790; 16.099, г. 1784. *Лопухинъ*. Вошь стариннаго судьи. Читенія. 1862, 2 стр. 146. П. С. З. 27.705 г. 1819. *Steltzer*, о. с. т. VII, стр. 408 и 412.

лошади, «отяготительнымъ» и назначилъ только 25 ударовъ. Извѣстный своими записками, Лопухинъ не допускалъ въ приговорахъ назначенія болѣе 50 ударовъ. Проектъ 1813 г. за высшій предѣлъ считаетъ 100 ударовъ (Jacob. Criminal Codex für das Russische Reich. Halle. 1818. 35. Проектъ, ст. 435). Правда, въ 1817 г. вышеупомянутымъ приговоромъ о 6 татарахъ (см. стр. 233) одному изъ нихъ было назначено 300, другому 201, третьему 150 и остальнымъ по 200 ударовъ, по дѣлу объ убійствѣ Минкиной, экономки Аракчеева, убійцамъ, не достигшимъ еще 21 года, назначено было: брату 175, сестрѣ 125 и въ 1828 году по дѣлу объ убійствѣ ссыльными крестьянина Ускова и его семьи 2 главнымъ виновнымъ назначено было по 300 ударовъ кнутомъ, а остальнымъ 5 — по 150 ударовъ и второстепенному участнику — 112 ударовъ ¹⁾, но это были исключительные случаи, превосходившіе обычную норму наказанія ²⁾.

Наказаніе кнутомъ было чрезвычайно жестокой и опасной для жизни преступника карой, причинявшей страшныя физическія страданія. Котошихинъ говоритъ, что послѣ каждаго удара на спинѣ «такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножомъ мало не до кости». Другіе авторы (Стрюйсь, Юсть-Юль, Берхгольцъ) утверждаютъ, что каждымъ ударомъ кнута тѣло наказуемаго пробивалось до костей; послѣ перваго удара, замѣчаетъ Корбъ, выступаетъ кровь и дѣлается рана толщиной въ палецъ ³⁾. Понятно, какъ тяжелы были послѣдствія этого наказанія: Олеарій передаетъ, что наказываемая при немъ женщина послѣ 16 ударовъ упала безъ чувствъ, спина ея и наказаннаго вмѣстѣ съ нею мужчины напоминали животныхъ, съ которыхъ содрана кожа. По извѣстіямъ московскаго лѣтописца Бера въ походѣ 1604 г. такъ сѣкли не

¹⁾ Вопросъ о смертной казни въ Сибири. Древн. и Нов. Россія 1878, стр. 319.

²⁾ П. С. З. 14.189 г. 1774, 17.900 г. 1797. *Философовъ*. Н. О. Минкина Р. Стар. 1884, т. 41, стр. 515.

³⁾ *Котошихинъ*, о. с. стр. 95, VII, стр. 34 гл. *Стрюйсь*, о. с. Русскій Архивъ, 1880 г. кн. I, стр. 59. *Корбъ*. V. Дневникъ, стр. 276.

являвшихся на службу, что на ихъ спинѣ не оставалось и столько дѣлаго мѣста, чтобы уколоть иглой; подобное же свидѣтельство находимъ и въ XIX вѣкѣ: въ 1824 г. д-ръ Трифоновъ, находясь въ путешествіи съ Александромъ I, осматривалъ по его приказанію въ Симбирскѣ наказаннаго кнута: «я подошелъ, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и снялъ повязку со спины преступника, — она была лишена покрововъ и представляла сплошную язву ¹⁾». Наказаніе кнута оставляло прочныя слѣды на наказанномъ и давало возможность узнать человѣка, побывавшаго въ катскихъ рукахъ: такъ И. С. Руничъ рассказываетъ, что при первомъ допросѣ Пугачева «палачъ, помочивъ водою ладонь правой руки, протянулъ оную по голой спинѣ Пугачева, и на ней въ ту же минуту обозначились багровыя полосы отъ прежнихъ ударовъ» ²⁾.

Но кнутъ вредилъ не только здоровью, какъ уже указано, онъ былъ опасенъ и для жизни, и легко могъ перейти по желанію власть имѣющихъ или исполнителей, палачей — въ мучительную квалифицированную казнь засѣченіемъ, при чемъ это не зависѣло даже отъ числа ударовъ: результатъ могъ быть достигнутъ и при небольшомъ ихъ количествѣ. Противъ этого мнѣнія объ опасности смерти при наказаніи кнута изъ современныхъ писателей говоритъ одинъ лишь нѣмецкій авторъ Штельцеръ (1807), вообще смотрящій на кнутъ чрезвычайно оптимистически, по его мнѣнію кнутъ даже мягче тѣлесныхъ наказаній, употреблявшихся тогда въ Саксоніи; онъ соглашался только признать, что при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ наказаніе было ужасно, но утѣшался тѣмъ соображеніемъ, что «какой народъ приходилось укрощать этимъ великимъ людямъ!» ³⁾. Наказанные умираютъ, утверждаетъ онъ дальше, только по исключенію; палача наказы-

---

¹⁾ Сказанія современниковъ о самозванцѣ, Ч. I, стр. 46. Воспоминанія Д. Н. Трифонова Р. Ст. 1872, т. V, стр. 357.

²⁾ Записки И. С. Рунича, Р. Стар. 1870, т. 2, стр. 252.

³⁾ *Steltzer*, о. с. стр. 414.

вають, если онъ забиваетъ на смерть; Штельцеръ передаетъ также слова одного доктора, что тотъ видѣлъ въ Сибири преступника, наказаннаго кнутомъ 15 разъ. Не трудно замѣтить логическую слабость этой защиты: если отъ палача зависѣло забить на смерть, то слѣдовательно, въ каждомъ данномъ случаѣ наказаніе могло перейти въ казнь, быть по произволу или страшно тяжелымъ, или наоборотъ сравнительно легкимъ; оно не удовлетворяло поэтому условіямъ правильнаго наказанія. Съ другой стороны, какъ явствуетъ изъ длиннаго ряда свидѣтельствъ, — забиваніе на смерть не было такимъ рѣдкимъ исключеніемъ, напротивъ являлось серьезной угрозой. Уже подъ 1493 г. читаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что одинъ изъ наказанныхъ за ссылку съ литовскимъ княземъ умеръ отъ торговой казни; Горсей передаетъ, что на его глазахъ (царствованіе Іоанна Грознаго) былъ засѣченъ 6 кнутами «изрубившими его спину, животъ и внутренности» князь Куракинъ за неудачную защиту Вендена. Сохранились указанія отъ XVII вѣка, что Лжедимитрій II на смерть засѣкалъ кнутомъ (1610 г.); кнутомъ же былъ засѣченъ, по сообщенію Оларія, сынъ Шеина ¹⁾. Засѣкали не только осужденныхъ по судебнымъ приговорамъ: протопопъ Аввакумъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что воевода Пашковъ на смерть билъ кнутомъ подчиненныхъ, ѣвшихъ лошадиное мясо въ постѣ. Позднѣе Юсть Юль даже высказываетъ мнѣніе, что рѣдко кто остается въ живыхъ послѣ 50 ударовъ; здѣсь опасность кнута нѣсколько преувеличена, но что дѣйствительно это число ударовъ составляло очень серьезное наказаніе доказывается записками И. В. Лопухина, служившаго въ московской уголовной палатѣ, который считалъ возможнымъ предѣломъ наказанія 50 ударовъ. Правда, что это было исключеніемъ въ то время, нежелательнымъ новшествомъ; практика Лопухина вызвала столкновеніе его съ главнокомандую-

¹⁾ Оларій, о. с. стр. 192. Разказъ или повѣствованіе о путешествіи сэра Горсея. Чтенія. 1877. Янв.—Март. стр. 15. Полн. Собр. лѣтоп. IV, стр. 162.

щимъ въ Москвѣ, который потребовалъ увеличенія числа ударовъ для убійцъ, и когда Лопухинъ отказалъ, началъ горячиться и утверждать, что нужно назначать 200—300 ударовъ, что жалѣть нечего и что это наказаніе вмѣсто смертной казни, на что Лопухинъ отвѣтилъ увлекшемуся сановнику слѣдующими справедливыми и благородными словами: «отмѣна смертной казни къ величайшей славѣ Россіи, въ первой Россіи утвержденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія, а ежели, вмѣсто того, чтобы отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій и всякая такая мѣра... уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія». Генераль-губернаторъ согласился съ судьей ¹⁾.

Не вездѣ относились такъ внимательно къ положенію осужденныхъ, и случаи засѣченія были и въ XVIII и даже въ XIX стол., объ этомъ хорошо знали современники, и лучшіе изъ нихъ справедливо негодовали на странное противорѣчіе закона, не примѣняющаго смертную казнь изъ милосердія и челоуѣколюбія и завѣдомо допускающаго наказаніе кнутомъ, которое превышаетъ замѣняемую имъ казнь по тяжести переносимыхъ наказуемымъ мученій. «Убійцы у насъ осуждаются, говоритъ краснорѣчивый историкъ князь М. Щербатовъ, быть биты кнутомъ по разнымъ мѣстамъ града, иногда даже безъ щету, даже до смерти, а иногда со щетомъ ударовъ отъ 300 и больше... Нѣкоторые изъ сихъ въ жесточайшихъ страданіяхъ нежели... самое пятереніе умирають. Другіе же, перенесши всю жестокость сію, безчувственные отвозятся въ тюрьмы и тамъ умирають; а нѣкоторые, есть и такіе, которые не умирають, а выздоравливають.... Законы наши.... отвергають смертную казнь... то можно ли судьѣ опредѣлить да еще мучительную казнь? Если скажутъ, что это только жестокое наказаніе, отъ коего, не снеся, нѣкоторые люди умирають, сіе есть смѣшная отговорка... ибо не должно никогда... гдѣ отмѣнена смертная казнь, опредѣлять наказанія.. отъ коего...

---

¹⁾ Записки московскаго мартиниста сенатора И. В. Лопухина. Р. Арх. 1884, 1, стр. 8 и 11.

можетъ человѣкъ лишиться живота... а не такого ли рода наказаніе есть 300—400 ударовъ кнудомъ? и малое число надлежитъ располагать по сложенію человѣка дабы его не умертвить». Конисскій говоритъ о засѣченіи въ 1762 г. на смерть казаковъ - пикинеровъ, въ позднѣйшее время былъ засѣченъ полковникъ Грузиновъ за непристойныя слова о Павлѣ I. Казнь эта, совершившаяся 5 сентября 1800 г. въ Новочеркасскѣ, началась при восходѣ солнца и кончилась въ 2 часа пополудни, когда утомился уже третій палачъ. Умиравшему Грузинову наложили клейма, приказали снять его съ эшафота и отнести къ пороховому погребу, гдѣ онъ и умеръ. По другому извѣстію, въ виду того, что не нашлось 4-го палача, осужденному дали напитокъ холодной воды, и онъ тотчасъ умеръ ¹⁾.

Искусство палачей было очень велико. Коллинсъ (XVII в.) рассказываетъ про московскихъ кнудовыхъ мастеровъ, что они чрезвычайно искусны, могутъ съ 6—7 ударовъ убить наказываемаго, что иногда ихъ подкупаютъ сообщники преступника, иногда, наоборотъ, дается приказаніе засѣчь до смерти ²⁾. Аббатъ Шаппъ д'Отерошъ сообщаетъ, что «палачи дѣлаютъ наказаніе кнудомъ болѣе или менѣе жестокимъ самымъ способомъ исполненія; они такъ искусны, что когда преступникъ предназначенъ къ смерти, они убиваютъ его по желанію однимъ или нѣсколькими ударами кнута» ³⁾. По словамъ Якоба ⁴⁾ палачъ тремя первыми ударами могъ убить преступника, перебивъ ему позвонки.

Любопытный примѣръ искусства и могущества палача при наказаніи даетъ экзекуція пастора Зейдера, приговореннаго къ кнуду, отъ котораго не могли спасти его ходатайства вліятельныхъ лицъ, послѣднія прибѣгли тогда къ другому

1) Казнь братьевъ Грузиновыхъ. Р. Стар. 1873. 7, стр. 574—5.

2) Коллинсъ, о. с. Чтенія, годъ I, стр. 22.

3) Voyage en Siberie fait par ordre du roi en 1761 par M. l'Abbé Charpe d'Auterroche t. II, стр. 370 и сл.

4) Jacob. Criminal. Codex für das russische Reich. Halle, 1818. См. также мнѣніе адмирала Мордвинова на стр. 126.

средству. Пасторъ Зейдеръ оставилъ описаніе своей казни, и мы приведемъ его характерный разговоръ. Осужденнаго вывели на площадь, въ серединѣ которой возвышался эшафотъ. «Офицеръ, позвавъ къ себѣ палача, сказалъ ему что-то на ухо. «Слушаю» отвѣтилъ тотъ, и принялся отвязывать орудіе казни... Меня хотѣли раздѣть, я самъ снялъ съ себя одежду... Меня привязали къ машинѣ. Палачъ приблизился ко мнѣ. Я ожидалъ смерти съ первымъ ударомъ... Вдругъ въ воздухѣ что-то просвистѣло: то былъ звукъ кнута; ...не касаясь моего тѣла, удары его слегка задѣвали только поясъ моихъ брюкъ»¹⁾... Этотъ примѣръ ярко показываетъ, какъ мало общаго съ справедливостью имѣло важнѣйшее тѣлесное наказаніе.

По свидѣтельству Калмыкова «какъ бы вѣрно ни были означены длина и вѣсъ кнута и плетей, рукоятка къ онимъ, число хвостовъ коими плети оканчиваются, уголъ наклоненія, подъ которымъ, должна стоять дыба (кобыла), къ которой привязывается преступникъ для наказанія кнутомъ — все-таки останется много произвола въ рукѣ самого палача. Одного удара достаточно для того, чтобы разрѣзать кожу такъ глубоко, что кровь заструится. Съ другой же стороны подкупленный палачъ... окровавить спину преступника и слѣдующими ударами размазываетъ только текущую кровь. Чѣмъ отложе поставлена дыба, тѣмъ тяжелѣе ударъ... Тяжесть удара зависитъ и отъ мѣры приближенія палача къ преступнику. Если палачъ становится дальше, то ударъ наносится концомъ ремня, въ близкомъ же разстояніи всѣмъ ремнемъ»²⁾.

V.

Значеніе заплечныхъ мастеровъ было особенно велико при наказаніи кнутомъ, отъ нихъ зависѣла жизнь и смерть осужденнаго, поэтому не безынтересно выяснитъ, откуда наби-

¹⁾ Пасторъ Зейдеръ и приговоръ 7 іюня 1800 г. Р. Ст. 1878, 21, стр. 149, 480.

²⁾ Калмыковъ. Учебникъ уголовного Права. Спб. 1866, стр. 238.

рались палачи, кто шелъ на эту должность, и возможно ли было съ какимъ-нибудь основаніемъ довѣрять имъ выполнение наказанія, требующаго отъ нихъ безпристрастія, неподкупности и независимости отъ постороннихъ внушеній. Въ XVII в. палачи, повидимому, ничѣмъ не выдѣлялись изъ среды другихъ мелкихъ служилыхъ людей: они служили и получали жалованье; нѣтъ указаній на какое либо особое отношеніе къ нимъ общества или на стѣсненія, вызываемыя ихъ должностію, она едва-ли считалась позорною: если для казней не хватало исполнителей, ихъ брали изъ стороннихъ людей; во время стрѣлецкихъ бунтовъ участіе въ исполненіи казней принимали офицеры и царскіе приближенные¹⁾. Положеніе палачей стало тяжелымъ, когда тѣлесныя наказанія сдѣлались въ глазахъ общества позорными: отвращеніе и ужасъ, который питали къ нимъ перешло и на исполнителей. Это отразилось на комплектѣ палачей, который постоянно оказывался недостаточнымъ: въ 1768 г. ярославскій полиціймейстеръ находился въ затруднительномъ положеніи: велѣно было представить палача, «а имѣющійся весьма тяжело боленъ и по старости его совѣтъ дряхль и глазами худо видитъ и затѣмъ не только свою должность исправлять, но изъ квартиры выйти не можетъ²⁾», попытка нанять палача изъ вольныхъ людей не удалась: никто не шелъ, и пришлось потребовать его по наряду отъ магистрата, отчего съ послѣднимъ вышли пререканія. Въ 1818 г. въ С.-Петербургѣ умерли оба залечные мастера, и исполненіе приговоровъ на время пріостановилось за отсутствіемъ кандидатовъ. По закону 1833 г. преступники, осужденные къ

¹⁾ Подтверженіемъ этому можетъ служить напр. челобитная 1643 г., въ которой «Кецкого острога новокрещенъ Ивашко Мунгуленокъ» билъ челомъ о позволеніи «вели Государь... быть у тюрьмы въ сторожахъ и палачахъ, а своимъ государевымъ жалованьемъ хлѣбнымъ и денежнымъ поверстать, какъ въ иныхъ городахъ нашей братьѣ, противъ служилыхъ людей». По окладнымъ книгамъ просителю слѣдовало: 2 рубля денегъ, 2 чети хлѣба, четь овса, $\frac{1}{2}$ пуда соли. (Сибирск. Приказа, № 136). Русск. Старина. 1892, стр. 692.

²⁾ Рус. Арх. 1868 г., стр. 1067 и слѣд.

ссылкѣ на поселеніе, или къ отдачѣ въ арестантскія работы, освобождались отъ наказанія, если они принимали на себя исполненіе обязанностей палача. Но и это не увеличивало числа кандидатовъ, такъ что указомъ 1836 г. предоставлено губернаторамъ въ случаѣ не имѣнія добровольныхъ кандидатовъ «помѣщать въ палачи преступниковъ, не взирая на ихъ несогласіе»,—такія сильныя мѣры должны были употребляться, чтобы не прерывать отправленія правосудія посредствомъ кнута и плетей. Тоже продолжалось и послѣ отмѣны кнута, когда оставались плети: по свѣдѣніямъ, доставленнымъ во II-ое отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи къ 60 годамъ изъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, было видно что «въ послѣднее время не было возможности приискать желающихъ идти въ палачи... изъявленіе такими преступниками предпочтенія претерпѣть самимъ наказаніе плетями и идти въ Сибирь на поселеніе ясно показываетъ, до какой степени наказаніе плетями почитается въ народѣ возмутительнымъ»¹⁾. Тоже самое происходило и въ наше время на Сахалинѣ, гдѣ палачомъ дѣлался обыкновенно «самый отпѣтый, оголтелый, всѣми презираемый человекъ, стоящій на самой низкой ступени паденія»²⁾.

Въ 1775 г. распоряженіе палачами передано въ С.-Петербургѣ главной полиціи, въ другихъ мѣстахъ—городничимъ³⁾. Содержались они при тюрьмахъ, гдѣ имъ полагалось особое помѣщеніе. Съ 1832 г., подъ вліяніемъ вышеописаннаго инцидента съ сыномъ маршала Даву, ихъ стали содержать строго, не допускать сношеній съ посторонними лицами; орудія наказанія сохранялись подъ замками и вынимались только передъ отправленіемъ на экзекуцію; съ 1833 г. вольнонаемнымъ палачамъ предлагалось, кромѣ готоваго содержанія и помѣщенія, 200—300 руб. въ годъ, къ этому нужно еще прибавить значительные негласные доходы отъ подлежащихъ

¹⁾ Сводъ мѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 22—23

²⁾ Жбанковъ и Яковлево. Тѣлесныя наказанія, стр. 43.

³⁾ П. С. З. 14.837, г. 1779.

наказанію, но несмотря на это охотниковъ, какъ уже сказано, находилось немного.

Жизнь палачей была незавидна: они оставались въ своей должности до тѣхъ поръ, пока не освобождались отъ нея по старости, болѣзни или ненадобности, тогда ихъ поселяли подъ надзоромъ полиціи «для пропитанія посильнымъ трудомъ или у родственниковъ на содержаніи»; жить они могли не ближе 60 верстнаго разстоянія отъ города. Существованіе невольныхъ поселенцевъ, приписанныхъ къ волостямъ съ вышеуказанными цѣлями, было тяжелымъ: сосѣди гнушались ими, иногда отказывались вступать въ какія либо сношенія, прикосновеніе ихъ считали оскверняющимъ ¹⁾.

Искусство палачей приобрѣталось ими путемъ упражненій, производившихся на особой деревянной кобылѣ съ положенной на нее моделью человѣческой спины и плечъ, сдѣланныхъ изъ березовой коры. Образцы инструментовъ для наказанія и клейма въ царствованіе Николая I доставлялись изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1840 г. были приготовлены названнымъ вѣдомствомъ образцовые кнуты, плети, пристяжные ремни для кобылы и клейма и разосланы взамѣнъ устарѣвшихъ экземпляровъ, подлежащихъ уничтоженію; новые предписывалось изготовить по присланнымъ образцамъ хозяйственнымъ способомъ.

Въ 1858 г. было приказано за клеймами и составомъ для нихъ обращаться непосредственно изъ губерній въ Департаментъ врачебныхъ заготовленій (М. В. Д.).

Отъ XVIII в. сохранилось извѣстіе, что орудія наказанія присылались иногда изъ центральныхъ учреждений, напр. въ 1768 г. въ Ярославль были присланы изъ московской розыскной экспедиціи щипцы со штемпелемъ, цѣной въ 1 р. 20 к. и 30 кнотовъ, стоимостью въ 20 к. каждый ²⁾.

---

¹⁾ Высоч. утвержд. журналъ государственнаго совѣта 27 дек. 1833 г. и 1836. *Студенкинъ*, о. с. Р. Ст. 1873, 8, стр. 202, 203, 208 и слѣд. *Максимовъ*. Сибирь и каторга. Сиб 1891. I, стр. 319—320.

²⁾ Циркуляръ М. В. Д. начальникамъ губерній 8 окт. 1857. *Студенкинъ*, прил. XVIII. Рус. Арх. 1868, стр. 1067 и слѣд. Рус. Стар. 1873, Запечные мастера. IX.

ГЛАВА III.

Болѣзненные тѣлесныя наказанія. Батоги, плети и шпидрутены.

I.

Вторымъ видомъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, менѣе строгимъ чѣмъ кнутъ, въ XVII в. было наказаніе батогами — длинными прутьями (палками) толщиною въ палець; при наказаніи ими виновнаго клали на землю лицомъ внизъ, двое исполнителей садились одинъ въ головахъ, охвативъ шею кольцами, другой — на ноги, и били по спинѣ и заднимъ частямъ, пока распорядившійся наказаніемъ не скажетъ: «полно» или «стой»¹⁾.

Число ударовъ батогами не опредѣлялось, что, впрочемъ, и не удивительно, если припомнить, что даже точное указаніе числа ударовъ кнутомъ стало обязательнымъ лишь въ XIX ст. Такъ какъ батоги стояли непосредственно за кнутомъ, то иногда ими и замѣняли наказаніе послѣднимъ въ случаяхъ, вызывавшихъ снисходительность судей, хотя, должно оговориться, что наказаніе батогами, особенно его высшая мѣра «вмѣсто кнута» не было вовсе легкимъ. Стрюйсъ рассказываетъ, что вообще батогами бьютъ до того, что наказанный не въ состояніи подняться, а Корбъ говоритъ и о возможности засѣченія ими до смерти. Битье батогами «въ кнута мѣсто» совпадало обыкновенно съ понятіемъ нещаднаго битья, и въ такомъ смыслѣ и встрѣчается въ памятникахъ: въ 1633 г.: каменщикъ Петрушка былъ битъ батогами «въ кнута мѣсто» нещадно за постоянныя кражи, въ 1623 г. велѣно нещадно бить чердынцевъ за неплатежъ таможенныхъ пошлинь, въ 1718 г. вмѣсто кнута бить нещадно батогами Красовскій, такъ какъ «въ поданномъ имъ Его Величеству письмѣ важ-

¹⁾ Сергеевскій, о. с. стр. 165. Корбъ. Чтенія, 1867, июль—сентябрь, стр. 276.

ности никакой не являлось»¹⁾. Въ 1732 г. за двойную продажу своего имѣнія бить вмѣсто кнута батогами помѣщикъ Бобневъ «понеже онъ старъ, для здоровья Ея Величества». (П. С. З. 6073, 1732, мая 26, Сенатскій). Указъ 1736 г. предписываетъ наказывать батогами добровольно возвратившихся бѣглыхъ, такъ какъ «таковые по натуральному праву меньше наказаны быть могутъ» (П. С. З. 6951, 1736 г., мая 6, Именной). Батожемъ безъ пощады наказаны старосты и сотскіе за своевольное сѣченіе крестьянъ, обвиняемыхъ въ волшебствѣ (въ 1770 г.). Битье батогами производилось еще съ нѣкоторымъ усиленіемъ или ослабленіемъ боли: снявъ рубашку или въ рубашкѣ. Первый способъ битья указывался въ самомъ приговорѣ: напр., въ 1713 г. били одного крестьянина за побѣгъ «вмѣсто кнута, снявъ рубашку, батоги»²⁾. Батоги по большей части не соединялись съ другими наказаніями, но иногда этотъ порядокъ нарушался, такъ напр., въ 1623 г. чердынцы, наказанные батогами, были посажены на недѣлю въ тюрьму, въ 1661 г. нѣкоторые служилые люди за неисполненіе своихъ обязанностей биты батогами и посажены въ тюрьму на 2—3 дня. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ батоги соединялись и съ ссылкой: такъ наказаны были въ 1662 г. нѣсколько офицеровъ. Указомъ 1707 г. назначаются за неявку на службу батоги, ссылка въ Азовъ и конфискація³⁾ (П. С. З. 2157, 1707 г., сентября 14, Именной). Свѣдѣнія о наказаніи батогами имѣются преимущественно съ XVII в., хотя упоминанія о нихъ встрѣчаются гораздо раньше: самое слово батоги встрѣчается въ лѣтописи и въ Русской Правдѣ. Въ XVI вѣкѣ ими пользуются, наказывая за мелкія провинности⁴⁾, но только въ XVII вѣкѣ можно съ полнымъ основаніемъ го-

¹⁾ Стрѣльскій. Русскій Архивъ, 1880 г., кн. 1, стр. 585. Акты, собр. арх. экспед. III. 40 г. 1614; 132 г. 1623. Тайная Канцелярія. Р. Ст. 1885, т. 47, стр. 196.

²⁾ П. С. З. 13.427 г. 1770. Доклады, III, II, 896.

³⁾ П. С. Законовъ, 297, 1661 г. Марта 31, 2157, г. 1707. О мятежахъ. Чтенія, 1890 г. кн. 3, стр. 245.

⁴⁾ Соловьевъ, т. III, изд. 4-е, стр. 141. Богдановскій, о. с. стр. 66.

ворить о батогахъ, какъ объ установившемся, опредѣленномъ видѣ наказанія; съ этого времени они назначаются по судебнымъ приговорамъ. Какъ самостоятельное наказаніе батоги назначались по Уложенію 1649 г., за нанесеніе ударовъ въ церкви, за ношеніе оружія на государевомъ дворѣ, за неповиновеніе приставу или недѣльщику, за корчемство. По Тобольской росписи о наказаніяхъ битыя батогами назначалось за бой и безчестіе въ пьяномъ видѣ, за оскорбленіе чиновниковъ, за выпускъ изъ тюрьмы арестантовъ нескованными. Также батогами наказывалась описка въ государевомъ имени, сдѣланная безъ умысла; батогами же наказывались иногда и за государственныя преступленія: въ 1649 г. били батогами троихъ посадскихъ изъ псковскихъ бунтовщиковъ, позднѣе въ тайной канцеляріи за непристойныя слова и разсужденія въ пьянствѣ и т. п. обстоятельствахъ¹⁾. Даже въ 1764 г. батогами битъ одинъ изъ соучастниковъ Мировича, виновный въ «неприличныхъ» разговорахъ съ послѣднимъ «въ разсужденіи его неумышленности и простоты»; батогами же вмѣсто кнута въ 1819 г. Тверской губернаторъ предполагалъ наказать крестьянина за оскорбленіе Величества, за что, однако, получилъ выговоръ отъ сената. Употреблялись батоги и для наказанія участниковъ въ крестьянскихъ волненіяхъ: за это въ 1818 г. ими биты вятскіе крестьяне²⁾. Батоги же служили наказаніемъ за проступки, непредусмотрѣнные никакими законами, создаваемые капризнымъ случаемъ и усмотрѣніемъ судей: напр., въ 1667 г. наказанъ батогами гонецъ, потерявшій грамоту, въ 1683 г. рейтаръ за непослушаніе матери и противленіе церковнымъ увѣщаніямъ, за нехождение въ церковь въ воскресенье и праздники; въ 1712 г. битъ батогами Большевъ, самовольно ушедшій отъ дѣвицы Арсеньевой, не желая давать ей на себя крѣпости,

1) Уложеніе 1649. I, 6. III, 7, X, 30, 146, 149. Роспись. Чтенія. 1883, генв.—мартъ, стр. 3 и слѣд. Акты историч., т. V, 236, 1694 г. мая 28. П. С. Зак. 351. 1663 г., сент. 26. *Соловьевъ*. Исторія, т. X, стр. 187. Слово и дѣло, стр. 95 (12 апрѣля 1723), стр. 51—53.

2) П. С. З. 27.205, г. 1819, 12.241; г. 1764, 27.220; г. 1818.

въ 1702 г. — Наумовъ за небритую бороду ¹⁾. Батоги употреблялись въ XVIII в. и какъ полицейское взысканіе: въ инструкціи московской оберъ-полицеймейстерской (въ 1722 г.) канцеляріи предписывалось бить батогами за топку печей въ неуказанное время, за неоказаніе поддержки караульнымъ, загроможденіе улицъ и т. п. Какъ дисциплинарное наказаніе, батоги употреблялись и для наказанія крѣпостныхъ ²⁾. Со второй половины XVIII стол. они начинаютъ вытѣсняться другими наказаніями. Въ проектѣ 1754 г. они назначаются за кровосмѣшеніе въ дальнихъ степеняхъ родства, блудодѣяніе, учиненное подлыми людьми, прелюбодѣяніе, за пѣнье по праздникамъ неприличныхъ пѣсень, за неосторожное убійство, за участіе въ разбоѣ и другія имущественныя преступленія малолѣтнимъ, за самоуиравство и обиды, за суетвѣрные обманы, за продерзости въ судѣ, за ослушаніе посланныхъ отъ суда; въ томъ же объемѣ удержано оно и въ разсужденіяхъ комиссіи 1766 г. ³⁾, въ проектѣ 1813 г. о нихъ совсѣмъ не говорится, а въ Сводѣ законовъ сохранилось только коротенькое примѣчаніе къ 25 ст., въ которомъ констатируется, что «указъ 1775 г. (14.275) повелѣлъ считать батоги сущей казнью, послѣ о семъ наказаніи въ законахъ не упоминается». Наказаніе батогами въ эту эпоху, однако, изрѣдка назначается на практикѣ. Но если исчезли батоги, то въ XIX в. взамѣнъ ихъ стали употреблять палки, — здѣсь оказалась обычная живучесть тѣлесныхъ наказаній, не уничтожавшихся вполнѣ, а какъ бы переходившихъ въ другую форму, на нѣкоторое время сохранявшую воспоминаніе о прошломъ. Палки, вѣроятно, были извѣстны и въ XVIII в.: о нихъ говорится, какъ о наказаніи для участниковъ Пугачевского бунта, въ 1775 г.

¹⁾ Дополненія къ актамъ историч. V, 34, г. 1667 г. X, 107 г. 1683. Акты, собр. арх. эксп. III, 313 г. 1642. Доклады, II, 1 ч. 1712. № 911. *Желябужскій*. Записки русскихъ людей. Спб. 1841, стр. 96—98.

²⁾ П. С. З. 4130 г. 1722 инструкция, 11, 16, 20—20. *Философовъ*, о. с. Р. Ст. 1884, т. 41, стр. 506. Тоже и въ дѣлѣ Салтыковой.

³⁾ Проекты, г. 1754, 48,1, 49,2, 50,1; гл. 15, 22; гл. 25, 14; гл. 32, 22; гл. 33, 16; гл. 40, 4; гл. 52, 5.

въ саратовскомъ лѣтописцѣ¹⁾). Родство палокъ и батоговъ доказывается учрежденіями для Остзейскихъ крестьянъ, изданными въ 1816 г., по которымъ палки для наказанія предписывается употреблять толщиною въ мизинецъ, а прежніе батоги полагались тоже не толще пальца, хотя и не мизинца, слѣдовательно могли быть и внушительнѣе. Какъ наказаніе, палки назначались карантиннымъ уставомъ 1818 г.¹⁾, въ Сводѣ онѣ же упоминаются при перечисленіи тѣлесныхъ наказаній (ст. 319), но въ другихъ статьяхъ о нихъ не говорится; Уложеніе 1845 г. умалчиваетъ о палкахъ въ общей части, но сохраняетъ наказаніе ими въ отдѣльныхъ статьяхъ: астраханскимъ и другимъ казакамъ за продажу казенной соли полагается 20—30 ударовъ палками (ст. 635), донскимъ казакамъ за легкіе виды кражи 25—30 ударовъ (ст. 2159). На практикѣ палками наказывали иногда участниковъ крестьянскихъ волненій, какъ видно изъ дѣла по Шадринскому бунту 1843 г., когда болѣе 1000 крестьянъ было приговорено каждый къ 250 палкамъ. Палки были дисциплинарнымъ и полицейскимъ наказаніемъ по упомянутымъ уже учрежденіямъ Остзейскихъ крестьянъ, которыми помѣщикамъ предоставлялось производить «легкія наказанія дворовымъ и рабочимъ къ удержанію ихъ отъ причиненія... вреда собственно себѣ и помѣщику» (предѣлъ — 15 ударовъ палокъ), кромѣ этой нормы, установленной для достиженія столь патріархальныхъ цѣлей и устройства благоденственнаго житія, освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости, крестьянъ, волостная полиція могла также назначать до 80 палокъ или 10 вязокъ розогъ по 10 ударовъ каждою по Эстляндскому положенію и 30 палокъ по Лифляндскому 1816 г. Женщины и дѣти до 15 лѣтъ наказывались розгами со снятіемъ одежды. Слабыхъ и одержимыхъ болѣзнями позволялось наказывать не тѣлесно, а арестомъ. Употреблялись палки и въ арміи какъ дисциплинарное наказаніе.

---

¹⁾ Саратовскій край. Историческіе очерки. Вып. 1. Саратовъ, 1893, стр. 48.

²⁾ П. С. З. 27.490, г. 1818.

Изъ секретнаго разслѣдованія о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. выяснилось, что въ 6 мѣсяцевъ палками было бито 44 человекъ, которымъ дано въ общей сложности 14.250 ударовъ (среднее—324 удара на человекъ) ¹⁾.

О тяжести наказанія палками Рихтеръ и Гейслеръ сообщаютъ, что «вообще это само по себѣ легкое наказаніе дѣлается такимъ жестокимъ въ зависимости отъ исполненія и числа ударовъ, что дѣлаетъ нерѣдко несчастнаго наказываемаго больнымъ на остатокъ его дней» ²⁾.

Общее съ батогами имѣлъ и еще одинъ способъ битья, не служившій непосредственно для уголовной юстиціи — это *правежь*, битье батогами, палками, по икрамъ, назначавшееся для должниковъ, не выполнившихъ обязательствъ. Правежь по характеру выполненія носить несомнѣнные слѣды востока, нужно думать, что впервые онъ былъ примѣненъ въ Россіи татарами и потомъ остался, какъ полезное приобрѣтеніе, надолго пережившее татарское иго. Правежь, собственно, не есть наказаніе, а мѣра взысканія, примѣненіе которой должникъ могъ остановить во всякое время, уплативъ долгъ или иначе примирясь съ кредиторомъ, но все-таки нельзя не признать, что въ него входилъ и карательный элементъ: должникъ наказывался за нарушенное довѣріе, подобное значеніе придается правежу иногда и самимъ закономъ: такъ въ Уложеніи 1649 г. онъ назначается для тѣхъ, кто начнетъ похваляться смертнымъ убійствомъ и нарушитъ данную имъ опасную грамоту, — указанная въ ней сумма должна правиться на виновномъ «безо всякія пощады не для того, чтобы на немъ достальные деньги взять, а для того, чтобы на то смотря инымъ не повадно было такъ воровать», здѣсь цѣль наказанія и правежа одна и та же — устрашеніе, преслѣдуемое независимо отъ гражданскихъ интересовъ иска (X, 133). И практика знала употре-

---

¹⁾ П. С. З. 21.162 г. 1804, 26.278, г. 1816. Воспоминанія Колмакова. Р. Ст. 1890, т. 70, стр. 33. Событіе въ л.-г. Семеновскомъ полку въ 1820. Р. С. 1883, т. 38, стр. 85.

²⁾ Richter u. Geissler. Les châtimens, II.

бленіе правежа, какъ замаскированнаго наказанія, иногда чрезвычайно жестокаго, доходившаго до забиванія на смерть, не говоря даже объ эпохѣ Іоанна Грознаго, когда, напр., въ 1570 г. во время Новгородскаго разгрома были забиты на правежѣ на смерть многіе игумены и монахи; подобные случаи встрѣчались и въ царствованіе Бориса Годунова и позже ¹⁾.

Выполненіе правежа заключалось въ слѣдующемъ: должниковъ устанавливали у присутственнаго мѣста (приказа, разрядной избы) каждый день, пока не выплачивался долгъ, или не проходилъ срокъ, назначенный для держанія на правежѣ (по указу 1558 г. за 100 р. долгу полагался мѣсяць правежа). У каждаго должника, какъ передаетъ Татищевъ, стоялъ приставъ и билъ вдоль по голой ногѣ «такъ крѣпко, какъ ему отъ истца или отвѣтчика за трудъ заплачено». Очевидецъ этого наказанія Москвичъ передаетъ, что должниковъ выстраиваютъ въ рядъ, затѣмъ нѣсколько исполнителей распределяютъ ихъ между собою и начинаютъ бить съ перваго, ударяютъ, проходя рядъ, каждаго по 3 раза ²⁾. Наказываемые стояли, отступленіе отъ этого правила считалось злоупотребленіемъ. Правежъ продолжался въ теченіе опредѣленнаго времени: по сообщенію Флетчера отъ 8 до 11 час., Маржеретъ передаетъ, что битые на правежѣ продолжались отъ солнечнаго восхода до 10—11 час. утра, въ 1689 г. стрѣлецкихъ полковниковъ держали на правежѣ часа по 2, но такъ какъ опредѣленныхъ постановленій на этотъ счетъ не было, то, конечно, многое зависѣло отъ усердія или снисходительности лицъ, распоряжавшихся правезомъ, по крайней мѣрѣ въ любопытномъ рецентѣ для излѣченія болячекъ отъ правежа говорится: «И

---

¹⁾ Соловьевъ, IV, 232, X, стр. 179. Новый Лѣтописецъ. Временникъ, кн. 17, 1853, стр. 92.

²⁾ Судебникъ Гос. и в. к. Іоанна Васильевича съ примѣчаніями Татищева. Изд. 2. М. 1786 г., стр. 169, 170. Сказанія V, стр. 5. Сергѣевскій, о. с. стр. 165.

аще кого бьютъ на правежѣ съ утра или весь день»¹⁾... Понятно, что при такихъ условіяхъ правежъ легко дѣлался для однихъ невыносимымъ мученіемъ, для другихъ сноснымъ средствомъ легко расплатиться съ долгами тѣмъ болѣе, что помѣщики могли ставить за себя крестьянъ, и, слѣдовательно, не особенно чувствовали послѣдствія неоплатности.

Въ царствованіе Петра Великаго до указа 1711 года сохранился прежній порядокъ, усилилась только строгость правежа по казеннымъ недоимкамъ; но правежъ оказывался неудобнымъ средствомъ для преобразователя: ему нужны были деньги, а правежъ доставлялъ ихъ очень мало: на правежѣ, по техническому выраженію «отстаивались», поэтому представлялось необходимымъ найти другіе, болѣе дѣйствительные способы взысканія, и вотъ уже въ 1711 г. предписывается въ случаѣ, если должники начнутъ отстаиваться на правежѣ, цѣнить ихъ дворы и вотчины, слугъ же и работниковъ ихъ на правежѣ не держать, то же повторяется и въ 1720 г.; но старое не могло исчезнуть такъ скоро, поэтому въ 1722 г. послѣдовало строгое подтвержденіе подъ великимъ денежнымъ штрафомъ за первый разъ и наказаніемъ съ ссылкой — за второй, чтобы должниковъ на правежѣ не держали, а несостоятельныхъ посылали зарабатывать на галеры; исключеній не дѣлалось: на галеры же должны были отправляться даже несостоятельныя духовныя лица²⁾. Со смертью Петра многія его начинанія заглохли, начался возвратъ къ прежнимъ московскимъ порядкамъ. Запутанное финансовое и экономическое положеніе вызвало громадное накопленіе недоимокъ и соотвѣтственно — цѣлый рядъ указовъ о неослабномъ взысканіи.

¹⁾ Сказанія. III, стр. 38. *Соловьевъ*. XIII, стр. 318. Прохладный Вертоградъ или врачеваніе вещи ко здравію челоувѣчества. Р. Стар. 1875, т. XIII, стр. 146.

²⁾ Доклады. III, I, № 22, III, II, № 923, г. 1713, IV, I, № 538, 611, 702; V, 530. Историко-юридич. акты, собран. К. Н. Побѣдоносцевымъ. Чтенія, 1886, кн. 4, стр. 206, 263. Указы, повелѣнія и письма Петра I. Сиб. Р. И. О., т. 11, стр. 420. П. С. З. 3950 г. 1722, 4190 г. 1724.

Въ 1727 г. учреждена доимочная канцелярія, соединенная съ канцеляріей конфискацій. Въ 1732 г. недоимщиковъ приказывается держать за карауломъ и бить на правезѣ, и самый безошадный правезъ продолжался все царствованіе Анны Іоанновны: «Доимочный приказъ при Биронѣ, говоритъ Болтинъ, дѣйствовалъ съ крайней строгостью, нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ отъ пограничныхъ селеній разбѣжались». Онъ же описываетъ и самое производство взысканій: «лучшихъ людей держали подъ карауломъ и, каждый день, поставляя всѣхъ рядомъ, розутыми ногами въ снѣгъ, били по щиколкамъ и пятамъ палками... по деревнямъ повсюду былъ слышенъ стукъ ударовъ палочныхъ по ногамъ». Въ Елизаветинское время, если судить по проекту Уложенія 1754 г., Петровский порядокъ былъ восстановленъ ¹⁾, и палочное взысканіе отошло въ область исторіи.

II.

Въ XVIII вѣкѣ мѣсто, принадлежавшее до того батогамъ, какъ наказанію слѣдующему по тяжести за кнутомъ, заняли плети, батоги же стали по тяжести непосредственно слѣдующимъ за плетми наказаніемъ, такъ можно заключить, по крайней мѣрѣ, по назначенію батовъ за сравнительно мелкіе проступки и потому, что въ Проектахъ Уложенія 1754 — 1766 г. плети обыкновенно ставятся впереди батовъ. Всего яснѣе это различіе плетей и батовъ сказывается въ ст. 5 44 главы Проектовъ, гласящей «которые доносители и челобитчики въ Сенатѣ и въ Синодѣ и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ... продерзость учинять предъ судомъ и ихъ штрафовать... а буде то учинять представленные отъ челобитчиковъ и доносителей повѣренные люди боярскіе и другіе разночинцы,

¹⁾ Протоколы Верховнаго Совѣта. 1726 г., 26 сент. П. Р. И. О. т. 56, стр. 131, т. 69, стр. 897. П. С. З. 5471 г. 1729, 5601; г. 1730; 6237, г. 1732, 6849 г. 1735. Соловьевъ. XX, стр. 185—188. Болтинъ, о. с. Примѣчанія, т. I, стр. 327 и 469. Проектъ, гл. 37, 24.

не имѣющіе ранговъ... и таковымъ чинить наказаніе—за первый разъ сажать на мѣсяцъ въ тюрьму, за второй—бить батоги, а за третій—плетями ¹⁾).

Плети—орудіе наказанія, состоящее изъ короткой деревянной рукоятки и плетива въ палецъ толщиною, до 40-хъ г., какъ сообщаетъ Д. А. Ровинскій ²⁾), они заканчивались 2 хвостами, послѣ стали треххвостыми. Первоначально въ XVII в. плети имѣли огромное значеніе среди духовенства: духовные суды назначали ихъ въ своихъ приговорахъ, духовное начальство пользовалось ими, какъ дисциплинарнымъ средствомъ. Распространенность, повседневность употребленія плетей, самага строгаго наказанія, извѣстнаго церковнымъ властямъ, доказываетъ тѣмъ, что въ XVII в. они понимались подъ терминомъ «монастырскаго смиренія»: «смирять монастырскимъ смиреніемъ, бить плетями нещадно», за корчемство, игру въ карты и зернь; въ другой грамотѣ за такіе же проступки прямо предписывалось «смирять монастырскимъ смиреніемъ, чтобы впредь отъ такого дурна унялися и тѣхъ плутовъ, которые корчемное питье варили... по тому же смирять... а на десятскихъ доправить пени» ³⁾. Судя по тому, что обѣ при-

¹⁾ Сравн. также гл. 49,2; гл. 52,5; гл. 25,14 „плетями или батогами, смотря по важности преступленія“. Въ гл. 33,16 термины употреблены безразлично: „наказаніе розгами, плетями, батоги, смотря по лѣтамъ и по винѣ“.

²⁾ Плеть состояла, вѣроятно, какъ и въ настоящее время, изъ короткой деревянной рукоятки и плетива въ палецъ толщиною изъ кожаныхъ ремешковъ; до 1839 г. она была двуххвостой, послѣ треххвостой. Ровинскій, о. с. т. IV, стр. 405.

По описанію д-ра Лобаса „плеть это внуть съ толстой деревянной рукояткой, къ которой приврѣвленъ туго свитый ремень, длиной въ $\frac{1}{2}$ аршина, а толщиною, приблизительно, въ 3 пальца. Этотъ ремень оканчивается тремя ремнями, изъ которыхъ каждый въ палецъ толщиною и около 3 четвертей длиною“. Жбанковъ и Яковенко. Тѣлесныя наказанія стр. 43. По описанію Калмыкова, „плети тоже что внуть, съ той только разницей, что въ плетиву привязанъ широкій ремень, разрѣзанный на три хлыста“. Калмыковъ. Учебникъ Уголовнаго Права, стр. 238.

³⁾ Акты юридич. 69. Приговоръ 1666 г. Тихвинскаго Монаст. Собора. Акты собр. арх. эксп. IV, 143, 1663 г. IV, 164.

веденныя грамоты изданы на разстояніи трехъ лѣтъ въ одномъ и томъ же монастырѣ и по одному и тому же поводу (преслѣдованіе корчемства), можно заключить, что и наказаніе въ обѣихъ случаяхъ было одинаково, т. е. плети, и что употребленіе ихъ было настолько распространено, что для исполнителей не было сомнѣнія въ томъ, что значить—монастырское смиреніе. Этотъ выводъ подтверждается и заказной памятью архимандрита Тихвинскаго монастыря (отъ 15 ноября 1663 г.) о прекращеніи корчемства и гульбы: нарушителямъ постановленій «быть отъ насъ въ монастырскомъ смиреніи безъ пощады... и пени на нихъ править большія... быть въ жестокомъ смиреніи и въ пени безо всякія пощады... на десятскихъ и на дворникахъ пени большія и сверхъ того смиреніе безъ пощады», здѣсь выраженія «жестокое смиреніе» и «безъ пощады» слѣдуетъ отнести къ наказанію плетью, какъ самому строгому виду тѣлесныхъ наказаній, употреблявшихся монастырскими властями, на ряду съ которыми ставились денежныя взыскація «пени большія». Въ духовныхъ судахъ плети по тяжести равнялись кнуту, который ими не примѣнялся: за преступленія, караемыя свѣтскими властями кнутомъ, въ томъ объемѣ, въ которомъ ихъ приходилось вѣдать по тѣмъ или другимъ основаніямъ исключительно духовному суду, назначались обыкновенно плети. Въ 1678 г.¹⁾ приговоромъ Тихвинскаго монастырскаго собора постановлено смирить плетью старца Игнатія «за нанесеніе ранъ пьянскимъ обычаемъ старцу Манасію». Въ 1748 въ Бѣлгородской епархіи были жестоко биты плетью два черкашенина за иконоборство и раздробленіе образа и отправлены на 2 года въ монастырь на работы. Такимъ образомъ, во время полнаго господства кнута церковныя суды находили возможнымъ ограничиться болѣе мягкими мѣрами, хотя нельзя сказать, чтобы эта мягкость простиралась и на установленіе предѣловъ наказанія плетью. Сообразно съ суровымъ характеромъ эпохи, наказаніе плетью было весьма тяжелымъ, даже и тогда, когда назначалось въ дисциплинар-

¹⁾ Акты юрид. 70, 1678 г.

номъ порядкѣ: въ 1666 г. Соловецкіе монахи жаловались на своего архимандрита, что «бьетъ ихъ плетьюми... въ три, четьре перемѣны... едва и ожили». Въ 1751 г. Ольшанскій протопопъ (Бѣлгородской епархіи) такъ «неослабно» приказалъ бить плетьюми одного священника, что того «отъ... боя подняли... ибо самъ встать не могъ». Плетни назначались, какъ видно изъ вышеприведенныхъ грамотъ какъ для духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ лицъ, подсудныхъ духовному суду; то же было и въ XVIII вѣкѣ: въ 1755 г. въ Бѣлгородской епархіи наказаны плетьюми вдова и ея женатый сожитель за прелюбодѣяніе, въ 1752 г. женщина за ложный поклепъ на священника. Назначались онѣ и для монахинь: въ названной уже епархіи въ 1754 г. по указу преосв. Іосафа велѣно наказать плетьюми 18 монахинь, выбравшихъ себѣ безъ указу игуменью изъ бѣлицъ¹⁾.

Плеть служила взысканіемъ и для свѣтскихъ мелкихъ чиновниковъ въ духовныхъ установленіяхъ за служебныя провинности: отъ 1750 г. сохранилась резолюція С.-Петербургскаго митрополита Платона о чиновникѣ консисторіи: «когда онъ, Харитоновъ, за дерзость и озорничество приметъ при другихъ канцеляристахъ плетьюми наказаніе, тогда его принять въ консисторію попрежнему»²⁾.

Число ударовъ плетьюми опредѣлялось въ общихъ выраженіяхъ: нещадно, жестоко, немилостиво. Оно бывало и весьма значительно, напр. въ 1759 г. священнику за дерзость противъ епископа дано 103 удара плетьюми³⁾. Плетни исчезаютъ изъ судебной и дисциплинарной практики духовенства лишь съ 70-хъ годовъ XVIII стол., съ тѣхъ поръ какъ они стали тяжкимъ позорящимъ видомъ тѣлесныхъ наказаній, «казню» по выраженію указовъ.

¹⁾ Сергѣевскій, о. с. стр. 170. Лебедевъ, А. Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства Бѣлгородской епархіи. Р. Ст. 73, стр. 313—317, 329—335. Акты, собр. арх. эксп. IV, 165 г. 1668. П. С. З. 20 949, г. 1803.

²⁾ Розановъ, Н. Московскія безобразія прошлаго вѣка. Рус. Арх. 1878 г. I. стр. 28.

³⁾ Лебедевъ, о. с. стр. 327.

Вообще плети въ XVI, XVII ст. и позже имѣли большое распространѣніе, какъ строгая дисциплинарная мѣра. Въ видѣ дисциплинарнаго взысканія плеть имѣла значеніе и въ домашнемъ быту: по домострою Сильвестра плетка — обычное орудіе для домашняго наказанія. Коллинсъ рассказываетъ, что женихъ кладетъ въ свой сапогъ плетку въ день свадьбы, какъ эмблему своей супружеской власти, то же подтверждается и другими авторами. Плети упоминаются и какъ наказаніе для крѣпостныхъ: отъ 1763—65 г. сохранилось нѣчто въ родѣ дисциплинарнаго устава одного помѣщика, въ немъ за важныя провинности назначается 100 плетей на дровняхъ, нещадно. Распространенность плетей въ помѣщичьихъ усадьбахъ подтверждается напр. и дѣломъ Нелединскаго, который велѣлъ высѣчь плетью собственную мать, впрочемъ, простившую его съ тѣмъ, «чтобы впредь такого озлобленія не чинить и имѣть передъ нею почтеніе»¹⁾. Петь же служила строжайшимъ наказаніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ духовныхъ, напр. Св. Димитрій Ростовскій писалъ воспитанникамъ своей школы: «Дѣти, дѣти, слышу о васъ худо... поставляю вамъ сеньора А. Юрѣва... чтобъ муштровалъ васъ, якъ цыганскихъ лошадей... кто будетъ противень... пожалованъ будетъ плетью». Петь назначается инструкціей Нижегородскаго архіерея и славяно-грамматической школы. Ихъ употребляла и полиція для немедленной расправы, напр. по свидѣтельству А. М. Тургенева, петербургскій полиціймейстеръ Чичеринъ и московскій — Татищевъ всегда имѣли въ каретахъ плети, называемыя подлипиками, и наказывали ими по усмотрѣнію; объ этихъ плетяхъ говорили, что они только ерошатъ спину, а памяти не оставляютъ. Наказаніе плетью, наравнѣ съ наказаніемъ прутьями, составляло высшее дисциплинарное взысканіе по Уставу С.-Петербургскаго рабочаго дома²⁾.

¹⁾ Коллинсъ. Чтенія, т. I, стр. 3. Сергѣевскій, о. с. стр. 171. Семеновскій, В. Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, Р. Ст. 1876 г. т. 17, стр. 607. П. С. З. 13, 262 г. 1769.

²⁾ Чтенія, 1883, 2. Смѣсь, стр. 17—18. Временникъ И. М. Об-ва, кн. 17. Москва, 1853, стр. 24. Записки А. М. Тургенева Р. Ст. 1886; т. 52, стр. 58. П. С. З. 11.931 г. 1839.

Какъ наказаніе, въ практикѣ свѣтскихъ судовъ и въ законодательныхъ актахъ, плети появляются въ началѣ XVIII вѣка и постепенно становятся все болѣе и болѣе важнымъ видомъ тѣлеснаго наказанія до тѣхъ поръ, пока по Уложенію 1845 г. не дѣлаются самымъ тяжкимъ. Въ виду того, что плети начинаютъ примѣняться судами уже тогда, когда кнутъ и батоги занимаютъ вполне опредѣленное мѣсто въ карательной системѣ, и, такимъ образомъ, являются новымъ наказаніемъ, которое должно еще завоевать свою позицію, не лишне остановиться на выясненіи того положенія, какое отводилось плетямъ въ первые годы XVIII в., т. е. въ то время, когда на нихъ было только что обращено серьезное вниманіе. По этому вопросу существуетъ мнѣніе, высказанное проф. Филипповымъ (на основаніи одного сенатскаго указа, которымъ повелѣвается подъячаго бить плетями вмѣсто кнута за непристойныя слова о царскомъ Величествѣ), что наказаніе плетями считалось тяжелѣе кнута ¹⁾; съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, иначе слѣдовало бы признать, что и батоги, часто употреблявшіеся вмѣсто кнута, представляютъ болѣе тяжелый видъ тѣлеснаго наказанія, чѣмъ первый. Правильнѣе думать, что замѣна кнута и плетями и батогами составляла смягченіе, а не отягощеніе наказанія. Въ XVII в. плети составляли монастырское смиреніе, т. е. наказаніе болѣе мягкое чѣмъ уголовное жестокое битье кнутомъ, въ XVIII в. они, дѣйствительно, употребляются «въ кнута мѣсто» и довольно часто, напр. въ 1700 г. плетями биты Дивовъ и Колычевъ вмѣсто кнута, снявъ рубашку, за то, что Дивовъ далъ Колычеву 20 руб. въ видѣ взятки за отпускъ отъ корабельнаго дѣла; даже форма битья, снявъ рубашку (выраженіе часто встрѣчаемое и въ памятникахъ XVII в. о наказаніяхъ духовныхъ лицъ «бить нагихъ плетями»), указываетъ на сродство этого наказанія съ битьемъ батогами. Въ 1701 г. по одному и тому же дѣлу Соколовъ бить кнутомъ, Селивановъ за меньшую вину—плетями; въ 1723 г. за произнесеніе непристойныхъ словъ противъ царя главнаго ви-

¹⁾ Филипповъ, о. с. стр. 335.

новника били кнутомъ, мѣнѣ виновнаго (въ 17 лѣтнемъ возрастѣ)—плетми нещадно ¹⁾. Слѣдовательно должно признать, что плети считались болѣе мягкимъ наказаніемъ чѣмъ кнутъ. Тоже подтверждается и проектами Уложенія 1754—1766 г. въ которыхъ кнутъ считается, какъ это было и раньше и впоследствии, самымъ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Какъ примѣръ можно привести ст. 19 главы 33 проекта, карающей утайку находки: «и такихъ наказывать за первый разъ — плетми, за второй — кнутомъ и найденное изъ его имѣнія взыскавъ, отдать истцу... а за третій разъ бивъ кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сослать въ каторгу вѣчно».

III.

Судя по тѣмъ преступленіямъ, за которыя назначались плети при Петрѣ В. (лихоимство, нарушение служебнаго долга, непристойныя слова противъ царя) весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что онъ и тогда (это стало несомнѣннымъ впоследствии), считались тяжелѣе батогами и разсматривались, какъ наказаніе, по тяжести стоящее непосредственно за кнутомъ, что и раньше было уже признано практикой духовныхъ судовъ; въ то же время не слѣдуетъ упускать изъ виду двойственное значеніе плетей: какъ наказанія весьма суроваго, и какъ орудія, употреблявшагося для дисциплинарныхъ, сравнительно незначительныхъ взысканій; это создало возможность замѣнить плетми не только кнутъ, какъ слишкомъ жестокое и неудобное наказаніе, но и батоги, что и повело впоследствии къ установленію 2 видовъ наказанія плетми: а) черезъ палача (тяжкое уголовное наказаніе) и б) при полиціи, не влекущее никакихъ отяготительныхъ послѣдствій (полицейское наказаніе). Мысль о замѣщеніи чѣмъ либо кнута, такъ щедро расточаемаго Уложеніемъ 1649 г. и позднѣйшими

¹⁾ *Желябужскій*, о. с. стр. 70, 78. Есповѣ, Государево. Слово и Дѣло, стр. 775, 776.

указами, должна была возникнуть съ момента, когда кнутъ сталъ считаться исторгающимъ наказаннаго изъ общества, прежде всего на утилитарной почвѣ: прекращеніе возможности отдавать наказанныхъ кнутомъ въ военную службу, вызвало цѣлый рядъ указовъ, повелѣвающихъ годныхъ въ военную службу бить плетью, вмѣсто кнута, и отдавать въ солдаты, негодныхъ бить кнутомъ и ссылатъ¹⁾. Съ другой стороны необходимость замѣны стала чувствоваться и съ того времени, когда кнутъ, при измѣнившихся нравахъ и условіяхъ жизни, оказался слишкомъ строгой карой во многихъ случаяхъ, въ которыхъ онъ безразлично употреблялся прежде; батоги казались слишкомъ слабой замѣной, плети болѣе подходили къ кнуту, къ нимъ и обратились. Уже въ 1700 г. встрѣчаются приговоры о битьѣ плетью вмѣсто кнута, число ихъ значительно возрастаетъ впослѣдствіи; во время Пугачевского бунта (1773 — 75 г.) въ приговорахъ встрѣчается предписаніе «бить нещадно плетью вмѣсто кнута». Но въ приговорахъ не всегда упоминается, что плети назначаются взамѣнъ кнута, а къ нимъ просто приговариваютъ судомъ виновныхъ въ преступленіяхъ, за которыя наказывали кнутомъ. Такъ какъ плети замѣщаютъ кнутъ, то на нихъ переносятся выраженія, которыя примѣнялись къ битью кнутомъ, о нихъ говорится, какъ о «жестокомъ наказаніи»: въ 1752 г. велѣно чинить за непомѣрное возвышеніе цѣнъ на припасы и матеріалы жестокое наказаніе — бить плетью; въ томъ же году было «учинено жестокое наказаніе» (битье плетью) купцу Чечулину за подлогъ векселя²⁾. Тѣсная связь плетей и кнута выразилась и въ томъ, что на битье ими была перенесена обстановка, употреблявшаяся при битьѣ послѣднимъ: наказаніе плетью совершалось на кобылѣ

¹⁾ П. С. З. 5632, г. 1730. Подтверженіемъ того, что на плети смотрѣли какъ на официальныхъ замѣстителей кнута, можетъ служить и тотъ фактъ, что они, какъ и кнутъ, на тѣхъ же основаніяхъ не были распространены на Остзейскія губерніи, гдѣ продолжались употребляться паррутенъ. П. С. З. 24.719, г. 1850.

²⁾ Подлинныя бумаги импер. Екатерины II. Чтенія, 1860, стр. 48, 49, 52. П. С. З. 10.023, г. 1752, 14.233, г. 1775.

(см. стр. 106), всенародно, рукой палача. Виновныхъ въ возвышеніи цѣнъ на припасы было приказано (1752 г.) «сѣчь въ лѣсныхъ и прочихъ рядахъ при собраніи торговыхъ людей нещадно плетми». Иногда плетми, какъ и кнутомъ, полагалось наказывать на самомъ мѣстѣ преступленія; какъ по Уложенію 1649 г. кнутъ назначался за уничтоженіе межей, на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено это дѣяніе, такъ и въ 1774 г. предписано было бить плетми крестьянъ, чинившихъ препятствіе при межеваніи, на мѣстѣ преступленія. Въ 1748 г. поручикъ Ланской за грабежъ, побои и самовольную пытку, лишень чиновъ и бить плетми на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ «онъ надъ другими то чинилъ»¹⁾. По своду законовъ наказаніе плетми приказано производить въ городѣ на торговой площади, въ селеніи на мѣстѣ, наиболѣе открытомъ (Сводъ, XV, 1202 — 1203); несовершеннолѣтніе, по крайней мѣрѣ въ царствованіе Николая I, какъ установлено въ 1849 г. высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, не подлежали публичному наказанію на лобномъ мѣстѣ²⁾.

Аналогія битья плетми и кнутомъ заключалась и въ тождествѣ соединяемыхъ съ нимъ наказаній: плети назначались за важныя преступленія вмѣстѣ съ ссылкой: въ 1760 г. приказано было сослать ослушныхъ начальству сибирскихъ крестьянъ послѣ битья плетми въ Нерчинскъ въ работу. Плети и вѣчная ссылка угрожаютъ приказчикамъ за отдачу бѣглыхъ на службу (Генерал. Учрежд. о сборѣ рекрутъ 1766 г.). Указъ 1815 г. повелѣвалъ, признавшихся добровольно въ своей винѣ, смертоубійцъ бить плетми и ссылать въ каторжныя работы на 10 лѣтъ. Съ битьемъ плетми соединялась ссылка на поселеніе, сдѣлавшаяся обязательной по Своду законовъ при публичномъ наказаніи: въ 1818 г. солдатка Иванова была приговорена къ 40 ударамъ плетей и сослана «яко порочная» въ Сибирь на поселеніе³⁾ за оставленіе своего новорожденнаго

¹⁾ П. С. З. 9.468, г. 1748, 10.000, г. 1752, 11.152, г. 1760, 14.152, г. 1774.

²⁾ П. С. З. т. XXIV, 23.258, г. 1849.

³⁾ П. С. З. 25.891, г. 1815, 27.289, г. 1818.

младенца безъ помощи, отчего послѣдній и умеръ. Наказаніе плетью прибавлялось и къ другимъ карамъ: въ 1723 г. битъ плетью и сосланъ въ Соловецкій монастырь раздьяконъ Клементьевъ за церковную кражу, въ 1755 г. за убійство со смягчающими обстоятельствами 2 купца биты плетью и отправлены въ монастырь. Съ битьемъ плетью, какъ было сказано выше, связывалась также отдача въ военную службу (см. стр. 94). Иногда послѣдствія избивались *ad hoc*, такъ напр. въ 1773 г. нѣкоторые казаки, участвовавшіе въ Пугачевскомъ бунтѣ были биты плетью и «для обмытія крови» отправлены въ службу противъ непріятели безъ очереди. Назначались плети и какъ самостоятельное наказаніе, которое въ такомъ случаѣ влекло во второй половинѣ XVIII в. тѣ же послѣдствія, что и наказаніе кнутомъ, такъ какъ законъ говоритъ вообще о публично наказанныхъ. Въ 1742 г. наказанные плетью за подачу запрещенныхъ челобитныхъ отданы въ услуженіе по прежнему, также поступлено въ 1749 г. съ возмущившимися на фабрикахъ рабочими¹⁾. Въ царствованіе Екатерины II (1766 г.) предписано неповинующихся крестьянъ наказывать плетью при собраніи всѣхъ и ссылатъ только тогда «если они отъ этого въ усмиреніе не придуть». Въ 1817 г. приказано оставлять на мѣстахъ жительства фабричныхъ, наказанныхъ публично плетью за маловажныя преступленія²⁾.

Битье плетью такъ же, какъ кнутомъ и батогами подраздѣлялось на простое и нещадное: въ 1708 г. нещадно битъ плетью и отданъ на поруки рыбакъ, виновный въ волшебствѣ (наговорѣ на воду), въ 1766 г. нещадное битье грозитъ за составленіе воровскихъ паспортовъ, за отдачу въ рекруты бѣглыхъ, членовредителей, негодныхъ въ военную службу³⁾. Область

¹⁾ *Колчинъ*. Ссылка. Р. С. 1887, стр. 602—3 *Трефолевъ*, Л. Ярославль при Елизаветѣ. Др. и Н. Россія, I т., стр. 269—270. П. С. З. 8150, г. 1740, 8577, 1742, 9643 г. 1749, 14.233, г. 1775, 30.302, г. 1825.

²⁾ П. С. З. 27.207, г. 1817, 27.220, г. 1818.

³⁾ *Есиповъ*, Колдовство въ древней Россіи. Др. и Нов. Россія. 1878, т. 3, стр. 163. П. С. З. 9140 г. 1745, 12.748, г. 1766. *Желябужскій*, о с. стр. 98.

примѣненія плетей до Свода 1833 г., установившаго здѣсь, какъ и въ другихъ наказаніяхъ, болѣе опредѣленныя, чѣмъ прежде границы, охватывало многія преступныя дѣянія, изъ которыхъ нѣкоторыя наказывались прежними узаконеніями и практикой—кнутомъ и батогами. Тяжкое уголовное наказаніе плетью назначалось за государственныя преступления: ихъ употребляла зачастую Тайная Канцелярія; плетью биты нѣкоторые участники въ Лопухинскомъ дѣлѣ, въ Пугачевскомъ бунтѣ, участники въ чумномъ бунтѣ, не уличенные въ убійствѣ; ими же постоянно наказывались¹⁾ бунтовавшіеся крѣпостные и фабричныя рабочіе, убійцы при особенно смягчающихъ обстоятельствахъ, несовершеннолѣтніе за важныя преступления. Въ проектахъ 1754—1766 гг. предполагалось также назначать плети въ сравнительно менѣе важныхъ случаяхъ, напр. за неискреннее писаніе царскихъ портретовъ, ложное слово и дѣло при смягчающихъ обстоятельствахъ, убійство въ компаніи и дракъ (по Улож. 1649 г.—кнутъ), убійство несовершеннолѣтними, покушеніе на самоубійство, подкидываніе младенца, держаніе бѣглыхъ, кражу до 20 руб. и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ²⁾.

Въ XVIII в. мало по малу плети становятся обычнымъ наказаніемъ (вмѣсто кнута) за менѣе значительныя имущественныя преступления, эта группа останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе, такъ какъ на ней ясно выразились утилитарныя основанія замѣны кнута болѣе мягкимъ наказаніемъ плетью. Мелкія имущественныя преступления (кражи) были, если такъ можно выразиться, повседневнымъ проступкомъ, между тѣмъ за нихъ полагался кнутъ, наказаніе позорящее, а, главное, лишавшее государство возможности потребовать понесшаго эту кару къ отбыванію рекрутской повинности, поэтому въ 1781 и 1782 гг. наказаніе за кражи до 20 руб.,

1) Тайная канцелярія въ управленіе Елизаветы Петровны. Р. Стар. 12, 1878, стр. 524. П. С. З. 7646 г. 1783, 8775, г. 1743.

2) Проектъ 1754 г., гл. 20, 7; гл. 22, 13; гл. 25, 14, 15, 21, 24, 25; гл. 27, 1; гл. 29, 3; гл. 32, 18; гл. 33, 5, 12—14, 16, 19; гл. 39, 4; гл. 40, 4; гл. 44, 5; гл. 45, 4; гл. 50, 3, 4; гл. 52, 5; гл. 55, 6, и др.

даже при повтореніи, ограничивается нѣсколькими ударами плетей и заключеніемъ въ рабочій домъ, а въ 1799 г., въ слѣдующее царствованіе, уже издается указъ, въ которомъ «каторжная казнь», т. е. кнутъ назначается за смертоубійство, грабежъ, учинившихъ же кражу отъ 20 руб. и выше предписывается наказывать плетми, годныхъ отдавать въ рекруты, негодныхъ ссылать на поселеніе; мотивируется эта мѣра тѣмъ, что совершеніе кражъ, влекшее за собой до тѣхъ поръ кнутъ, служить способомъ отбыть отъ рекрутства и «казнь сія не только не вселяетъ ужаса, но вводитъ слабоумныхъ въ поползновеніе». Проектъ 1813 г. признавалъ плети нормальнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ средней тяжести, примѣняемымъ вмѣстѣ со второй и третьей степенью третьяго рода наказаній (лишеніе гражданскихъ и политическихъ правъ и ссылка на поселеніе) и первой степени 4 рода наказаній (тюрьмы) ¹⁾.

По своду законовъ публичное наказаніе плетми черезъ палача и ссылка назначалась въ 29 случаяхъ: (поддѣлка высочайшихъ грамотъ, не повлекшая важнаго вреда, контрабанда, кровосмѣшеніе, скотоложство и др.). Плетми наказывались и ссыльно-каторжные и поселенцы за побѣги и др. преступленія по Своду и по указамъ 1840 г. и 1851 г. ²⁾.

Со вступленіемъ въ силу Уложенія 1845 г., отмѣнившего кнутъ, плети сдѣлались высшимъ по тяжести тѣлеснымъ наказаніемъ, онѣ опредѣлялись въ числѣ 30—100 ударовъ при каторжныхъ работахъ съ наложеніемъ клеймъ, и въ размѣрѣ 10—30 ударовъ безъ наложенія клеймъ при ссылкѣ на поселеніе. Число ударовъ сообразовалось съ родомъ каторжныхъ

¹⁾ Проектъ 1813. Часть I, отд. IV, гл. II, 37, 39, 40. Отд. V § 45. Сюда относились преступленія: участіе въ смертоубійствѣ или дракѣ (346, 356) подкинутіе младенца (387), истребленіе плода (390), тѣлесныя поврежденія (403), изнасилованіе (479), кровосмѣшеніе и другія, ст.: 482, 566, 205, 187, 168, 170, 243, 262, 258, 271, 279, 282, 284, 298. Ц. С. З. 15.147, г. 1781, 15.379, г. 1782, 19.059, г. 1799.

²⁾ Сводъ 1833, ст. 230, 232, 244, 283, 285, 314, 320, 333, 362, 366, 391, 399, 444, 508, 540, 559, 649, 650, 658, 659, 667, 678, 687, 710, 711, 728, 729, 731, 741, 742, 751, 758, т. XIV, 803.

работъ и поселенія; при каторжныхъ работахъ на рудникахъ назначалось 70—100 ударовъ, съ каждою степеню каторжныхъ работъ сбавлялось 10 ударовъ, съ низшей степеню каторги соединялся и минимумъ плетей (30 ударовъ); поселеніе въ отдаленные мѣста соединялось съ 20—30 ударами, въ менѣе отдаленныя — съ 10—20¹⁾.

Послѣ законовъ 17 апрѣля 1863 г. и 1893 г. плети остались для наказанія за преступленія ссыльно-каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ и бродягъ мужскаго пола (Уст. о ссыльныхъ, изданіе 1890 г., ст. 435, 436). Плетей до 100 ударовъ могли назначаться для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ независимо отъ усиленія строгости и увеличенія срока каторжныхъ работъ за новыя преступленія; до 50 ударовъ могло быть назначено городскими и окружными полиціями за преступленія и проступки, влекущія за собой заключеніе въ тюрьмѣ съ лишеніемъ правъ (470 ст. Уст. о Сс.) и до 20 ударовъ по непосредственному усмотрѣнію мѣстнаго начальства (472 ст. Уст. о Сс.). Несовершеннолѣтніе не подлежали наказанію плетями, которыя замѣнялись для нихъ розгами. Плетей окончательно отмѣнены закономъ 2 іюня 1903 г. (см. стр. 183).

Какъ было замѣчено, плети на ряду съ уголовнымъ наказаніемъ, сохранили значеніе полицейскаго исправительнаго; эта сторона значительно выдвинулась въ XIX стол. подъ вліяніемъ общаго хода исторіи тѣлесныхъ наказаній. Не только кнутъ, но и др. наказанія, плети, батоги, стали, какъ говорилось въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 1823 г., «не исправленіемъ», а «сущей казнью», публичное битье палачами само по себѣ влекло опозореніе, дѣлало невозможнымъ, между прочимъ, и принятіе заклеяемыхъ имъ людей въ во-

¹⁾ Высшая мѣра, 100 плетей, полагалась за нѣкоторыя религіозныя преступленія, за повтореніе предумышленнаго убійства, за убійство родственниковъ, потопленіе рудниковъ, въ которыхъ находились люди, разбой въ церкви (низшіе виды разбоя карались меньшимъ числомъ ударовъ), подлогъ Высочайшихъ указовъ и манифестовъ. Всего плетей упоминаются болѣе чѣмъ въ 130 статьяхъ Уложенія 1845 г.

енную службу; мы видѣли, что введеніе плетей отчасти было обусловлено послѣдними соображеніями, возможностью отдавать наказанныхъ плетми въ военную службу. Когда это положеніе измѣнилось, нужно было найти другой исходъ, — и его отыскивали въ различіи двухъ формъ битья плетми: уголовного чрезъ палача, и исправительнаго, полицейскаго, исполнявшагося полицейскимъ служителемъ непублично; въ этомъ исполненіи, какъ разумѣется и въ послѣдствіяхъ наказанія, заключалась разница между двумя названными формами. Въ 1820 г. вѣдно присужденныхъ за кражу къ отдачѣ въ военную службу бить плетми нижнимъ полицейскимъ чинамъ, а не рукой палача; такимъ образомъ сенатскимъ указомъ предписывалось наказывать за кражи до 100 руб., возвращая затѣмъ понесшихъ наказаніе въ мѣстожительства, такъ какъ въ противномъ случаѣ они не могли быть отдаваемы въ военную службу. Въ 1825 г. запрещено возвращать въ армію бродягъ-дезертировъ, наказанныхъ плетми, «какъ потерявшихъ добрую совѣсть и слѣдственно всегда готовыхъ ко всякимъ вреднымъ поползновеніямъ» ¹⁾.

Исправительное наказаніе плетми сохранено и Сводомъ законовъ: оно сопровождалось отдачей въ солдаты, при неспособности — ссылкой на поселеніе, отдачей въ арестантскія роты, заключеніемъ въ рабочихъ и смирительныхъ домахъ, или возвращеніемъ на прежнее мѣстожительство. Своду извѣстенъ за маловажныя вины и легчайшій способъ полицейскаго взыскація: плеткой по одеждѣ ²⁾. Полицейское наказаніе плетми угрожало за легкомысленное богохуленіе, провинности крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ, укрывательство бѣглыхъ, похвальбу зажигательствомъ, мошенничество, кражу, ложныя показанія на повальномъ обыскѣ. Уложеніе 1845 г., поставивъ плети на мѣсто «каторжной» казни, тѣмъ самымъ сдѣлало немислимымъ примѣненіе ихъ въ качествѣ полицейскаго взыскація, что уже не соответствовало мѣсту плетей въ лѣстницѣ

¹⁾ П. С. З. 28.798, г. 1821, 29. 369, г. 1823, 30, 330, г. 1825.

²⁾ Сводъ 1833, г. XV, 29, 31—33.

наказаній: съ того времени до отмѣны плетей въ 1863 г. они могли примѣняться лишь, какъ тяжкое, хотя и дополнительное, связанное съ ссылкой уголовное наказаніе.

Число ударовъ плетями, какъ и кнутомъ, въ законахъ не обозначалось; оно стало требоваться со времени указа 1812 г., когда предписано: опредѣлять въ приговорахъ число ударовъ плетями, какъ для нижнихъ воинскихъ чиновъ, такъ и въ гражданскихъ судахъ. Проектъ 1813 г. предполагалъ назначать плети отъ 10 до 100 ударовъ, въ такихъ предѣлахъ онѣ были сохранены Уложеніемъ 1845 г. и по уставу о ссылныхъ до 1903 г. ¹⁾. Въ этихъ предѣлахъ плети назначались и на практикѣ; въ приговорахъ времени Александра I встрѣчаются назначенія въ 20—40 ударовъ, карантиный уставъ 1818 г. устанавливаетъ градацію отъ 25 ударовъ за первую вину. То же и до Уложенія 1845 г. при Николаѣ I: въ 1826 г. за совращеніе изъ христіанства главныхъ виновниковъ на-

¹⁾ Изъ просмотрѣнныхъ мною сенатскихъ дѣлъ, относящихся къ 1860—63 годамъ видно, что на практикѣ плети назначались, какъ дополнительное наказаніе по Уложенію 1845 г. въ такихъ цифрахъ: за убійство матери—100 плетей; за убійство съ корыстной цѣлью—85 плетей, за недонесеніе о немъ—65 плетей; за убійство съ корыстной цѣлью—60 плетей; за убійство въ раздраженіи и запальчивости—60 плетей; за отравленіе мужа—50 плетей; за убійство беременной ея мужемъ 100 плетей; за участіе въ разбоѣ—30 плетей; за грабежъ—80 плетей, и 75 плетей—соучастницѣ-женщинѣ; за отцеубійство—100 плетей, за кровосмѣшеніе—25 плетей; за грабежъ—10 плетей; за убійство жены—75 плетей; за убійство съ корыстной цѣлью—75 плетей, за покушеніе на жизнь помѣщика—65 плетей. Записка изъ арестантскаго дѣла о казакѣ Алексѣѣ Дживагѣ (16 н. 1862 г.); записка изъ дѣла о государственныхъ крестьянахъ В. Семеновѣ и другихъ (1861 г. 2 іюня). Записка изъ дѣла объ удѣльномъ крестьянинѣ Е. Горячкинѣ (1863 г.); записка изъ дѣла о крестьянинѣ Васильевѣ (1862 г.); записка изъ дѣла о крестьянкѣ Шабалиной (1860 г.); записка изъ дѣла объ инородцѣ Кукшенинѣ, записка изъ дѣла объ исключенномъ изъ дворянства Салецкомъ (1863); записка изъ дѣла о Симферопольскомъ мѣщанинѣ Куклевѣ; записка изъ дѣла о крестьянинѣ Маулькевичѣ; записка изъ дѣла о государственной крестьянкѣ Усковой; дополненіе къ запискѣ изъ дѣла о крестьянкѣ Гальницѣ; записка изъ дѣла о крестьянинѣ Литвинѣ (1862); записка изъ дѣла о крестьянинѣ Ильинѣ (1853 г.).

казали 50 плетьюми, соучастницу — 25; въ 1830 г. 2 непокорные крестьянина наказаны 35 ударами плетей каждый, въ 1831 г. нѣкоторые виновные въ участіи въ холерномъ бунтѣ 15—25 ударами плетей ¹⁾).

IV.

Исключительнымъ видомъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, употреблявшимся среди духовенства и не переходившимъ въ свѣтскіе суды, представляется особый родъ плетей — шелепы — веревочные кнуты съ короткими рукоятками ²⁾. Они назначались: а) какъ наказаніе по приговорамъ высшаго духовнаго начальства и судовъ, б) какъ дисциплинарное наказаніе. По тяжести шелепы стояли за плетями и соответствовали, приблизительно, батогамъ. Въ качествѣ карательной мѣры они назначались какъ духовенству, такъ и мірянамъ. Битье шелепами, какъ и батогами раздѣлялось на простое и нещадное; въ 1695 г. нещадно бита шелепами женка Татьяна, поклепавшая на попа въ блудномъ дѣлѣ;

¹⁾ П. С. З. 25, 195, г. 1812, 27, 490, г. 1818, 28, 635, г. 1821, 30, 529, г. 1825, т. I, 736, г. 1826, т. V, 4350, г. 1830, 4091, г. 1831. Дубасовъ, И. Холерный годъ въ Тамбовской губ. Р. С. 1875, т. 11, стр. 747. Холерный мѣсяцъ въ С.-Петербургѣ, июнь 1831 г. Р. Ст. 1885 г., т. 47, стр. 79—85.

²⁾ Такъ описываются они въ шуточной челобитной Калязина монастыря, относящейся къ 1676—82 г.: «Въ прошломъ году весна была красна, пенька росла толста. Мы богомольцы присовѣтовали.. повить изъ нея веревки долги, чтобы ниво волочить. И онъ архимандритъ догадался, а отъ насъ челобитныя убоялся; приказалъ онъ архимандритъ тое пеньку въ веревки свивать, да въ 4 сгибать, да на короткія палки вязать, да вздумалъ ихъ *шелепами* называть, а слугамъ приказалъ высоко подымать, а на насъ богомольцевъ твоихъ тяжело опускать, а самъ стою училъ канонъ орать. И намъ богомольцамъ твоимъ лежа успѣвать не носить, потому что за плечами тѣло нужно, а подъ шелепами лежать душно». Рус. Арх. 1873 г. II, стр. 1778. Въ энциклопедическомъ словарѣ Березина шелепъ объясняется какъ родъ плети веревочной, личной или мочальной. У Даля — плеть, кнутъ, арапникъ.

въ 1645 г. поць Ѳедотъ битъ нещадно шелепами «при всѣхъ Тобольскаго города попѣхъ и при дяконахъ», въ 1756 г. за участіе въ квакерской ереси по указу синода биты шелепами 216 человекъ монашествующихъ и разсланы по дальнимъ монастырямъ. По уставной грамотѣ патріарха Адріана (1700 г.) шелепы назначаются незаконнорождающимъ дѣвкамъ и ихъ сожителямъ.

Какъ дисциплинарное наказаніе шелепы назначались, напр. инструкціей славяно-греко-грамматической школы (1738 г.): за третью вину битъ ими приказывалось при собраніи всѣхъ учениковъ ¹⁾.

Кромѣ обыкновенныхъ плетей, при Петрѣ В. Морскимъ уставомъ 1720 г. были введены спеціальныя плети—кошки. Одинъ изъ изслѣдователей по исторіи права г. Тобинъ полагаетъ, что этотъ родъ наказанія существовалъ только на бумагѣ, а не на практикѣ ²⁾, такое мнѣніе ошибочно: кошки не только не оставались на бумагѣ, но иногда далеко переходили за предѣлы флота: въ 1724 г. онѣ назначались извозчикамъ и всякихъ чиновъ людямъ, ѣздящимъ на невзнузданныхъ лошадяхъ, въ 1725 г. батогами или кошками приказывалось битъ нечестныхъ продавцовъ хлѣба и скупщиковъ, мѣшающихъ приобрѣтенію на рынкахъ припасовъ для домовыхъ нуждъ. Во флотѣ кошки составляли обычное наказаніе для простыхъ матросовъ; Берхгольцъ ³⁾ свидѣтельствуетъ, что англійскій адмиралъ возбудилъ противъ себя сильную ненависть лифляндевъ и всѣхъ порядочныхъ людей тѣмъ, что велѣлъ жестоко наказать кошками, употреб-

¹⁾ Актъ Холмогорской Устюжской епархіи Р: Ист. Библ. 12. ССXLV, 1695 г. Янв. 30 стр. 1114. Бытовые очерки XVII в. Р. Ст. 1892, т. 73, стр. 453—454. П. С. З. 10664 г. 1756. Уставная грамота 7206 іюля 1. Временникъ кн. П, стр. 29, 35, 36. кн. 17 1853 стр. 24. Дополненіе къ акт. истор. XI, П, 1684, IV.

²⁾ Тобинъ. Взглядъ на основныя начала русскаго уголовного законодательства. Ж. М. Н. Просв. 1847 г. Отд. III, стр. 188.

³⁾ П. С. З. № 3633 г. 1720, № 4634, г. 1725. Берхгольцъ, о. с, ч. III, ст. 140.

лявшимися только для простых матросовъ, одного эстляндскаго дворянина, который не хотѣлъ снять шляпы при проходѣ католической духовной процессіи. Наказаніе кошками совершалось обыкновенно публично: скупщиковъ велѣно бить на рынкахъ, матросовъ наказывать у мачты, на виду сослуживцевъ.

Въ Морскомъ Уставѣ кошки замѣняются во многихъ случаяхъ шпицрутены (за чернокнижіе, богохуленіе изъ легкомыслія); битье ими назначалось простое или жестокое, («жестоко бить кошками», М. У. кн. V гл. 5, ст. 5): «рядоваго за непослушаніе начальству надлежитъ жестокимъ наказаніемъ наказать, именно кошками бить у мачты»; въ большинствѣ случаевъ говорилось прямо: «имѣеть быть наказанъ біеніемъ у мачты или будетъ наказанъ кошками» (кн. IV г. I, 10, 18, 22, 25, 27, 28, 31, 32, 34, 36 и др.).

Кошки употреблялись и при преемникахъ Петра Великаго: въ 1739 г. приказано бить ими продавцевъ овощей и фруктовъ на улицахъ, торговать которыми этимъ указомъ разрѣшалось только женщинамъ и малолѣтнимъ. Въ 1754 г. кошками были публично наказаны крѣпостные Евреинова за похищеніе для него съ качели дѣвки. Ихъ упоминаетъ, правда, въ очень немногихъ случаяхъ и проектъ 1754 г., встрѣчаются онѣ и въ узаконеніяхъ эпохи Екатерины II, напр. кошками предписывается бить нарушающихъ постановленія о чистотѣ въ адмиралтействѣ. Кошки почти не отличались указами отъ плетей: напр. 1744 г. предписано бить укрывателей бѣглыхъ плетми или кошками ¹⁾).

Послѣ указа 1775 г., причисливаго кошки вмѣстѣ съ плетми къ казни, о нихъ не говорится въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ.

---

¹⁾ П. С. З. 7825 г. 1739. Проектъ 1754 г. 43 П. С. З. 8926 г. 1744, 10, 206 г. 1754, 12 459 г. 1765.

V.

Шпицрутены были введены въ систему наказаній Воинскимъ Уставомъ 1716 г., но на практикѣ они были извѣстны еще въ самомъ началѣ XVIII стол. Одинъ изъ указовъ 1705 г. упоминаетъ о томъ, что за побѣгъ слѣдуетъ чинить наказаніе по артикулу; извѣстно, что краткій артикуль существовалъ въ арміи, бывшей подъ начальствомъ Шереметева въ 1701 и Меншикова въ 1706 г., въ немъ уже говорится о шпицрутенахъ. Въ 1712 г. Сенатъ предписывалъ чинить бѣглымъ рекрутамъ наказаніе по артикулу шпицрутенами, но до Воинскаго Устава шпицрутены употреблялись рѣдко: для наказанія въ военномъ, какъ и въ гражданскомъ быту служилъ одинъ и тотъ же кнутъ ²⁾).

Шпицрутены представляли изъ себя длинныя, гибкія прутья; по свидѣтельству Л. А. Сѣрякова образцовые шпицрутены, присланныя гр. Клейнмихелемъ изъ С.-Петербурга для наказанія бунтовавшихъ въ 1831 г. военныхъ поселенцевъ, были въ діаметрѣ нѣсколько меньше вершка, въ длину около сажени ²⁾). До нашего времени дошли какъ официальное описаніе экзекуціи шпицрутенами, выражавшее, такъ сказать, теорію битья ими, такъ и воспоминанія современниковъ, рисующія приложеніе теоріи на практикѣ; для того чтобы освѣтить различіе между сухимъ и сдержаннымъ описаніемъ, даваемымъ Военными Уставами, и живой дѣйствительностью, я остановлюсь сначала на первыхъ и постараюсь возстановить картину наказанія, какъ оно должно было происходить, а потомъ приведу нѣсколько характерныхъ описаній очевидцевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ оно происходило на дѣлѣ.

¹⁾ П. С. З. № 2019, г. 1705. Филипповъ, о. с. стр. 381, 386. П. С. З. 2532 г. 1712;—2019, 2031, 2062, 2068 г. 1705, 2647 г. 1712. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ царствованіе Петра В. т. I. № 237, 1711.

²⁾ Сѣряковъ, Л. А. Моя трудовая жизнь. Р. Стар. 1875 г., т. 14, стр. 169.

Первое краткое описаніе экзекуціи сохранилось въ Военскомъ Уст. 1798 г., слѣдующія въ Сводѣ военныхъ постановленій 1839 г. и, наконецъ, въ уставѣ о служащихъ въ гарнизонѣ 1843 г. ¹⁾ Наказаніе производилось обыкновенно на разсвѣтѣ. На мѣстѣ экзекуціи должны были находиться начальствующія лица, съ 1843 г.,—если исполнялись приговоры къ прогнанію чрезъ 500 человекъ,—батальонный командиръ, въ кавалеріи дивизионный, черезъ 1000—полковой или бригадный командиры; войско должно быть въ караульной формѣ, безъ знамени и музыкантовъ, кромѣ барабанщиковъ. Осужденнаго выводили подъ конвоемъ 4 солдатъ, читали приговоръ военного суда, по прочтеніи его «люди строили шереножную улицу». Профосы или фурлейты раздавали прутья, которыхъ полагалось на каждого рядоваго

---

¹⁾ П. С. З. 17,588 г. 1798, т. 18, 17,270, г. 1843. Сводъ военныхъ постановленій 1839 г. V. Уставъ военно-уголовный т. XII, стр. 505—507. Вотъ относящіяся къ выполненію наказанія статьи Гарнизоннаго Устава 1843 г.

§ 831. Экзекуцію слѣдуетъ производить рано поутру, вскорѣ послѣ зари.

§ 832. Назначенное для экзекуціи войско должно быть въ караульной формѣ; знамени или штандарта не выносить, музыкантовъ не выводить. По прибытіи на мѣсто ряды раздвигаются такъ, чтобы можно было помѣститься людямъ третьей шеренги.

Примѣчаніе. При произведеніи наказанія долженъ находиться лѣкаръ съ фельдшеромъ, имѣющимъ при себѣ всѣ средства для подаванія пособій.

§ 835. При исполненіи предписаннаго въ § 834 профосы или нестроевые проходятъ между шеренгами, раздаютъ прутья рядовымъ, изъ коихъ каждый беретъ по одному пруту въ правую руку.

§ 836. По раздачѣ прутьевъ начальствующій экзекуціею приказываетъ барабанщикамъ ударить дробь, и потомъ бой къ экзекуціи; по дробѣ конвойный унтеръ-офицеръ, взявъ ружье въ обѣ руки, прикладомъ назадъ (палашъ, саблю, или тесакъ за клинокъ у ефеса) и приказавъ присужденному взяться обѣими руками за прикладъ ружья, ведетъ сквозь строй. Конвойные же рядовые остаются на правомъ флангѣ. Камандующему экзекуціею и всѣмъ офицерамъ смотрѣть за порядкомъ и наблюдать за неослабностью наказанія. Лѣкаръ усмотрѣвъ, что наказываемый не въ состояніи вынести наказанія докладываетъ о семъ камандующему экзекуціею.

столько, сколько лиц подлежало наказанію, такъ, чтобы каждаго осужденнаго били свѣжими прутьями. Затѣмъ барабанички ударяли дробь, подъ звуки которой осужденный долженъ былъ пройти по «улицѣ» за унтеръ-офицеромъ, держащимъ въ рукахъ ружье съ примкнутымъ штыкомъ, направленнымъ противъ наказываемаго, который долженъ былъ держаться въ свою очередь за прикладъ ружья обѣими руками, такимъ образомъ штыкъ мѣшалъ ему произвольно ускорять движеніе и тѣмъ избѣгнуть ударовъ. Съ 1801 г. при наказаніи обязательно находился докторъ (и фельдшеръ съ 1843 г.) «который, какъ скоро замѣтитъ во время исполненія наказанія, что преступникъ положеннаго числа ударовъ перенести не можетъ, долженъ тотчасъ же экзекуцію остановить и взять его въ полковой госпиталь, когда же оный выздоровѣтъ, то для точнаго выполненія сентенціи сдѣлано бы было вторичное наказаніе по тѣмъ же правиламъ, какъ и первое»¹⁾. Сводомъ военныхъ постановленій 1839 г., согласно съ приведеннымъ указомъ предписывается доктору: просить въ нужныхъ случаяхъ старшаго начальника о пріостановленіи наказанія; если по слабости сложенія вовсе нельзя было бы продолжать экзекуцію, слѣдовало представлять объ этомъ по командѣ; такимъ образомъ, наказаніе представлялось въ известной степени гуманнымъ: жизнь преступника охранялась присутствіемъ медика, наказаніе могло быть и совершенно отмѣнено «при слабости сложенія»; въ иномъ видѣ представляется оно по свидѣтельствамъ очевидцевъ. Д. А. Ровинскій передаетъ, что при наказаніи руки арестанта, обнаженнаго до пояса, привязывали къ двумъ прикладамъ ружей, каждое изъ которыхъ держалъ солдатъ (обыкновенно по уставу привязывали къ одному прикладу). «Каждый шпицрутень оставлялъ свой слѣдъ на солдатской шкурѣ»... черезъ нѣсколько минутъ (битья) тѣло наказаннаго покрывается широкими рубцами, краснѣеть, багровѣтъ... летятъ кровавыя брызги. Если арестантъ, наконецъ, свалится, его кладутъ на дровни и «снова

¹⁾ П. С. З. 20.070 г. 1801.

возять взадъ и впередъ промежь шпалерь, съ которыхъ сыплотся удары шпицрутенами, и рубять кровавую кашу». По словамъ г. Ровинскаго на экзекуцію иногда привозили гробъ.

Очевидецъ наказанія военныхъ поселенъ въ 1832 г. рассказываетъ, что при битьѣ каждый солдатъ дѣлалъ изъ шеренги правой ногой шагъ впередъ, наносилъ ударъ и становился на мѣсто. «На наказаннаго падали удары съ обѣихъ сторонъ.. каждый разъ голова его, судорожно откидывалась, поворачивалась въ ту сторону, откуда слѣдовалъ ударъ. Во время шествія по зеленой улицѣ слышны были только крики: «братцы помилосердуйте»; если кто падалъ, его возили въ санихъ розвальняхъ, «пока несчастный ни охнуть, ни дохнуть не могъ». Докторъ давалъ въ такихъ случаяхъ спиртъ, и экзекуція продолжалась. Мертвыхъ выволакивали за фронтъ. Начальство зорко наблюдало, чтобы ктонибудь не ударилъ легче ¹⁾.

Битье шпицрутенами оставалось очень жестокимъ и въ 40-хъ годахъ; въ запискахъ д-ра Ильинскаго сохранилось описаніе экзекуціи, бывшей въ 1849 г. въ Казани надъ разбойниками Быковымъ и Чайкинымъ, приговоренными первый къ 12.000, второй къ 11.000 шпицрутеновъ. «Уже послѣ первой тысячи ударовъ спины преступниковъ побагровѣли, покрылись лоскутьями изрубленнаго мяса и спекшеюся кровью и вспухли, крики ихъ ослабѣли. Исполнители и здѣсь оказались очень жестокими. Полковникъ, распорядившійся экзекуціей, «кричалъ во все горло», чтобы били крѣпче, не давали пощады; солдатъ, бившихъ слабо, замѣняли тотчасъ другими и самихъ наказывали тесакомъ... Послѣ 5.000 ударовъ Быкова положили на тельгу, которую везли два солдата, и еще дали 1.000 ударовъ, Чайкина пришлось помѣстить въ тельгу черезъ 3.000 ударовъ, и прибавить оказалось возможнымъ только 500. Тяжесть наказанія увеличивалась еще тѣмъ, что былъ сильный вѣтеръ, покрывавшій изсѣченныя спины

¹⁾ Ровинскій, о. с. V, стр. 322 и слѣд. Сѣряковъ о. с. Р. Ст. 1875 г. т. II стр. 171.

наказанных пылью. Обоих ихъ съ слабыми признаками жизни отправили въ госпиталь, гдѣ они и умерли въ тотъ-же день. Несмотря на множество преступленій, совершенныхъ разбойниками, зрители были не на сторонѣ правосудія: въ толпѣ слышались рыданія, женщины падали въ обморокъ, нѣкоторые молились ¹⁾. Въ 1840 г. двое дворовыхъ были наказаны шпицрутенами за убійство нѣсколькихъ помѣщиковъ во время одного изъ крестьянскихъ волненій, вообще не рѣдкихъ въ царствованіе Николая I; одинъ наказанный умеръ во время экзекуціи, другой черезъ нѣсколько часовъ, тѣла ихъ на страхъ другимъ оставались цѣлыя сутки на мѣстѣ казни ²⁾.

Ужасомъ вѣсть отъ этихъ описаній исполненія наказанія, могущаго перейти въ мучительную квалифицированную смертную казнь. Показанія очевидцевъ нельзя считать преувеличенными — они подтверждаются цифрами, безстрастными и чуждыми всякихъ предубѣжденій свидѣтелями. Въ 1831 г. за холерный бунтъ на 1559 наказанныхъ шпицрутенами, изъ которыхъ только 191 были приговорены къ 4.000 ударамъ (около половины, 720 человекъ, получило меньше 1.000 ударовъ), умерло все-таки на мѣстѣ наказанія и вскорѣ послѣ него — 40 человекъ ³⁾. О смертельномъ исходѣ наказанія шпицрутенами свидѣтельствуетъ и ревизовавшій въ 40 г. Восточную Сибирь сенаторъ Толстой; по его словамъ «примѣръ наказанія шпицрутенами весьма дѣйствуетъ на воздержаніе отъ преступленій, какъ сіе случилось въ Иркутскѣ, гдѣ послѣ наказанія въ 1840 г. 11 человекъ за убійство и разбой, которые не долго пережили наказаніе, водворилось совершенное спокойствіе, тогда какъ до того опасно было ходить по городу» ⁴⁾. Приведенные цифры и факты достаточно говорятъ за себя и не нуждаются въ комментаріяхъ.

¹⁾ За полстолѣтія 1841—1892. Воспоминанія о пережитомъ, д-ра А. И. Ильинскаго. Р. Ст. 1894, т. 81, стр. 67—69.

²⁾ Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьей властью въ царствованіе Николая I. Р. Ст. 1887, т. 53, стр. 405.

³⁾ Слезкинской, о. с. стр. 209—210.

⁴⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта, дѣло объ Уложеніи 1845 г., ч. III.

Нѣкоторые современники утверждали даже, что 3.000 шпицрутеневъ почти равнялись смертной казни. Согласно съ этимъ, наказаніе шпицрутенами и называлось министромъ внутреннихъ дѣлъ при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ 1862 г. «слишкомъ жестокимъ и всегда сопровождающимся вреднымъ вліяніемъ на здоровье наказываемаго, а нерѣдко и самою смертью»¹⁾.

Число ударовъ при наказаніи шпицрутенами опредѣлялось весьма различно. Военскій уставъ 1715 г. не занимался много этимъ вопросомъ, предоставляя разрѣшеніе его судебной практикѣ; онъ ограничивался выраженіями «имѣть быть наказанъ шпицрутенами, гоняніемъ шпицрутенами, битъ шпицрутенами», рѣже назначалось «прогнаніе черезъ полкъ» (за драку въ пьяномъ видѣ), за первый побѣгъ прогнаніе черезъ полкъ по три дня по разу, за первую кражу—6 разъ черезъ полкъ, за 2-ую кражу—12 разъ, это высшая мѣра, за нею идутъ кнутъ, членовредительныя наказанія и смертная казнь. (В. У. ар. 95, 141, 189). Если, основываясь на соображеніи, что впоследствии указомъ 1823 г. іюля 2 (П. С. З. 29.530) было приказано замѣнить въ приговорахъ выраженія прогнать черезъ полкъ и баталіонъ—прогнать черезъ 1.000 или 500,—число солдатъ въ полку принять за 1.000, въ баталіонѣ за 500, то предѣлъ наказанія шпицрутенами во время Петра В. выйдетъ въ 12.000 шпицрутеневъ. Къ такому числу ударовъ были приговорены «по безприкладному ея Величества милосердію» взамѣнъ смертной казни наиболѣе виновные солдаты, замѣшанные въ дѣлѣ Мировича (1764), другимъ было назначено по 10.000 ударовъ, за которыми должна была слѣдовать ссылка въ вѣчную каторгу²⁾. Къ 12.000 ударамъ въ 1818—1819 г. были приговорены и бунтовавшіеся военные поселяне (40 наиболѣе виновныхъ). Какъ видно изъ донесенія гр. Аракчеева объ ихъ наказаніи, и эта грозная кара съ перспективой почти неизбѣжной смерти была предпочтена прощенію

¹⁾ Сводъ мѣнній и замѣчаній стр. 109.

²⁾ П. С. З. 12, 241, г. 1764.

и продолженію существованія военнаго поселенца при аракеевскомъ режимѣ: изъ 40 человѣкъ раскаялось, чтобы получить помилованіе, всего трое ¹⁾. Въ царствованіе Николая I въ мирное время число ударовъ не должно было превышать 6.000, также и по своду военныхъ постановленій, исключенія допускались въ дѣлахъ объ ослушаніяхъ и дерзости начальству, особенно передъ фронтомъ, когда могло назначаться и больше съ тѣмъ, чтобы приговоры представлялись на высочайшее утвержденіе ²⁾; такимъ путемъ наказаніе могло дойти и до 12.000 шпицрутеневъ. Въ этомъ размѣрѣ оно дѣйствительно назначалось за карантинныя преступленія взамѣнъ смертной казни (Сводъ, XV, 1842, ст. 352). Указомъ 1827 г. на имя управляющаго Новороссіей и Бессарабіей графа Палена предписывалось за карантинныя преступленія наказывать шпицрутенами «употребляя въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ 12 разъ черезъ 1.000». Эта замѣна считалась милосердіемъ сравнительно съ смертной казнью: повелѣвая наказать такимъ образомъ 2 евреевъ за карантинное преступленіе вмѣсто смертной казни, Императоръ Николай I написалъ на рапортѣ: «виновныхъ прогнать сквозъ 1.000 человѣкъ 12 разъ. Слава Богу смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ ее вводить» ³⁾. Едва ли это было смягченіемъ: при 12.000 шпицрутеневъ у обвиняемыхъ могла остаться не болѣе, какъ тѣнь надежды спастись отъ смерти въ тяжелыхъ мученіяхъ.

Нормальнымъ высшимъ предѣломъ по своду военныхъ постановленій считалось 6.000, число это сохранено и позднѣйшими законами (1855 г.) о наказаніи ссыльно-каторжныхъ за тяжкія преступленія по уставу о ссыльныхъ (ст. 1800). Къ 6.000 ударовъ были приговорены Вятскіе крестьяне, участвовавшіе въ волненіи; губернаторомъ наказаніе было смягчено до 2.500. По дѣлу о холерныхъ беспорядкахъ и въ

¹⁾ Матеріалы къ новѣйшей отечественной исторіи. Спб. 1871 г., стр. 151.

²⁾ Сводъ военныхъ постановленій 1829 г., кн. I, гл. II, 67—73.

³⁾ П. С. З. т. II. 1513 г. 1827. Р. ст. 1883, т. 40, стр. 660.

приговорахъ по крестьянскимъ волненіямъ въ 30—40 гг. XIX стол. назначались шпицрутены отъ 1.000 до 4.000 ¹⁾. Minimum числа ударовъ, кажется, не былъ въ первой половинѣ XIX в. ниже 500—250. 500 шпицрутенами предписывается наказывать рекрута, бѣжавшаго первый разъ съ мѣста набора и ничего болѣе не сдѣлавшаго (Уставъ о рекрутахъ 1831 г.). О назначеніи 250 ударовъ говорится въ запискахъ Неизвѣстнаго подъ 1852 г. Въ 1861 г., во время усмиренія крестьянъ въ деревнѣ Кандевкѣ, 28 наиболѣе виновныхъ было наказано 400—700 шпицрутенами вмѣсто прежнихъ 4.000, 80 другихъ прогнано 2—4 раза черезъ 100 ²⁾, фактъ ярко иллюстрирующій, какъ измѣнился взглядъ на строгость наказанія шпицрутенами.

VI.

Появленіе шпицрутеновъ въ Россіи было вызвано какъ подражаніемъ западно-европейскимъ военнымъ законамъ, такъ и условіями карательной политики въ эпоху Петра I. Признавая кнутъ позорнымъ наказаніемъ, исключаящимъ возможность оставаться въ рядахъ арміи, Петръ Великій долженъ былъ позаботиться о замѣнѣ кнута для тѣхъ случаевъ, когда наказанному предстояло продолженіе прежней службы. Шпицрутены подходили подъ эти условія потому, что выполнялись не рукою палача, а товарищами осужденнаго, не лишали его добраго имени (по взглядамъ того времени), вмѣстѣ съ тѣмъ они были жестоки и очень мало уступали кнуту, что также было важно для Петра Великаго, высоко цѣнившаго устрашеніе, (при Петрѣ Великомъ шпицрутены считались менѣе

¹⁾ Борьба крѣпостныхъ. Р. Ст. 1887, т. 53, стр. 408—410. Зыряновъ, А. Крестьянское движеніе въ Пермской губ. 1843. Др. и Нов. Россія. 1879, III, стр. 316—317.

²⁾ П. С. З., т. VI. 4677 г. 1831. За много лѣтъ. Воспоминанія Неизвѣстнаго. Р. Ст. 1894. Июль, стр. 111, 112. Волненія крестьянъ въ Кандевкѣ. Р. Ст. 1885 г., т. 46, стр. 157.

тяжелымъ наказаніемъ чѣмъ кнутъ: въ Воинск. Артикулѣ (Ар. 203), назначающемъ наказаніе за уничтоженіе явно прибитыхъ указовъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ смертная казнь, затѣмъ каторга съ жестокимъ наказаніемъ (кнутомъ), а потомъ уже другія наказанія, въ томъ числѣ и шпицрутены). Наконецъ, шпицрутены допускали по особенностямъ случая самое разнообразное примѣненіе, да и употреблялись въ арміяхъ западно-европейскихъ государствахъ, примѣръ которыхъ, какъ сказано, при начавшемся сформированіи арміи, долженъ былъ имѣть большое значеніе. Плети были совершенно лишены послѣдняго качества, и кромѣ того, въ важныхъ случаяхъ выполнялись палачами, а Петръ I желалъ, чтобы побывавшій «въ катскихъ рукахъ» считался лишеннымъ чести.

Съ этимъ характеромъ — замѣны кнута съ цѣлью сохранить наказанныхъ въ войскѣ — и были введены шпицрутены. Кнутъ по смыслу постановленій устава 1716 г. остался для солдатъ въ тѣхъ случаяхъ, когда за наказаніемъ неизбежно слѣдовало полное удаленіе изъ арміи, напр. за 2 побѣга, или за побѣгъ послѣ года службы вмѣсто смертной казни назначался кнутъ, вырѣзаніе поздрей и вѣчная каторга (Ар. 95), за первый побѣгъ или побѣгъ, совершенный до истеченія перваго года службы — шпицрутены, такъ какъ наказанный продолжалъ службу. Шпицрутены по этому же соображенію назначаются вмѣсто кнута ворами за первую и за вторую мелкую кражу (20 руб.) (Ар. 189). Замѣняя кнутъ, шпицрутены получаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ и плети) названіе перваго «жестокое наказаніе». За непослушаніе или оскорбленіе начальства при столкновеніяхъ, не относящихся прямо къ службѣ: «надлежитъ жестокимъ наказаніемъ наказать, а именно: шпицрутенами» (Ар. 26). Въ нѣкоторыхъ артикулахъ прямо упоминается жестокое наказаніе, жестокое на тѣлѣ наказаніе (Ар. 73, 80, 88—90, 135, 165) или шпицрутенами жестокое наказаніе (Ар. 107, 117).

При Петрѣ В. шпицрутены были извѣстны и Морскому Уставу 1720 г., въ послѣднемъ они играютъ однако второстепенную роль, назначаются за немногія преступленія, по

примѣру Воинскаго Устава, напр. за сорваніе по небрежности указа, нарушеніе правилъ караульной службы (В. М. У. 51, 64, 76, 138, 231), за то Воинскій уставъ употребляетъ ихъ весьма часто, ими караются: идолопоклонство, чернокнижіе, легкомысленныя слова о Богѣ и Святыхъ (Ар. 16); тяжкіе побои, неосторожное убійство, убійство въ дракѣ, грабежъ и поджоги въ непріятельскихъ земляхъ, кража, срываніе по небрежности прибитыхъ указовъ, побѣги (Ар. 154, 157, 158, 81, 107, 108, 185, 188, 203, 95—97) и спеціально военныя провинности (Ар. 57—59, 41, 45, 47, 62, 64, 69, 73, 80, 88—90, 97, 113, 114, 116, и др.).

Тѣми же основаніями руководилось законодательство и впослѣдствіи. Въ 1751 г. назначены для воинскихъ чиновъ за корчемство взамѣнъ кнута и ссылки шпицрутены «дабы они (виновные) будучи въ службѣ могли тѣ свои вины заслужить». Генеральнымъ учрежденіемъ о рекрутскихъ наборахъ 1757 г. предписывается за отдачу въ рекруты чужого крестьянина приказчиковъ и старость «гонять жестоко шпицрутенами и опредѣлять въ С.-Петербургскій гарнизонъ въ солдаты вѣчно, негодныхъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылатъ въ Охотскъ»¹⁾.

Въ XVIII в. шпицрутены оставались спеціальнымъ военнымъ наказаніемъ. Въ проектахъ Уголовнаго Уложенія 1754—1766 г. о немъ упоминается одинъ разъ и то оно назначается для наказанія солдатъ драгунъ и матросовъ²⁾.

Съ теченіемъ времени, когда смертная казнь перестала назначаться за общія преступленія, шпицрутены стали въ войскахъ самымъ строгимъ наказаніемъ и начали вполнѣ основательно признаваться и офиціально болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ плети (см. стр. 143). Такъ въ 1825 г. повелѣно было наказывать нижнихъ чиновъ, подлежащихъ исключенію изъ службы, вмѣсто плетей шпицрутенами и затѣмъ выключить, такъ какъ послѣднее наказаніе «служить болѣе примѣромъ»³⁾.

1) П. С. З. 9912, г. 1751, 10786. г. 1757, 1, 6, 8.

2) Проекты Угол. Уложенія, гл. 22, 9.

3) П. С. З. 30. 324, г. 1825.

Въ эпоху Николая I за отменою кнута, плетей и клейменія для военнoслужачихъ, шпицрутены остались главнымъ, даже единственнымъ видомъ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, такъ какъ розги и палки опредѣлялись обыкновенно въ дисциплинарномъ порядкѣ. Въ сводѣ военныхъ постановленій этотъ фактъ объясняется указомъ 1 янв. 1782 г. (П. С. З. 15. 313), которымъ повелѣвалось военной коллегіи руководствоваться при опредѣленіи наказанія гл. X наказа (ст. 150), предписывающей считать жестокость бесполезной и несправедливой; но официальное объясненіе сохраненія шпицрутенъ по соображеніямъ гуманности въ то время, когда они являлись весьма строгимъ наказаніемъ, нельзя признать вполне точнымъ. Оно зависѣло отъ условій военной службы, отъ желанія сохранить для военныхъ суровое, устрашающее наказаніе, которое въ то же время давало бы возможность оставить на службѣ наказаннаго солдата; плети въ томъ объемѣ, въ какомъ они примѣнялись въ 30—40-хъ годахъ, не были достаточно примѣрны, тѣмъ болѣе, что могли бы назначаться для солдатъ лишь какъ полицейское взысканіе: уголовное битие плетями дѣлало «негоднымъ» къ военной службѣ.

Шпицрутены употреблялись, какъ и наказаніе кнутомъ и плетями, самостоятельно за менѣ важныя правонарушенія. Можно сказать, что это былъ самый обычный способъ наказанія шпицрутенами, объясняющійся мотивами его введенія въ карательную систему.

Наказаніе шпицрутенами назначалось и въ соединеніи съ другими, напр., съ ссылкой на каторгу за важнѣйшія преступленія (напр. по дѣлу Мировича). Какъ общее правило такой порядокъ признается сводомъ военныхъ постановленій. Это отступленіе отъ принципа наказанія шпицрутенами—сохранять за наказаннымъ нахожденіе на службѣ—вызывалось отсутствіемъ строгой системы въ назначеніи наказаній, что было естественнымъ слѣдствіемъ состоянія русскаго законодательства въ XVIII в. Соединеніе каторги и шпицрутенъ позднѣе объясняется приведеннымъ указаніемъ,

что они стали самымъ тяжкимъ наказаніемъ, примѣняемымъ къ военнослужащимъ. Шпицрутены, назначаемые «по мѣрѣ вины» за менѣ важныя преступленія, сопроджались иногда переводомъ въ отдѣльные гарнизоны, выпиской изъ гвардіи въ армейскіе полки, или отдачей въ арестантскія роты—здѣсь интересы военной службы болѣе или менѣ сохранялись.

Но по понятнымъ причинамъ, когда всѣ тѣлесныя наказанія были признаны позорящими для всѣхъ подвергнутыхъ имъ, шпицрутены не могли избѣгать общей участи (стр. 132) и остаться безъ вліянія на дальнѣйшую службу наказаннаго: они лишали его возможности производства въ офицеры, и, кромѣ того, сводомъ военныхъ постановленій (1839 г.) опредѣлялись особыя невыгодныя послѣдствія, связанныя съ этимъ наказаніемъ. Указомъ же 1843 г. повелѣно было нашивать у наказанныхъ на погонахъ тонкіе черныя шнуры по одному за каждый разъ прогнанія сквозь строй «дабы каждый могъ различать ихъ отъ честныхъ, безпорочно служащихъ солдатъ». За каждый разъ прогнанія прибавлялось 2 года службы ¹⁾.

Говоря о шпицрутенахъ необходимо отмѣтить, что въ XIX столѣтіи, они примѣнялись не къ однимъ военнослужащимъ, но и къ людямъ, имѣющимъ отдаленную прикосновенность, или вовсе никакой, къ военнымъ сферамъ. Такъ, напр. въ 1822 г. генераль Эссенъ сдѣлалъ представленіе въ томъ смыслѣ, что наказаніе плетью или розгами не можетъ удерживать ссылочныхъ невольниковъ на крѣпостныхъ работахъ, что побѣги усилились, и что только наказаніе шпицрутенами можетъ удержать отъ такого вреднаго покушенія. Генераль оправдывалъ проектируемую мѣру, какъ тѣмъ, что эти люди, поступая въ работы, оказываются зависящими отъ военнаго вѣдомства, такъ и тѣмъ оригинальнымъ соображеніемъ, что въ крѣпостныя работы «поступаютъ по меньшей мѣрѣ за нарушеніе, установленнаго закономъ порядка... и что... ихъ нельзя считать совсѣмъ невинными». Шпицрутены были разрѣшены. Въ 1825 г., согласно мнѣнію инспектора оружейныхъ тульскихъ

¹⁾ С. П. З. 16455, г. 1843.

заводовъ, приказано было вмѣсто розогъ и плетей наказывать рабочихъ за побѣги и развратное поведеніе шпицрутенами по правиламъ Воинскаго Устава ¹⁾). Назначались они крестьянамъ, участвовавшимъ въ волненіяхъ и беспорядкахъ, и военными судами за общія преступленія, когда имъ приходилось судить послѣднія. Шпицрутены же были обычнымъ наказаніемъ, конкурировавшимъ съ плетью для ссыльно-каторжныхъ, какъ предписывалось это уставомъ о ссыльныхъ, съ измѣненіями, послѣдовавшими въ 1855 г. и продержавшимися до отмены шпицрутеновъ въ 1863 году.

---

¹⁾ П. С. З. 28.946, г. 1822. 30, 495, г. 1825.

ГЛАВА IV.

Болѣзненные тѣлесныя наказанія. Розги. Другія наказанія.

I.

Кромѣ кнута, батоговъ, плетей и шпичрутеновъ, важнымъ значеніемъ среди болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній пользовались розги, примѣненіе которыхъ охватывало широкій кругъ правонарушеній и дисциплинарныхъ провинностей во всякихъ областяхъ человѣческаго существованія и которыя сохранились и въ настоящее время, какъ наказаніе по суду и какъ дисциплинарная мѣра.

Розги — легчайшій видъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, поэтому онѣ и приобрѣли значеніе карательнаго средства лишь тогда, когда началось исчезновеніе другихъ болѣе суровыхъ. До XVIII в. законъ ни слова не говоритъ о розгахъ; впервые онѣ упоминаются Воинск. Уставомъ 1716 г. и Морскимъ Устав. 1720 г., которые назначаютъ лозы ворамамъ младенцамъ (до 15 лѣтъ) «дабы заранѣе отъ сего отучить». По мнѣнію законодателя наказаніе это не представляется серьезной карательной мѣрой, назначеніе его для младенцевъ вызывается тѣмъ, что наказаніе для нихъ «умалается или весьма оставляется». (В. М. У. гл. XVII, 131). Упоминаются розги, какъ наказаніе для несовершеннолѣтнихъ и въ Проектахъ Уложенія 1754—1765 г. Кромѣ того, въ XVIII в. розги и прутья употреблялись въ нѣкоторыхъ русскихъ областяхъ на основаніи мѣстныхъ узаконеній, напр. въ Прибалтійскомъ краѣ онѣ составляли обычное наказаніе. Тяжкимъ преступ-

никамъ полагалось тамъ 40 паръ прутьевъ (паррутеневъ), изъ коихъ каждой парой ударялось три раза, такъ что выходило всего 120 ударовъ. Генераль-губернаторъ докладывалъ въ 1784 г., «что такое великое наказаніе въ 1 день, обезувѣчивая человѣчество, дѣлаеть преступниковъ впредь къ публичному употребленію совсѣмъ негодными», почему и просилъ о раздѣленіи этого наказанія на 3 воскресенья «ибо оное для страха другимъ и къ чувствованію погрѣшностей и раскаянія преступника совершенно довольнымъ быть можетъ». Сенать согласился съ мнѣніемъ генераль-губернатора. Для несовершеннолѣтнихъ норма смягчалась: въ 1765 г. крестьянскій мальчикъ за скотоложство (вмѣсто смертной казни) присужденъ къ сѣченію 10 парами прутьевъ въ три воскресенья, церковному покаянію и публичной работѣ на годъ, сенать же нашель это наказаніе слишкомъ строгимъ и, наконецъ, по резолюціи императрицы, дѣло велѣно было передать совѣстному суду ¹⁾.

Наказаніе паррутенами по официалъному описанію заключалось въ слѣдующемъ: «каждая пара рутеновъ состоитъ изъ 3 ударовъ, нанесенныхъ тремя прутьями, вмѣстѣ связанными... въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ въ видѣ исключенія опредѣляемо было наказаніе 5-ю паррутенами внутри судебного зданія». Въ 1850 г. по Выс. утв. Мн. Гос. Сов. для установленія постепенности въ наказаніяхъ соотвѣтственно числу ударовъ плетью постановлено было за низшую степень, равную 10 плетямъ, принять 3 пары рутеновъ. Высшая степень согласно съ мѣстными узаконеніями была опредѣлена въ Лифляндской губ. въ 30 паррутеневъ, въ Эстляндской губ. — въ 40 паррутеневъ ²⁾.

Исполнялось наказаніе паррутенами публично, «у карательнаго столба прихода или города, гдѣ было совершено преступленіе» ³⁾.

¹⁾ П. С. З. 7014, г. 1736. П. С. З. 16.019, г. 1784; 16.154, г. 1785.

²⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта, Департ. Зак. 1850, № 2665.

³⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, Дѣла II отдѣленія 104, 1842 г.

Розги были извѣстны также и въ Малороссіи, гдѣ, судя по сборнику малороссійскихъ законовъ, относящемуся ко времени императрицы Елизаветы, употреблялось публичное наказаніе розгами «у столпа», по Литовскому Статуту, напр. за сводничество, за воровство, совершенное малолѣтними ¹⁾.

Повсемѣстно, съ 1742—44 гг. розги назначались судами за болѣе или менѣе важныя преступленія несовершеннолѣтнихъ; въ 1763 г. школьникъ Гриневъ за писаніе воровскихъ писемъ былъ наказанъ розгами при собраніи всѣхъ школьниковъ. Розгами же сѣкли несовершеннолѣтнихъ участниковъ въ чумномъ бунтѣ 1771 года ²⁾.

Съ теченіемъ времени розги вошли повсемѣстно въ употребленіе и для взрослыхъ: рекрутскій уставъ 1831 г. назначалъ розги за ложное объявленіе у себя сокровенной болѣзни ³⁾; въ томъ же году биты розгами маловажные участники въ холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ Новгородской губерніи, главнымъ образомъ, однако, старики и несовершеннолѣтніе, изъ нихъ двое — 25 ударами (низшая мѣра) и 24 человѣка — 500 ⁴⁾. Розги назначались за маловажные проступки сводомъ законовъ, который ставилъ ихъ рядомъ съ наказаніемъ веревкою, кнутомъ, палкою, содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ (ст. 31), и считались исправительнымъ полицейскимъ наказаніемъ, граничащимъ съ дисциплинарнымъ взысканіемъ; розгами полиція имѣла право наказывать сельскихъ обывателей за воровство ниже 5 руб. (364 ст. О пред. и пресѣч. преступл. Сводъ, XIV, 1833 г.), были извѣстны онѣ и по уставу о ссыльныхъ.

Тотъ же характеръ сохранили розги и позднѣе: сельско-судебный уставъ разрѣшалъ наказывать розгами за важнѣйшіе предусмотрѣнные имъ проступки, или неоднократное повтореніе менѣе важныхъ. Число розогъ опредѣлялось отъ 10 до

¹⁾ Права, по которымъ судится малорусскій народъ. XXI, ар. 7, XXIV ар. 10.

²⁾ П. С. З. 11, 925, г. 1763, 13, 695, г. 1771.

³⁾ П. С. З. 4677, г. 1831.

⁴⁾ Слезскійскій, о. с. стр. 209, 211—212.

60 ударовъ. Уложеніе 1845 г. обобщило и систематизировало предшествовавшія постановленія. Уничтожая кнутъ, ставя на его мѣсто плети, нанося непоправимый ударъ старымъ порядкамъ и въ то же время пытаясь сохранить духъ прежней системы наказанія, редакторы Уложенія сочли необходимымъ назначить въ возможно большемъ числѣ случаевъ тѣлесныя наказанія, но выборъ ихъ былъ ограниченъ: за исчезновеніемъ другихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній и примѣненіемъ шпицрутеневъ для военнослужащихъ, оставались только плети и розги. Послѣдними воспользовались, установивъ размѣръ наказанія въ 50—100 ударовъ, раздѣляющихся на 5 степеней, каждая на 10 ударовъ выше предшествовавшей (ст. 35). Уложеніе же 1845 г. сдѣлало, хотя косвенно, розги обычнымъ средствомъ наказанія и другимъ путемъ: допустивъ замѣну розгами разныхъ видовъ заключенія.

Розги назначались по Уложенію 1845 г., какъ дополнительное наказаніе, при отдачѣ въ арестантскія роты или военную службу и въ небольшомъ числѣ случаевъ, какъ самостоятельное наказаніе; послѣднее полагалось въ размѣрѣ 15—20 ударовъ полѣсовщикамъ за небрежное отношеніе къ дѣлу (ст. 1038), бродягамъ за ложное показаніе отъ 30 до 40 ударовъ (1218 ст.), крестьянамъ за неповиновеніе, подачу жалобы на помѣщика отъ 20 до 60 ударовъ (ст. 1984, 1985, 1987) и за другіе проступки полицейскаго характера ¹⁾.

---

¹⁾ Изъ Сенатскихъ дѣлъ 50 годовъ видно, что розги назначались какъ дополнительное наказаніе въ слѣдующихъ цифрахъ: за оскорбленіе помѣщика крестьяниномъ—60 розогъ; за кражу—86 розогъ, 70 розогъ, 65 розогъ, 85 розогъ; за бродяжество и кражу—40 розогъ, 10 розогъ, 5 розогъ; за поджогъ несовершеннолѣтнею—40 розогъ; за дѣтоубійство несовершеннолѣтнею (16 лѣтъ)—10 розогъ; за конокрадство—90 розогъ главному виновнику и 70 розогъ соучастницѣ въ преступленіи; за убійство въ запальчивости и раздраженіи—70 розогъ; крестьянамъ за сопротивленіе власти—по 77 розогъ главнымъ и по 55 менѣ виновнымъ; за нѣсколько кражъ и конокрадство—100 розогъ.

Записка изъ дѣла о крестьянинѣ Ганѣевѣ (1863 г.); записка изъ дѣла о крестьянинѣ Федоровѣ (1861 г.); записка изъ дѣла о крестьянкахъ Чепцовой, Ткаченковой и Яловенковой (1861 г.); дополненіе къ

Какъ замѣнительное наказаніе, розги назначались по Уложенію 1845 г. вмѣсто заключенія въ смирительномъ и рабочемъ домахъ, тюрьмѣ и даже ареста. Подробныя правила о порядкѣ замѣны были изданы въ 1853 г. Заключение въ тюрьмѣ могло быть замѣнено розгами, когда оно грозило повести за собой для осужденнаго раззореніе, лишить его возможности поддерживать свое семейство; подобныхъ ограничительныхъ мотивовъ законъ не приводитъ, говоря о другихъ видахъ заключенія, подлежащаго замѣнѣ (ст. 84, 86—88). Къ тѣлеснымъ наказаніямъ могли приговариваться и лица, состоящіе на службѣ, но не изытїя отъ тѣлесныхъ наказаній, взамѣнъ отрѣшенія и удаленія отъ должности или вычета изъ времени службы (ст. 92). Число ударовъ при замѣнѣ сообразовалось съ тяжестью и продолжительностью заключенія: заключеніе въ рабочемъ домѣ компенсировалось 40—100 ударами розогъ (100 ударовъ за три года заключенія); заключеніе въ смирительномъ домѣ—80 ударами; арестъ—30 ударами розогъ, тюрьма—60 ударами. Отъ замѣны должны были освобождаться страдающіе неизлѣчимыми, перечисленными въ законѣ, болѣзнями; изытїе отъ тѣлесныхъ наказаній не по правамъ состоянія, а по особымъ постановленіямъ, приговаривались въ арестантскія роты, безъ наказанія розгами (94, 95 ст.). Наказаніе розгами производилось черезъ полицейскихъ служителей, не публично ¹⁾.

Въ законахъ, изданныхъ послѣ Уложенія 1845 г. также встрѣчалось назначеніе тѣлесныхъ наказаній. Въ изданномъ въ 1860 г. положеніи о лифляндскихъ крестьянахъ назначалось наказаніе розгами до 50 ударовъ, въ Положеніи о кре-

---

запискѣ по дѣлу о 15 цыганахъ (1853 г.); записка изъ дѣла о крестьянкѣ Семеновѣ (1861 г.); записка изъ дѣла о крестьянкѣ Григорьевѣ (1853 г.); записка изъ дѣла о крестьянинѣ Аблязовѣ (1856 г.); записка изъ дѣла о крестьянинѣ Михѣевѣ (1853 г.); записка изъ дѣла о крестьянахъ имѣнія Сморгонь (1853 г.); записка изъ дѣла о крестьянинѣ Мязитовѣ (1856 г.).

¹⁾ П. С. З. 12, 166, г. 1839. 19, 640, г. 1846. Сводъ, т. XV, ст. 1388.

стьянахъ 1861 г. оставлено было наказаніе 20 ударами розогъ за проступки подвѣдомственные волостнымъ судамъ и мировымъ посредникамъ. Послѣ закона 17 апрѣля 1863 г. розги сохранились какъ по Положенію о крестьянахъ, такъ и въ немногихъ случаяхъ по Уложенію о наказаніяхъ. Въ уложеніи изд. 1885 г. розги упоминаются въ слѣдующихъ случаяхъ: за ложное показаніе бродягой о своемъ званіи ему грозитъ 30—40 ударовъ (ст. 952, отмѣнена въ 1900 г.); корабельные служители и водоходцы за явное неповиновеніе корабельщику во время пути подлежатъ наказанію хлыстомъ до 5 ударовъ (ст. 1261), послѣдняя статья осталась по очевидному недосмотру, такъ какъ законъ не знаетъ хлыста въ качествѣ орудія тѣлеснаго наказанія: въ дѣйствующемъ правѣ тѣлесныя наказанія ограничиваются: 1) наказаніемъ розгами, 2) наложеніемъ оковъ. Уложеніе же дозволяетъ наказывать (ст. 1377) малолѣтнихъ ремесленниковъ по жалобѣ мастера 5—10 ударами розогъ; нельзя не замѣтить, что эта статья болѣе чѣмъ лишена всякаго практическаго значенія, такъ какъ «малолѣтніе ремесленники» подвергаются со стороны мастеровъ въ домашнемъ обиходѣ, гораздо болѣе серьезнымъ наказаніямъ, чѣмъ 10 ударовъ розогъ, но она важна потому, что указываетъ на отсутствіе у мастера *права* наказывать тѣлесно въ дисциплинарномъ порядкѣ, такъ какъ въ ней совершенно опредѣленно говорится, что «малолѣтніе ремесленники за самовольную отлучку отъ мастеровъ своихъ, за шалости, лѣность неуваженіе къ мастеру и его семейству подвергаются представленнымъ законамъ мѣрамъ домашняго исправленія, когда-жъ сіи мѣры окажутся недостаточными, и мастеръ принесетъ на неисправившихся жалобу, то они подвергаются наказанію розгами отъ 5 до 10 ударовъ» — т. е. мѣры домашняго исправленія ясно противопоставляются въ законѣ тѣлесному наказанію.

Лица, изыятія отъ тѣлесныхъ наказаній, опредѣляются какъ и прежде въ приложеніи къ 30 статьѣ Улож. (стр. 178). Согласно съ этимъ приложеніемъ тѣлеснымъ наказаніямъ по приговору волостныхъ судовъ (и въ дисциплинарномъ порядкѣ въ аре-

стантскихъ отдѣленіяхъ, въ войскахъ и въ ссылкѣ) подлежатъ крестьяне, въ возрастѣ до 60 лѣтъ, не служившіе въ войскахъ, не занимающіе выборныхъ должностей и неизъяты по другимъ основаніямъ (образование и т. д.). «Члены волостныхъ правленій, волостные писари, сельскіе начальники и писари, равномѣрно и другія лица, по состоянію не изъятые отъ наказаній тѣлесныхъ, но имѣющія знаки отличія, Всемилостивѣйше награжденные за заслуги кафтанами или медалями», подвергаются наказаніямъ тѣлеснымъ, когда они признаны виновными въ преступленіяхъ, наказаніе за которыя соединено съ правопораженіемъ. Крестьяне получившіе отъ министерства государственныхъ имуществъ похвальные листы при первомъ осужденіи въ проступкѣ, влекущемъ тѣлесное наказаніе, теряютъ похвальный листъ, но наказанію не подлежатъ. Мѣщане, не изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній, не занимающіе выборныхъ должностей подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ лишь послѣ осужденія за преступленія, наказанія за которыя соединено съ правопораженіемъ¹⁾.

Новое Уголовное Уложеніе, опубликованное въ 1903 г., о тѣлесныхъ наказаніяхъ совершенно не упоминаетъ. Объемъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній (розги до 20 ударовъ) по приговорамъ волостныхъ судовъ въ настоящее время опредѣляется по лицамъ—приведеннымъ выше приложеніемъ 30 ст. Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и

---

¹⁾ По общему Положенію о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (Положеніе о сельскомъ состояніи. Особое приложеніе къ IX т. Свода Законовъ, изд. 1876 г.) «Волостной судъ не въ правѣ приговаривать къ тѣлесному наказанію: лицъ женскаго пола, престарѣлыхъ крестьянъ, достигшихъ 60 лѣтняго возраста, должностныхъ лицъ, въ ст. 124 упомянутыхъ (т. е. волостного старшину, его помощника, сельскаго старосту, засѣдателей волостного правленія, судей волостного суда, сборщиковъ податей, смотрителей хлѣбныхъ магазиновъ, церковныхъ старостъ, попечителей школъ грамоты, попечителей и почетныхъ блюстителей сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ), и тѣхъ, кои безпечно исполняли подобныя должности, равно и крестьянъ, кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, земледѣльческихъ и равныхъ съ ними или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ» (ст. 102 Общаго Положенія).

по проступкамъ — положеніемъ и правилами о земскихъ начальникахъ и волостномъ судѣ (законъ 1889 г.). Примѣненіе тѣлесныхъ наказаній поставлено подъ контроль земскихъ начальниковъ, которыми утверждаются приговоры въ этимъ наказаніямъ. Волостные суды могутъ, если признаютъ это необходимымъ, назначать тѣлесныя наказанія за проступки, предусмотрѣнные въ ст. 31, 38, 49, 132, 134, 135, 140—143 и 180 (1-я часть) Мирового Устава, т. е. за оскорбленіе при исполненіи служебныхъ обязанностей полицейскихъ, лѣсныхъ, полевыхъ, желѣзнодорожныхъ сторожей, должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія (исключая волостныхъ старшинъ и равныхъ имъ лицъ), за нарушеніе общественной тишины и спокойствія, за прошеніе милостыни по лѣни и привычкѣ къ праздности, за обиду на словахъ или письмѣ родственника въ восходящей линіи, за обиду дѣйствиємъ, за угрозы, самоуправство и насиліе, за отказъ въ необходимой помощи родителямъ, за покунку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго черезъ обманъ имущества. За кражу, мошенничество, присвоеніе и покушеніе на эти проступки, за мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство и за нарушеніе условій найма (ст. 17) виновные могутъ быть наказаны арестомъ или розгами, а въ особо важныхъ случаяхъ арестомъ и розгами вмѣстѣ. Затѣмъ «только въ особо важныхъ случаяхъ» тѣлесному наказанію могутъ быть также подвергнуты: виновные въ повтореніи до истеченія года проступковъ, за которые они подверглись уже аресту и совершившіе нѣсколько проступковъ, за каждый изъ которыхъ назначенъ арестъ или болѣе строгое наказаніе ¹⁾).

По закону 1889 г., слѣдовательно, тѣлесное наказаніе можетъ примѣняться весьма широко за всѣ сколько-нибудь выдающіеся проступки, подсудные волостнымъ судамъ, и въ то же время примѣненіе его поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія земскихъ начальниковъ. Этими постановленіями законъ 1889 г. отступилъ отъ общаго духа русскаго законодатель-

---

¹⁾ Временныя правила о волостномъ судѣ ст. 36, 37, 38.

ства, увеличивъ вмѣстѣ съ расширеніемъ вѣдомства волостныхъ судовъ и примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, и вдобавокъ сдѣлалъ изъ нихъ условную карательную мѣру, которая можетъ въ одномъ мѣстѣ примѣняться, въ другомъ нѣтъ, пользование которой зависитъ отъ переменны земскихъ начальниковъ въ участкѣ. Какъ свидѣтельствуя статистическія данныя, въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній на практикѣ господствуетъ огромное разнообразіе, обусловленное личными взглядами и усмотрѣніемъ земскихъ начальниковъ. Такое положеніе относительно столь позорнаго и тяжкаго поэтому наказанія, какъ тѣлесное, является въ высшей степени печальнымъ и нежелательнымъ ¹⁾).

Наконецъ, розги, какъ наказаніе по суду и дисциплинарная мѣра, употреблялись и употребляются и теперь для военно-служащихъ, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. По свидѣтельству кн. Имеретинскаго, служившаго въ 40-хъ годахъ въ Преображенскомъ полку, полковой командиръ могъ дать до 800 розогъ «цифра эта не опредѣлялась оффиціально, но разумѣлась, ибо самая крѣпкая натура не могла болѣе перенести» ²⁾. То же рассказывается и другими военными, служившими въ Николаевское время ³⁾. Послѣ закона 1863 г.

---

¹⁾ Жбанковъ и Яковенко въ своей интересной работѣ „Тѣлесныя наказанія въ Россіи“ даютъ цифры тѣлесно наказанныхъ за 1896 г. по 19 земскимъ губерніямъ см. стр. 48 и слѣд. Изъ этихъ данныхъ видно, что на 10.000 мужскаго населенія приходится отъ 5 (въ Новгородской губ.) до 0,1 (въ Таврической губ.) наказанныхъ, т. е. въ Новгородской губ. наказываютъ тѣлесно въ 50 разъ больше, чѣмъ въ Таврической.

²⁾ Напр. въ концѣ 40 годовъ ген. Сухозанетъ „прислалъ своего денщика на гауптвахту съ запиской, чтобы дали ему 1000 розогъ и шкура была спущена съ головы до ногъ“. Рус. Ст. 1886, т. 51, стр. 85. По свидѣтельству кн. Имеретинскаго солдатамъ назначалось въ 20—30-хъ годахъ XIX ст. въ дисциплинарномъ порядкѣ 500—600 розогъ. Рус. Ст. 1893, т. 73, стр. 43—44.

³⁾ Воспоминанія г.-л. М. Маркова о службѣ въ л.-г. Павловскомъ полку. Р. Ст. 1890, т. 66, стр. 89. Кн. Н. К. Имеретинскій. Изъ записокъ стараго преображенца. Р. Ст. 1893, т. 78, стр. 27—28. Изъ воспоминаній Теобальда. Р. Ст. 1889, т. 61, стр. 258. Воспоминанія М. Венюкова. Р. Ст. 1886, т. 51, стр. 84 и слѣд. П. С. З. III. 252, г. 1828, X. 8185, г. 1835.

розги остались, но съ существенными ограниченіями: ими могутъ наказываться лишь переведенные въ разрядъ штрафованныхъ и содержащіеся въ дисциплинарныхъ баталіонахъ.

Въ настоящее время въ войскахъ переведенные въ разрядъ штрафованныхъ могутъ быть наказаны розгами до 200 ударовъ взамѣнъ тюремнаго заключенія при недостаткѣ мѣстъ въ тюрьмахъ и 50 ударами въ дисциплинарномъ порядкѣ. Во флотѣ розги могутъ быть замѣняемы линьками. Наказанные тѣлесно не могутъ производиться въ офицеры и въ классныя чины. Содержащіеся въ дисциплинарныхъ ротахъ и баталіонахъ, состоящіе въ разрядѣ штрафованныхъ, за преступленія и проступки, наказуемые по суду, могутъ быть подвергнуты по приговору суда наказанію до 300 ударовъ розгами взамѣнъ содержанія въ карцерѣ ¹⁾.

II.

Обширное примѣненіе розги находили и находятъ, какъ дисциплинарная мѣра. По Уставу о ссыльныхъ изд. 1890 г. преступленія и проступки, влекущіе наказаніе до тюремнаго заключенія съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ считаются для каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ маловажными; съ ними сопоставляются кратковременныя самовольныя отлучки, нетрезвое и буйное поведеніе, лѣность въ работѣ и т. п. За всѣ перечисленные проступки по усмотрѣнію мѣстныхъ начальствъ, могло быть назначено до 100 ударовъ розгами для ссыльно-поселенцевъ и для каторжныхъ. Въ стѣнахъ тюрьмы этими же дисциплинарными правами пользовалось тюремное начальство. Отъ тѣлесныхъ наказаній не освобождались ни престарѣлые, ни увѣчные (съ 1893 г. только мужескаго пола) ссыльные, но сила этой грозной статьи была ослаблена замѣчаніемъ, что «мѣра наказанія назначается имъ по соразмѣрности ихъ силъ, вслѣдствіе предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія».

---

¹⁾ Военскій Уставъ о наказаніяхъ. Изд. 3-ье (1900 г.), ст. 59 (приложеніе) и 281.

Малолѣтніе ссыльно-поселенцы (до 14 лѣтъ) могли быть наказаны розгами до 50 ударовъ ¹⁾. (ст. 466 Уст. о Сс.)

По закону 2 іюня 1903 г. за маловажные преступления и проступки сохранено въ числѣ другихъ наказаніе розгами до 100 ударовъ, но отъ тѣлеснаго наказанія освобождены, кромѣ женщинъ (1893 г.), престарѣлые (60 лѣтъ) и увѣчные ссыльные. Исполняется наказаніе розгами въ мѣстахъ, гдѣ приговоренные «будутъ застигнуты обращенными къ исполненію приговорами, внутри тюремнаго помѣщенія, не публично». Далѣе законъ вводитъ новое постановленіе, которымъ исполненіе тѣлеснаго наказанія допускается лишь, когда оно признается не опаснымъ для здоровья, для чего текстъ 478 статьи Уст. о ссыльныхъ дополненъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Если подвергаемый наказанію розгами не будетъ въ состояніи, вслѣдствіе внезапно приключившейся ему болѣзни или слабости, выдержать опредѣленное ему число ударовъ, то производящій сіе наказаніе чиновникъ обязанъ остановить наказаніе и призвать врача. Если, по мнѣнію врача, подвергаемый наказанію не будетъ въ состояніи, безъ явной опасности для его жизни, выдержать положенное число ударовъ, то врачъ обязанъ, освидѣтельствовавъ тщательно преступника и, изложивъ въ подробности все имъ найденное, въ заключеніи обстоятельно указать, почему именно онъ признаетъ болѣзненное состояніе преступника такого рода, что тѣлесное наказаніе для него было бы опасно и потому должно быть отмѣнено впредь до излеченія или облегченія болѣзни. Свидѣтельства сего рода должны быть повѣряемы врачебными отдѣленіями губернскихъ управленій (или замѣняющими ихъ учрежденіями), гдѣ можно, черезъ личное удостовѣреніе, преимущественно въ отношеніи правильности вывода, и затѣмъ, если врачебное отдѣленіе согласится съ заключеніемъ врача, окончаніе наказанія приостанавливается и отлагается до выздоровленія преступника, послѣ чего онъ долженъ быть снова подвергнутъ тщательному освидѣтельству»

---

¹⁾ Сводъ учрежденій и уставовъ для ссыльныхъ, изд. 1890 г., т. XIV, ст. 439—463 и 464—466 по продолженію 1895 г.

ванію. Въ случаѣ обнаруженія неизлѣчимой болѣзни преступника тѣлесное наказаніе совершенно отмѣняется. О пріостановленіи наказанія или о необходимости отмѣны онаго полиція немедленно доноситъ губернскому начальству, съ представленіемъ свидѣтельства врача, для препровожденія онаго въ врачебное отдѣленіе и дальнѣйшаго затѣмъ со стороны губернскаго начальства распоряженія».

Наказанія розгами до 30 ударовъ опредѣляются ссыльно-поселенцамъ и приводятся въ исполненіе по распоряженію станovýchъ (полицейскихъ) приставовъ, (земскихъ засѣдателей), смотрителей поселеній, волостныхъ правленій, или начальника тюрьмы. Наказаніе свыше 30 ударовъ приводится въ исполненіе съ разрѣшенія уѣзднаго (окружнаго) исправника или полиціймейстера. Ссыльно-каторжнымъ наказаніе розгами въ стѣнахъ тюрьмы назначается по распоряженію начальника; вообще же окончательно опредѣляется оно и приводится въ исполненіе въ Нерчинской каторгѣ—властью начальника каторги, на островѣ Сахалинѣ—окружнаго начальника, въ прочихъ мѣстностяхъ—тюремнаго инспектора. Наказаніе розгами можетъ быть назначено и по распоряженію губернатора.

Розги служили обычнымъ дисциплинарнымъ взысканіемъ и въ тюрьмахъ различныхъ наименованій. Въ 1803 году предписано наказывать розгами арестантовъ, находящихся на крѣпостныхъ работахъ за побѣги и другіе проступки. По уставу о смирительныхъ и рабочихъ домахъ можно было наказывать строптивыхъ не болѣе какъ 3 ударами прутьевъ за одинъ проступокъ (Сводъ, 1833 г. XIV. Устав. о содерж. подъ стражей ст. 165); съ 1845 г. въ рабочихъ домахъ высшей дисциплинарной мѣрой считалось 10 розогъ, въ арестантскихъ ротахъ—30 розогъ. (Приложенія къ Улож. 1845 г.: положеніе объ арестантскихъ ротахъ г. XIII § 72. Дополненія къ уст. о сод. под. стр. I § 37). Въ 1840 г. мѣстному начальству дозволено наказывать ссыльныхъ легкимъ тѣлеснымъ наказаніемъ за маловажные проступки: «нетрезвое поведеніе, непослушаніе» ¹⁾.

¹⁾ П. С. З. 20.949, г. 1803, 13, 657, г. 1840.

По уставу о содержащихся под стражею изд. 1890 г. въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ начальство могло въ дисциплинарномъ порядкѣ подвергнуть арестанта наказанію розгами до 30 ударовъ, а съ утвержденія губернатора—100 ударами (Ст. 324, 325).

Въ 1901 г. эти правила были измѣнены, и тѣлесныя наказанія оставлены въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, какъ крайняя мѣра, которой могутъ быть замѣнены другія взысканія, причѣмъ высшій предѣлъ наказанія ограниченъ 50 ударами розогъ; налагается это наказаніе въ С.-Петербургѣ властью начальника главнаго тюремнаго управленія, въ прочихъ мѣстностяхъ—по соглашенію начальника мѣста заключенія съ подлежащимъ лицомъ прокурорскаго надзора и тюремнымъ инспекторомъ (тамъ, гдѣ онъ есть), съ утвержденія губернатора ¹⁾.

Розги издавна употреблялись также, какъ необходимое дисциплинарное наказаніе въ школахъ. Насколько онѣ были обычными въ низшихъ школахъ въ XVIII столѣт., можно заключить хотя бы изъ виршей, составленныхъ Ванькой Капномъ, о томъ, что въ школахъ съкутъ по 5 разъ въ день, подтверждаемыхъ массою другихъ извѣстій, не облеченныхъ въ поэтическую форму. Въ Екатерининскую эпоху тѣлесныя наказанія не признавались полезными для юношества: ихъ тщательно изгоняли, не допуская даже и для питомцевъ воспитательнаго дома, но несмотря на это въ дѣйствительности они существовали ²⁾. Въ 1820 г. они разрѣшены были уставомъ гимназій, подвѣдомственныхъ Дерптскому (нынѣ Юрьевскому) университету: «позволяется отнынѣ въ гимназіяхъ тѣлесное наказаніе», заявлялось въ названномъ уставѣ, явившемся въ годы разочарованія высшихъ правительственныхъ сферъ въ

¹⁾ Высоч. утвержд. мнѣніе Государств. Совѣта. Собраніе узаконеній и распоряженій правит. 23, V, 1901.

²⁾ *Ровинскій*, о. с. т. IV, стр. 393. *Отто, И.* Черты изъ жизни Аракчеева. Др. и Н. Россія. 1875, II, стр. 176—177. Посмертныя записки А. А. Одицова. 1817—23 г. Р. Ст. 1889, т. 64, стр. 209.

принципахъ просвѣтительной философіи прошлаго вѣка, но вводилось оно со свойственной той эпохѣ деликатностью выраженій, сопровождаемое надеждой, что «въ старшихъ классахъ никогда не будетъ въ оныхъ нужды». Уставомъ 1828 г. тѣлесное наказаніе (розги) дозволено въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго округовъ «въ случаѣ недѣйствительности другихъ средствъ исправленія»... по опредѣленію совѣта, при инспекторѣ, въ особомъ мѣстѣ, для младшихъ трехъ классовъ вмѣсто исключенія ¹⁾). Рядъ оговорокъ какъ бы указываетъ на колебаніе законодателя, на нѣкоторую неловкость, ощущаемую при признаміи педагогическимъ средствомъ «жезла», предъ которымъ преклонялись учителя въ минувшія столѣтія. Это колебаніе замѣтно и въ самой редакціи допущенія тѣлесныхъ наказаній. Въ 1802 г., когда прежніе принципы были еще сильны, въ уставѣ Пажескаго Корпуса розги скрывались подъ терминомъ «строжайшаго наказанія». Въ уставѣ Ришельевскаго лицея (1817 г.) онѣ называются «чрезвычайнымъ наказаніемъ, на которое требуется особое и точное согласіе правленія», но въ 1820 г. онѣ уже наказываются «тѣлеснымъ наказаніемъ», а въ 1828 г. «наказаніемъ розгами», что означаетъ извѣстный поворотъ въ педагогическихъ взглядахъ правительственныхъ круговъ. Соответствующая уставу 1828 г. статья имѣется и въ уставѣ Училища Правовѣднія въ 1835 г. ²⁾). Практика во многихъ учебныхъ заведеніяхъ не обращала особеннаго вниманія на недомолвки и нерѣшительность постановленій закона и весьма широко и чувствительно примѣняла «чрезвычайное» и «строжайшее» наказаніе, относясь къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Совершенно иное отношеніе было со стороны воспитанниковъ, подлежащихъ отеческому воздѣйствію, даже въ старшихъ классахъ: наказаніе розгами считалось позорнымъ, подвергало товарищескому остракизму; въ корпусахъ встрѣчались даже случаи самоубійства, чтобы избѣжать грозящаго позора. Кромѣ

¹⁾ П. С. З. 28.303, г. 1820; 2502, г. 1823.

²⁾ П. С. З. 20.452, г. 1802. 26.827, г. 1817. 8185, г. 1835 § 42.

того, случалось, что экзекуции превосходили и мѣру терпимаго, становились истязаніемъ ¹⁾). Гдѣ особенно процвѣтали розги и были изобрѣтены весьма разнообразныя способы сѣченія, это въ семинаріяхъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ объективно-спокойное повѣствованіе Д. И. Ростиславлева ²⁾).

¹⁾ Практика не стѣснялась оговорками закона. Учителя позволяли себѣ употреблять кулаки и линейку, хотя это совершенно не предусматривалось закономъ (За полстоѣтія. Р. Ст. 1894, т. 81, стр. 72—75—78—82). Въ 1840 г. въ Казани были наказаны три воспитанника, побившіе директора, который жестоко пользовался розгами, распаренными въ горячей водѣ; имъ дано было по 50 розогъ, отсчитанныхъ, несмотря на брызнувшую кровь. „Начальство того времени, говоритъ д-ръ Ильинскій, бывшій въ 40-хъ годахъ въ казенныхъ гимназіяхъ, очень любило наказывать розгами и приступало къ нимъ съ особеннымъ злорадствомъ и торжествомъ. Наказывали чаще всего воспитанниковъ 4 первыхъ классовъ (по уставу дозволялось только 3-хъ), употреблялось оно и въ высшихъ классахъ, но воспитанники ихъ, обыкновенно, не давали себя сѣчь, уступчивыхъ сами товарищи подвергали остракизму: переставали говорить, били, такъ что они должны были уходить изъ гимназій“. Розги же въ 40-хъ годахъ употреблялись широко и въ корпусахъ. Но эта педагогическая мѣра, по словамъ воспитанниковъ того времени, вызвала въ кадетахъ только „жалость къ пострадавшему и омерзѣніе къ самой формѣ наказанія“.

Въ интересныхъ запискахъ неизвѣстнаго о Николаевскихъ кадетахъ передаются такіе факты: напр. кадетъ старшаго класса, которому угрожала экзекуція перерѣзать себѣ горло ножомъ, видя, что не избѣжать розогъ, другой младшаго возраста бросился съ лѣстницы третьяго этажа. *За много лѣтъ*. Воспоминанія неизвѣстнаго. 1844—1884. Р. Ст. г. 1894, т. 81, стр. 186—189. А. К. Воспоминанія Московскаго кадета 1833—34 г. Р. Арх. 1880, кн. I, стр. 466, 467, 471. М. И. Семевскій. Путевые очерки и наброски. Р. Ст. 1889, т. 62, стр. 492.

²⁾ Мѣстомъ процвѣтанія розогъ несомнѣнно слѣдуетъ признать семинаріи, въ которыхъ еще въ Александровское время по свидѣтельству Д. И. Ростиславлева употреблялись по старому двухъ и треххвостыя плети по усмотрѣнію каждаго учителя. Иногда начальство и учителя справлялись съ семинаристами и собственноручно: кто таскалъ за волосы, кто колотилъ рукой по головѣ, кто работалъ палкою. Били не только учителя, но и тutory, т. е. старшіе воспитанники, которымъ понадало и самимъ, они вымѣщали свое горе на младшихъ товарищахъ, они могли давать 10 ударовъ, но такъ какъ для этого не стоило раздѣвать, то били впередъ за будущія вины; у тutory же были и плети.

Изъ статистическихъ цифръ, относящихся къ Кіевскому учебному округу въ 1857—59 гг., выходитъ, что наказывалось тѣлесно 13—27% воспитанниковъ, т. е. что около четверти питомцевъ гимназій не поддавались никакимъ средствамъ воздѣйствія, кромѣ физической боли—положеніе, не свидѣтельствующее о блестящемъ состояніи воспитательной части въ ту эпоху. Къ этому времени относится дѣятельность Н. И. Пирогова, назначеннаго попечителемъ Кіевского округа, и, несмотря на оппозицію многихъ подчиненныхъ, успѣвшаго сократить до *minimum*'а примѣненіе розогъ въ кіевскихъ гимназіяхъ¹⁾: оно уменьшилось при немъ почти въ 26 разъ. Протестъ Н. И. Пирогова противъ укоренившихся порядковъ, или вѣрнѣе неурядицъ, поддержанный общественнымъ мнѣніемъ, оказалъ важную услугу дѣлу уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ школахъ. Проектомъ устава гимназій, относящимся къ 1862 г. розги не допускаются: «наказаніе розгами, указывается въ мотивахъ, составляетъ самое дурное средство воспитанія... розги любимое средство плохихъ педагоговъ, которые въ состояніи сдерживать воспитанниковъ только страхомъ»; изъ 268 лицъ, опрошенныхъ по этому поводу, только 4 выступило открыто въ защиту розги, хотя это и не свидѣствуетъ еще объ единодушій компетентныхъ лицъ: нѣкоторые изъ отвѣчавшихъ, отказываясь отъ розогъ, уступали, конечно, новому направленію въ министерствѣ. Дѣйствующимъ уставомъ тѣлесныя наказанія въ учебныхъ заведеніяхъ не упоминаются.

Чрезвычайно распространены были розги въ качествѣ дисциплинарной мѣры для крестьянъ при существованіи крѣпостнаго права, напр., по названному уже помѣщичьему уложенію

Отъ наказуемаго требовалось полное спокойствіе и покорность, иначе удары удвоивались. Авторъ насчитываетъ 8 способовъ сѣченія, употреблявшихся въ его время. Записки Д. И. Ростиславлева. Р. Ст. 1892, стр. 541—543, 545—561; 1893 г. 127, 132, 135—150 (150).

¹⁾ По вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ училищахъ, стр. 9 и 10, Сочиненія Н. И. Пирогова. Сиб. 1887, т. II, стр. 77, 345, 351, 367, 467 и слѣд.

1763 — 65 г. они назначались, конечно, только для устрашения отъ 1000 до 5000 ударовъ; въ Грузинѣ, образцовомъ хозяйствѣ гр. Аракчеева, въ арсеналѣ всегда стояли кадки съ рассоломъ, въ которомъ мокли розги, грозившія за малѣйшія провинности.

Наказаніе розгами употреблялось и употребляется въ обширныхъ размѣрахъ не только какъ кара, налагаемая по суду или дисциплинарное взысканіе, но и какъ административная мѣра, при водвореніи спокойствія и порядка. Такъ розги были обычнымъ средствомъ при усмирении крестьянскихъ волненій, напр. въ 1834 г. бунтовались татары въ Симбирской губ.; богатые татары были спрошены, что для нихъ лучше — тюрьма или розги, когда признали розги, то всѣмъ бунтовщикамъ дано было по 100 розогъ «для ихъ спокойствія». Этотъ же мемуаристъ, нѣкто г. Э.....въ, жандармскій полковникъ, передаетъ воспоминанія объ усмирении бунта удѣльныхъ крестьянъ въ Симбирской губ.: «крестьянъ по одному спрашивали, отказывавшіеся повиноваться передавались жандарму, связывались и клались на землю, вечеромъ, наконецъ, прибѣгнули къ розгамъ: начали съ 70 лѣтняго старика, котораго забили до смерти и на мертваго уже надѣли кандалы, затѣмъ били еще 13 человекъ и только 14-й послѣ 300 ударовъ объявилъ, что будетъ повиноваться «тогда, замѣчаетъ г. Э.....въ, и всѣ заговорили и просили простить... русскій человекъ искренне покорень и спокоень, когда за вину наказанъ, а безъ наказанія обѣщанія ничего не стоятъ. Наказанный боится быть виноватымъ вновь и успокаивается»¹⁾. Въ 1842 г. во время, такъ называемаго, картофельнаго бунта въ Пермской губерніи, крестьянамъ, по свидѣтельству очевидца, велѣно было встать въ знакъ покорности на колѣна. Затѣмъ явилось 4 воза: 2 съ розгами, 2 съ палками. Виновныхъ раздѣлили на 2 группы: главныхъ отправили въ острогъ, второстепеннымъ велѣно было раздѣваться «розги и палки разложены были кучками, у каж-

¹⁾ Э.....въ Очерки, рассказы и воспоминанія. Р. Ст. 1878, т. 23, стр. 670, 692, 694, 695.

дой 2 солдата, одинъ съ розгами, другой съ палками въ рукахъ.» Съкли жестоко «удары сыпались несмотря на безчувственное состояніе большинства... Послѣ виновныхъ очередь дошла до общества, наказывали десятаго».—Въ 1843 г. по поводу волненій въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губ. 1677 крестьянъ было приговорено къ 150 ударамъ розогъ (каждый десятый, кромѣ старыхъ). Въ концѣ 40-хъ годовъ такимъ же образомъ усмиряли рязанскихъ крестьянъ: «они были выведены и поставлены на выгонъ... ихъ было 80—90 человѣкъ». Наказаніе осталось прежнимъ, но отношеніе было другое, и очевидецъ, описывавшій экзекуцію, не находитъ уже, что «русскій человѣкъ спокоенъ, когда наказанъ», а говоритъ: «эта кучка казалась особенно жалкой, можетъ быть потому, что недалеко смирнехонько стояла толпа бабъ... Въ сторонѣ отъ толпы стояло нѣсколько возовъ... я увидѣлъ, что на нихъ было, и всячески старался не глядѣть туда». Розги употреблялись для усмиренія крестьянъ повсемѣстно и во всевозможныхъ случаяхъ: въ 1842 г., напр. ими были наказаны 2 латыша, пожелавшіе обратиться въ православіе, въ числѣ ихъ наказанъ даже и 70 лѣтній старикъ ¹⁾.

То же было въ эпоху введенія Положенія о крестьянахъ и позднѣе. Но если для того времени такой способъ дѣйствія находилъ нѣкоторое объясненіе въ существовавшихъ тогда порядкахъ, то примѣненіе розогъ по усмотрѣнію администраціи, сохранившееся въ настоящее время, не имѣетъ никакихъ основаній въ законѣ и составляетъ его несомнѣнное нарушеніе. Случаи же примѣненія его къ лицамъ, изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній (напр. мѣщанамъ), являются и нарушеніемъ основныхъ правъ сословій ²⁾.

---

¹⁾ Зыряновъ, А. Крестьянскія движенія. Древняя и Нов. Росс. 1879, 4, стр. 316. Славутинскій, С. Крестьянскія волненія въ Рязанской губ. 1847—1858, Др. и Нов. Рос. 1878 г., стр. 148—9. Записка о двухъ латышахъ, изъявившихъ согласіе перейти въ православіе, 1842 г. Чтенія 1865, стр. 216—220.

²⁾ Жбанковъ и Яковенко. Тѣлесныя наказанія въ Россіи, стр. 31, 80.

III.

Изъ другихъ тѣлесныхъ наказаній заслуживаютъ упоминанія линьки и наказанія, имѣющія непосредственное отношеніе къ тюрьмѣ и ссылкѣ, служація въ одно и то же время различнымъ полицейскимъ и карательнымъ цѣлямъ: колодки, оковы, цѣпи и бритье головы и т. п.

Со временъ Петра Великаго специально для флота были введены, линьки—куски каната съ узлами, служащіе для наказанія матросовъ за дисциплинарныя провинности. Своду извѣстно еще наказаніе веревкой и хлыстомъ до 5 ударовъ судорабочимъ за неисполненіе приказаній о спасеніи груза и людей въ опасныхъ случаяхъ (Сводъ, XV, 1503), оно упоминается и въ 1261 ст. Уложения о наказаніяхъ (стр. 298). Въ Уставѣ о ссыльныхъ (ст. 453, изд. 1890 г.) сохранялось до 1903 г. наказаніе лозами для ссыльно-каторожныхъ за обмѣнъ именами въ размѣрѣ до 100 ударовъ.

Колодки въ качествѣ наказанія, были извѣстны еще Псковской судной грамотѣ (дыба), оно назначалось постороннему помощнику одного изъ тяжущихся «который силой въ судебню полѣзеть, или придверника ударить»¹⁾. Дальнѣйшіе законодательные памятники не упоминаютъ о колодкахъ, какъ о наказаніи; онѣ употреблялись, только какъ дисциплинарное наказаніе духовенствомъ, помѣщиками и фабрикантами въ XVIII вѣкѣ. Въ 1729 г. на Курскаго соборнаго пона жаловались, что онѣ держитъ священниковъ въ домѣ своемъ подъ карауломъ въ цѣпяхъ и колодкахъ долгое время. Въ 1740 г. изъ дѣла о покушеніи на жизнь фабриканта Затрапезнова видно, что у него рабочіе держались за провинности въ колодкахъ не малое время.

По описанію Рихтера и Гейслера «наказаніе колодкою... состоитъ въ томъ, что виновному налагаютъ на шею или ноги два куска дерева, сходящіеся на концахъ, а въ серединѣ имѣющіе отверстія (въ которыя и просывали голову или ноги)

¹⁾ Будановъ. Хрестоматія, стр. 132, 155, прим. 128.

Эти куски дерева соединяются желѣзной скрѣпой, запираемой на замокъ. Это наказаніе скорѣе осрамительное, чѣмъ жестокое»¹⁾.

Колодки служили и для предупрежденія побѣговъ арестантовъ вмѣсто цѣпей, хотя уже въ XVII вѣкѣ пользованіе ими разсматривалось, какъ злоупотребленіе: въ наказѣ верхотурскому воеводѣ было приказано: «велѣть ковать въ желѣзы, а къ колоду отнюдь не сажать»²⁾. Но, несмотря на запрещеніе сажать въ колодки, въ нихъ продолжали держать арестантовъ не только въ XVIII в., какъ можно заключить по одной народной картинкѣ, относящейся къ половинѣ XVIII вѣка (на ней изображены арестанты въ колодкахъ)³⁾, но и въ XIX вѣкѣ, въ послѣднемъ это было несомнѣнное и строго преслѣдуемое злоупотребленіе. По разсказу очевидца (1814—19 г.) въ колодки былъ посаженъ разбойничій атаманъ, захваченный въ 50 верстахъ отъ Самары, которому забили въ нихъ руки и ноги такъ неудачно, что привезли въ городъ мертвымъ. Въ 1827 г. послѣдовалъ высочайшій указъ, запрещавшій употреблять для удержанія отъ побѣговъ арестантовъ мѣры, не указанныя закономъ, вызванный тѣмъ, что въ Малороссіи одного подсудимаго посадили: «въ какую то неподвижную колодку... изъ дѣла видно, что онъ отъ того умеръ... событіе ужасное». Въ 1847 г. запрещеніе пришлось повторить по поводу того, что на одного дворянина, обвиненнаго въ воровствѣ, надѣвали колодки⁴⁾.

Содержаніе въ цѣпяхъ и оковахъ издавна употреблялось въ тюрьмахъ, какъ средство для предупрежденія побѣговъ. Оно примѣнялось въ XVII вѣкѣ также въ духовныхъ судахъ за неважныя провинности, одинаково къ духовнымъ и къ мірянамъ, это былъ видъ церковнаго смиренія, назначавшагося и въ дисциплинарномъ порядкѣ. Наказаніе это состояло въ по-

¹⁾ Richter u. Geissler. Chatiments, II.

²⁾ Лебедевъ, о. с. стр. 322. Доп. къ актамъ истор. VI, 17, г. 1670. Соловьевъ, т. XX, стр. 219.

³⁾ Ровинскій, о. с. т. V, стр. 323.

⁴⁾ П. С. З. 1641 г. 1827, 5202 г. 1832.

саженіи на опредѣленное время на цѣпь, по большей части, на небольшіе сроки: мѣсяць, 2 недѣли; такъ былъ наказанъ въ 1643 г. священникъ за непристойныя рѣчи. Оно практиковалось и въ XVIII в.¹⁾: въ Бѣлгородской епархіи въ 1797 г. одинъ монахъ содержался на стѣнной цѣпи въ конюшнѣ, въ 1805 г. священникъ за ругательства и обиды посаженъ былъ на сутки на цѣпь въ сторожевой избѣ.

Цѣпи употреблялись весьма часто какъ дисциплинарная мѣра помѣщиками и въ XVIII и въ XIX вѣкахъ, несмотря на то, что это было строжайше запрещено указомъ 1809 г., оставались они и при полицейскихъ управленіяхъ, гдѣ въ 1826 г. предписано уничтожить цѣпи и цѣпи со стуломъ.

Еще въ 1848 г. подполковникъ Гладковъ былъ осужденъ за то, что оскорбившій его крестьянинъ «былъ посаженъ подъ арестъ на цѣпь, длиною въ 5 четвертей, наложенную ему на шею и прикованную къ деревянному отрубку, вѣсомъ въ одинъ пудъ пять фунтовъ. Въ семъ положеніи крестьянинъ Трифоновъ оставался въ продолженіи недѣли, а послѣ того, находясь подъ карауломъ безъ оковъ три недѣли, самовольно отлучился къ отцу своему, гдѣ вскорѣ и умеръ отъ холеры. Подполковникъ Гладковъ объяснилъ, что закованіе Трифонова на цѣпь, придѣланную къ деревянному чурбану, послѣдовало по отданному имъ, Гладковымъ, приказанію въ разстроенномъ душевномъ его состояніи отъ грубостей Трифонова, и что онъ не предполагалъ, чтобы ключникъ, исполнявшій приказаніе его, надѣлъ Трифонову цѣпь на шею, а не на ногу». Гладковъ

---

¹⁾ Семейскій. Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ П. Р. Стар. 1876 г., т. 17, стр. 603—4. На шею надѣвался желѣзный ошейникъ, заправшійся на замокъ, къ ошейнику прикрѣплялась небольшая цѣпь, оканчивавшаяся огромнымъ деревяннымъ обручкомъ, который трудно было поднять; у ошейника придѣланы желѣзныя спицы, мѣшавшія наклонить голову; на ночь подъ заднія спицы подкладывали подушку. Записки М. Я. Невѣрова. 1816—26. Р. Стар. 1883, т. 40, стр. 439. П. С. З. 23.708, г. 1809. Плавутинскій, генералъ Измайловъ и его дворня. Др. и Нов. Россія 1876, т. III, стр. 274, 279. Матеріалы къ новѣйшей исторіи Россіи стр. 20. П. С. З. 198, г. 1826. Максимовъ, Сибирь и каторга, II, стр. 14—15.

былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что наложилъ на крестьянина «такое орудіе, которое составляетъ прямое нарушеніе особаго по сему предмету закона, изображеннаго въ примѣч. къ 96 ст. XIV т. Св. Зак. Уст. о содерж. подъ стражею, и употребленіе котораго строжайше запрещено даже надъ арестантами». Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ и прошло всѣ инстанціи, причемъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Сената въ 1853 г. мнѣнія сенаторовъ сводились къ тому, что за проступокъ Гладкова достаточно строгаго выговора, а 4 сенатора даже нашли, что «легкое тѣлесное наказаніе 10-ю ударами розогъ и содержаніе крестьянина Трифонова, въ теченіе недѣли, прикованнымъ цѣпью за шею къ деревянному чурбану, какъ не заключающее въ себѣ ни какого истязанія, не можетъ быть признано жестокостью, а только такого рода наказаніемъ, которое, по 971 ст. IX т. по 6 прод., не предоставлено помѣщикамъ». Управляющій министерствомъ юстиціи полагалъ, что Гладкова надлежитъ заключить въ смирительный домъ на 6 мѣсяцевъ «а мѣстному губернскому начальнику вмѣнить въ неотложную обязанность, чтобы согласно вышеприведенному примѣч. къ 96 ст. уст. о содер. подъ стражею, находящійся въ имѣніи Гладкова деревянный чурбанъ съ цѣпью былъ подвергнутъ истребленію»¹⁾.

Содержаніе въ оковахъ, какъ наказаніе, вносится впервые въ русское законодательство Воинскимъ Уставомъ 1716 г., иногда даже безъ опредѣленія срока (Ар. 1, 12, 38, 48) или отъ однѣхъ до 14 сутокъ (Ар. 6, 10); назначалось оно и для матросовъ Морскимъ уставомъ 1720 г. (Кн. IV, гл. I, VIII, 100). При Петрѣ В. оно употреблялось и для гражданскихъ чиновниковъ, напр. въ 1719 г. предписано было кievскаго вице-губернатора и прочихъ подчиненныхъ, которые до сего касаются (присылки приходо-расходной книги) «сковать за ноги и на шею наложить чепъ и держать въ приказѣ по-

---

¹⁾ Записка по дѣлу подполковника Гладкова 1853 г. 3 іюля № 242, 1853 г.

камѣсть вышеписанное исполнять»¹⁾. Указомъ 1840 г. допущалось въ составъ высшей кары для каторжныхъ прикованье къ стѣнѣ на 5—10 лѣтъ и закованье въ желѣза на всю жизнь послѣ наказанія кнутомъ⁵⁾.

Оковы употреблялись при передвиженіи ссыльныхъ за исключеніемъ періода 1824—1832 г., когда арестанты, направлявшіеся въ Сибирь, прикрѣплялись къ желѣзному пруту (указъ 1824 г., апрѣля 4 и 1825 г., мая 12); сковывалась вмѣстѣ цѣлая партія арестантовъ; наручни, сквозь которыя проходилъ пруть должны были тѣсно облегать руку арестанта, для того чтобы ихъ нельзя было снять; вслѣдствіе чего рука натиралась до опухолей и ранъ во время ходьбы; при передвиженіи слабые арестанты не поспѣвали за сильными, высокіе тащили вверхъ руки малорослыхъ; особенно трудно было идти по неровной дорогѣ. Въ случаѣ болѣзни одного арестанта должна была задерживаться вся партія, такъ какъ унтеръ-офицеръ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права отпереть замка и освободить отъ прута арестанта. Тяжело было положеніе арестантовъ и на ночлегахъ, гдѣ движенія одного мѣшали спать всѣмъ остальнымъ; если одному нужно было выйти, вся партія по необходимости сопровождала его. Въ виду этихъ неудобствъ и чрезмѣрной тягости для арестантовъ, московскій генераль-губернаторъ по представленію попечительнаго комитета о тюрьмахъ вошелъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ желѣзныхъ прутьевъ, которые и были въ 1832 г. замѣнены особенными наручниками. Эта реформа была вызвана энергической дѣятельностью извѣстнаго филантропа доктора Гааза (А. Θ. Кони. За послѣдніе годы. Спб. 1896. Преди-

---

¹⁾ Шиповъ, И. Н. Разказы бывшаго крѣпостнаго. Р. Ст. 1881, т. 31, стр. 138. П. С. З. 894, г. 1827, 21841 г. 1847.

²⁾ Акты истор. Ш, 223 г. 1643. Лебедевъ, о с. стр. 320 и слѣд.

³⁾ П. С. З. 13657 г. 1840. Въ 1851 г., напр., на Петровскомъ заводѣ было 4 прикованныхъ къ стѣнѣ на 10 лѣтъ. Максимовъ. Сибирь и каторга, т. I, стр. 215.

⁴⁾ Р.Ст. 1874, т. 11, стр. 241.

⁵⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г., ч. Ш.

словіе. Вѣстникъ Европы, 1897, 1, 2) и состоялась по докладной всеподданнѣйшей запискѣ московскаго генераль-губернатора ¹⁾). Въ ней указывались слѣдующія неудобства прикованія къ пруту: 1) Чтобы наручникъ не могъ быть сдвинуть съ руки, онъ долженъ былъ прилегать весьма плотно. Изъ готовыхъ наручниковъ трудно было находить такой, чтобы давалъ рукѣ нѣкоторую свободу и не слѣзалъ вмѣстѣ съ тѣмъ. 2) Наручникъ долженъ былъ прикрѣпляться почти плотно и потому каждая рука трется при перемѣнахъ, произведенныхъ прочими руками. При ходьбѣ рука каждаго арестанта трется о его собственный наручникъ и о пруть. Высокіе тащатъ вверхъ руки малорослыхъ, а послѣдніе тянутъ руки высокихъ внизъ. Слабые за сильными не поспѣваютъ. При неровной дорогѣ чрезвычайно трудно идти вмѣстѣ на столь маломъ разстояніи, какова есть длина прута. 3) Отъ постоянного тренія на рукахъ арестантовъ весьма часто видны опухоли и раны, а нерѣдко вовсе содрана кожа. 4) Наручники мѣшаютъ надѣвать рукавицы какъ слѣдуетъ, и холодъ отъ желѣза причиняетъ ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что они не могутъ дѣлать движеній для согрѣванія рукъ. 5) Унтеръ-офицеръ не имѣетъ права во время пути отпирать замка, находящагося на концѣ прута. Ключъ отъ замка хранится въ особомъ ящикѣ подъ казенною печатью, и можетъ быть вынутъ на этапѣ только офицеромъ. Слѣдовательно, если одинъ заболѣетъ въ дорогѣ, то должно бы всѣхъ посадить на повозку, что сопряжено съ большими трудностями и даже невозможно. 6) На ночлегахъ арестанты не имѣютъ нужнаго покоя, ибо движенія одного чувствуютъ всѣ прочіе, къ тому же пруту прикрѣпленные. Каждый разъ когда нужно одному изъ нихъ ночью выходить на дворъ, должны идти всѣ. 7) Кромѣ физическихъ мученій, причиняемыхъ закрѣпленіемъ многихъ арестантовъ къ одному пруту, имѣетъ оно худое вліяніе и на нравственность ихъ, ибо связываются безъ различія довольно важныя преступники вмѣстѣ съ ссылаемыми въ Сибирь за меньшіе проступки. Всѣ же

¹⁾ П. С. З. № 5202, 1832 г.

они, терпя одинаковую тягость, согласуются въ чувствованіи ропота на тѣхъ, коихъ почитаютъ виновниками оной».

Въ дѣйствующемъ правѣ наложенія оковъ разсматривается какъ тѣлесное наказаніе и допускается, какъ средство для предупрежденія побѣговъ и какъ карательная мѣра.

Оковы налагаются на приговоренныхъ къ каторжной работѣ по вступленіи приговора въ законную силу и снимаются съ переходомъ ссыльно-каторжныхъ въ разрядъ исправляющихся; съ каторжныхъ, состоящихъ въ разрядѣ испытуемыхъ, оковы могутъ быть сняты по особымъ разрѣшеніямъ генералъ-губернаторовъ «по уваженію къ подаваемой ими надеждѣ на исправленіе, но однако жъ во всякомъ случаѣ не ранѣе какъ по истеченіи $\frac{2}{3}$ назначеннаго для испытанія ихъ времени» (304 ст. Уст. о ссыльныхъ).

Въ предупрежденіе побѣговъ могутъ быть закованы содержащіеся въ тюрьмахъ, обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній ¹⁾. Оковы полагаются ручные и ножные вѣсомъ въ 5—5 $\frac{1}{2}$ фунтовъ.

Наложеніе оковъ, какъ наказаніе, можетъ быть назначено по Уставу о ссыльныхъ (законъ 1903 г.) вмѣсто одиночнаго заключенія при недостаткѣ помѣщеній въ тюрьмѣ на срокъ до 2 лѣтъ (ст. 440, 2), при чемъ на освобожденныхъ отъ оковъ ссыльно-каторжныхъ налагаются ножные оковы, и на содержащихся въ ножныхъ оковахъ—ручные оковы. Ссыльно-каторжные, состоящіе въ отрядѣ испытуемыхъ, «при наказаніи за преступленія, наказуемыя арестантскими отдѣленіями, и за побѣги подвергаются наложенію вновь оковъ на оставшійся имъ срокъ пребыванія въ оковахъ, который въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ менѣе 8 мѣсяцевъ, можетъ быть продолженъ на время до 8 мѣсяцевъ».

Наложеніе оковъ на срокъ до 1 года можетъ быть назначено ссыльно-каторжнымъ, состоящимъ въ разрядѣ исправляю-

---

¹⁾ Уставъ о содержащихся подъ стражею, изд. 1890, т. XIV, ст. 236—238, 239—240, 377.

щихся, въ наказаніе за маловажныя проступки и преступленія, если они содержатся въ тюрьмѣ. Ссылно-каторжнымъ женщинамъ (кромѣ безсрочныхъ) одиночное заключеніе замѣняется наложеніемъ ножныхъ оковъ на срокъ до 1 года ¹⁾.

Къ предупредительнымъ мѣрамъ, носящимъ въ то же время и карательный характеръ придатка къ главному наказанію, принадлежало бритье половины головы. Въ 1825 г. повелѣно брить полъ-голы ссыльнымъ, препровождаемымъ въ Сибирь для удержанія отъ побѣговъ, равно какъ и у содержащихся въ острогахъ, кромѣ закованныхъ и должниковъ ²⁾. Сводъ предписывалъ производить ежемѣсячно бритье головъ, содержащихся въ тюрьмахъ, кромѣ дворянъ, женщинъ и лицъ, приговоренныхъ къ аресту. (Сводъ XIV У. о. с. п. стр. 89, 90). Бритье половины головы было отмѣнено въ арестантскихъ отдѣленіяхъ въ 1858 г. какъ придатокъ наказанія, и какъ дисциплинарная мѣра въ 1901 г.; для ссыльно-каторжныхъ оно отмѣнено въ 1903 г.

Наконецъ, русскому праву извѣстны и другія малоупотребительныя наказанія. Военскій Уставъ вводилъ: ношеніе ружья, хожденіе по колыямъ, сажаніе на деревянную кобылу, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ. Въ настоящее время въ тюрьмахъ и арестантскихъ отдѣленіяхъ можетъ быть назначено содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, какъ дисциплинарное взысканіе, до 3 дней. (Законъ 1901 г.). По закону 1893 г. для ссыльно-каторжныхъ женщинъ одиночное заключеніе на хлѣбѣ и водѣ съ горячей пищей черезъ 3 дня въ четвертый можетъ быть назначено до 10 дней за маловажныя преступленія и проступки (ст. 464 Уст. о ссыльныхъ, продолж. 1895 г.). По закону 1903 г. одиночное заключеніе съ горячей пищей черезъ 3 дня въ четвертый можетъ быть назначено до 100 дней для мужчинъ и до 50 дней—для женщинъ ссыльно-каторжныхъ безсрочныхъ, за новыя важныя преступленія, совершенныя въ ссылкѣ, и побѣги. (Законъ 1903 г., ст. 464 Уст. о ссыльн.).

¹⁾ Законъ 2 іюня 1903 г., ст. 443, 464, 472, 2 и V, 2,4.

²⁾ П. С. З. 30, 211, 30.419, г. 1825.

Въ 1901 г. въ арестантскихъ отдѣленіяхъ разрѣшено употреблять смирительную рубашку въ случаѣ буйства въ карцерѣ¹⁾.

До 1903 г. употреблялось по Уставу о ссыльныхъ прикованіе къ тачкѣ ссыльно-каторжныхъ мужчинъ на срокъ отъ 1 до 3 лѣтъ.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи свидѣтельствуетъ о томъ, что примѣненіе ихъ къ высшимъ, вліятельнымъ классамъ немислимо, что они сохраняются только для низшихъ, неполноправныхъ сословій, и что вслѣдствіе этого несомнѣнно ихъ политическое значеніе, какъ внѣшняго выраженія «непривилегированности». Русская же исторія подтверждаетъ безпредѣльную жестокость тѣлесныхъ наказаній (кнутъ, шпицрутены, плети), когда на нихъ основывается карательная система и когда ими стремятся достигнуть устрашенія преступника, и въ то же время даетъ возможность сдѣлать выводъ о полной бесплодности этихъ устрашительныхъ наказаній, признаваемой самими сторонниками ихъ, жаловавшимися на усиленіе преступности, несмотря на кнутъ (стр. 151). Изъ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи въ XIX вѣкѣ ясно видна невозможность ихъ существованія у народа, достигшаго известной степени цивилизаціи: объ этомъ свидѣтельствуетъ и отношеніе общественнаго мнѣнія къ тѣлеснымъ наказаніямъ и признаніе законодателемъ сначала кнута, затѣмъ вообще тѣлесныхъ наказаній, несоотвѣтствующими состоянію нравовъ въ Россіи, отдѣляющими ее отъ культурныхъ народовъ (стр. 157). Русская многовѣковая практика примѣненія тѣлесныхъ наказаній блестяще оправдываетъ справедливость доводовъ о невозможности сохранить въ тѣлесныхъ наказаніяхъ элементарную справедливость, такъ какъ они слишкомъ много зависятъ отъ исполнителей. Свѣдѣнія объ искусствѣ русскихъ палачей и примѣры ихъ искусства (стр. 249), равнымъ образомъ случаи превращенія тѣлесныхъ наказаній въ смертную казнь (стр. 246) служатъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ въ пользу этого по-

---

¹⁾ Собраніе узакон. и распор. 23, V, 1901.

ложения. Также и вредъ тѣлесныхъ наказаній для здоровья безусловно доказывается рядомъ заботъ законодателя (въ XIX в.) о предупрежденіи вредныхъ послѣдствій тѣлесныхъ наказаній для здоровья (стр. 138) и мнѣніемъ медицинскаго совѣта, высказаннымъ въ концѣ 40 годовъ, — когда въ его распоряженіи было огромное количество данныхъ, — что всякія тѣлесныя наказанія нарушаютъ отправленія важнѣйшихъ органовъ, и нельзя указать точно случаевъ, когда они безопасны (стр. 139). Наконецъ, обширный матеріалъ дается исторіей тѣлесныхъ наказаній въ Россіи и для оцѣнки ихъ въ качествѣ дисциплинарной мѣры, которая употреблялась повсюду, начиная тюрьмой и кончая школой, и повсюду оказывалась непригодной и вредной, и примѣненіе которой постепенно ограничивалось. Отрицательное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ Россіи вытекаетъ, такимъ образомъ, изъ долгаго, тяжелаго опыта: нигдѣ въ Европѣ тѣлесныя наказанія не примѣнялись такъ широко, какъ въ Россіи, и не сказывались такъ ясно позоръ, бесполезность и жестокость тѣлесныхъ наказаній, ихъ унижающее и развращающее вліяніе.
